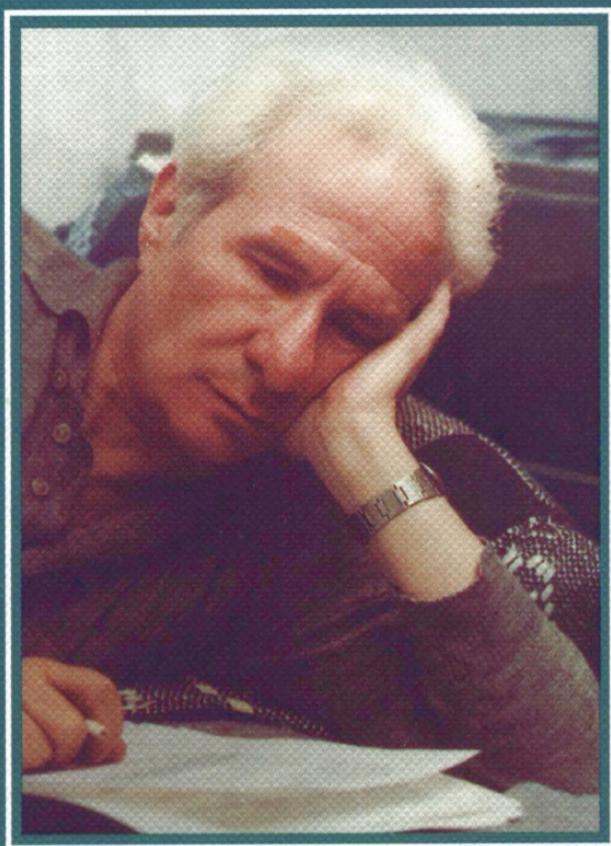


ЗЕРКАЛО

XX ВЕК



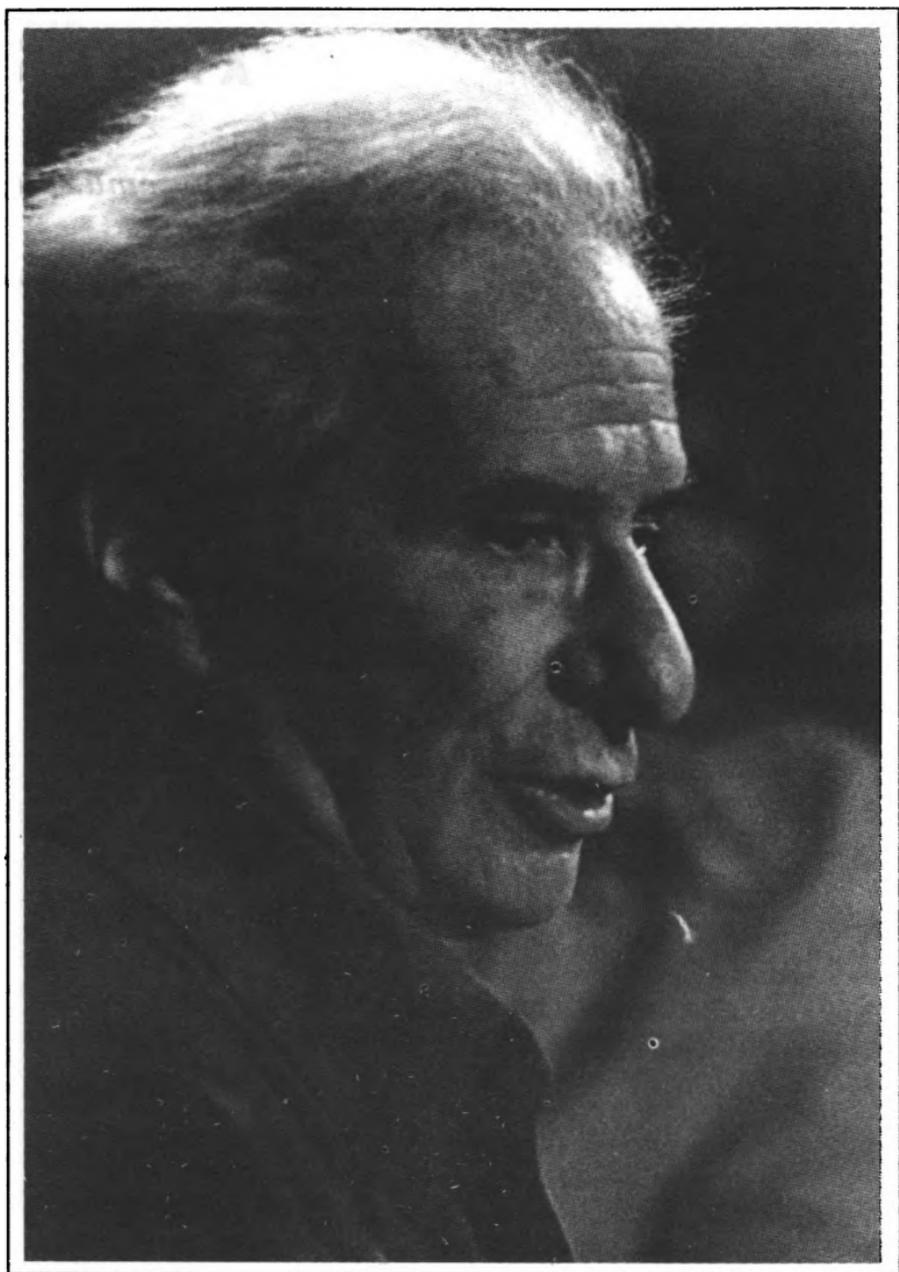
Александр
Володин

ЗЕРКАЛО

XX ВЕК

*«Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое...»*

Н. Рубцов



Александр

Володин

Пьесы

Сценарии

Рассказы

Записки

Стихи

Екатеринбург
У-Фактория
1999

ББК 84Р7
В 68

Составитель Л. Быков
Художественное оформление
В. Брагин, А. Зарубин

Александр Володин

В 68 Пьесы. Сценарии. Рассказы. Записки. Стихи. — Екатеринбург:
изд-во «У-Фактория», 1999. — 608 с.

ISBN 5-89178-123-9
ISBN 5-89178-078-X (серия)

ББК 84Р7

© А. М. Володин, 1999.
© ООО «У-Фактория»,
серия, составление,
оформление, 1999

Мой восхитительный друг

*«...ибо это кровно меня касается.
А также и всех остальных. Только все
делают вид, что это их не касается.
А я не хочу делать вид.»*

А. Володин
«Дульсиния Тобосская»

Слова, приведенные в эпиграфе, это не авторские слова, это слова одного из персонажей. И все-таки это слова Александра Володина. Не спрашивайте его об этом — он не признается. Он никогда не станет бить себя кулаком в грудь и говорить: «Я не такой, как все, я лучше!». Наоборот, чужую вину будет переживать, как собственный грех. Но в чем он точно сольется со своим персонажем, так это в категоричном: «А я не хочу делать вид!»

Вот уже пошел девятый десяток пребывания Александра Моисеевича на этом свете, и уже сорок с лишним лет, как я имею удовольствие знать его, и могу заверить — никогда, ну абсолютно — никогда! — он не «делал вида», всегда был самим собой. Именно это качество определяет оригинальность, неожиданность, душевность всех его произведений — и пьес, и прозы, и стихов. Именно это качество делает столь освежающим, просветляющим личное общение с ним. В наш-то век, когда появилась и гордо утвердилась ужасная профессия «имиджмейкер» — мастер, придумывающий кем бы притвориться клиенту, чтобы понравиться обществу, публике, миру, — в наш-то век, когда реклама, то есть восхваление себя и своего товара занимает больше времени, чем сама деятельность, и вдруг встретить человека, который равен самому себе, который живет таким, каким Творец его создал! Подлинное лицо, лицо без маски — вот первое, что делает Александра Володина явлением редким, почти исключительным.

А второе... Второе — это знаменитые фильмы, незабываемые спектакли в разных театрах, о чем Володин всегда говорил: «Это не я, это режиссеру так удалось — Товстоногову, Ефремову, Герасимову, Данелии, Михалкову... Это артисты замечательные — Копелян, Леонов, Смоктуновский, Шарко, Евстигнеев, Басилашвили...» И еще очень многим удалось. А не в том ли секрет, что автором всех этих произведений был все тот же А. Володин?

И третье. Странная проза — перетекающая то в комическую, то в трагическую пьесу. Или это исповедь? Или пророчество? Или совсем доверительный разговор, который бывает на Руси только за рюмкой... и не первой, и не второй... Стихи, не притворяющиеся поэзией. Стихи, к которым он тайно шел всю жизнь, потому что все его пьесы и сценарии целомудренно прятали в оболочке бытовых разговоров настоящую современную пронзительную поэзию.

Дорогой читатель! Посмотрите на заднюю сторону обложки любой нынешней книги. Там говорится — эта книга имеет колоссальный успех, читайте и не оторветесь, автор везде знаменит и всеми любим... Ну, неужели же я позволю себе так агитировать вас за Володина? Да, ни в коем случае. Я сам буду (в который раз!) с наслаждением читать его произведения. А вы, если хотите, — присоединяйтесь.

Москва, 4 августа 1999 года.

Сергей Юрский



Александр Володин

ДЛЯ ТЕАТРА И КИНО

Пьесы

Фабричная девчонка

Пять вечеров

Назначение

Осенний марафон

С любимыми не расставайтесь

Дочки-матери

Беженцы

Сценарии

Две стрелы

Дульсиня Тобосская

Мать Иисуса

ФАБРИЧНАЯ ДЕВЧОНКА

Комната в фабричном общежитии.

Софиты на треногах.

По радио, заглушив песню, грянул текст предпраздничной передачи: «Город Ленина вместе со всей страной готовится к встрече тридцать девятой годовщины Великого Октября. В день всенародного праздника советские люди еще раз продемонстрируют свою верность делу партии, преданность идеям ленинизма...»

Кинооператор, бормоча и напевая, проверяет съемочный аппарат. Бибичев наблюдает, как идет подготовка к съемке. В двери теснятся девушки из других комнат.

Бибичев. Закройте дверь! Мешаете же, мешаете!..
Дмитрий Семенович, вы готовы? Мы готовы.

Женька. Товарищ оператор, можно я желтую кофточку надену?

Бибичев. Нечего, нечего.

Кинооператор. Надевайте.

Женька приоткрыла дверцу шкафа, за ней переоделась.

Кинооператор. Хорошо бы книжек на этажерку. Есть книги?

Бибичев (*к тем, кто в двери*). Кто-нибудь, принесите книги. Вот ты давай, Оля.

Леля. А где я их возьму?

Бибичев. В красном уголке.

Леля. А мне не дадут.

Бибичев. Дадут. Скажи, Бибичев велел. Под мою ответственность.

Кинооператор. Эта кровать мешает.

Бибичев. Эта? Девочки, кровать!

Девочки, тяжело грохнув, переставили кровать.

Принесли книги.

Бибичев. Куда их?

Кинооператор. На этажерку.

Надюша, пошептавшись с Бибичевым, тоже скрылась за дверцей шкафа.

Леля. Не возись, Надюша.

Кинооператор. Так. Свет дали, ребята. Девочки, за стол. Сели.

Загорелись софиты.

Бибичев. Девочки, сели, сели.

Кинооператор. Столик на полметра сюда.

Передвинули.

— Хорошо. Так, чтоб я вас никого не перепутал... (*Бибичеву.*) Отойдите, мешаете, вы в кадре. Так, комсорг кто у вас?

Леля (*встала*). Я.

Кинооператор. Вы комсорг. Садитесь. Я вас перепису. Так, это комсорг, клетчатое платье. Дальше кто у нас?

Надюша. Надежда Лапина. Пришла на фабрику после десятилетки.

Бибичев. Вообще-то Анну Петровну надо как-то...

Кинооператор. Не надо Анну Петровну. Дальше.

Женька. Шульженко, Евгения. Прядильщица. Желтая кофточка, с клипсами.

Кинооператор. Клипсы снимите, пожалуйста. Дальше.

Женька. Ирина Волкова, тоже прядильщица. Шатенка двадцати лет.

Бибичев. Шульженко! У нее свой язык есть!

Кинооператор. Клипсы снимите! Я же просил!

Женька (*сняла*). Это — Бибичев. Освобожденный секретарь.

Кинооператор записал, проверил свет экспонометром.

Надюша. Скажите, а разговаривать можно?

Бибичев. Лапина, не болтай.

Кинооператор. Можно.

Надюша. А с вами?

Кинооператор. Пожалуйста. (*Помощнику.*) Камеру. (*Подали ручную камеру.*) Сколько там?

Помощник. Может не хватить.

Надюша. Вы с нами познакомились, а мы с вами нет. Даже не знаем, как вас звать.

Кинооператор. Дмитрий Семенович.

Бибичев. Закройте дверь, сколько нужно говорить! (*Занял место перед камерой среди девушек.*)

Кинооператор. Товарищ, вы же в кадре!

Бибичев отошел.

— Так, начинаем со слоника, потом пойдут книжки...

Надюша. Дмитрий Семенович, а интересно кинооператором работать?

Кинооператор (*проверяя панораму*). Очень. Дальше кровать.

Женька. Что-то стала интересоваться. Федору напишу.

Надюша. Федю я ни на кого не променяю.

Кинооператор. Панорама, отъезд от койки, ясно. Никто не мешает. Так, девочки, все внимание сюда. Комсорг Леля, тетрадку раскройте, готовитесь к экзамену. Вы...

Женька. Евгения...

Кинооператор. Лист бумаги. Есть лист бумаги? Пишете письмо родным.

Женька. Нет родных, я детдомовская.

Кинооператор. Извините, тогда знакомым. (*Ирине.*) Волкова. Входите с чашками, разливайте чай. Я скажу, когда входить. (*Надюше.*) Берете книжечку с этажерки...

Надюша. Любую?

Кинооператор. Любую. Присели на кровать, читаете.

Ассистент. Может не хватить.

Бибичев. Сервизик бы надо.

Кинооператор. Не надо сервизик. Собрались, девочки. Быстро сделаем, и все свободны. Внимание! Готовы? Дали свет. (*Комната озарена.*) Волкова, за дверь, я скажу. Все готовы? Каждая занимается своим делом! Мотор! Поехали. (*Стрекочет камера.*) Слоник... Книжечки... Теперь Надя.

Надюша задумчиво посмотрела в объектив.

Кинооператор (*выключил камеру*). Надя! Надюша, милая! В чем дело? Девочки, в камеру не смотрит никто! Я же просил!

Надюша. Ой, я испортила!

Кинооператор. Ну конечно испортила. Напоминаю. Вы (*Леле*) занимаетесь экзаменами. Вы (*Надюше*) читаете книжку. В камеру никто не смотрит. Понимаете? Еще раз! Свет! Внимание! Собрались! Тихо. Еще раз. Мотор! Слоник пошел... Книжки... Надежда, сейчас вы молодец... Комсорг, повыше голову... еще повыше. Задумалась... Теперь Волкова пошла. Пошла, пошла, давно пошла! Разливает чай, разливает... Хорошо. Не торопитесь... Села на свое место. Молодцы! Стоп! Спасибо, девочки. А сейчас все — в сторонку, в угол. А вы, комсорг, сидите. Свет на комсорга. (*Леле*.) Занимайтесь чем занимались, когда я скажу — посмотрите в камеру.

Леля. Вы сказали не смотреть.

Кинооператор. Вам можно. Коля, перевези прибор.

Осветитель перевез софит, осветил Лелю с затылка.

— Наезжаем. (*Приближается к Леле*.) Наезжаем, наезжаем...

Женька. Леля, улыбнись! Ну, улыбнись, Леля! Улыбнувшись лучше!

Леля улыбнулась.

Кинооператор. Стоп! (*Выключил камеру*.) Не надо улыбаться! Улыбаться не надо!.. Еще раз. Мотор! Начали! (*Леле*.) Сосредоточилась — глаза в камеру, в камеру! Стоп! Отлично! Съемка окончена, всем спасибо.

Софиты погасли.

Надюша (*подходит*). Дмитрий Семенович! А вы еще придете к нам?

Кинооператор. Внимание! Девочки! У нас с вами еще съемка в парке и подшефном детском саду.

Л е л я. Как в саду? Мы же туда уже два месяца не ходили...

Б и б и ч е в. Ходили, ходили. Надо только предупредить, позвонить.

К и н о о п е р а т о р. В среду после работы могли бы?

Б и б и ч е в. Понадобится — освободим от работы. (*Девушкам.*) Книжки — в красный уголок!

К и н о о п е р а т о р. Очень хорошо, до среды. (*Жмет Бибичеву руку.*) До свиданья.

Осветители уложили аппаратуру в ящики, вынесли.

А с с и с т е н т. Камеру менять пора.

К и н о о п е р а т о р. Это в дирекцию, это в местком, я пас, всё пора менять. До свиданья, девушки, до среды.

Н а д ю ш а. До свиданья, заходите.

Ж е н ь к а. Всем спасибо, всем пожалуйста, вот что такое интеллеktуал.

Л е л я. Книжки в красный уголок.

Ж е н ь к а. А Надюша, видели? Ну, оторва!

Н а д ю ш а. А что такое, разъясни.

Ж е н ь к а. Скажите, кинооператором интересно работать?

Н а д ю ш а. На себя лучше обрати внимание.

Ж е н ь к а. Если у него что-нибудь получится — представляете? Приходишь в кино с молодым человеком, и вдруг он видит тебя на экране. Скромное обаяние, простая на первый взгляд девушка.

Н а д ю ш а. А кровати кто обратно поставит?

Л е л я. Бибичев обещал ребят прислать.

Ж е н ь к а. Как им нужно — пожалуйста, а как нам — никого. Ир, помоги!

И р и н а (*она разговаривает медленно. Мысли ее не здесь*). А эти киножурналы только у нас показывают?

Ж е н ь к а. Может, и в заграницу пошлют. Ты напиши своему. Супругу.

И р и н а. Сегодня выхожу из проходной, думаю: там ничего этого не будет. Ничего. Все чужое. И на всю жизнь...

Ж е н ь к а. Кого посылаем?.. Вот я бы поехала! И сготовлю, и спляшу, и варежки свяжу.

Л е л я. Тебя там не хватало! Стида не оберешься на всю Европу.

И р и н а. Леля, скажи, ты бы поехала?

Л е л я. Я бы не поехала. А ты поедешь.

И р и н а. Почему?

Л е л я. Потому что ты ненормальная.

Н а д ю ш а. Где мои «Крокодилы»? Восемь штук было...

И р и н а. Если бы я была уверена. А я знаю, что он меня все равно разлюбит.

Ж е н ь к а. Псих! Ты поможешь или нет?

И р и н а. Встречались мы с ним в нашем клубе. Гуляли в нашем саду. Он иностранный студент. Я русская девушка. Я ему казалась чем-то таким... А там буду совсем другая.

Л е л я. Если ты ему не веришь, как же ты можешь ехать?

И р и н а. Вот я и говорю...

Л е л я. Книжки — в красный уголок. Давайте.

Ж е н ь к а. Можно подумать — здесь умные люди живут. Полбиблиотеки собрали.

Девушки стали выносить книги. Вошел Бибичев.

Б и б и ч е в. Комелькова, задержись.

Леля осталась.

Б и б и ч е в. Чего же бледная такая... Погуляла бы немного. Кислород необходим.

Л е л я. Ладно, Юра. Если по делу — говори.

Б и б и ч е в. По делу, по делу... В общем, так. Звонили из «Комсомольской правды». Просили, чтобы кто-нибудь написал в газету статью, под названием «Нам стыдно за подругу». О девушке, которая относится легкомысленно, в общем, о моральном облике.

Л е л я. А я тут при чем?

Б и б и ч е в. Ты лучший комсогруппорг. Кому же писать, как не тебе.

Л е л я. Нашел фельетониста. Я и писать-то не умею.

Бибичев. Кандидатуру нужно подобрать. Чего греха таить, что, нет у нас таких, что ли? Леля! Навалом! Эта вот (показывает на Надюшину койку.) Подарок... Да? Нет? Эта вот... замуж в за границу собралась... Здесь никого себе не нашла.

Леля. А почему обязательно из нашей группы?

Бибичев. Давай из другой. Из какой? Тогда почему не из вашей? Потому что для киножурнала снялись? Наоборот, хорошо. Не боимся критиковать авторитеты.

Леля. Я писать не буду.

Бибичев. Леля! Там просили. Там очень просили. Чтобы в результате статьи каждый оглянулся на себя... Спросил бы себя честно, по-комсомольски: а правильно ли он живет сам?.. А нет ли подобных среди подруг, друзей?.. Кто-нибудь все равно напишет. Какой-нибудь корреспондент. Лучше уж мы сами.

Леля молчала.

— А насчет кандидатуры подумай, Леля. Seriously подумай. Хорошенько приглядись.

Вошли Надюша, Женька, Ирина.

Надюша. А кровати кто обратно поставит?

Женька. А Бибичев ребят обещал прислать — молодых, стройных, высоких...

Бибичев. А ну! (Помогает поставить кровати. Лихо, весело.) Ну, я пошел.

Леля. Подожди, подожди.

Бибичев. Леля! Леля, ты что?

Леля. А с детским садом как быть?

Бибичев. Я же говорил — позвоните.

Леля. Я звонить не буду.

Бибичев (вздыхнул). Так надо, Леля. Понимаешь? Надо! У меня все. (Уходит.)

Женька. Подруга! По правде не проживешь. Учись у Надюшки.

Надюша. Что это — у меня?

Ж е н ь к а. Иди-иди, расскажи Феденькиной матери, как ты к оператору подъезжала.

И р и н а. Сказали бы по-честному: в садик не ходим, сниматься не будем.

Л е л я. Только что на бюро отчитывалась.

Ж е н ь к а. Вот, не надо врать вам, комсоргам.

Взяла зеркало, принялась наводить красоту.

Л е л я. Шла бы ты... мазаться в умывальную.

Ж е н ь к а (*раскинув руки*). Повторяем танец. Па-де-зефир. Движение ветерка. (*Напевая мелодию, танцует.*)

Л е л я. Почему вчера на комсомольском собрании не была? Стали проверять — тебя нет.

Ж е н ь к а. Я была. Прения начались, я ушла.

Л е л я. Почему?

Ж е н ь к а. Скучно стало, подруга.

Л е л я. А от кого это зависит? От нас же самих.

Ж е н ь к а. Что от нас зависит? Позовут — мы проголосуем.

Н а д ю ш а. Чья бы корова... Только и делаешь — всех критикуешь.

Ж е н ь к а. А если у меня критическое направление ума?

Н а д ю ш а. Критиковать легче, чем делать.

Ж е н ь к а. Хватит! Надоело. Счастливо оставаться!

Л е л я. Куда?

Ж е н ь к а. В клуб «Первое мая».

Л е л я. Смотри, Женя, смотри.

Ж е н ь к а. Чего это мне смотреть?

Л е л я. Каждый раз попадаешь в какую-нибудь историю.

Ж е н ь к а. А я виновата, что ко мне пристают?

Л е л я. Ко мне что-то никто не пристаёт.

Ж е н ь к а. Нашла чем хвалиться.

Л е л я. Потому что я знаю им цену.

Ж е н ь к а. Я тоже знаю, не волнуйся.

И р и н а. Девки! Да что вы такое говорите! Слушать страшно. Люди всем жертвовали ради любви, сколько таких примеров! Я даже предание такое читала: в мире разбросаны половинки. И эти половинки всю жизнь ищут друг друга. И только когда они встретятся...

Ж е н ь к а. Дочиталась. Салют, девы! (*Ушла.*)

В клубных небесах заливался эстрадный оркестрик тех лет. Скрещивались, вспыхивали лучи клубных прожекторов.

А в общежитии уже полутемно. Светится переплет стеклянного окошка, выходящего в коридор. Девушки спят. Только Женькина койка пуста.

И р и н а (*поднимается на постели*). Девочки!.. (*Ей не отвечают.*) Девочки!

Л е л я (*не сразу*). Что?

И р и н а. Я еду.

Н а д ю ш а. Черт, только заснула...

И р и н а. Надюша! Я решила. Еду!

Н а д ю ш а. Счастливая...

И р и н а. Не знаю.

Н а д ю ш а. Господи! Мне бы уехать куда-нибудь... Закачаться. Другой дом, другие люди. А какие — неизвестно. Хуже нет, когда заранее все известно. (*Поднялась в сорочке, пошла к шкафу.*) Целая банка варенья была. Все съели. (*Присела за стол, доскребаает.*) Вот — Федя. Он меня любит. И я его люблю. И мама его, Анна Петровна, меня тоже любит. И я знаю, как мы будем жить. Вот так — шкаф, так — тумбочка... А могло быть по-другому? Открывается дверь, и заходит какой-то человек...

Л е л я. Мужчина.

Н а д ю ш а. И говорит: «Надежда! Идем». Не стану спрашивать куда. Пойду.

Л е л я. Иждивенческие настроения. Кто-то придет, кто-то позовет. А сама ты что, уж не человек?

И р и н а. Смотри, Надька. Что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Н а д ю ш а. Феденька — мой!

И р и н а. Как ты странно говоришь — «мой». Если по-настоящему любишь — всегда, наверно, кажется, что ты недостойна его.

Н а д ю ш а. Глупо.

И р и н а. Ведь если ты его любишь, то считаешь самым лучшим человеком. Так?

Н а д ю ш а. Ну?

И р и н а. А он почему-то вдруг любит тебя!

Надюша. Значит, он тоже считает тебя самым лучшим человеком. Только не разубеждай его в этом.

Ирина. По-моему, есть два вида любви. Одни думают только о том, что они могут получить от любимого, а другие — что они могут дать любимому человеку.

Надюша. Сколько людей — столько родов любви.

Леля. Мы будем спать?

Замолкли.

Ирина. Леля...

Леля. Что?

Надюша. Ну, начинается. На всю ночь. Скорей бы уж уехала.

Ирина. Я хочу тебя спросить... Можно?

Леля (*не сразу*). Можно.

Ирина. Ты любила кого-нибудь? Ты понимаешь, в каком смысле я спрашиваю? В буквальном.

Леля молчала.

— Если не хочешь — не отвечай.

Леля молчала.

— Ты скрытная...

Хлопнув дверью, входит Женька. Зажгла свет, швырнула сумочку на кровать, села за стол.

Женька. Гады!

Леля. Кто?

Женька. Все. Какой-то чижик пристал, а меня из клуба.

Леля. Так! Сколько раз предупреждала, — горох об стенку! Достукалась?

Надюша. Теперь начнется веселая жизнь. Пятно на всю группу.

Женька. А эта только за себя дрожит!

Надюша. Не за себя, а за группу.

Ирина. Действительно, Женя. Лучшая группа.

Женька. Хватит! Лучшая, лучшая, — надоело! Переведите меня в худшую!

Леля. Тебе не стыдно?

Женька. К черту! До двадцати пяти лет молодость, а потом можно и воспоминания писать!

Леля. А сейчас ты не живешь?

Женька. Прозябаю!

Леля. Ясно. Ну так вот, дорогая. Мне поручили написать статью в «Комсомольскую правду» о моральном облике. И если ты до того докатилась, что тебя из клуба выгнали, да еще эти твои рассуждения... Как хочешь, Женя, я напишу о тебе!

Женька. Вот везуха! В газету попасть! Давай, Леля, строчи!

Ирина. Бессовестная ты, Женька. Пиши, Леля, я тебе помогу!

Леля. И напишем! От всей комсогруппы напишем!

Надюша. Да вы что, девки, с ума сошли? Сор из избы выносить...

Леля. А ты хочешь со всеми хорошей быть?

Надюша. Если у тебя плохое настроение, не срывай его на других!

Леля. Со всеми хорошей быть нельзя. Как конфетку оближут!

Надюша. Кидаться на всех тоже не буду!

Леля. Я кидаюсь, да? Кидаюсь? Кидаюсь?

Женька. Вот сейчас бы вас для кино снять!

Леля. Пошла ты!..

Женька. Да еще со всем лексиконом!

Кинооператор сидел перед просмотрным экраном. В зале Надюша. На экране — кадры из киножурнала.

Голос диктора. «Наш корреспондент побывал в общежитии, где живут девушки лучшей комсомольской группы фабрики. Это — Надежда Лапина, Евгения Шуль-

женко, Ирина Волкова, а это — комсорг Елена Комелькова».

На экране Женька, Леля, Надюша. Крупно — Леля. Она оторвалась от конспектов, улыбнулась.

Кинооператор. Стоп! Я же просил не печатать этот кадр! В чем дело? (*На экране замелькали треугольники и зигзаги. В зале загорелся свет.*) Коля, перемотай и отнеси в монтажную. (*Надюше.*) Ну как?

Надюша. Все очень хорошо получились. Я одна плохо. Хуже всех.

Кинооператор. Секундочку. Подождите.

Надюша. Вы мне?

Кинооператор. Да, сейчас...

Надюша. Скажите, а вы удивились, что я вам позволила?

Кинооператор. Нет, почему? Нормально.

Надюша. Вам, наверное, показалось, что я развязная? А я не хочу, чтобы у вас было такое впечатление. Просто так мало случается видеть в жизни интересных людей, поэтому хочется казаться чуть лучше.

Кинооператор. Я и не думал. Идите, встаньте сюда!

Надюша. Не надо на меня смотреть.

Кинооператор. Сумочку можно? (*Взял у нее сумку. Затем снял с нее плащ. Размотал шарфик.*)

Надюша смутилась, не знала, как это понять. Может быть, у них так положено?..

Кинооператор посмотрел на нее в объектив фотоаппарата. С одной стороны. С другой стороны. Снова подошел, развязал ленту, распустил ей волосы. Она оттолкнула его. Но тут же почувствовала себя виноватой.

Надюша. Простите. Ой, как глупо... Я знаю, я дура, всего боишься.

Кинооператор щелкнул затвором. Еще раз — с другой точки. Снимал и снимал ее. Чуть сверху, немного снизу, крупней. Она была сейчас красива.

Кинооператор. Спасибо.

Надюша. Я понимаю, я для вас обыкновенная, каких тысячи. А вы... Все у вас тут необыкновенное... это ваш мир. А у нас все серо, обычно. Вон про Женьку статью написали в «Комсомольскую правду» — «Нам стыдно за подружку». Отклики пришли, все возмущаются. А если честно, то я ей даже завидую, у нее хоть что-то произошло... Я не то говорю. Все не то... Мне трудно жилось, всю жизнь разочарования... Когда мама умерла, мне шесть лет было. От меня это скрывали, а я все понимала. Только того боялась, что мне скажут — и надо будет переживать. А я ничего не переживала, глупа была! Потом отец женился второй раз, уехал, а меня соседка взяла, тетя Вероника. Никогда не забуду: сидела у нее за столом и только об одном думала, как бы лишнего не съесть. У нее настроение испортится, на ком сорвать? На мне. «Надежда, возьми чемодан, поезжай к папе и скажи: «Папа, я буду жить у тебя». Как будто у меня был чемодан! Накинешь пальтишко — и на улицу. Ходишь, ходишь, пока у нее злость не пройдет. Потом в школе с мальчиком подружилась, меня его мама полюбила, Анна Петровна. Она меня и на фабрику устроила. Вот с тех пор работаю, простая прядильщица. Но все ишу чего-то. Сама не знаю чего... Можно я еще раз приду?

Кинооператор. Приходите...

Усмехнулась, понимая, что — незачем.

Радиорепортаж. Минувшей зимой вместе с молодыми патриотами Ленинграда, поехавшими на освоение целинных земель, был слесарь одного из заводов города Алексей Крючков. Свое горячее желание принести пользу Родине он выразил в стихотворении «Я еду».

В степи палаток белых ряд,
Тут же воздвигаемые здания.
Молодых строителей отряд
Растревожил сонное молчание.

Суслики пугливые из нор
Выглянут и поскорей обратно,
А вокруг распаханый простор,
Океан богатства необъятный.
И хлебам, и стройкам здесь расти,
Так расти, как это людям надо.
Приезжайте жить, а не гостить
В степи к нам, друзья из Ленинграда.

И р и н а. Вот, еще прислали отклики. Бибичев передал, все чтоб прочли.

Л е л я. Надюшу не видела?

И р и н а. Нет. А что?

Л е л я. Федор приехал.

И р и н а. Заходил?

Л е л я. Заходил.

И р и н а. А Надюшка где?

Л е л я. Неизвестно.

Ж е н ь к а посмеялась. Л е л я выключила репродуктор.

Л е л я. Вот послушай отклики, что тут о тебе пишут. «Привет из Полоцка. Знай, Женя, что ты сама портишь себе жизнь... После вспомнишь, но будет поздно. И так уж над тобой смеются везде — и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, посмотрит и бросит, и тоже посмеется...»

Ж е н ь к а. Какой ужас!

Л е л я (*разворачивает еще одно письмо*). «Привет с Кавказа. Здравствуйте, незнакомая девушка Леля. Пишет вам незнакомый Гиви. Прошу извинения за беспокойство. Примите привет и море пожеланий в вашей молодой и цветущей жизни... Я прочитал в газете вашу статью. Дело в том, что я одинок, не имею настоящего друга. Напишите мне свою автобиографию и вышлите фото...» Ну, это не то.

Ж е н ь к а. Подружки, не теряйтесь! Ловите женихов!

И р и н а. А что здесь смешного? Ну хочет человек переписываться. Мало ли что.

Л е л я (*нервно просматривает почту, ищет нужное*). Вот! «Вашу статью обсудили всем кубриком...»

Ж е н ь к а. О! Морячки пишут.

Л е л я. «...и пришли к выводу, что вы жестоко наказали ее...»

Ж е н ь к а (*выхватила у Лели письмо*). Это я сама прочту. «Вы в своей статье пишете, что она неисправима. Но В. И. Ленин — Ленин! — говорил, что девяносто девять процентов поддаются агитации или внушению. Не могла же она оказаться сотой! Почему же вы сами не повлияли, а стали просить помощи у газеты?» Критика в ваш адрес. (*Бросила письмо, легла на кровать*.) А вообще-то, девочки, об вас о каждой можно такую статью написать... С идеальной точки зрения.

Л е л я. Идеальных людей нет.

И р и н а. Извини, Женя, я не о себе, но почему-то именно нашу группу все хвалят.

Ж е н ь к а. Врем о себе много, вот и хвалят. Господи, сколько народу всполошили.

Л е л я. Неужели ты никаких выводов для себя не сделала?

Ж е н ь к а. Да что тебе от меня вообще надо? Что ты ко мне пристала? На весь Союз ославила, мало? За собой сначала смотри, прежде чем других учить!

Л е л я. Меня из клуба не выгоняли!

Ж е н ь к а. И не выгонят никогда, у тебя все будет шито-крыто!

И р и н а. Перестань, слушать совестно!

Ж е н ь к а. А ты уезжала бы поскорее!

И р и н а (*со слезами*). Уеду, потерпи!

Л е л я (*Женьке*). Что ты орешь на всех?

Ж е н ь к а. Хочу и буду орать!

Л е л я. Пока из комнаты не вылетела!

Ж е н ь к а. Испугала!

В дверях Надюша.

Н а д ю ш а. Все кричите... (*Входит в комнату, садится на стул, молчит*.) А я на студии была. Смотрела наш киноматериал... Ты, Леля, хорошо получилась. Я хуже.

Ж е н ь к а. Оператора видела?

Н а д ю ш а. Ну, видела. А что?

Ж е н ь к а. Смотри, Надюшка, он тебе напоеет...

Н а д ю ш а. Ты знаешь его — так говорить?

Ж е н ь к а. Я тебя знаю.

Л е л я. Федор приехал.

Н а д ю ш а. Врешь!

Л е л я. Иди, он тебя ищет.

Н а д ю ш а. А где он?

Л е л я. А я-то откуда знаю. Наверно, у матери сидит.

Ж е н ь к а. Что ж ты не идешь?

Н а д ю ш а. А... *(Махнула рукой.)* Найдёт. Я еще за ним набегаюсь, когда замуж выйду.

Постучали в дверь.

Л е л я. Войдите.

Н а д ю ш а. Федька! Приехал!..

Р а д и о р е п о р т а ж. Работники завода «Красная заря» провожали своих китайских друзей, работников строящегося в Китае телефонного завода. На платформе возле вагона образовался круг и начались выступления. Нет, это был не митинг. Просто по очереди китайские и советские товарищи обращались друг к другу с сердечными словами и выражением дружеских чувств. До свидания, китайские друзья!

В общежитии сидел Ф е д я, один. Затем вошла И р и н а, принялась гладить. Появилась Л е л я. Взяла у И р и н ы утюг.

Л е л я. Все плечики измяла. Вот как надо. Поняла? Иди уж, я доглажу.

И р и н а пошла переодеваться за дверцу шкафа.

— Имей в виду: и мелочи могут испортить семейную жизнь. И вообще, поменьше надо лежать. Ты как-то все

лежа делаешь: читаешь лежа, вышиваешь лежа, сидишь нога за ногу, горбишься. Будь женщиной, а то там будут думать, что у нас все женщины такие.

Ирина. Главное в женщине — это чистые ногти и хорошая обувь. Руки-ноги, остальное неважно.

Леля. Кто это тебе сказал?

Ирина. Надюшка. Она в курсе.

Вошла Женька. Она в пальто.

Женька. Привет. *(Смотрит на Федю.)* Все сидишь?

Федя молчал.

Леля. Женя!

Женька. А что — Женя? Ты все за правду воюешь, вот пускай знает правду.

Ирина *(выглянула из-за дверцы шкафа).* Молчи, Женька.

Женька. Что это я должна молчать!

Ирина. Мы ему тоже не чужие.

Женька. А... родственники. Тогда молчу. *(Снимает пальто, ложится на кровать.)*

Леля *(взглянула на часы).* Девочки, быстро в красный уголок! На беседу. *(Собрала конспекты.)* Ирина!

Ирина. Там Анна Петровна ждет!

Леля. Женя! Поднимись.

Женька. Я в нерабочее время не подчиняюсь.

Вошла Анна Петровна.

Анна Петровна *(Феде).* Ты здесь?

Леля *(Ирине).* Идем. *(Уходят.)*

Женька. Здравствуйте, Анна Петровна.

Анна Петровна. Давно не виделись. *(Феде.)* А Надюшка где?

Женька. Скоро придет.

Анна Петровна *(Феде).* Не знаешь, где она? Я сижу, жду, у меня все готово, стол накрыт. Вы что, не договорились?

Федя. Может, хватит? Давайте переменяем тему.

Анна Петровна. Не груби.

Женька. Он со мной договорился. Да, Федя?

Анна Петровна. А ты бы помолчала, Шульженко. Федя, выйдем-ка со мной.

Федя. Да. Я вот с ней договорился... (Женьке.) Ну, чего лежишь? Собирайся.

Анна Петровна (сухо). Что-то новое.

Женька. А что? С морячком потанцевать! Девчонки рухнут.

Анна Петровна. Кажется, натанцевалась.

Федя. Где сегодня?

Женька. Не знаю, в Парке культуры можно... Тогда я сейчас. Кофточку надену.

Федя. Так узнают.

Анна Петровна глянула на сына, с отвращением на нее, ушла.

Женька (танцует с партнершей-кофточкой).

Танцуй танго.
Мне так легко.

Федя. Ну? Прошу.

Женька. Нет, дорогой, пока. Дела у меня накопились, дела.

Федя. Постой, подруга, эти игры не проходят.

Стал у двери, не пускает.

Женька (взяла яркий журнал, легла на койку, стала читать — так, для себя). «В этом возрасте ваши козыри: мягкий взгляд, уменье с интересом слушать собеседника и учитывать особенности вашей фигуры». (Феде.) Французский парикмахер пишет.

Федя. Знаешь, давай сразу договоримся: без причуд.

Женька. Не рано ли условия ставишь?

Федя. Научен опытом.

Женька. Придется переучивать.

Встала, хотела уйти — Федя удержал ее за руку.

— Больно.

Федя. Куда?

Женька. В красный уголок на беседу. *(Удвери оглянулась.)*

Не боишься — пошли. Рядом посидишь.

Федя. Мне бояться нечего.

Женька. Со мной теперь кто рядом посидит — пятно на всю жизнь.

Федя. Лекций не люблю.

Женька. А зря, тема как раз для тебя: «Любовь, брак, семья»... Все-таки испугался, морячок? Сдрейфил.

Федя. Стоп. *(Не в ответ на ее слова, но что-то решил.)*
Пошли.

Красный уголок. Обстановка делового заседания. В сторонке, за пюпитрами сидели прервавшие репетицию музыканты. За столом Леля. Бибичев следил за ходом беседы. Вошли Федя и Женька. На них оглядываются. Они садятся на свободный диванчик неподалеку от двери. Бибичев посмотрел насмешливо, сделал выводы.

Леля *(тоже взглянула внимательно)*. В капиталистическом обществе вся любовь...

Женька. Простите.

Леля. В капиталистическом обществе вся любовь сводится к влечению одного пола к другому. В нашем советском обществе интересы мужа и жены не противоречат друг другу. У нас юноша и девушка прежде всего стараются узнать культурные потребности и интересы друг друга и только после этого соединяют свои судьбы. Потому что дружба может быть без любви, а любовь не может быть без дружбы. Отмечая недостатки, имеющиеся в семейной жизни, поэт Щипачев писал *(прочитала из конспекта)*:

Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

С правильных позиций решают вопрос семейной жизни авторы Лев Ошанин и Елена Успенская в пьесе «Твое личное дело». Сейчас наше общество подходит к завершению

строительства новой советской семьи. И решение этого вопроса зависит от каждого из нас, от молодежи!

Бибичев (*Леле*). У тебя все?

Леля. Да. (*Садится*.)

Бибичев. Так, товарищи, у кого будут вопросы? Предложения, размышления. Обдумайте и в бой.

Молчание.

— Так... Уж и тема интересная, есть о чем поговорить. Тема всем нам близкая... Ну что ж, посидим, помолчим? Между прочим, сами себя задерживаем. (*Положил перед собой часы. В зале пошумливали.*) Тихо! По делу!

Уборщица. Давайте! Ну, давайте!

Бибичев. Не надо, Клара Павловна. Не надо! (*Стукнул по столу. Проверил, не остановились ли часы.*)

Ирина. Можно мне?

Леля (*Бибичеву*). Волкова...

Бибичев. Пожалуйста, Ирочка.

Ирина (*встала*). Что такое любовь? Все говорят по-разному. (*Села.*)

Леля (*встала*). Я уже давала определение любви, надо было слушать. Любовь — это физическое влечение при единстве культурных и общественных интересов.

Ирина (*встала*). А еще?

Леля. Что еще?

Бибичев. Может, хватит? Может, хватит концерт из собрания устраивать?

Ирина. Еще как можно сказать?

Леля. А как ты сама думаешь?

Ирина. Кто как говорит... Одни говорят — любовь это привычка. Другие — отношения. Третьи — что это само собой...

Женька (*Феде*). Смех, аплодисменты.

Ирина смутилась, обиделась, ушла.

Бибичев (*вслед ей*). Волкова! Волкова! Кто разрешил уходить!

Женька (*Леле*). Леля! У меня вопрос! Лель!

Л е л я. Я тебя слушаю, Женя.

Ж е н ь к а. Ты, помнится, говорила, что настоящей любви в жизни нет, что настоящая любовь только в кино бывает. Это как понять?

Л е л я. Это мое личное мнение.

Ж е н ь к а. А у нас личное с общественным не расходится.

Б и б и ч е в. Давайте не препираться. Кто хочет выступить — просите слово и вот сюда. *(Женька идет к столу.)* Ну что, обдумала?

Ж е н ь к а. Юра! Расскажи всем, как ты любил? Где? Когда? Кого? Сколько? Поделись, Юра, впечатлениями.

Б и б и ч е в. Шульженко, давай без партизанщины.

Ж е н ь к а. Все ясно.

Б и б и ч е в. Так что, будем продолжать беседу? Тогда опять я скажу два слова. Партия нас учит — что? *(Уставил палец в одну из девушек и сам за нее ответил.)* Партия нас учит вскрывать имеющиеся недостатки. Вот мы говорим — культурные интересы, моральный облик. А правильно ли мы живем сами, товарищи? Товарищи! Иванов, заснул! Подними голову! Нет ли среди нас таких, кто унижает звание комсомольца? *(Голос из зала: «Есть».)* А мы молчим!

Ж е н ь к а. Ну, ты-то не молчишь.

Б и б и ч е в *(не слушая)*. Вот эта безынициативность с вашей стороны — явление, лежащее в нас самих, но оно и является обратной стороной недостатков в работе нашей комсомольской организации.

Ж е н ь к а. Сейчас про меня скажет.

Б и б и ч е в. Умница, Шульженко, о тебе я и хочу сказать. Ни для кого не секрет, что нашу комсомолку Женю Шульженко с позором вывели из клуба...

Ж е н ь к а. Оживление в зале.

Б и б и ч е в. Также ни для кого не секрет, что этот факт попал на страницы... получил, так сказать...

Ж е н ь к а. Международное звучание.

Б и б и ч е в. И вот в связи с этим вопросом о любви и дружбе, который мы сегодня затронули здесь, хочется прочитать одну цитату из одного письма в адрес... *(Указал на Женю.)*

Вынул из стопки одно письмо, прочитал:

— «И так уж над тобой смеются везде — и в Ленинграде, и у нас в Полоцке. А если ты гуляешь с каким-нибудь парнем, то он тоже погуляет с тобой, посмотрит на тебя, поматросит и бросит, и тоже посмеется».

Женька. Пока еще никто не бросал. Могу, наоборот, уступить.

Бибичев. Шульженко, прекрати балаган!

Женька. Другой бы на твоём месте спасибо сказал. Если б не я, о ком бы ты на всех собраниях разглагольствовал?

Бибичев. И вот, товарищи, пока у нас будут существовать такие явления, как Шульженко, до тех пор мы и будем, товарищи, не разглагольствовать, как ты выразилась, а говорить! *(И — с нафосом, исступленно.)* Только говорить честно! Принципиально! По-комсомольски! Ясно? *(Деловито — Леле.)* У нас все в повестке?

Леля. Все.

Бибичев. Какие будут предложения?

Уборщица. Лекция хорошая, побольше бы таких. *(Взяла со стола графин, ушла.)*

Бибичев *(вслед, возмущенно).* Клара Павловна! Клара Павловна!

Музыканты снова приступили к репетиции, марш тех времен. Бибичев наклонился к Леле с каким-то вопросом, но та, не ответив, ушла.

— Тогда все.

Уборщица. Расходитесь, молодежь, спать пора.

Стали расходиться. Бибичев со значением, для Феде, положил на стол газету со статьёй о Шульженко, тоже ушел.

Женька *(Феде).* Нет твоей симпатии. Не вернулась...

Федя. Ты-то что волнуешься?

Женька. Беспokoюсь за строительство новой семьи.

Федя. Не твоя забота.

Женька. Гордый какой, сил нет! Ладно, морячок, посидели. Тебе к маме пора. Иди, не упади.

Уборщица (*возвращается*). Сколько говорить?! Красный уголок для мероприятий, а не для разврата.

Федя. Пока, приятных снов. (*Уходит.*)

Уборщица. За курсанта принялась. Ох, Шульженко, доиграешься, смотри... Всё. Гашу. (*Выключила свет.*)

Радиорепортаж. Горняки обсуждают план шестой пятилетки. В Узбекистане началась уборка хлопка. Кукуруза трехметровой высоты. Вертолет над садами. Комсомольская путевка. Бескамерные шины для автомобилей. Новый сезон в Московском театре эстрады.

Надюша. Сюда...

Ввела за руку Федю. Темно, Женька не видна. Обняла его, целует.

— Бедненький мой, ждал? Ну, прости... Тоска напала, бродила по улицам, промокла вся. Потрогай, волосы мокрые. А знаешь, где я была? В нашем садике была, около тети Вероники. Села на скамейку, сижу, а дождик трап-трап по кустам, осенью пахнет, мокрой листвой... Песню нашу вспомнила. Помнишь нашу песню? (*Пропела.*) Куда бежишь, тропинка милая... (*Федя молчал.*) Что-то старое стала вспоминать. Маму, тетю Веронику.

Федя. Болеет второй месяц. Правая сторона отнялась.

Надюша. Ты был у нее?

Федя. Заглянул. О тебе вспоминала.

Надюша. Жаловалась?

Федя. Зачем? По-хорошему вспоминала. Рассказывала, как тебя в корыте мыла. Тошенькая, говорит, лопаточки торчат, одно плечо выше другого...

Надюша. А как между лопаток била: сиди ровно, не говорила?

Федя. Теперь, говорит, она у меня как стрелочка.

Надюша. У меня... Это еще неизвестно, кто кому нужнее был? Она мне или я ей?

Федя. Ты всем нужна.

Надюша. Да вот тебе, Федя, не нужна. Думаешь, я не знаю, кто нас разводит? Подружки мои дорогие! Что они тебе сказали, ну?

Федя. Что они могут такого сказать, чего бы я сам не знал?

Надюша. Разлюбил? А может, и не любил никогда?

Федя. А ты не знаешь?

Надюша. Я теперь ничего не знаю.

Федя (*обнимая*). Сначала жалел тебя. Потом... влюбился. Думал, что мы с тобой как один человек. Ты стихи любишь, я стихи люблю, ты оперу не любишь, я оперу не люблю. В общем, единство культурных и общественных интересов. И ты успокоилась. А «что, Феденька — мой... А продешевить — боязно, вдруг кто-нибудь получше найдется?»

Надюша (*оттолкнула его*). Неужели ты думаешь, если бы я искала, то получше бы не нашла?

Федя. А вдруг не найдешь? Тогда и Феденька сгодится?

Надюша. Чего ты хочешь? Чего? Взятся душу точить!

Федя. Больше точить не буду. Последний раз. Все.

Надюша. Стой!.. Ну, хочешь, стукни на прощанье. Может, легче станет. Не хочешь? Ну тогда поцелуй. Сам ведь сказал, в последний раз. (*Смотрит в глаза.*) Ну?

Федя не устоял. Долгий поцелуй.

Надюша (*оторвалась*). Самому потом стыдно станет. Я-то тебе все прощу.

Федя. И сейчас врешь! (*Ушел.*)

Надюша (*устало*). Господи, надоели вы мне все... (*Пропела самой себе.*)

Куда бежишь, тропинка милая,
Куда зовешь, куда ведешь...

(Заплакала.)

Женька. Детдом вспомнила... Помню, в пионеры принимали. Выстроили всех на линейку, а я запаздывала. Бегу по коридору, темно, холодно, и вдруг слышу по радио — «Интернационал». Я остановилась, подняла руку в салюте и так стою и что-то чувствую...

Общежитие. Ле ля лежит на кровати, уткнувшись в подушку. Встала, принялась стирать. Вошел Би би че в.

Би би че в. Одна?

Ле ля. Одна. А что?

Би би че в. Что бледная такая, Леля? На улицу надо, там кислород.

Помолчали.

Ле ля. Еще что?..

Би би че в. Поручение есть небольшое.

Ле ля. Слушай, Юра. Хочешь поговорить — говори. А то каждый раз какие-то дела, поручения придумываешь. Прямо напасть какая-то.

Би би че в *(некоторое время стоял неподвижно, молчал, потом присел рядом)*. Ну, что в группе?

Ле ля. Ничего, работаем...

Би би че в. Как Шульженко?

Ле ля. Господи, опять! Будто сам не знаешь.

Би би че в. Знаю, знаю. Уже вся фабрика знает. А морячок тоже хорош. Не успел в отпуск приехать. Придется опять на общем собрании ставить вопрос.

Ле ля. А если он ей серьезно понравился?

Би би че в. Леля! Леля! А если мне серьезно чужая жена понравится?

Ле ля. Ты, Юра, другой человек.

Би би че в. Нравится, не нравится. Не в том дело. Распущенность, расхлябанность, безответственность, вот что это такое. Воспитываем, воздействуем, призываем — и хоть бы что! Ведь для них же, ради них же все это! Ничего не хотят понять. Для себя минуты свободной нет. Год уже, наверно, как в кино не был. Стыдно сказать, книжку некогда прочитать... *(Взял с койки книгу, посмотрел заглавие.)* Достоевский. Небось «Братья Карамазовы», А вот не читал. Кстати, интересно?

Ле ля. Ничего.

Би би че в. Прочитаешь, дашь прочесть?

Ле ля. Хорошо.

Бибичев. Хотя все равно времени нет. То одно, то другое.

Леля. Да, Юра, нелегко тебе на свете жить.

Бибичев. Ничего, проживу.

Леля. Проживу! Говоришь, как будто комсомольское поручение выполняешь.

Бибичев. Не всем же для собственного удовольствия жить.

Леля. Хотя для собственного удовольствия тоже кому-то надо. Ладно, Юра, давай снимем этот вопрос с повестки. Не найти нам тут общего языка. Разные мы с тобой.

Бибичев. Мы с тобой пока по одной дороге идем. Почему же разные? *(С некоторой торжественностью.)* Леля! *(Леля молчала.)* Если у тебя есть трудности на жизненном пути, то имей в виду — рука об руку их легче преодолеть.

Леля *(ласково усмехнулась)*. С кем, Юрочка, с тобой?

Бибичев. Я знаю, у тебя нет ко мне сильного чувства, но, помнишь, ты сама говорила: «Любовью дорожить умеете! С годами дорожить вдвойне». Любовь, Лель, ведь не на скамейке при луне...

Леля *(удивилась, усмехнулась)*. Ты что, замуж меня хочешь взять?

Бибичев *(сипло)*. Я все сказал... Решай. *(В смущении помогает ей развешивать белье.)*

Леля *(и смешно это ей и неожиданно)*. Ну, Юра... да. Ты, Юра, порядочный человек. На тебя можно положиться... А что, я бы пошла за тебя.

Бибичев постоял, ошеломленный, потом подошел вдруг и обхватил ее, да попросту так — не совладал с собой. Леля оторопела, едва вырвалась. Рассмеялась такому его напору.

— Юрка, ты что? Так, сразу...

Он молчал в замешательстве, виноватый. Леля посмотрела внимательно и сказала уже серьезно:

— Да вот ты меня не возьмешь.

Бибичев. Возьму.

Л е л я. Нет, Юра, не возьмешь... Приданое у меня есть.

Б и б и ч е в (*возбужденно, весело*). Какое приданое?

Л е л я (*достала фотографию, положила на стол*). Вот.

Б и б и ч е в (*взял карточку*). Кто это?

Л е л я. Дочка у меня, Юра. Аллочка.

Б и б и ч е в (*не сразу понял*). Врешь!

Разглядывал карточку, склонясь над столом. Посмотрел на Лелю. Начинает верить.

— Где она?..

Л е л я. У матери. На разъезде.

Б и б и ч е в. А кто... отец?

Л е л я. Нету.

Б и б и ч е в. Как нету?

Л е л я. А так.

Б и б и ч е в (*потрясен*). И ты могла?

Л е л я. Он не хуже других.

Б и б и ч е в. Почему же вы не поженились? Если он советский человек. (*Вспомнилась Ирина*.) Кстати, он советский человек?

Л е л я. Советский, советский, Юрочка! Только женатый.

Б и б и ч е в. Значит, он тебя обманывал?

Л е л я. Нет, я знала.

Б и б и ч е в. Ты знала? Знала, что он женат?

Л е л я. Это для меня не имело значения.

Б и б и ч е в. Чушь. Бред какой-то!.. (*Стукнул кулаками, лбом в дверцу шкафа*.) Или ты, Леля, надо мной издеваешься...

Л е л я. Или... Юра?..

Тот молчал. Она хотела взять фотографию, но Бибичев убрал ее со стола.

Б и б и ч е в. Значит, ты могла проводить беседы о советской семье, о моральном облике! Оборотень какой-то! Хамелеон!..

Л е л я. Видишь, я же говорила.

Б и б и ч е в. Ну вот что, Леля. Ты пока об этом молчи. Никому об этом. Ни слова. Поняла?

Л е л я. Четыре года молчу. Хватит, намолчалась.

Б и б и ч е в. А я говорю — молчи! Не позорь себя, успеешь! О комсомольской организации ты подумала? Что о нас скажут, подумала? Тебя подняли, создали авторитет! Ты комсогруппорг!

Л е л я. Я не просила.

Б и б и ч е в (*пометался по комнате, остановился*). Что же касается наших личных с тобой планов — пока могу сказать одно. (*Молчал, думал, как точнее сказать.*) Очень ты меня огорчила. И как мы сумеем решить этот вопрос — не знаю.. Не знаю, Леля.

Положил фотографию в карман, пошел к двери, Леля стала перед ним.

Л е л я. Отдай.

Б и б и ч е в хотел пройти — она закричала:

— Отдай!

Б и б и ч е в. Пропусти.

Л е л я кричала, ненавидя, давясь слезами:

— Отдай! Слышишь!

Б и б и ч е в. Пропустите, Комелькова.

Л е л я. Отдай!

Изо всех сил уперлась ему в грудь, толкнула. Б и б и ч е в от неожиданности сел на койку. Л е л я сорвала с веревки полотенце, стала хлестать его по лицу.

— Ты-то тут при чем! Мое дело! Я сама так решила! Так решила сама!

Бросила полотенце, упала на свою кровать, рыдала.

Б и б и ч е в встал, положил фотографию на стол, медленно вышел.

Л е л я схватила со стола фотографию, поцеловала ее. Из коридора снова послышался голос Бибичева. Он ворвался в комнату:

Б и б и ч е в. Ты решила? Ты решила! А?.. А мне что теперь делать? Что делать! Я два года!.. Три!.. *(Сел на стул, уронил голову. Несчастен сейчас.)*

Л е л я. Мне тебя жалко, Юра. Правда, жалко...

Радиомарши тех времен, радиопесни тех лет. Ирину провожали в Болгарию. Леля, Женька, Надюша и Нина, новенькая.

Л е л я. Ну что, сядем? *(Девушки сели.)* Давай, Ирка, чего уж тянуть. Болгария ждет.

И р и н а *(новенькой)*. Иди сюда. *(Подвела к своей койке.)* Ну, вот... Спать ты будешь здесь. На моем месте... Не стесняйся. Девушки у нас хорошие, лучшая комсогруппа... *(Замолкла.)*

Н и н а. Я знаю.

И р и н а. Девушки неплохие... *(Замолкла.)*

Л е л я. Ну вот, начинаются сопельки.

Ж е н ь к а. Да что вы, ей-богу! Дружественная страна, в конце концов!

Л е л я. И бегом, бегом, опаздываем.

Ж е н ь к а *(сняла клипсы, нацепила ей)*. Пригодится, Ир. Там наше будет все равно что импортное.

И р и н а. Вы идите, я сейчас, догоню...

Подруги вышли. И р и н а постояла, пошла.

В комнате осталась новенькая, Н и н а.

Радиопесни тех лет, радиомарши тех времен.

Громыхали прядильные машины. Б и б и ч е в раздавал девушкам новые фартуки.

Б и б и ч е в. Быстро, быстро! Не возитесь, надевайте!

Девушки надевают фартуки.

Н и н а. Мне велик.

Б и б и ч е в. Ничего, не страшно. *(Ушел.)*

Н а д ю ш а. Кто-нибудь приехал?

Л е л я. Приехал.

Женька. Кто?

Леля. Из главка кто-то.

Бибичев (*вернулся*). Сюда. Быстро! (*Леле*.) Вот газета. Вот статья. Комелькова, читай!

Леля. Что за статья?

Бибичев. Прочтете — узнаете. Все слушают читку газеты. (*Убежал*.)

Леля (*читает в голос — стучат машины*). «Пустозвон». Фельетон...

Нина. А когда представитель уедет — фартуки обратно заберут или в пользование оставят?

Надюша. Ты можешь помолчать? Давай, Леля!

Леля. Фельетон. «Пустозвон». «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

Бибичев (*кричит*). Где книга комсомольских постов?

Леля (*кричит*). В столе!

Бибичев. Что она там делает?

Леля. Лежит!

Бибичев. Повесить надо было, на гвоздик!

Надюша. Давай, Леля, читай!

Леля. «Пустозвон». Фельетон. «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

Нина. Девки! Они там сумки, туфли из шкафчиков вытаскивают. Все — в мешок!

Леля. Тебе что — больше всех нужно?

Нина. У меня там сардельки!

Надюша. Не пропадут твои сардельки.

Нина. Идут.

Надюша. Все. (*Леле*.) Читай.

Леля (*читает*). «Пустозвон». Фельетон. «Зимним вечером к директору МТС вошел незнакомый человек в каракулевой шапке...»

Входят Бибичев, Анна Петровна и представитель главка Макаров.

Макаров. Здравствуйте, красавицы!

В с е. Здравствуйте.

Б и б и ч е в (*Макарову*). Это наша лучшая комсомольская группа. (*Представляет, тоже в голос, под стук машин.*) Можете познакомиться! Комелькова — комсогруппорг! Представитель главка!

М а к а р о в. Макаров (*пожал руку Леле*).

Л е л я. Комелькова!

Б и б и ч е в. Можете поговорить!

М а к а р о в. Ах, и поговорить можно?

Б и б и ч е в. Вы чем занимаетесь?!

Л е л я. Мы читаем!

Б и б и ч е в. Тут у нас политминутка, товарищ Макаров. Без отрыва!

М а к а р о в. Интересная статья?

Л е л я. Про директора МТС.

М а к а р о в. Что же приключилось с этим директором?

Н а д ю ш а. Пока что ничего. Пришел человек в каракулевой шапке.

Ж е н ь к а. Поздним вечером.

М а к а р о в. Интригующее начало. Ну, как вам живется, как работается?

Н а д ю ш а (*бодро*). Хорошо!

М а к а р о в. Никто вас не обижает?

Н и н а. Никто.

А н н а П е т р о в н а. Они сами кого хочешь обидят.

М а к а р о в. Есть ко мне вопросы?

Девушки молчали.

— Нет вопросов. Ну что ж, читайте, отдыхайте. До свидания!

Ж е н ь к а. У меня вопросик. Можно?

М а к а р о в. Конечно.

Ж е н ь к а. Вам понравилось у нас?

М а к а р о в. Пока особых претензий нет, а там посмотрим.

Ж е н ь к а. А там тоже не будет. Зря, что ли, мы целую неделю машины чистили, вас дожидались!

М а к а р о в. Молодцы!

Женька. Так чистили, что нормы перестали давать. А уедете — совсем чистить не будем. План-то надо нагонять!

Бибичев (*Макарову*). Шульженко. О ней в «Комсомольской правде» писали. Не читали случайно?

Макаров. К сожалению, не успел. Хорошая производственница?

Женька. Сто двадцать процентов!

Анна Петровна. Только писали, к сожалению, про другое.

Бибичев. Про безобразия писали. Из клуба выгнали. С позором.

Женька. Опять повернули!

Анна Петровна (*Женьке*). Ты гостей дома ждешь — принаряжаешься?

Женька. То гости, а то представитель.

Макаров (*тихо*). Анна Петровна...

Анна Петровна. Мне шестой десяток пошел, характер менять не собираюсь. Ну, все высказались? Может, еще кто-то хочет сказать? Ну, говорите! (*Молчали.*) Что же вы, такой случай подвернулся!.. Товарищ Макаров, проследуем в цех.

Макаров. Да уж, простите, красавицы, рад бы побеседовать, время поджимает! Да и годы уж не те!

Проследовали в цех.

Леля. Работать, красавицы.

Бибичев. Ну, что, докритиковалась? Думаешь, теперь тебя тронуть побоятся? За критику, мол, страдаешь? Дорогая моя, эта демагогия нам известна! У нас на нее другая демагогия есть!

Радиорепортаж. Комсомольская путевка! Сотни молодых энтузиастов поведет она в Казахстан и Сибирь, на Алтай и в Поволжье, туда, где советские люди в упорной борьбе поднимают целинные земли. Большие дела ждут молодых патриотов! В добрый путь, дорогие друзья!..

Женька. Уезжаешь?

Федя. Уезжаю.

Женька. Письма будешь писать?

Федя. Нет.

Женька (*без обиды*). Ну почему же, Феденька?

Федя. А что с вами переписываться? Одному открытку шлете, а с другим гуляете.

Женька. И то верно... Скажи, пожалуйста, а в училище, наверно, трудно, я в смысле дисциплины? Я бы дня не выдержала, меня сразу бы на эту, на гаубицу посадили.

Федя. На гауптвахту.

Женька. Чудно. Ты раньше был не такой — ты был тихий, скромный, маменькин сынок. В библиотеку бегал. Федя Козлов. Помнишь? Как это ты вдруг стал моряком, даже странно...

Федя. Захотел и стал. Человек тем и отличается от животного, что может себя преодолеть.

Женька. Ну, тогда я животное. Непреодолимое.

Федя. Сколько времени тебя знал — не обращал внимания.

Женька. Вот вы хороших-то и не замечаете.

Федя. И на внешность ты ничего, подкупающая...

Женька. Уже плюс.

Федя. А какой-то винт у тебя не в ту сторону вращается.

Женька. Это верно. Одиозная я.

Федя. И ведь считаешь, что это хорошо. Тут, прости, не могу понять. С матерью погрызлась, с подругами поцапалась. Что хочешь доказать? Какая я исключительная? Так ведь никто не хуже тебя, пойми, Женя! И выпады твои — подожди — это ведь все для эффекту, лишь бы сказануть. Любишь быть в центре внимания, а?

Женька. Убедил, Федь. И правда, чего шуметь-то, мастер перед рабочими никогда не будет виноват. Смирная буду, Федь! Как восточная женщина!

Появилась Анна Петровна.

Анна Петровна. Ты как, замуж за него собралась или так, погулять?

Женька. А не знаю, как получится. Может, так погуляю, а может, женится.

Анна Петровна. Честная, да? Всем предъявляешь свою честность. Да? Никого не щадишь. Ты думаешь, представитель этот не знал, что мы машины чистим? Да он за неделю звонил, чтобы мы подготовились. Душу отвела? Всем назло? Теперь за Федьку взялась? Стоишь тут у всех на виду, не постеснялась. В последний день! Надюша два года его ждала. Ему напели, он уши-то и развесил. Как ей теперь быть перед всеми? Перед людьми?

Федя. Мам, не надо.

Анна Петровна. Молчи! Не успел приехать, связался. И на кого, спрашивается, сменил? *(Женьке.)* Ручки-то, оказывается, хваткие у тебя. Лишь бы заграбастать! *(Феде.)* Федя! Я пошла. Если она на вокзал придет провожать — я уйду. Так и знай. *(Ушла.)*

Федя стоит, не знает, как быть.

Женька. Федя, ты иди. Догони ее. Мать есть мать.

Федя. Ну так что. Счастливо оставаться, Женя.

Женька. Кто же так прощается, Федь? *(Обхватила его за шею. Долгий поцелуй.)*

Нина лежала на койке, слушала радио: «Мелодии прошлых лет. Слушать их всегда приятно, как будто встречаешь старого доброго приятеля. И встреча эта пробуждает дорогие воспоминания, а иногда и улыбку. И, наверно, многие из вас послушают сейчас старую запись...» Звучит песня и по тем временам старая. Из-за нее-то Нина забыла о сковородке. Спихватилась, побежала на кухню, вернулась с обуглившейся картошкой. Стала выбирать — оказалось, нечего. Снова легла на койку, утешилась песней.

Леля *(вошла)*. Не приходила?

Нина. Да нет...

Леля. На Васильевском была. Там старуха глухая. Спрашиваю: «Валентина здесь живет?» Смотрит, глазами хлопает. «Женька, говорю, к ней не приходила, подруга ее, не приходила?» Захрипела что-то в ответ, дверью

хлопнула... В Саблино надо съездить, она там угол снимала.

Н и н а. Подумаешь, три часа на трамвае. Вот дослушаю и съезжу.

Зазвонил будильник.

Л е л я. Господи! Опять.

Н и н а побежала к тумбочке, перевела часы.

— Жили до тебя без будильника. Никто никуда не опаздывал.

Вошла Н а д ю ш а. Она заметно изменилась. Достоинство и томность.

Н а д ю ш а. Душно как у вас... (*Смотрит на Н и н у.*) Опять сожгла. (*Подходит к столу, садится, смотрит на Л е л ю.*) Причесалась бы. (*Хотела попить.*) Вода теплая, чашки не помыты... (*Подшла к своей кровати, вытащила чемодан, открыла.*) Кстати, билет придется менять?

Л е л я. Какой билет?

Н а д ю ш а. Комсомольский. Мне ведь теперь все документы менять на новую фамилию придется.

Л е л я. Ты что, замуж выходишь?

Н а д ю ш а (*удивленно*). А я разве не говорила? Мне казалось, что уже все знают.

Л е л я. За кого?

Н а д ю ш а. За Леонида Михайловича Окунева. Старший лейтенант.

Л е л я. Мы думали, ты с кинооператором встречаешься.

Н а д ю ш а. Вспомнила. Я ему как-то позвонила... Странный он какой-то, все молчит, молчит... А с Ленечкой мы уже давно встречаемся. Ленечка — мой!

Л е л я. Слава богу! А мы-то, дуры, переживали, что Федя тебя покинул.

Н а д ю ш а. Меня? Я сама кого хочешь покину. (*Вернулась к своему чемодану.*) Леля, не хочешь, тебе платье оставлю? Оно старенькое, но еще хорошее.

Л е л я. Спасибо. У меня есть.
Н а д ю ш а (*Нине*). На-ка, примерь.

Нина прикинула платье, ей нравится. Но, взглянув на Лелю, сказала:

— Очень надо! (*Бросила платье на Надюшину кровать.*)

Н а д ю ш а. Была бы честь предложена. А где же эта наша пропащая душа? Не появлялась?

Л е л я. Нет еще.

Н а д ю ш а. Шуточки — три дня прогул.

Постучали в дверь.

Л е л я. Войдите!

В комнату вошли пожилой мужчина и тихая девочка со связкой книг.

М у ж ч и н а. Здравствуйте.

Л е л я. Здравствуйте. Вам кого?

М у ж ч и н а. Мне никого. Вера, ну что стоишь в дверях? Проходи, закрой дверь. Поздоровайся. Познакомься с девушками. Вот, дочку вам привел. (*Девушки переглянулись.*)

В е р а. Здравствуйте. (*Кивнула головой. Девушки кивнули в ответ.*)

Н а д ю ш а. Нам только дочек не хватало.

М у ж ч и н а. А у нас направление. Вот.

Н а д ю ш а. Какое направление?

Мужчина протянул бумажку. Надежда взглянула, передала Леле.

Л е л я (*прочитав*). Напутала комендантша. Нет у нас свободных мест.

М у ж ч и н а (*растерялся*). Как же это? Сказали, что есть, — у вас кто-то уволился. Фамилию называли, на букву «Ж».

В е р а (*тихо*). Шульженко.

М у ж ч и н а. Шульженко у вас уволилась. Место свободно.

Пришла уборщица с комплектом постельного белья. Вручила мужчине.

Уборщица. Держите комплект. И распишитесь.

Мужчина (*хотел расписаться, но в руках у него белье*). Распишись, Вера.

Вера расписалась.

Надюша. Вот это номер!

Леля. Что за чепуха! Нина, сбегай-ка найди Бибичева.

Нина убежала. Уборщица идет к койке Женьки, сдергивает одеяло.

Леля. Погодите убирать!

Уборщица. Велено — убираю.

Леля. Я сама принесу. Под свою ответственность.

Уборщица. Что же, люди пришли, так и будут стоять?

Леля (*мужчине*). Вы пока садитесь. (*Уборщице*.) И вы садитесь. Сейчас Бибичев придет, разберется.

Уборщица стоит, опершись на щетку, как на ружье.

Мужчина. Садись, Верочка.

Вера и ее отец сели на стулья у Женькиной кровати.

Уборщица. Некогда мне! Что мне ваш Бибичев. У меня свое начальство, пусть оно и разбирается. (*Мужчине*.) Не уходите никуда, я сейчас. (*Ушла*.)

Мужчина. Из Починка мы, Смоленской области. Дочка кончила десять классов, поехала в Ленинград, в институт сдавать... Не сдала. Подумали-подумали — чего время терять! Пусть поработает у вас тут, а на будущий год в вечерний институт поступит.

Вернулась Нина.

Нина. Идет! Не хотел!

Пришел Бибичев.

Мужчина. Нас направили сюда.

Л е л я. Говорят, Женьку уволили.

М у ж ч и н а. Говорят, мест нет, а у нас направление.

Л е л я. Говорят, Женьку уволили.

Б и б и ч е в. Уволили. И правильно сделали.

Н и н а. Уволили?!

Б и б и ч е в. А что вы так удивляетесь? Кто не хочет работать — насильно не заставишь.

Л е л я. Спокойно, Нина.

Н и н а. Спокойно.

Б и б и ч е в (*подошел к Вере, смотрит внимательно*). Сколько лет?

М у ж ч и н а. Семнадцать.

Л е л я. Какая формулировка в приказе?

Б и б и ч е в. За прогул.

Л е л я. Понятно. Позаботились, чтобы ее и на другое производство не взяли?

Б и б и ч е в. Да при чем тут я? Как будто я приказы подписываю.

Л е л я. Думаю, без тебя не обошлось. Куда же она теперь? С этой формулировкой?

Б и б и ч е в. Она не посчиталась с фабрикой, фабрика не посчиталась с ней. (*Уборщице.*) Убирайте!

Н и н а. Поторопились-то как! Не успели человека уволить — уже койку занимают!

Л е л я. Спокойно, Нина.

Н и н а. Спокойно.

Уборщица принялась убирать постель.

Л е л я (*не дала*). Я сказала — сама снесу, если нужно будет.

У б о р щ и ц а. Уносить, что ли, белье, или как?

Нина села на Женькину кровать.

— А разбирайтесь тут... Все начальники, все начальники, Бибичев начальник, кого слушать не знаю... (*Ушла.*)

Б и б и ч е в. Дорогие мои! Раньше надо было думать! Я предупреждал. Причем неоднократно. Нечего теперь шум поднимать.

Надюша. Раньше — это правильно. Я еще тогда Леле говорила — не нужно было в газету писать.

Бибичев. Писать нужно было! Леля в другом виновата...

Надюша. Слишком много на себя берет. Ни с кем не считается. А газета тоже хороша! Сидят там.

Бибичев. Забываешься, Лапина!

Надюша. Я не Лапина, Окунева я! Кстати, Бибичев, комсомольский билет нужно менять на новую фамилию или как?

Бибичев. Дорогая моя, тебе не менять его надо, а положить на стол!

Надюша. А что такое? Может, уже замуж запрещено выходить?

Бибичев. Кончай, Лапина...

Надюша. Я не Лапина, я Окунева.

Бибичев (*мужчине*). Видите, что у нас творится? А была лучшая комсомольская группа.

Нина. Была. И сейчас на доске висим.

Леля. Спокойно, Нина.

Нина. Спокойно, спокойно.

Бибичев. Дело не только в показателях, Скворцова! Теряем мы людей... Людей теряем...

Пауза.

Мужчина. Виноват. А как с нами?

Бибичев. С вами все нормально. Вам койку дали? Живите.

Мужчина. Дали.

Бибичев. Ну вот и устраивайтесь.

Мужчина. Спасибо. Простите... Вас можно на минуту? Вы, как я понимаю, здесь за старшего. Вы уж тогда последите за моей. Вот девочки пусть тоже последят.

Вера. Папа!

Мужчина. Что папа! Не вмешивайся, когда старшие разговаривают. Я знаю, что говорю. Не встревай! (*Бибичеву*.) Там пойти куда...

Бибичев. Куда?

Мужчина. Ну — в столовую... или еще куда. В ту... В ту...

Бибичев. Понятно.

Мужчина. Девочки пускай захватят с собой. Пускай покажут, где, что, как. Несамостоятельная еще.

Вера. Папа!

Мужчина. Ну что папа! Ты ведь хуже маленького ребенка! Первого не ешь, все всухомятку, все всухомятку!..

Бибичев. Проследим, проследим. *(Снова подошел, глядит на новенькую пристально. Достал из кармана сушку, дал ей. Ушел.)*

Мужчина *(Вере)*. Ну вот видишь, как все хорошо. Будем располагаться. *(Тихо.)* У тебя деньги где?

Вера. В сумке. Ты спрашивал.

Мужчина *(негромко)*. Ну и хорошо, носи в сумке, здесь не оставляй. В тумбочку переложить пирожки и курицу.

Вера. Папа, я не буду есть.

Мужчина. Будешь, будешь. Надо выяснить у девочек, где тут место похолоднее, — надо вынести туда сало, чтобы не испортилось. Тебе никуда сходить не надо?.. *(Вера смущалась, мучилась.)* Вот как все хорошо образовалось...

Мужчина стал перекидывать на стул Женькину постель. Вера помогала.

Надюша *(мужчине)*. Скажите! А вы тоже будете с нами жить?

Мужчина. Я?.. Нет, почему же, я уеду. *(Понял шутку, засмеялся.)* Веселые у тебя будут подружки, Верочка.

Вера. Папа, тебе пора.

Мужчина. А?.. Да, да. Ну...

Обнял дочь, стал целовать ее в щеки, в одну, в другую — она уклонялась, ей было стыдно перед девушками. У отца затряслось лицо.

— Ты смотри у меня тут, чертенок! Если я что узнаю!..

Вера. Папа, не надо!

Мужчина *(отпустил ее)*. Ну, всего доброго, девочки. Вы уж тут... *(Понял, что хорошего от них ждать нечего, вышел. Вера за ним.)*

Надюша. Супу не едят...
Вера (*вернулась*). Извините...

Радиорепортаж. Флаги! Красные, зеленые, голубые... Флаги пятнадцати республик. Праздник юности, силы, красоты. На поле двинулись участники физкультурного парада. Тысячи молодых рабочих и работниц вышли на стадион. Когда они поднимают бронзовые от загара руки, кажется, золотая нива начинает колыхаться на ветру...

Комната пуста. Вошла Женька с фингалом на скуле. Серая, мятая. Оглядела комнату. Подошла к своей койке, присела. Но тут же встала, оправала постель, пересела на стул. Вошла Вера с утюгом.

Женька. Ты кто?

Вера. Я живу здесь. А вы кто?

Женька. Вот здесь было зеленое одеяло. Куда дели?

Вера (*поняла, с кем говорит*). Его хотела нянечка забрать, а ей Леля не дала. Она сказала, что сама отнесет.

Женька (*отогнула одеяло на Лелиной постели*). Ну, конечно, два одеяла.

Вера. Подождите, они скоро придут.

Женька. Некогда мне. Надо сдать постель и за расчетом идти.

Вера. Сегодня выходной, никого нет.

Женька (*выдернула одеяло*). Не бойся, чужого не возьму.

Вера (*ухватилась за одеяло, не отдает*). Без них ничего не дам!

Женька. Нянечку приведу — поверишь?

Вера. Не поверю.

Женька. Ты что, псих?

Вера. А я виновата, что меня на ваше место поселили? Мне надоело! Женька, Женька! Только и слышишь везде! Я вас не выживала, вы сами ушли!

Женька постояла, прошла по комнате, стала собирать чемодан, остановилась перед фотографией на Лелиной стене.

Женька. Это кто?

Вера. Лелина дочка.

Ж е н ь к а. Дочка?

В е р а. Аллочка. А вы разве не знали?

Ж е н ь к а. Нет... Она про сестренку рассказывала. Ай да Леля!

Подошла к койке Веры. На стене фотография.

В е р а. Это Ирина.

Ж е н ь к а. Какая... Стриженная, в брюках.

В е р а. Мода такая у них.

Пришли Нина и Леля. Они, видимо, с парада: в спортивных костюмах, с флажками на длинных шестах. Увидели Женьку.

Н и н а. Женька!.. Ого! Что с тобой!

Ж е н ь к а (*отстраненно*). Ирина-то какая стала. Не узнать!

Л е л я (*как бы не замечая ее вида*). Письмо прислала и посылочку. Три кофточка: Надюше, мне и тебе. (*Выдвинула чемодан.*) Вот...

Н и н а. Надюшка замуж вышла, за военного. Такая важная стала, не доплюнешь!

Л е л я (*протянула кофточку*). Твоя.

Ж е н ь к а (*повертела кофточку, повесила на спинку стула*). Спасибо. Что пишет?

Л е л я. Как он ее любит, как она его любит... Знаешь, Ирина в своем репертуаре. О работе ничего. Может, и не работает, занимается домашним хозяйством. Книжечку на русском. Там даже легче достать, чем у нас... Ну, а ты-то? Как?

Ж е н ь к а. Живу... Отдыхаю.

Л е л я. А деньги?

Ж е н ь к а. На винегрет хватает...

Л е л я. А с работой как?

Ж е н ь к а. Пока никак. Ничего, устраюсь.

Л е л я. Куда?

Ж е н ь к а. Куда-нибудь устраюсь. А нет — уеду.

Л е л я. С увольнением-то? Без характеристики?

Ж е н ь к а. Ладно, не наша печаль. Леля, дочка у тебя?

Л е л я. Дочка, Женя. Четыре годика уже. Во какая большая.

Н и н а. Женя! Написала бы заявление, признай там что нужно, и пускай восстанавливают.

Ж е н ь к а. Им? Заявление? Перед этими? Унижаться? Ждите!

Н и н а. Женя, не надо быть такой гордой. Никогда не надо быть гордой! Надюшка к мужу уходит, она теперь Окунева. Вера на ее место, а ты на своем, как раньше. Леля ребенка заберет, тут кровать поставим, коврик на стену, если комната согласна, комендантша не будет возражать, закроет глаза. В кино будем ходить, в культпоход, вязание на спицах, кофточки свяжем. На танцы, все вместе, вся комната. Не реви, Женяка...

Ж е н ь к а *(ее трясет)*. А я не реву, я смеюсь...

Л е л я *(в слезах)*. И я смеюсь,...

В е р а. И я тоже хочу! На танцы!

Ж е н ь к а. Вальс-финал!

Н и н а. Какой вальс! Сейчас надо модно! Современно!
(Стала показывать.)

Из праздничных радиомаршей возникают ритмы рок-н-ролла. Нина танцует. Вера робко присоединилась — оказывается, умеет.

— Здесь главное — индивидуальность! Белый танец! Танцуют все!

Танцуют двое, молоденькие, — почти так уже, как сейчас.

Кинооператор просматривал отснятый материал. Кадры старого киножурнала под печальную мелодию песенки.

А я и не влюблялся,
А я и не любил.
Я просто посмеялся,
Шутя поговорил!

Экран погас. Кинооператор сидел на стуле молча. Плышался голос ассистента: «Дмитрий Семенович! Что-нибудь не так?»

Кинооператор *(что-то заботило его)*. Нормально... Все нормально. Так оставим...

1956

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще нескоро.

Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, о встречах в парадном, о прошлых зимах...

Первый вечер

На просцениуме освещена маленькая тахта. На ней сидят Зоя и Ильин. Между ними — раскрытый патефон, вертится пластинка. Вот мелодия кончилась. Зоя сняла мембрану.

Зоя. Нет, это безумие, что я так себя веду. Только прошу, не истолкуй мое поведение как вообще легкую доступность ко мне.

Ильин. Ладно.

Зоя. Что — ладно?

Ильин. Не истолкую.

Зоя. Вредный, ты — это другое дело. (Пауза). А правда, как у нас все быстро произошло. Всего неделю назад мы еще друг друга не знали. И — вдруг. Прямо не верится. Правда, я какая-то безумная. Ты меня, наверно, презираешь.

Ильин. Что ты, наоборот.

Зоя (показывает Ильину журнал мод). Скажи, а такая женщина тебе нравится?

Ильин. Ничего.

Зоя. Эту манекенщицу больше всех снимают. Вот здесь она хорошая. А здесь плохая. А эту в последних журналах совсем перестали показывать, наверно, поругалась. А может быть, замуж вышла за обеспеченного. Одной-то вообще жить лучше. Мужчине надо то носки покупать, то мясо, то четвертинку. Вот, скажи, что такое любовь?

Ильин. Неизвестно.

З о я. Любовь... это электрический ток.

И л ь и н. Очень может быть.

З о я. Не может быть, а точно. У тебя когда отпуск кончается?

И л ь и н. Скоро — ту-ту!.. Сколько я здесь не был, лет семнадцать? И вот интересно: какая-то вывеска, или афишная тумба, или аптека на углу — все точно такое же, как и прежде. Над этой аптекой моя первая любовь жила. Я у них до войны комнату снимал.

З о я. Правда? Ой, как интересно! Расскажи про свою первую любовь. Я люблю, когда рассказывают про свою первую любовь...

И л ь и н. Она красавица была, теперь таких нет. Звезда. Ее подруги так и звали: «Звезда».

З о я. Ну, я тоже не в последних ходила. Вообще я молоденькая — прелестная была. За мной такой человек ухаживал! Только он был пожилой. Мать меня взяла и отговорила. Тогда я сама за него мою подругу сосватала. Недавно ее встретила. Одетая!.. А ведь это могла быть я.

И л ь и н. А я бы, пожалуй, сейчас зашел.

З о я. Куда?

И л ь и н. А к ней.

З о я. А я ее на дуэль вызову.

И л ь и н. Всю войну с ней переписывались. Издать — целый том.

З о я. Что же вы тогда расстались, если она такая звезда?

И л ь и н. Не удовлетворил высоким идеалам.

З о я. Значит, отставку получил?

И л ь и н. Нет, по собственному желанию. Причем все заочно, в письменном виде.

З о я. Жалко, я разговаривать не умею, со мной скучно.

И л ь и н. Как же не умеешь, вон сколько наговорила.

З о я. С тобой — другое дело. Вот ответь мне на такой вопрос. Девушка встретила человека. Он в нее влюбился до беспамятства. Она хочет пройти с ним рядом всю жизнь. А он вдруг — раз! — бросил ее. Тогда она другого встретила. Уже не совсем то, но все-таки привыкла к нему и тоже хочет с ним вместе пройти жизнь. А он — хлоп! — опять то же самое, ушел. А ей семью хочется, ведь женщина! И она уже

не так верит в себя. «В чем дело, чего у меня не хватает?» И с третьим она уже теряет гордость, почти навязывается. А про нее говорят: «Какая распушенная...» Ничего не слышишь, что я говорю. В одно ухо влетает, в другое вылетает.

Ильин. Почему же, я слышу. Просто я думаю о том, что ты сказала.

Зоя. Что же надумал?

Ильин. Это все верно, Зоенька, это бывает. Печальная история.

Зоя. Конечно, печальная.

Ильин (*глядя в окно*). Вот это был наш собственный переулочек. Наш персональный кинотеатр. И наше личное небо. Какое небо, а? Зима, ночь, а оно синее, хоть ты разорвись! Нет, опасно возвращаться на те места, где ты был счастлив в девятнадцать лет! «Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

Зоя. Интересно, какая она теперь — звезда?

Ильин. А знаешь, сейчас еще не поздно: что если взять да и правда сходить! Может, она еще здесь живет?

Зоя. Ну, Саша, ты слишком злоупотребляешь моим отношением к тебе.

Ильин (*потрепал ее по волосам*). Что ты, Зоенька.

Ильин сидит задумавшись. Потом встает, надевает пальто.

Зоя. Вон что! Все ясно.

Ильин. Я скоро вернусь. Схожу и приду. (*Уходит.*)

Зоя. Я тебе вернусь! Так с лестницы шугану... Я тебе вернусь!..

Свет гаснет.

Комнаты Тамары: одна побольше, другая поменьше. Впоследствии действие происходит то в одной, то в другой, то в обеих комнатах одновременно.

Тамара одна, сидит за столом и накручивает волосы на бигуди. Позвонили в дверь. Тамара продолжает заниматься своим делом, потому что никого не ждет. Позвонили еще раз. Слышно, как открыли наружную дверь. Кто-то постучал в комнату.

Тамара (*встревожилась, подошла к двери*). Кто там?

Голос Ильина. Тамара Васильевна?

Тамара. В чем дело?

Голос Ильина (*дурашливо измененный*). У вас комната сдается?

Тамара. Какая комната — двенадцать часов!

Голос Ильина (*подражая телефонному диктору*). Двадцать два часа тридцать три минуты!

Тамара. Выйдите отсюда и хорошенько захлопните за собой дверь.

В прихожей тихо.

Что вы там делаете?

Голос Ильина. Я возле вешалки прилягу. Только утром вы дверь сразу не открывайте, потихоньку.

В прихожей что-то упало.

Тамара. Что это?

Голос Ильина. Корыто.

Тамара. Повесьте его обратно.

Голос Ильина. Повесил.

Тамара. Послушайте, что вам надо? Кто вы такой?

В дверную щель просовывается паспорт.

Не нужен мне ваш паспорт. (*Все же взяла, раскрыла. И — вспомнила. Присела на стул тут же, у двери. Потом, забыв вытащить бигуди, молча открыла дверь. Смотрит на Ильина так недоверчиво и жалобно, что Ильин рассмеялся. Да и Гулаг был, но это отдельный разговор. Шагнул к ней и, несмотря на некоторое сопротивление, поцеловал в щеку.*)

Ильин (*по-хозяйски огляделся, повесил на крючок пальто и прошел в комнату*). Ну, что ты стоишь? Проходи.

Тамара прошла.

Садись.

Тамара села к столу. Ильин — рядом.

Тамара. Нет, вы там садитесь.

Ильин (*пересел на другой стул*). Ну?

Тамара. Что?

Ильин. Как жизнь, настроение, трудовые успехи?

Тамара (*с достоинством*). Я лично неплохо живу, не жалуясь. Работаю мастером на «Красном треугольнике». Работа интересная, ответственная...

Ильин (*тихонько, со значением запел*).

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...

Тамара. Я и слова уж забыла.

Ильин (*поет*).

Там, в краю далеком,
Назовешь меня женой.

Тамара. Ничего не помню. Ничего не помню. Сколько времени прошло, кто упомнит... Вы-то как живете? Добились, чего хотели?

Ильин. Добился — не добился... Как смотреть.

Тамара. А сами как смотрите?

Ильин. А... (*Махнул рукой.*)

Жизнь моя — железная дорога,
Вечное стремление вперед!

Тамара. Значит, добились. Где работаете?

Ильин. Ну, если интересно, — работаю инженером. Если интересуется табель о рангах — главным инженером.

Тамара (*уважительно*). Завод большой?

Ильин. Всего-навсего — химический комбинат в Подгорске. Если интересуется мощность — довольно крупный. Один из крупнейших в Союзе.

Тамара (*вежливо улыбнулась*). Большому кораблю большое плавание. Я тоже неплохо живу. Работаю. Работаю мастером все на том же «Треугольнике».

Ильин. Смотри, большой человек.

Тамара (*махнула рукой*). За все отвечать приходится: и за дисциплину, и за график, и за общественную работу.

Я и агитатор по всем вопросам. Когда работают одни девушки, они становятся такие боевые, даже распускаются. Другой раз сидит такая хорошенькая, а лохматая. «Причешься! Своим личиком — и так за собой не следишь». Ну, конечно, я член партии. Коммунисту можно потребовать от партбюро. Словом, живу полной жизнью, не жалею.

Ильин. Одна живешь?

Тамара (гордо). Почему — одна? Я с племянником живу. Люси нет, она в блокаду умерла. А Славик остался. Очень способный мальчик — все так говорят. Учится в Технологическом, пошел по вашим стопам. Активный мальчик, не ограничивается одними занятиями, у него и общественное лицо есть. Так что он тоже живет полной жизнью... А вы что, в командировку приехали?

Ильин. Ненадолго, дня на три.

Тамара. На три дня.

Ильин. Или на четыре.

Тамара. Или на четыре. Что ж, хотите — поживите у нас. Слава ляжет на раскладушке. В общем-то, он не станет вам мешать. Только у меня условие: сюда никого не водить, мальчик занимается, я прихожу усталая. Так что для нас главное — тишина.

Ильин достал папиросы, закурил.

Вы курите?

Ильин (усмехнулся). Все еще курю.

Тамара. Уже позабыла. Тогда курите, только форточку открывайте. *(Вышла в прихожую, за раскладушкой.)*

Ильин убрал папиросы в карман, поднялся. Зашел в комнату, которую когда-то снимал. Постоял там. Вернулся к вешалке, снял пальто. Из прихожей вернулась Тамара.

Ильин. Ладно, спите спокойно.

Тамара. Куда вы?

Ильин. Не буду вам мешать. Ложитесь, поздно... Будем считать, что встреча состоялась.

Тамара (торопливо, но все же сохраняя официальный тон). Чем же вы будете мешать? Вы мне несколько не помешаете.

Вам здесь будет удобно, вот посмотрите. *(Открыла дверь в соседнюю комнату, зажгла свет.)* Постель чистая, только сегодня постелила. Не знаю, решайте сами, как вам лучше, я вас уговаривать не собираюсь...

Ильин *(поколебался, вернулся)*. Спасибо. *(Подошел к ней.)*

Тамара *(все так же торопливо, но достоинство уже возвращается к ней)*. Можете ложиться сейчас, время позднее, так что спокойной ночи.

Ильин. Спокойной ночи. *(Ушел в маленькую комнату.)*

Тамара закрыла за ним дверь, прикрыла плотнее. Села на скамеечку у своей кровати, привычно вскинула руки к волосам, тронула торчащие бигуди, посмотрела в зеркало и охнула от стыда. Одну за другой вытащила бигуди, швырнула их в стенку. *Ильин*, обеспокоенный, приоткрыл дверь.

Тамара *(обернулась, крикнула)*. Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?

Ильин. В общих чертах — да. *(Снова закрыл дверь.)*

Тамара величественно прошла к выключателю, погасила свет, вернулась, плашмя бросилась на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, затихла. Некоторое время в комнате темно, только окна слабо светятся отблеском ночных фонарей. Но вот негромко хлопнула наружная дверь, щелкнул замок внутренней, загорелся свет. Это вошли *Слава* и *Катя*. Они в пальто, с поднятыми воротниками. Прислушались. За ширмой, где лежит *Тамара*, тихо.

Катя. Неудобно, лучше я домой пойду.

Слава *(испытывает неловкость)*. Неудобно знаешь что? *(Заглянул в буфет.)* Так. Пища. *(Положил на стол батон и круг колбасы. Снял с Кати пальто. Приподнял газеты над чертежной доской.)* Видишь, работка?

Катя наклонилась.

Осторожно. *(Снова закрыл.)*

Сели за стол. Ломают батон, по очереди откусывают колбасу.

Первобытный коммунизм.

К а т я. Интересно, а первобытный комсомол был? *(Взглянула на Тамирину полку.)* У вас книжек сколько! Ты читал такую книжку — «Скорпион»? Там на обложке женщина нарисована с рюмкой и так... полуобнаженная.

С л а в а. Не читал.

К а т я. Боже, какая серость!.. Мне эту книжку один футболист давал. У меня вообще в спортивном мире есть связи. На любую игру могу достать пропуск.

С л а в а. Я вижу, ты не теряешься.

К а т я. А что, у меня много знакомых. Я привыкла дружить. Я после школы два года с одним дружила. Один раз даже с сыном генерала познакомилась. Честное слово. Он так сразу и сказал: я сын генерала.

С л а в а. Врешь ты все.

К а т я *(без обиды)*. Правда. Я даже иностранцам нравлюсь. Шведам. Помнишь, шведы приезжали? Я с одним моряком познакомилась.

С л а в а. Его отпустили на берег на два часа, он и бросился на первую попавшуюся.

К а т я. Ну да, он мне ручку поцеловал. Разрешения попросил и поцеловал.

С л а в а. А ты и рада. *(Оглянулся на ширму, придвинул стул к Катиному и с некоторой неловкостью, но весьма решительно обнял ее.)*

К а т я *(на минуту загнулась и — быстро)*. Тетка сшила оранжевое платье, так на нее на улице оглядывались — она старая. Тогда она мне отдала.

С л а в а. Хочешь, чтобы на тебя тоже оглядывались?

К а т я. А на меня оглянутся — только скажут: «Хорошо!» *(Натянута улыбнулась С л а в е, сняла его руку с плеча, ласково, но настойчиво положила ему на колено.)*

С л а в а. Ты что?

К а т я. Вчера шла садиком — воробьях воробья за крыло таскает, наверно, он ей изменил...

С л а в а поднялся, достал Тамирины папиросы, закурил. Вернулся к К а т е, остановился за ее спиной.

(Поправила волосы.) А я решила покраситься, а то ни разу брюнеткой не была. *(Встала, повернулась к нему лицом, беспокойно засмеялась.)*

С л а в а. Смотрю я на тебя и думаю: дура ты или умная?

К а т я. Я не дура, я не умная — я веселая. Меня специально в компанию приглашают, чтобы я их веселила.

С л а в а (*облокотился на стул, обнял ее*). Ну и как, многих развеселила?

К а т я (*поначалу улыбаясь, а затем — зло, с усилием разняла его руки*). Не можешь руки при себе держать!

С л а в а (*ощетинился*). А что я тебе сделал?

К а т я. Ничего. Всякий будет рукам волю давать...

С л а в а. Я что — всякий?

К а т я. А ты думал, тебе особая привилегия? Иди в Мраморный зал на танцы, там есть такие страшненькие, специально для тебя.

С л а в а. Зачем же тогда со мной в кино пошла? В первый раз видишь человека...

К а т я. А чего теряться? Убудет меня — в кино сходить?

С л а в а (*с мучительной развязностью*). А убудет тебя?.. (*Обнял ее.*)

К а т я (*вырвалась*). Сколько стоит билет?

С л а в а (*простодушно*). Четыре пятьдесят.

К а т я (*положила деньги на стол*). Пятьдесят копеек на чай. (*Направляется к двери.*)

Т а м а р а (*отодвинув ширму, поднялась на кровати*). Двенадцать часов, тебе завтра в восемь вставать.

К а т я (*Тамаре*). Простите, пожалуйста. (*Славе*). А во вторых, я тебя не в первый раз вижу. Я с твоей Лидочкой в одной квартире живу, вот ты какой наблюдательный.

Т а м а р а. А вы, девушка! Пришли ночью к молодому человеку домой. Такая молоденькая и вот как начинаете себя вести. И Славу хотите отвлечь от занятий.

К а т я. А я его не отвлекаю. Он не из-за меня двойки получает.

Т а м а р а. Какие двойки?

К а т я. Спросите у его Лидочки.

Т а м а р а. Какая Лидочка? (*Славе*). В чем дело?

С л а в а. А я знаю?

К а т я. У нас ее вся квартира не любит. Самописку твою.

Т а м а р а. Какую самописку?

К а т я. Она лекции конспектирует очень скоро. Прямо слово в слово, как попугай. Только вот несчастье — поссорился с ней Слава, она ему конспекты не дает. Зато когда ей что-нибудь нужно, он на все готов, даже себе в ущерб. У нас ее в квартире никто не любит. Только и знает тетрадки перелистывать — двери не отворит, хоть ты раззвонись! Я ее так и зову: самописка, вечное перо.

Т а м а р а. Ну и что же, значит, старательная девушка, серьезная. А вам не мешает с нее пример взять.

К а т я. А зачем мне брать? Я и так пользуюсь успехом.

Т а м а р а. Видите, как вы отвечаете? Вы — девушка, для вас честь дороже всего. Я в ваши годы уже Славика растила!

С л а в а. Повело.

Т а м а р а. Что?

С л а в а. Спать, говорю, пора.

Т а м а р а. А ты! Как ты мог! Пришли. Двенадцать часов ночи!

К а т я. Мы замерзли в парадном, погреться пришли.

Т а м а р а *(не слушая)*. Стыдись! Привести кого-то. Ко мне.

К а т я. А к кому он должен меня привести, к товарищу?

Т а м а р а. Уходите, я спать хочу.

К а т я. Спокойной ночи.

Т а м а р а. Погремите болтом, дворник откроет.

С л а в а *(угрюмо)*. Провожу.

К а т я. Сама дойду. *(Уходит.)*

Т а м а р а. Святослав, что случилось?

С л а в а. Видишь ли, какая петрушка. Мы с Лидой договорились идти вместе, а шпаргалки были у меня.

Т а м а р а. Какие шпаргалки?

С л а в а. Ну, какая разница. Нумерованные, по тридцать штук в каждом кармане. Она берет билет — тридцать первый. *(Увлекаясь.)* Начинаю перелистывать в правом кармане, дошел до тридцатой, соображаю: тридцать первая-то в левом. Нашел наконец ей шпаргалку, начинаю искать для себя. Вынул: вместо девятой — одиннадцатая...

Т а м а р а. А зачем тебе понадобились шпаргалки?

С л а в а. Ты что, никогда не училась?

Т а м а р а. Я училась без шпаргалок.

С л а в а. Карась-идеалист.

Т а м а р а. Может быть. Теперь объясни, что это за девица?

С л а в а. Ну, с междугородной станции, телефонистка.

Т а м а р а. И она в первый же день согласилась прийти к тебе домой? Ночью?!

С л а в а. А может, она надеялась, что я порядочный человек?

Т а м а р а. Это ее меньше всего беспокоит. Ты знаешь, какие бывают женщины? Неужели тебе самому не противно, скажи честно?

С л а в а. Нет.

Т а м а р а. Боже мой, какой ты! Никаких принципов!

С л а в а. Зато у тебя слишком много принципов. Ты из принципа замуж не вышла.

Т а м а р а (*встала с кровати, очень взволнована*). Да, я из принципа. Я из принципа. А ты? Вот ты грубишь. Ничего нет для тебя святого. И ты считаешь, что это подвиг. Смотрите, как я ничего не боюсь! (*Достает с полки книжку, раскрывает ее*.) Вот, хочу, чтоб ты прочитал.

С л а в а. Ладно, положи.

Т а м а р а. Нет, сейчас, при мне.

С л а в а. Я начитан до мозга костей, я насыщен теорией по горло.

Т а м а р а (*смотрит на него молча и вдруг с силой бьет по щеке*). Это письма Маркса!

Входит Ильин. Полускрытая ширмочкой, Тамара грустно листала странички писем Карла Маркса.

С л а в а. Кто это?

И л ь и н. Ильин, Александр Петрович.

С л а в а. Какой Ильин?

И л ь и н. Остановился у вас временно.

С л а в а. Очень приятно.

Т а м а р а. Почему ты от меня скрыл, что получил двойку? Какой-то незнакомой девице рассказал, а от меня скрыл?

С л а в а. Я никому ничего не рассказывал. Вообще не люблю посвящать в свои дела посторонних.

Т а м а р а. Он не посторонний. Он тебя знал, когда тебе два года было. Пускай послушает.

Ильин прислонился к косяку: слушает.

С л а в а. Трагедия из жизни советского студента — «Начало пути». Внимание, занавес!

Т а м а р а. Я ему всю молодость отдала, ничего не осталось!

Ильин. Ну ладно, старик, тебе спать пора.

Слава берет раскладушку, уходит в свою комнату.

Т а м а р а (Ильину). И вы уходите, вы мне оба надоели.

Ильин тоже направляется к себе.

Только закройте сначала дверь.

Ильин запирает входную дверь.

И погасите свет.

Ильин гасит свет.

И дайте мне хоть немного поспать сегодня!

Ильин ушел к себе, сел на диван. Слава гремит раскладушкой, всячески притесняя гостя.

Ильин. Ну, как там наш Технологический? Фомичев существует.

С л а в а. Свиристует. А вы что, тоже жертва науки?

Ильин. Вот именно — жертва. Меня вышибли с третьего курса.

С л а в а. За что пострадали?

Ильин. За откровенность. Как-то на досуге изложил Фомичеву все, что о нем думаю. Тогда он повел против меня холодную войну, которую завершил блестящей победой в конце семестра.

С л а в а. Бывает.

Ильин. Я вижу — вы с тетей плохо ладите.

С л а в а. По третьему закону Ньютона — действие равно противодействию. Она меня воспитывает — я сопротивляюсь.

И л ь и н. А что, ваша тетя все время одна живет, замуж не выходила?

С л а в а. Не родился еще тот несчастный... Впрочем, был у нее кто-то на заре туманной юности. По неофициальным данным.

И л ь и н. Тише. *(Мотнул головой на дверь.)* А ведь, наверно, это я и был. Мы с ней до войны познакомились, я у вас комнату снимал. Папа твой служил на Морфлоте, мама и Тома только еще начинали клейщиками на «Треугольнике». Она красавица была, твоя тетя, теперь таких нет. Звезда! Ее в цеху так и звали «Звезда». Прибежит с завода — стук-стук по ступенькам...

С л а в а. А вы романтик.

И л ь и н. Мы с ней всю войну переписывались. Потом по причине некоторых обстоятельств я перестал писать, а письма ее все с собой таскал. Потом и письма куда-то пропали.

С л а в а. А знаете, я бы на вашем месте описал все это в поэме. Что-нибудь такое:

Милый взгляд твоих дивных глазенок
Пробудил впечатленья во мне,
Ты одна мне милей из девчонок,
Моему сердцу пришлась по душе...

И л ь и н *(засмеялся)*. Ничего. Только рифма хромает.

С л а в а. Рифма — это не важно. Было бы чувство в груди. Ну, рад, что познакомился. *(Протянул И л ь и н у руку.)*

И л ь и н медленно сжал ее так, что С л а в а охнул.

И л ь и н. Тсс... *(Сжал еще сильнее.)*

С л а в а приподнялся.

Тсс. *(Со зловецким спокойствием.)* Так вот. Если ты при мне обидишь эту женщину, то я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пушу. Рифма устраивает?

Александр Володин

С л а в а (*протонал*). Устраивает.

И л ь и н. Тсс... (*Отпустил.*) Какое мы имеем сегодня число?

С л а в а. Пятнадцатое.

И л ь и н. Так вот, в течение этих дней, что я провожу в вашем доме, я намерен обеспечить этой женщине счастливую жизнь. Усвоил?

С л а в а. Усвоил. (*Взял полотенце, ушел на кухню.*)

Ильин погасил свет. В полумраке мы видим Тамару и Ильюна. Они лежат в своих комнатах с открытыми глазами.

И л ь и н. Тома...

Тамара не отвечает.

Тома.

Тамара молчит.

Тома!..

Пауза.

Т а м а р а. Что?

И л ь и н. Не спишь? (*Пауза.*) А я тебя вспоминал. А ты?

Т а м а р а. Первое время вспоминала.

И л ь и н. А ты мало изменилась.

Т а м а р а. Не болтай.

Ильин засвистел мотив песенки.

Довольно уж, мне на работу рано.

И л ь и н. Спокойной ночи.

Т а м а р а. Спокойной ночи.

Лежит с открытыми глазами. На сцене меркнет свет. Так закончился первый вечер.

Второй вечер

Мы сразу перейдем к нему, потому что за день ничего существенного не произошло.

Ильин и Слава в комнате Тамары. Ильин сидит верхом на стуле, наблюдая за Славой. В продолжение последующего разговора Слава постелит на стол белую скатерть, распределит по комнате три букета мимозы в стеклянных банках, оботрет пыль с комода.

Ильин. Видишь, как хорошо. Когда на столе белая скатерть и цветы — неловко быть мелочным, грубым, злым. Скатерть должна быть со складками от утюга: они пробуждают воспоминания детства.

Слава. Возвышенно.

Ильин. Жить надо мудро, без суеты. Учти, в книге жизни много лишних подробностей. Но тут существует секрет: эти страницы можно пропускать.

Слава. Ну так вот, эту самую страницу мне читать неохота. Придет тетя Тома, пускай убирается. В конце концов, существует разделение труда?

Ильин (*учтиво*). Не сердь меня, работай.

Слава, не ответив, сел на другой стул точно в такой же позе, как Ильин.

И будешь проделывать эту операцию каждую субботу.

Слава. Ха-ха.

Ильин. А ну, встань.

Слава не двигается.

Ильин. Неудобно же мне бить сидячего.

Слава встал, Ильин тоже.

Опусти подбородок на грудь, развернись боком к противнику, левая рука выставлена вперед, правая защищает подбородок. В боевой стойке ты неуязвим для удара.

Слава встал в стойку.

Наиболее эффективны удары, нанесенные по концу подбородка. В боксе нет замахов. Поступательное движение кулака происходит по прямой, ибо прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками. Усвоил?

С л а в а. Усвоил.

И л ь и н. Бей.

С л а в а бьет. И л ь и н подставил ладонь, шаг назад.

Вперед левой, протягивай правую. Удар.

То же самое.

Пальцами вниз, коротко, неожиданно, бей!..

Отходя к двери.

Бей!..

За его спиной открывается дверь. Это К а т я, в оранжевом платье. Мгновение она смотрит на происходящее молча и вдруг с пронзительным визгом бросилась на И л ь и н а, вцепилась ему в руку.

К а т я. Ты что делаешь, гад ползучий! Ты что делаешь!
С л а в а. Обалдела? Пусти, это запрещенный прием.

К а т я оставила И л ь и н а.

Тренируемся, понятно? Техника бокса.

К а т я (*И л ь и н у*). За такую тренировку знаете что бывает? Пятнадцать суток.

И л ь и н. Демоническая женщина. Маникюр у тебя, что ли?

К а т я (*С л а в е*). Зачем на переговорный приходил?

С л а в а. Так, мимо шел — зашел.

К а т я. А я думала — по делу. Больше так не приходи.
(*Направляется к двери.*)

С л а в а. Посидела бы.

К а т я. Еще чего!

С л а в а. Куда спешить-то...

К а т я. Детишки плачут.

С л а в а. Александр Петрович, правда она на Земфиру похожа из «Цыган»?

К а т я (*польщена, хотя это несколько не соответствует действительности*). Неправда. Вот, говорят, я на артистку Ларионову похожа, — это может быть.

С л а в а (*Ильину*). А что, сходство есть.

К а т я. Не знаю. А другие говорят, что я похожа на сестер Федоровых. Только худею что-то. Прошлый год в талии было семьдесят, а сейчас шестьдесят семь. Совсем дистрофик стала.

С л а в а. С чего бы это?

К а т я. Влюбилась сильно.

С л а в а. В кого, не секрет?

К а т я. В монтера нашего, Ваню.

С л а в а. А я смотрю — вырядилась. (*Ильину*.) Нет, девушки не должны одеваться ярко. Пускай хотя бы делают вид, что они неземные существа. Ладно, раз пришла, давай включайся, а то мы тут зашились.

К а т я. Что это у вас за приготовления?

И л ь и н. Праздник такой. День рождения.

К а т я (*кивнула на Славу*). У этого, что ли?

И л ь и н. Нет, не у этого... у тети его.

К а т я. Сколько же ей стукнуло?

С л а в а. Вообще день рождения, абстрактно.

К а т я. Понятно. Между прочим, у нас на лестнице одна женщина — тридцать восемь лет — вышла замуж.

С л а в а. За семидесятилетнего.

К а т я. В тридцать восемь лет можно выйти за что угодно.

И л ь и н. Ну, ближе к делу. Оботри окошко, полочку, в общем, вас теперь двое — действуйте. Я скоро вернусь. (*Ушел.*)

К а т я (*сняла пальто, подвязалась фартучком*). Сперва скатерть постелили, потом пыль вытирают. Уборщики!

С л а в а. Ладно, больше дела — меньше слов. (*Сел на место Ильина, наблюдает за работой.*)

К а т я (*после паузы*). Сейчас иду по улице, смотрю, птицы сидят над карнизом. Он спит, а она его клюет — ей скучно.

С л а в а молчит.

(Глядя в окно.) Вон девочка пошла в ботиночках, они триста рублей стоят. Хорошо бы они сто пятьдесят стоили, я бы обязательно купила.

С л а в а. У тети Томи есть календарь женщины — там точно подсчитано: если средняя продолжительность жизни семьдесят лет, то на сон уходит двадцать пять лет, на еду — шесть, на умывание — полтора года. А если подсчитать, сколько уходит на бессмысленные разговоры...

К а т я. Можешь не разговаривать. *(Убирается молча. Обтирает книжную полку, достала книжку, раскрыла.)* Жюль Ренар.

С л а в а. Это тебе неинтересно.

К а т я. Почему неинтересно!.. *(Отложила книжку на тумбочку, продолжает работать молча.)* Я еще тоже студентка буду, в техникум связи пойду. Это почти что институт, там четыре года учатся.

С л а в а. Давай старайся.

К а т я. А что, наш монтер говорит, у меня есть технические способности. Это редкость у женщины. У меня в школе были очень хорошие характеристики, что я ангел. Только с переговорного уходить неохота. За все время ни одного замечания, одни благодарности. Потому что меня все знают, что я четко работаю. У меня на дежурстве даже голос становится другой, правда? *(Пауза.)* Слава, хочешь в «Зарю» на восемь тридцать? У меня там билетерша знакомая. Я один раз двоих провела. Сижу между ними, один говорит: «Ты со мной пришла, повернись ко мне». Поворачиваюсь, тогда другой с претензией.

С л а в а. А я третий буду сидеть? Совсем извертишься. *(Указал.)* В той комнате убери.

К а т я уходит в комнату Славы. Входит Т а м а р а. Некоторое время молча смотрит на происходящее.

Т а м а р а. Что здесь происходит? Кто тебе разрешил стелить эту скатерть? Зачем ты взял банки, их надо сдать в магазин, я специально приготовила. Слезь со стола и объясни мне, в чем дело...

С л а в а. А я знаю... Жилец твой распорядился.

Т а м а р а (*после паузы*). При чем тут мой жилец! Пускай скажет спасибо, что его пустили ночевать. Новое дело, со своим уставом в чужой монастырь. Освободи банки.

С л а в а складывает на окно мимозу. Т а м а р а убирает скатерть. Постепенно комната приобретает прежний вид. В дверях появляется К а т я.

(*Испуганно.*) Кто это?

К а т я. Это я, Катя.

Т а м а р а. Какими судьбами?

К а т я. Ая... пришла.

Т а м а р а. Сама?

К а т я опустила голову, неопределенно пожала плечами.

А что вы там делали?

К а т я. Чемодан обтерла.

Т а м а р а (*С л а в е*). Задвинь его обратно.

С л а в а. Может, и мусор обратно принести?

Входит И ль и н и останавливается у двери. В руках у него разнообразные свертки и бутылка вина.

И ль и н (*С л а в е*). В чем дело? А ну, поставь обратно цветы.

С л а в е нравятся эти разногласия. Вразвалочку пошел за цветами, снова ставит их в банки.

Т а м а р а (*следит за ним молча*). Освободи банки, мне нужно сдать их в магазин.

С л а в а радостно хмыкнул, ожидает дальнейших распоряжений.

И ль и н (*Т а м а р е*). А мы тут обмыть решили.

Т а м а р а. Что обмыть?

И ль и н. Нашу встречу.

Т а м а р а. Во-первых, я не вижу надобности отмечать нашу встречу салютом. А во-вторых, мне надо переодеться.

Ильин. Тогда прошу прощения. (*Славе*). Освободи банки, продукты — на холод, цветы — на помойку. (*Ушел в другую комнату.*)

Тамара стоит задумавшись.

Слава. Тетя Тома, ты уж слишком.

Тамара. Думаешь, он обиделся?

Слава. А то нет! Человек хлопочет...

Тамара. Не знаю. Ну, позови его... если хочешь.

Слава. Ты прогнала, ты и зови.

Тамара (*после паузы*). А может, правда он обиделся. (*Тихо, Славе.*) Как ее зовут?

Слава. Екатерина.

Тамара. Катя, хочешь — позови.

Катя. Мне как-то нетактично. Сама в гостях — и сама зову.

Тамара постояла в нерешительности, открыла дверь в соседнюю комнату.

Тамара. Александр Петрович! Вы что, обиделись? Ну, если хотите, давайте выпьем, дело какое!.. (*Вышла на кухню.*)

Катя. Какая странная!

Слава. На свете, друг мой, много непонятого. (*Поставил на стол цветы, сел.*) Свистать всех к столу!

Катя тоже села — непроницаемая, бесстрастная, с книжкой Ренара, которую она во время предыдущей сцены листала.

(*Открыл бутылку, налил себе.*) А то потом не дадут.

Катя (*прикрыла свою стопку ладошкой*). Мне нельзя, меня от нее мутит.

Слава. Непьющих не держим. Поехали. (*Глотнул, поперхнулся, отставил, но духом не упал.*) Живем!

Катя (*безразлично*). Маслом закуси.

Возвращается Тамара, увидела начатую бутылку.

Тамара. Уже успели.

С л а в а. А мы эпикурейцы. Знаешь, что у них на двери было написано? «Прохожий, зайди, здесь тебя ждут наслаждения».

К а т я. Вот так пошлость сказал.

Т а м а р а. Только они понимали не плотские наслаждения, а духовные.

С л а в а. Тогда отказываюсь. Лучше буду стоик.

Т а м а р а. Не пора ли тебе марксистом стать?

С л а в а. Маркс тоже не родился марксистом, марксистом он стал потом.

Т а м а р а. Тогда сходи на кухню, покроши салат.

С л а в а. Ну, знаешь... *(Но пошел.)*

Т а м а р а. Может, стол к дивану придвинуть, потанцуем? Лет уж сто не танцевала, разучилась. Теперь ведь как-то постильному надо?

К а т я. Кто как. Необязательно.

Разговаривают, накрывая на стол.

Т а м а р а. Вы тут со Славой поместитесь?

К а т я. Поместимся, только я с ним не сяду.

Т а м а р а. Почему?

К а т я. Правду говорят, переученный хуже недоученного. Целый вечер с ним гуляли и ни о чем толком не говорили.

Т а м а р а. Может быть, ему скучно с тобой?

К а т я. Если бы я захотела, ему бы сразу стало весело. У него были попытки, только неудачные.

Т а м а р а. Сама виновата — значит, он мало тебя уважает.

К а т я. Подумаешь, сверхличность! Я больше его читаю. Хотите тетрадку принесу, я туда отдельные мысли записываю.

Т а м а р а. Милая моя, он студент, тебе догонять его и догонять.

К а т я. Ну и что же. Вот «Мартин Иден» читали? Он за несколько месяцев все изучил, даже политические труды. А я знаете как читаю? Я шестьдесят страниц могу в час прочитать. А если стихи — семьдесят пять.

Т а м а р а. А толку что? Лучше ты прочитай страничку и подумай. А то сегодня прочитала — завтра забыла.

К а т я. Ну да, у меня память знаете какая? Я два раза только прочитаю, уже наизусть помню. Я уже Александра Твардовского изучила, Александра Блока, Алексея Суркова...

С л а в а (*входит с миской салата*). Веру Панову, Веру Кетлинскую, Веру Инбер...

Входит Ильин.

К а т я (*громко*). Александр Петрович, скажите ему.

Т а м а р а. А правда, злой ты, Славка.

К а т я. Люди видели бы вокруг себя много прекрасного, если бы не были так злы.

С л а в а. Где-то читал.

К а т я. Жюль Ренар.

Т а м а р а. То, что не надо, читаешь, а заниматься — времени нет. Еще двойку схватишь!

С л а в а. У меня по теплотехнике конспектов нет. Завтра возьму у кого-нибудь — засяду.

К а т я (*Тамаре*). Ну как можно заниматься по чужим конспектам!

Т а м а р а. Александр Петрович, скажите ему...

И л ь и н. А что, конспектировать — это, брат, не механический процесс. Ты же одновременно осваиваешь материал.

С л а в а. Второй фронт открылся.

И л ь и н. Что-то торжественная часть затягивается. Выпьем?

С л а в а (*выпил*). Сила...

К а т я. Ой, давайте закусывать!

С л а в а. Покормите ее.

К а т я. Я не о себе беспокоюсь. Если хотите знать, я сегодня уже была в гостях.

С л а в а (*берет у нее тарелку*). Ах, она уже была в гостях...

Т а м а р а. Слава!

К а т я. Я на него не обижаюсь. Я вообще не верю мальчишкам. Я с одним два года дружила. А потом он меня избил и бросил. Да, сейчас уже не может быть, как в каком-то

веке: девушка, жизнь за нее отдать... Сейчас перегиб в другую сторону. Им неинтересно с такой, которая будет какие-нибудь идеи толкать. У них одна цель — считают, что нужно обязательно чего-нибудь добиться. Уйдет без поцелуя домой — значит, вечер зря пропал.

Т а м а р а. От девушки тоже зависит, надо быть гордой.

С л а в а поставил пластинку. Пригласил К а т ю. Танцуют. Т а м а р а взглянула на И л ь и н а, подняла рюмку, они выпили.

С л а в а. Что за групповщина! Я осуждаю вас, и все вас осудят за то, что вы пьете индивидуально. Катя, выпьем на брудершафт!

Т а м а р а. Уймись, развеселился.

С л а в а. А что, мне весело, я не стыжусь. Между прочим, мне не так уж весело, как вам кажется. Тетя Тома! (Целует ее в щеку.) Я один тебя понимаю. Ты держись за меня!

И л ь и н (оставил его стопку). Ты перебрал, поди отдохни.

С л а в а. Не знаю, что мне делать: демонстративно уйти или демонстративно остаться.

К а т я (вежливо, И л ь и н у). А зачем вы распоряжаетесь? Вы кто здесь, жилец? Жилец. Значит, ведите себя тактично. И на Славу плохо влияете. Вот он выпил три рюмки, зачем это?

Ей не ответили. С л а в а почувал неладное. Повел глазами, чтобы К а т я обратила внимание: рука Ильина лежит на руке Тамары. С л а в а кивнул головой на дверь. К а т я встала, неслышно отошла, надела пальто. С л а в а дал понять, что она должна выйти, он ее догонит.

К а т я ушла. Тогда он тоже встал и тихо пошел к двери. Только тут на него посмотрела Т а м а р а.

Т а м а р а. А Катя где?

С л а в а. Домой ушла.

Т а м а р а. А ты куда?

С л а в а. Пойти пройтись.

Т а м а р а. На ночь-то глядя. Сиди.

С л а в а сел на стул. Посидел, усыпляя бдительность. Встал, взял пальто.

Ильин. Сказано — сиди.
Слава (*сел, вздохнул*). Можно ехать.

Его никто не слышит. Надел пальто, вышел.

Тамара (*взяла гитару, поет*).

— Миленький ты мой, возьми меня с собой.

Там, в краю далеком, назовешь меня женой.

— Милая моя, взял бы я тебя —

Там, в краю далеком, ждет меня жена.

— Миленький ты мой, возьми меня с собой,

Там, в краю далеком, назовешь меня сестрой.

— Милая моя, взял бы я тебя —

Там, в краю далеком, ждет меня сестра.

— Миленький ты мой, возьми меня с собой,

Там, в краю далеком, назовешь меня чужой.

— Милая моя, взял бы я тебя —

Там, в краю далеком, чужая ты мне не нужна.

(*Вдруг, очень просто.*) Какой был бы ужас, если бы я за кого-нибудь вышла замуж! (*Играет.*)

Ильин. Что?..

Тамара играет все громче, все быстрее.

Что ты сказала?..

Свет гаснет. Теперь музыка звучит в оркестре. Это стремительная, страстная, почти экзотическая мелодия.

Третий вечер

Смеркается. Вечерняя смена уже заступила. Снег все идет. Дворники засыпают песком ледяные дорожки, но дети и женщины снова их раскатывают. А в Михайловском саду тихо, как в лесу. И Петропавловская крепость стоит, кажется, не на берегу Невы, а на самом краю снежного поля.

Просцениум. Барьерчик, за ним у коммутатора — Катя. На скамье сидит Слава. На втором занавесе нарисованы две кабины с номерами 5 и 4... Остальные за кулисами. Это переговорный пункт

междугородной телефонной станции. Абонентов мы не видим, телефонные разговоры слышны из-за кулис.

К а т я (*с характерными интонациями телефонистки*). Алло! Дежурненькая? Три семь. Сережу, пятнадцать минут. Минск! Минск, третья кабина!

В паузах последующей сцены К а т я, продолжая работу, может произносить в микрофон:

- Последняя минута, заканчивайте.
- Звенигород, там Кубинка, это местечко.
- Пятьдесят три, кто подойдет.
- Муром, четвертая кабина, Муром, четвертая.
- Закончили, разъединяю, все, все...

Из закулисной кабины: «Папа, передай трубку маме. Мама? Все в порядке, уже пять зубов. Два сверху, три снизу».

С л а в а. И один посередине.

К а т я. Посмеяться можно на улице. Выборг, третья кабина, идите, девушка.

Г о л о с д е в у ш к и. Сережа? Ты получил мое письмо?.. Нет, ты говори, получил мое письмо?

С л а в а. Врет, получил.

Г о л о с д е в у ш к и. А почему ты мне не ответил? Ты говори, говори, у меня пятнадцать минут заказано, я стипендию получила.

К а т я. Ты же говорил, что больше не придешь?

С л а в а. Позвонить зашел.

К а т я. Звони.

С л а в а. Разменяй.

К а т я. Что я тебе — разменный пункт? (*Бросила монету.*)

С л а в а (*набрал номер*). Лидочка?.. Слава говорит, привет. Какие у тебя планы на вечер?.. А то махнули бы в «Зарю» на восемь тридцать?.. Брось приbedняться. Только сегодня сда-ла, завтра позанимаешься...

К а т я. Я говорила — тебе студентка нужна, чтоб пони-мала А плюс Б.

С л а в а положил трубку.

Только ты студентке не нужен. *(По своему телефону.)* Алло? Ваня?.. Хорошо, что позвонил, я уже соскучилась... Сегодня?.. Не знаю, вообще-то я не думала... Я?.. Когда?.. Ну, напомните мне, где, что и когда?.. А я и не собираюсь доказывать... Ну, ладно, приду. Только вы не пессимист? А то я тут с одним познакомилась, чуть с тоски не померла, он мне свои чертежи показывал, чтоб я их ценила...

С л а в а.

Он был монтером Ваней,
Но в духе парижан,
Себе присвоил званье
Электротехник Жан.

К а т я. А тебе какое дело? Петрозаводск, третья кабина. Командировочный *(за кулисами, очень быстро)*. Пестриков. Я дюралевые листы отправил, квитанция семь-четыре.

К а т я. Слышишь, люди делом занимаются, а ты все сидишь. Иди учись.

Сулицы слышен женский смех. Входят Ильин и Тамара. Она смеется, стряхивая снег.

Т а м а р а *(Ильину)*. Вот видишь, так и есть, опять здесь торчит. *(Славе.)* Она на работе! И тебе позаниматься не мешало бы.

К а т я. Не беспокойтесь, больше не будет приходить. Если он прохиндей, так и я буду веселиться.

Т а м а р а *(Славе)*. Проси прощения.

С л а в а. С какой стати?

И л ь и н. Перед девушками извиняться не стыдно, им всегда хуже, чем нам.

Т а м а р а. Хорошо, что ты так думаешь. Хотя это и неправда. Вот мне сейчас лучше, чем вам. Я зарницу в небе видела. Это к счастью.

С л а в а. Зимой зарниц не бывает.

Т а м а р а. А если я видела? Если я своими глазами видела, тогда что?

И л ь и н. Тогда бывает.

Т а м а р а. Понял?

С л а в а. Чего уж не понять.
Т а м а р а. Вот, учись. Пошли, есть хочется жутко.
И л ь и н. Я догоню, мне позвонить надо.
Т а м а р а. Только быстреей, ждать не будем.

Тамара и Слава уходят.

И л ь и н (*подсел к городскому автомату*). Справочная? Телефон «Гастронома», угол Литейного и Пестеля. Да. Спасибо. (*Набрал номер.*) Зою из бакалеи можно попросить?.. Зоя? Приветствую, Саша. Я обещал к вам зайти. Простите, не могу... Нет, и завтра не смогу. И потом.

Свет гаснет.

Комната Тамары. На этот раз она празднично убрана. Светлая скатерть, цветы. Слава, хмурый, за письменным столом тонет в учебниках и конспектах. Тамара, в нарядном платье, бочком сидит на своем подоконнике, возбужденно смотрит на Ильина. Ильин стоит посреди комнаты.

И л ь и н (*делая пассы*). Оклахома, синерама, пневмоторакс, квадарама! (*Вынимает у Славы из-за воротника апельсин, преподносит Тамаре.*)

Тамара очень довольна, ест.

Але-оп!.. (*Вытягивает у Славы из уха прозрачную косынку, накидывает на Тамару.*)

С л а в а. Ну вас к аллаху, сколько можно. Мне заниматься надо. (*Вынул у себя из кармана флакон духов, плитку шоколада.*)

И л ь и н (*раскатывая рукава*). Пижон.

Т а м а р а. Александр Петрович уезжает, надо веселиться.

С л а в а. Без меня. (*Собрал со стола книги, ушел в соседнюю комнату.*)

Сразу стало тихо и пусто. Долгая пауза. Ильин, сунув руки в карман, покружил по комнате, подошел к Тамаре.

И л ь и н. У тебя руки красивые.

Т а м а р а. Руки у всех баб красивые.

И л ь и н. Помнишь парадное?

Т а м а р а. А то нет?

И л ь и н. Немало мы там отдежурили.

Т а м а р а. Как ненормальные. А помнишь, как ты в первый раз меня поцеловал? Прямо на лестнице. У-у!.. Я и сумочку со страху выронила.

И л ь и н шагнул к ней. Она встала, прислонилась к стенке, опустив веки. Поцелуй. Книжка из-под ее руки упала на пол.

А почему все в парадном целуются? Как приговоренные. Ну, почему, скажи?

И л ь и н. Не знаю.

Т а м а р а. Потому что там тепло.

Поцелуй. Стук в дверь из соседней комнаты.

Что ты стучишь?

С л а в а вошел, взял что-то с письменного стола и, не подымая глаз, удалился.

И л ь и н. У тебя глаза красивые.

Т а м а р а. Просто большие глаза, большой величины.

И л ь и н. И цвет лица хороший.

Т а м а р а. Что ты! Вот раньше у меня был цвет лица, это правда. Сегодня вхожу в трамвай, слышу: «Садитесь, мамаша». Оглянулась — ко мне обращаются.

И л ь и н. Да, время летит. И чем дальше, тем быстрее. (Обхватил голову руками.) Жизнь моя, иль ты приснилась мне! Все-таки молодость — окаянная штука. Обещает и обманывает. А мы все верим.

Т а м а р а. А меня несколько не обманула. Я всегда знала, что буду счастливая. И вот — счастливая!

И л ь и н. Ничего, меня с земного шара не спихнешь, он большой.

Т а м а р а. Я знала, я всегда знала, что ты многого добьешься. Главный инженер. Это же руководитель производства. У меня участок — восемьдесят клейщиц. А тут комбинат. Целый город! Тебя рабочие любят?

И л ь и н. Не знаю, не спрашивал.

Т а м а р а. Чтобы все любили — этого не бывает. Но в основном, конечно, любят. В этом я уверена.

И л ь и н (*решился*). Тома, я должен сказать тебе одну вещь. Но это между нами.

Т а м а р а. Между нами. Только между нами. Между тобой и мной.

И л ь и н. Тома, я хочу уйти со своей работы.

Т а м а р а. Как уйти, зачем?

И л ь и н. Надоело.

Т а м а р а. Не пойму, ты серьезно говоришь?

И л ь и н. Абсолютно.

Т а м а р а. Почему у тебя такие странные мысли? Может быть, ты устал? Такая работа, а живешь безалаберно. И вообще, когда человек один — ему все представляется в мрачном свете. Теперь будет иначе, уж поверь! Тут же приехать пустяк — часов пять езды.

И л ь и н. Не понимаешь. Ну, надоело мне!.. С судьбой надо играть по крупной: ты ее или она тебя.

Т а м а р а (*встревожилась*). У тебя что-нибудь случилось? Неприятность?

И л ь и н. Станный все-таки народ. Неужели обязательно должно что-нибудь случиться? А!.. (*Махнул рукой.*) Послушай, Тома! Давай-ка оторвемся, поплывем куда-нибудь на Север. Я же шофер первого класса. Вот права! (*Вынул из кармана права помахал.*) Я шофер, я и механик. А? Стал бы я для тебя хуже или нет?

Т а м а р а, молчит, собираясь с мыслями.

Т а м а р а. Не знаю...

И л ь и н. А, не знаешь!

Т а м а р а. Для меня ты не стал бы хуже!.. Только, понимаешь, человек должен делать все-таки самое большое, на что он способен.

И л ь и н. А кто на что способен, разберись!. Едем?..

Т а м а р а. Куда?

И л ь и н. Со мной.

Т а м а р а (*смеется*). Так вдруг? Ни с того ни с сего? Подумай!

Ильин. А если не думая?..

Тамара *(смеется)*. Ну хорошо, поедем... Только что я там буду делать, мне же работать надо.

Ильин. Дело всюду есть.

Тамара. А как же Слава? Он же пропадет здесь, закрутится.

Ильин. Ничего, закрутится и раскрутится.

Тамара. Зачем ты меня дразнишь? А что, если я возьму да и соглашусь. Ты ведь меня не знаешь? *(Раскинув руки, закружилась. Но тут же присела на стул.)*

Ильин. Ну?.. Так как же, Тома?

Тамара. Ты что, серьезно?.. Что с тобой? Ты какой-то беспокойный. Почему? Это раньше можно было беспокоиться. А теперь? Теперь мы все решим спокойно, теперь ведь торопиться некуда.

Ильин. Так. Понятно.

Тамара. Нет, непонятно, Я хочу знать, что у тебя произошло.

Ильин. Я сказал.

Тамара. А я тебе не верю. Ты не можешь так рассуждать. Кто угодно — только не ты.

Ильин. Увы, это все же я. Пора бы тебе с этим примириться.

Тамара. Нет! Ты лучше, чем сам себя считаешь. Ты всегда боялся трудностей, всегда в себя не верил — это правда. Но ведь ты же все-таки добился, чего хотел, и я тебя за это уважаю. И вот — на тебе, опять то же самое! Бросить любимое дело. Пожертвовать своим призванием. И ради чего! Если же все это была шутка, то извини меня, я ее не поняла. Может быть, у меня не хватает на это юмора.

Ильин. А если я просто хотел проверить твоё отношение ко мне? Можешь ты поехать за мной на край света или нет. Тогда что?

Тамара. Тогда знай. Если бы ты был действительно недобросовестный человек или пустой — то поезжай куда хочешь, но один. Я за тобой, как собачонка, не побегу. Понял?

Ильин. Вполне.

Тамара. Обиделся.

Ильин (*встал*). Ладно, собираться пора. Купила бы мне чего-нибудь на дорогу перекусить. До выяснения моего морального облика я не снимаюсь с довольствия?

Тамара. Саша, что с тобой?

Ильин. Со мной? Ничего.

Тамара. Скажи, Сашок, я пойму.

Ильин. Беги, беги... (*Ушел в маленькую комнату.*)

Тамара постояла у двери, вздохнула, вышла. Когда Ильин вернулся со своим чемоданчиком, комната была пуста. Он проверяет содержимое чемодана, укладывается.

Слава!

Вошел Слава.

У меня к тебе разговор. Томку не обижай. Водку не пей. Притупляется память. Ну, будь здоров.

Слава. Вы что, уже едете? Сейчас?

Ильин (*быстро*). Дела, дела, друг. Трудиться надо.

Слава. Все-таки жалко. Притерпелся я к вам, что ли. Александр Петрович, завтра у меня стипендия. Повременили бы денек, а?

Ильин. В другой раз. Да, все забываю спросить: почему ты именно в химию ударился?

Слава. Тетя Тома настояла, у нее идея-фикс.

Ильин. Считаю, что тебе повезло. Химия, братец ты мой, это самая абстрактная, самая логичная и в то же время самая практическая из наук. Но для человека равнодушного химия — погибель. Ты должен любить запах аммиака, запах сероводорода, черт возьми! Настоящий химик является в лабораторию в своем лучше костюме. Щелочи в его руках не брызгают, кислоты не прожигают материю... А ну-ка, покажи руку. Разве это рука химика? Химик берет без тряпки любую колбу с любого огня. Усвоил?

Слава. Усвоил.

Ильин. Какой же ты сделал вывод на будущее?

Слава. Так точно. Буду двигать науку назад и вперед. А все-таки жалко, что вы уезжаете сегодня. Сходили бы вечером в институт поглядеть на старые стены. Завтра

диспут: «Можно ли считать неуспевающего студента честным человеком?». Потом обозрение, есть неплохие хохмы.

Ильин. Не могу, старик.

Слава. Честно говоря, я обещал ребятам, что познакомлю их с вами. И вам было бы небезынтересно, есть оригинальные типы. Например, Игорь — это личность. Прежде всего, умен. Хотя некоторые считают, что это кажется, потому что он в очках. Между прочим, пишет любопытные стихи. Я его уговорил вам почитать. Интересно, что вы скажете. Александр Петрович, а теперь откровенно. Сейчас вы подумали: развязен и болтлив.

Ильин. Не занимайся самоанализом. Я тебя люблю.

Слава (*очень взволнован*). Нет, я сам ненавижу навязчивых людей. Хотя, с другой стороны, мы достаточно взрослые люди, чтобы говорить начистоту. Да, вы мне тоже симпатичны. Ну вот. Какой-то детский разговор у нас пошел. Смешно. Скажите, а что вы собираетесь предпринимать в отпуск? Не рвануть ли на пару недель в шлюпочный поход по Волге? Как вы относитесь к этой авантюре?

Ильин. Я отношусь положительно.

Слава. Может, спишемся? Только адрес оставьте.

Ильин. Ладно, успеется. Теперь по части теории. Худо, брат, когда ты ошибешься в женщине и она до конца дней будет портить тебе существование. Но во сто раз хуже, если ты по дуруости пройдешь мимо стоящего человека. Я Катю имею в виду. Дошло? Молчи. Сколько там давление?

Слава (*посмотрел на часы*). Девять.

Ильин. Пора. (*Снял со стены Тamarin шарфик, сунул в карман.*)

Слава. Это тети Тома.

Ильин. Не важно. (*Оглядывается.*)

Слава (*что-то поняв*). Тетю Тому не подождете?

Ильин. Она внизу уже, в парадном. Ну, будь. Прощай, старик.

Слава. Она же будет психовать, если вы так, не прощаясь, уедете. Вы же знаете ее.

Ильин. Не будем препираться. Я спешу.

Слава (*встал перед дверью*). Александр Петрович, вы неправду говорите. В чем дело? Откройтесь, я — могила.

Ильин. Слушай, не чуди, у меня поезд. *(То ли шутивная, то ли серьезная борьба у двери.)* Ты что, свихнулся?

Слава. Неужели вы Томку испугались? Бойтесь, что она вас не отпустит? Не бойтесь, слова не скажет, голову даю! А подождать ее вам придется.

Ильин. Ультиматум?

Короткая схватка. Ильин отшвырнул Славу в сторону. Слава тут же вскочил, снова вцепился в Ильина.

Слава. У нее, кроме вас, никого никогда не было! В таких случаях надо хотя бы попрощаться!..

Ильин вынес Славу на себе в прихожую. Вскоре Слава влетел в комнату, растянулся на полу. Потом встал, пожал плечами, криво усмехнулся. Сел на письменный стол, задумчиво засвистел. Входит Тамара.

Тамара. У нас дверь открыта.

Слава. Закрой.

Тамара. А где Александр Петрович?

Слава. Он сказал, что ты ждешь его внизу. Ты разве не проводила его?

Тамара *(молчит, с сумкой в руке. Подошла к столу, машинально выложила покупки)*. Проводила. *(Пошла к двери.)*

Слава. Тетя Тома!

Тамара остановилась.

Не унижайся, не бегай за ним.

Тамара начала медленно, методично прибирать комнату. Достала с полки папиросы, закурила. Включила рефлектор, села на скамеечку и, не сняв пальто, принялась накручивать волосы на бигуди.

Свет гаснет. Занавес.

Женщина.

Преклонение и жалость...

Четвертый вечер

Вешалка, сундучок (из тех, что стоят в прихожей.) Звонит телефон. В накинутом на плечи пиджаке выходит Ильин, снял трубку.

Ильин. Да... Ленинград... Тимофеева?.. Сейчас. Миха, тебя. Эй, телефон!

Из комнаты выходит Тимофеев, всклокоченный, хмурый человек в пижаме. Хочет взять трубку, но в это время позвонили в дверь.

Тимофеев. Кто там?

Голос Тамары. Извиняюсь. Тимофеев Михаил здесь живет?

Тимофеев. Здесь.

Ильин панически замотал головой и замахал руками, опустил трубку на рычаг и пошел в комнату, от двери шепнув: «Меня здесь нет». Тимофеев открыл дверь. Вошла Тамара.

Тамара. Простите, не знаю вашего отчества. Я так поздно... Но бывает — приходится... Я хотела у вас справиться насчет Ильина, Александра Петровича.

Тимофеев (*неопределенно*). Александра Петровича?

Тамара (*очень вежливо*). Вы с ним в институте учились.

Тимофеев. Ах, Сашка! Да, учился. Он что, сейчас вам нужен? Немедленно?

Тамара. Нет, зачем же! Я только хотела спросить. Извините, что так поздно.

Тимофеев (*посмотрел на часы, поднес к уху, потряс*). Вчера починил, сегодня стоят.

Тамара. У нас часто так бывает, починят...

Тимофеев. Что?

Тамара. Говорю: починят, а как часы идут — это их не интересует.

Тимофеев (*передернулся*). Не топят, черти. Посидите, накину что-нибудь.

Тимофеев исчез. Тамара присела на сундучок. Некоторое время сидит одна, чопорная от неловкости. Тихо, по-ночному, из репродуктора звучит музыка.

Тимофеев, утепленный, вошел снова.

(Сухо.) Ну, что вам?

Тамара. Я хотела спросить насчет Ильина. Не знаете, где он сейчас?

Тимофеев (*быстро*). Ну, был он у меня, заходил.

Тамара. Когда?

Тимофеев. Число не записал, дней, может, десять...

Тамара. А он не обещал к вам прийти?

Тимофеев. Не обещал.

Тамара. И адрес не оставил?

Тимофеев. И адрес не оставил.

Тамара. Хм. Называется, друзья. Как же вы встретились и ничего не спросили... (*Направляется к выходу. Но у двери повернулась.*)

Тимофеев. Ну, я его спрашивал, как, что, он меня спрашивал, что как,...

Тамара (*вернулась*). Ну, и как же у вас, что?

Тимофеев. Вот, приехал в командировку, остановился у родичей. Так что вы меня случайно застали, (*Телефонный звонок.*) Да!.. Тимофеев слушает... Подгорск? Алло! Где же ваш Подгорск?.. Да никто не вешает трубку!.. Жду, жду...

Тамара. Значит, вы тоже на Подгорском комбинате работаете?

Тимофеев (*с трубкой*). Я тоже. А кто еще?

Тамара. Ну, как же, Ильин!

Тимофеев. Ах, Ильин! Что ж, возможно.

Тамара. Что значит возможно, неужели вы не знаете? Вы кем работаете?

Тимофеев. Я? Главным инженером.

Тамара (*подозрительно*). Странно. Очень странно. А Ильин?

Тимофеев. Что — Ильин?

Тамара. Он тоже в Подгорске?

Тимофеев. Нет, Ильин — он, не знаю где.

Тамара (*что-то поняла*). Так.

Тимофеев (*в трубку*). Да, Тимофеев... Ладно, я тебя слышу хорошо, говори... Так... Порядок... Уже договорились... Уже!.. Глухая тетеря... Буду двадцатого, вышли машину... Все, бывай. (*Повесил трубку.*) А вы, собственно, кто ему будете, жена?

Тамара. Я? Нет, просто знакомая.

Тимофеев. Сочувствую.

Тамара. Чему же вы сочувствуете?

Тимофеев. Ладно, сейчас не время, как-нибудь на досуге.

Тамара. А все-таки. Меня это интересует. Раз уж начали — договаривайте.

Тимофеев. Ничего я не начинал, не люблю вмешиваться в чужие дела.

Тамара. Может быть, вы намекаете, что он безалаберно живет?

Тимофеев. Странная вы женщина, ни на что я не намекаю.

Тамара. Или вы намекаете, что он неуравновешенный человек, вспыльчивый, что его даже из института исключили, так он не виноват. Этого декана, которому Саша тогда нагрубил, его и сейчас все студенты не любят... Ну, хорошо, если даже тогда Саша совершил ошибку... Но он правильно говорил: «Заслуга не в том, чтобы не делать ошибок, а в том, чтобы вовремя их исправлять».

Тимофеев. Что, же не исправил?

Тамара. А вы ему завидуете?

Тимофеев. Чему же завидовать, любопытно.

Тамара. А зато... А зато он талантливый! Его даже в школе называли «химик-гуммиарабик» — такие у него были способности! И в институте не вы ему помогали, а он вам!

Тимофеев (*усмехнулся*). Помнит.

Тамара. Он не хвалился, просто к слову пришлось... Теперь я понимаю, почему он от меня ушел. Ничего не объяснил. Все-таки обидно. Обо мне совсем не подумал. И вот я за ним бегаю. Вы скажете, что я унижаюсь. Может быть. Но ведь я не о себе думаю, а о нем! Хотя так, наверно, всем кажется.

Тимофеев. Ну, успокойтесь, успокойтесь, будет вам...

Т а м а р а. Я ведь, в сущности, живу одна. В будни ничего — работа у меня интересная, ответственная, все время чувствуешь себя нужной людям. А в праздник плохо. Никуда идти не хочется. Все парами, парами, только ты одна. Один раз еду в трамвае и думаю: «Вот бы ехать, ехать, никуда не приезжать». Представляете? А дома так вдруг худо делается, что вот пол натерт, и все на месте... Расшвыриваешь вещи по комнате, а потом от этого еще хуже, опять порядок наводишь. *(Застегнула пальто.)*

Т и м о ф е е в. Шея-то открыта, надует.

Т а м а р а. Ничего. Шарфик куда-то делся.

Т и м о ф е е в снял с вешалки шарф, накинул ей на шею.

Что вы? Зачем?

Т и м о ф е е в. На память.

Т а м а р а *(возвращает)*. Не надо.

Т и м о ф е е в. Подождите, я вас провожу.

Т а м а р а. Не надо.

Т и м о ф е е в. Хоть адресок оставьте, что-нибудь узнаю — зайду скажу.

Т а м а р а. Адрес простой: Восстания, двадцать два, квартира два. Запомните? До свидания.

Т а м а р а ушла. Т и м о ф е е в, хмурый, сидит на сундуке, закурил. Из комнаты вышел И л ь и н. Смотрит на Т и м о ф е е в а молча.

И л ь и н. Да, забавная ситуация...

Т и м о ф е е в. Куда забавней.

И л ь и н. Помню, ранило меня — трясусь в медсанбатской машине, прижался к борту. Осколок попал в легкое, чувствую: чуть наклонись — и кровь хлынет горлом. Так, думаю, долго не проживешь, гроб. И только одна мысль была в голове: если бы мне разрешили прожить еще один год. Огромный год. Миллион вот таких бесконечных минут. Что бы я успел сделать за этот год! Я бы работал по шестнадцать, по двадцать часов в сутки. Черт его знает, может быть, я сумел бы сделать что-нибудь стоящее!.. *(Сморщился, замотал головой.)* А ты красноречиво описал. Сволочь все-таки.

Т и м о ф е е в не отвечает.

И зачем ты, объясни ради всего святого, рассказал ей свою биографию? Какое ей дело до того, главный ты инженер или не главный? Да еще в Подгорске? К чему ей твой адрес? Почему ты не рассказал заодно, какая у тебя зарплата и сколько у тебя было знакомых женщин? Я тебя что просил: скажи — никого здесь нету, ничего не знаю. Простая вещь. Нет, надо же тррр... тррр... Трепло!

Тимофеев. Я в жизни никому не врал. Не умею, и больше ты меня не заставишь!

Ильин. Не ори, стариков разбудишь.

Тимофеев. Вот мой совет: беги за ней, валяйся в ногах.

Ильин. Исключено.

Тимофеев. Почему?

Ильин. Видишь ли, есть женщины с ямочками на щеках, есть без ямочек. Тамара — единственная женщина в мире с ямочкой на одной щеке.

Тимофеев. Не балагань.

Ильин. Понимаешь, я ей наврал. Брякнул, что я главный инженер. Ну, знаешь, я ведь раньше в ее глазах был этакий Менделеев, Не стоит, думаю, разочаровывать. Потом смотрю — дело-то серьезней, чем я предполагал. Рано или поздно карты придется раскрыть. Что делать? Сознаться. А позор? Пускай лучше думает, что я этакий отчаянный, безрассудный, ну, непрактичный — это женщины прощают. Надоело, говорю, все это, махнем куда-нибудь к дьяволу на Север... Вот, если бы она согласилась, я бы и взял ее к себе, а потом бы как-нибудь обошлось. Так нет, сначала ей надо выяснить, рассудить, вникнуть во все обстоятельства моей жизни. А я не хочу, чтобы она вникала! Я имею право жить, как мне нравится, и ни перед кем не отчитываться. В том числе и перед тобой. Обличитель! Из высших соображений плюнул женщине в душу. Гордись! И вообще ты мне надоел, я от тебя ухожу.

Тимофеев. Куда же ты сейчас пойдешь — ночь!

Ильин. Не погибну. *(Надел пальто, ушел.)*

Пятый вечер

Вы замечали, сколько солнечного света может вместить ледяная сосулька? Одна за другой с нее падают капли, а она все сверкает! Нет, еще не весна, до нее далеко. Еще и сессия не кончилась.

Комната Тамары. Слава занимается, Катя в сторонке играет на гитаре.

С л а в а. На Луне есть притяжение, только в шесть раз меньше.

К а т я. Да? А мне говорили...

С л а в а. Весомость исчезает в той точке, где притяжение Земли и Луны уравнивается.

К а т я. В атмосфере?

С л а в а. Там уже нет атмосферы — безвоздушное пространство.

К а т я. Да? А мне говорили... Слава!

С л а в а. Что?

К а т я. Не возвращался?

С л а в а. Гарун бежал сильнее лани, быстрее, чем заяц от орла.

К а т я. Куда бежал?

С л а в а. В неизвестном направлении. Можно о чем-нибудь другом?

К а т я. Пожалуйста. Ты читал, сегодня в газете про вас пишут.

С л а в а. Про кого, про нас?

К а т я. Про химическую промышленность. Громадные перспективы.

С л а в а. Перспективы — будь спокойна. Химия — наука будущего. Самая абстрактная и в то же время самая практическая из наук.

К а т я. Когда теплотехнику сдаешь?

С л а в а (*сморщился*). Обязательно надо какую-нибудь гадость сказать! Еще конспекты надо переписывать. А время?

К а т я. У Лидочки попроси.

С л а в а. Просил.

К а т я. Испортилась самописка?

Пауза. Слава встряхнулся, разгоняя дурные предчувствия, подошел к Кате.

(Отстранилась.) Руки!

Слава. Пошла ты к черту!

Катя. Ты думал, со мной проще, чем с твоими студентками? Нет, со мной не проще, придется тебе разочароваться.

Слава вернулся к столу.

Слава, а вот ты, наверно, думаешь, что у меня нетрудная работа. Неправильно! Зависит от того, как ее выполнять. Меня, знаешь, как абоненты любят. А главное — очень перспективная работа. Я могу вырасти до диспетчера. Не знаю, мне жалко, что ты недооцениваешь мою специальность.

Входит Тамара.

Тамара. Ко мне никто не приходил?

Слава. Никто не приходил и не придет.

Тамара. Видишь ли, Александр Петрович еще не уехал, а мне очень нужно видеть его по делу.

Слава. По какому делу? Зачем тебе его нужно? Да я тебя запрю в комнате, как помешанную.

Тамара (печально). Что он тебе сделал, что ты так на него злишься?

Слава. Все-таки жизнь — зловещая штука. Одного поломала, другую согнула.

Тамара скрылась за ширмой, легла на кровать.

Катя (подошла к ширме). Между прочим, я знаю один адрес, там о нем можно справиться.

Слава. Твое дело сторона.

Тамара поднялась на кровати.

Катя. Он по телефону говорил, с переговорного, я слышала.

С л а в а. Учти — существует тайна телефонных переговоров.

К а т я. Да я не хочу слышать, а слышу. Даже самой неприятно. Он в гастроном звонил, на угол Литейного и Пестеля. Ты скажи ей, может, она сходит.

С л а в а. Из себя небесное создание строишь, а другие пускай бегают, унижаются.

К а т я. И пускай спросит Зою из бакалеи. Уж у нее что-нибудь узнает, либо хорошее, либо плохое.

С л а в а снова принимается за занятия.

Т а м а р а. Может, чаю выпьете?

К а т я *(села к столу)*. С удовольствием.

С л а в а. Кате пора домой.

К а т я посмотрела на С л а в у. Сорвалась, схватила пальто и, не надев его, выбежала.

Т а м а р а. Зачем ты так?

С л а в а. Болтает лишнее. *(Ушел к себе.)*

Т а м а р а тихо встает, одевается и уходит в «Гастроном» на угол Литейного. Свет гаснет. Конторка «Гастронома». За столом сидит З о я в белом халате поверх пальто. В руках у нее стопка листочков с экзаменационными билетами. Она тасует их, как колоду карт. Открыла верхний листочек, прочитала.

З о я. «Вафли. Характеристика, качество, сортность». *(Задумалась.)* Вафли — мелкопористые пластинки с ячеистой поверхностью. У них должен быть свойственный им запах. *(Сбросила на счетах костяшку. Недовольна собой, покачала головой. Снова перетасовала билеты, открыла верхний.)* «Десертные крепкие вина». Из десертных крепких вин наиболее характерное — это являются портвейны «Масандра» и «Ливадия». *(Еще костяшка.)*

Ж е н с к и й г о л о с. Зойка!

З о я. Чего тебе?

Г о л о с. Там к тебе пришли. Здесь ты, нет — как сказать?

З о я. Кто?

Александр Володин

Г о л о с. Говорят — знакомые.
З о я. Пропусти.

Входит И л ь и н. Воротник поднят — на улице холодно. Поставил чемодан.

Взвесился на товарных весах, покачал головой.
Вот не ожидала. Ну, как знакомая приняла, не обидела?

И л ь и н сел на стул.

Что это у вас меланхолия? В наше время вы должны быть оптимистом. Берите от жизни все!

И л ь и н. Все взял, ничего не осталось.

З о я. Прогнала вас мадама?

И л ь и н. Прогнала.

З о я. Ну, расскажите про ваше расставанье. Я люблю, когда рассказывают про расставанье.

И л ь и н молчит, присвистывает.

Мужчина в расцвете лет. Стыдно. У вас еще все впереди.

И л ь и н. У меня все впереди. И в семнадцать лет было все впереди и сейчас все впереди.

З о я. Вам ли жаловаться. Сколько вы насмотрелись в жизни. Не хуже Максима Горького.

И л ь и н. Максим Горький тридцать томов написал.

З о я. Ну и что, не у всех способности. У меня тоже не лучше. Учу-учу, а что толку? Другому поставят вопрос, он и пошел и пошел, а я сразу все выложила и молчу. Говорят — мало.

И л ь и н. Ты не знаешь, каким я был прежде, чего только мне не пророчили. И вот такой камуфлет.

З о я. Она хоть интересная?

И л ь и н. Кто?

З о я. Ваша мадама. Имейте в виду, неинтересная женщина — все равно что глупый мужчина.

И л ь и н. Совсем я тут с вами развинтился. Пора домой. Домой, за работу.

З о я. Желаю успеха. Труд создал человека.

Ильин. Пора, пора. Уже нам в лица дует воспоминаний слабый ветерок...

Зоя. А у меня идея. Давай поцелуемся?

Ильин. В следующий раз.

Зоя. Испугался, я пошутила. Знаешь, почему я такая легкомысленная? Оказывается, мой родной прадедушка был француз. Вот честно скажу: не терплю я эти симфонии — я ее уважаю, я ее обожаю, я ее ублажаю...

Ильин. Помолчала бы.

Зоя. Чего мне молчать, я у себя.

Ильин *(встал)*. Э-эх!

Зоя. Куда собрался?

Ильин. Пойду.

Зоя. Совсем?

Ильин. Совсем.

Зоя. Зачем же приходил?

Ильин. Попрощаться. *(Помахал железнодорожным билетом.)*

Зоя. Прощайся...

Прощаются за руку. Ильин уходит.

(Кричит ему вслед.) Ну и шут с тобой, шагай — не оглядывайся. Эх ты! Куда бежишь, чего ищешь?.. *(Прислушалась. Ильин не отвечает. Села за столик, перетасовала экзаменационные билеты.)* Так. Виноград. Ну, стандартный виноград, он должен соответствовать своему стандарту. Большинство винограда упаковывается в решета. *(Щелкнула на счетах.)* Так. Витамины. В одна тысяча восемьсот восьмидесятом году ученый Лукин доказал, что есть витамины. Витамин «Е» предохраняет от нервной системы. *(Еще костяшка.)*

Входит Тамара.

Вы ко мне?

Тамара. К вам. По личному делу.

Зоя. Присаживайтесь. Только коротко, у меня экзамены завтра — повышение квалификации. Такие вопросы — прямо на министра торговли.

Т а м а р а (села). Мне нужно найти Александра Петровича.

З о я. Извините, какого Александра Петровича?

Т а м а р а. Ильин его фамилия.

З о я. Сашка, что ли?

Т а м а р а. Саша.

З о я (поняла, с кем говорит). А, звезда скатилась. Значит, вы его ищете.

Т а м а р а. У меня к нему дело.

З о я. Так. Значит, сбежал.

Т а м а р а. Я знаю, что он здесь бывает.

З о я. Раньше надо было держать. После драки кулаками не машут.

Т а м а р а. Мне надо его видеть, ненадолго.

З о я. Значит, он тебе тоже мозги крутит.

Т а м а р а. Как вы странно говорите.

З о я. Слушай, подруга, здесь не оторвется, он крепко на якоре стоит.

Т а м а р а. Меня это не интересует. У меня к нему личное дело.

З о я. И у меня не общественное.

Смотрят друг на друга.

Т а м а р а. Так вы передайте ему, пожалуйста, что я хочу его видеть.

З о я. А кем вы ему приходитесь?

Т а м а р а. Просто знакомая. Старая знакомая.

З о я. Чудно! Я вот — новая знакомая, а он мне все рассказывает о себе. А старая знакомая приходит ко мне спрашивать, что с ним да где он.

Т а м а р а. Да, он мне не все рассказывает. Может быть, стыдится.

З о я. Ах-ах! Когда любят — не стыдятся. Любовь — бесстыдное чувство, учтите... Да вы и не подходите друг к другу, ну нисколечко! Он же все равно через месяц вам изменять начнет. Вам это будет непереносимо. А я прошу. (Постепенно возбуждается.) Ведь он сам не соображает, что ему нужно! У него про вас еще воспоминания юности, вот что

его волнует! А я виновата, что он тогда познакомился не со мной, а с вами? Я получше вас была, уж поверьте. (*Роемся в сумочке.*) Вот, посмотрите, какая я была.

Т а м а р а (*не без яда*). Да, вы сильно изменились.

З о я. Все равно мне до вас далеко. Неужели вы ни разу не задумались о своем возрасте?

Т а м а р а (*легко*). А что, говорят, я хорошо сохранилась.

З о я. Не верьте, они преувеличивают. (*Сочувствуя.*) Замуж тебе надо, вот что. За хорошего человека. Эх, в Индию бы тебе. Там, говорят, на одну женщину полтора мужчины приходится. Хоть половинка бы досталась.

Т а м а р а. Так вы передадите ему, не забудете?

З о я. Думаешь — прибежит?

Т а м а р а молчит.

З о я. Ну, надейся, надейся.

Т а м а р а. До свидания.

З о я. Только передать-то не придется. Нет его у тебя, нет и у меня.

Т а м а р а. Как — нет?

З о я. Вот так. Ищи-ищи. Найдешь — привет передавай.

Т а м а р а уходит.

Так. Крахмал. (*Припоминая.*) Крахмал — это мельчайшие частички, которые незаметны простым вооруженным глазом. (*Посмотрела в тетрадку, поправилась.*) Невооруженным! (*И заплакала.*)

За столиком, в вокзальном ресторане. Ильин. Входит Катя с номерком в руках.

К а т я. Товарищ Ильин!

И л ь и н. О!..

К а т я. Пойдемте отсюда.

И л ь и н. Откуда ты, прелестное дитя?

К а т я. Я? С переговорного.

И л ь и н. А как ты сюда попала?

К а т я. Я? Шла мимо, а вы у парадного стоите, где Тамара Васильевна живет.

И л ь и н. Ничего я не стоял.

К а т я. А может, и не стояли, мне показалось. Вот эту сеledку можно съесть, а графинчик давайте я отнесу обратно. Вы же его не тронули, буфет обязан принять.

И л ь и н налил себе стопку, выпил.

Товарищ Ильин! Не надо! Ведь с этого все и начинается. Вы не видели научный кинофильм «Это мешает нам жить»? Идемте отсюда, здесь неудобно девушке сидеть. Что обо мне подумают?

И л ь и н. Никогда не думай, что о тебе думают, учись не зависеть от чужого мнения.

К а т я. Как же не думать? Мы же не одни живем, в человеческом обществе...

И л ь и н налил себе еще.

Александр Петрович, не надо! Идемте лучше к Тамаре Васильевне, она зачем-то хотела вас видеть.

И л ь и н. Ай трай ту ду май бест.

К а т я. Что?

И л ь и н. Ради вас сделаю все, что в моих силах.

К а т я. Спасибо.

И л ь и н. Только не это.

К а т я. Почему? Станный человек... Как она вас любит! Это раз в жизни бывает, и то не со всяким. Другой и так проживет и думает — все в порядке. Где-то я читала, что любви нет, есть одна симпатия. Неправда! Разве что-нибудь сравнится с любовью? Без нее человек высыхает.

И л ь и н. Раз так — выпьем за Тамару Васильевну!

К а т я. Ах, так! Тогда я тоже буду пить. Сколько вы — столько и я.

И л ь и н. Хвалю. *(Наливает ей.)*

К а т я. Только мне нельзя, я сразу пьяная буду. *(Выпили. Катя задохнулась, торопливо закусила).*

И л ь и н. Да, надо привыкать к мысли, что лучшее уже позади.

К а т я (*выпив, начала соглашаться*). А что, правда. Я ведь тоже не такая молодая. Мне девятнадцать лет, а у меня уже нервы портятся.

И л ь и н. Ты насчет Тамары Васильевны говорила.

К а т я. Я? Не помню.

И л ь и н. По идее можно жить только с такой женщиной, которая высекает из твоей души искры.

К а т я. По-моему, Тамара Васильевна именно высекает.

И л ь и н. Началась война — она одна меня провожала. Сидим на машинах, женщины кругом режут, а она смотрит снизу вверх и говорит: «Видишь, какая у тебя будет бесчувственная...» — и запнулась. Спрашиваю: «Что?» Моторы тарахтят, не слышно. «Что ты сказала, не понял!» — «Я сказала: видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена». Машины тронулись, она бежит сзади. Бежит и молчит. Потом мотор, что ли, заглох — остановились. И она остановилась. Прислонилась к водосточной трубе, смотрит. Опять поехали, она опять побежала. Потом отстала... (*Налил себе.*) А тебе хватит.

К а т я. Вы пьете — и я буду пить! (*Расхохоталась.*) У нас одна девочка остригла косы, надела кофту в обтяжку, юбку с разрезами — у нее сразу мальчишки появились. Скажите, почему это? Мальчишки тоже есть не лучше. Он с тобой знакомится и уже заранее спрашивает, где ты живешь — боится, что далеко провожать... Александр Петрович, когда я его увидела — у меня в груди как будто колокол ударил!

И л ь и н. Кого увидела?

К а т я. Кого? Славку.

И л ь и н. Вот видишь, а ты сидишь здесь. Иди к нему. А то, знаешь, есть такое словечко: «поздно». Ничего, еще узнаешь! Ты слушайся меня. Самые хорошие советы дают неудачники.

К а т я. Почему же вы неудачник? Вы — большой человек. Как вы в химии разбираетесь! Слава говорит — это сейчас редкость.

И л ь и н. Химия, Катенька, — это всего-навсего мечта. Химия — синяя птица. А у черта на куличках есть поселок Усть-Омуль. И морозы там — за сорок градусов, туман над землей стоит, молоко. Дунешь — гул идет, будто паровоз свистнул, воздух замерзает. Машину с места не сдвинешь,

нет сцепления с почвой, от скатов резина кусками отваливается. А ты знай целый день крути баранку. А срочный рейс — и ночь не поспишь. Пожевал, не выходя из кабины, и дальше газуй. А то застрянешь в тайге, километров пятьсот от поселка, и жди, пока откапают. Вот она, шоферская работенка.

К а т я. Значит, вы все наврали? Вы шофер.

И л ь и н. Теперь заведующий гаражом. Крупная должность.

К а т я. Зачем же вы наврали?

И л ь и н. Только ради мелкого тщеславия.

К а т я. Значит, вы хотели ставить себя выше других?

И л ь и н. Ну, потолковали — довольно. Иди, Катя.

К а т я. А вы?

И л ь и н. А я посижу.

К а т я. Одна не пойду.

И л ь и н (с досадой). А!..

Опрокинул рюмку. И Катя опрокинула. Стукнул ею о стол. И Катя стукнула. Смотрят друг на друга молча.

Комната Тамары. Тетку и племянника мы застаем в той мизансцене, в какой остановил их разговор: она — со скатертью, которую начала складывать, он — с развернутым листом ватмана.

Т а м а р а. Они уже сидят на машинах, все кругом плачут. А я ему говорю: «Видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена»... Славик, ты не злишь. Ведь кончено!

С л а в а. А если кончено, зачем предаваться воспоминаниям?

Т а м а р а. Потому и предаюсь. Раньше ведь не предавалась. Машины тронулись, и я побежала. Потом их машина почему-то стала, и я остановилась, смотрю на него. Опять поехали, я опять побежала.

С л а в а. Я только одного не пойму. Это в романах влюбляются неизвестно за что, а в жизни все-таки любят за что-то.

Т а м а р а. Нет, Слава, он не такой человек, как тебе кажется. Совсем не такой, совсем не такой!

С л а в а. Завидую людям, которым все нравится.

Т а м а р а. Мне давно уже не все нравится.

С л а в а. Прогресс.

Т а м а р а. Ну и что же, людям часто казалось, что плохого в жизни больше, чем хорошего. Но вот прошло время — и что на поверку? Ленин, Джордано Бруно, Пушкин — люди их вечно будут помнить! А разные инквизиторы, гонители, цари — почти все забыты. Только отдельных представителей еще по истории проходят, да и то путают, какой царь после какого шел.

С л а в а. А ты не лишена логики.

И, одновременно замолкнув, они, как на ожившем кинокадре, продолжают прерванные занятия.

Т а м а р а *(рассеянно)*. Как там твои профсоюзные дела?

С л а в а. А никак. Что я, буду за всех вкалывать? Называется выборы! Все себе самоотводы дали: один говорит — поет в хоре, другой говорит — за городом живет, третья говорит — меня нельзя выбирать, я подавляю инициативу других. Так не подавляй! А я на минутку вышел — бац! — выбрали!

Т а м а р а. Стыдно говорить такие слова! Студенты съехались бог знает откуда, некоторые живут на частных квартирах. Ты же лучше знаешь, кто нуждается в общежитии, кто нуждается в помощи из директорского фонда. Есть такие, что стесняются, ни за что сами не скажут. А культмассовая работа? Особенно для иногородних. Сходить вместе то ли в театр, то ли в музей... Экскурсии по памятным местам, то ли пешком, то ли на автобусе. У профкома есть средства, чтобы это оплатить. А ты? Какой эгоист!.. Завтра принесу тебе форму: экран уплаты членских взносов. Повесишь на стенку, чтобы все видели.

С л а в а *(вздыхнул)*. Ладно.

Т а м а р а. Приберу там у вас. *(Уходит в другую комнату.)*

С л а в а. У нас. Сколько вас. Раз.

Звонок в дверь. Т а м а р а вернулась в комнату.

Т а м а р а. Это он! *(Опустилась на стул.)*

Александр Володин

С л а в а. Открыть?

Т а м а р а. Подожди. Егор Иванович откроет.

Сидят молча. В прихожей послышался голос К а т и.

С л а в а. Катя твоя пришла.

Т а м а р а снова скрылась в соседней комнате. Вошла К а т я. Она сильно навеселе.

К а т я (*сразу же от двери, предупреждая*). Я не к тебе пришла. (*Приблизилась к столу. Надувшись, разглядывает чертеж.*) Опять на Лидочку ишачишь? Давай. Давай.

С л а в а. А ну, дыхни.

Она дыхнула.

Где нализалась?

К а т я. А тебе какое дело? (*Надменно протянула руку, указала на свой платочек, который не без умысла уронила.*) Подыми!

С л а в а поднял.

Стул!

С л а в а подвинул стул.

Не сюда, туда!

С л а в а отнес стул к стене.

(*Напевая, прошла по комнате в танце.*) Он, что я пою! Нужно чардаш. (*Пляшет перед С л а в о й.*) Что же, долго я так буду? Теперь ты пляши!

С л а в а. Обалдела?

К а т я. Ты должен исполнять, что тебя просят женщины. А то я уйду. Руки вот так. К себе, от себя, к себе, от себя! Понял?

Входит Т а м а р а.

Т а м а р а. В чем дело?

К а т я (*Тамаре*). У него есть данные, только ему надо систематически заниматься. (*Славе*.) Воды!

С л а в а подал ей стакан воды.

Выпей!

С л а в а (ставит стакан). Ну, знаешь...

К а т я. Тамара Васильевна, у меня к вам дело, очень важное. А если я лягу, можно?

Т а м а р а. Ложись на мою кровать, сейчас дам укрыться.

К а т я (*Славе*). Что-нибудь укрыться, слышал?

С л а в а принес одеяльце. Катя легла, он укрыл ее.

Теперь достань у меня из пальто тетрадку. В кармане.

С л а в а достал толстую тетрадь.

Тебе!

С л а в а (открыл тетрадь). Что это?

К а т я. Убиралась у твоей Лидочки, обнаружила ее конспекты знаменитые по теплотехнике. Я их тебе переписала.

С л а в а. Что, за весь семестр?

К а т я. От нечего делать.

С л а в а. Сколько же времени ты угрохала на эту халтуру?

К а т я. Ночь одну просидела. У меня все равно бессонница была. А почему ты говоришь — халтура? Разве тебе это не нужно? Ведь сессия.

С л а в а (задумчиво, на мотив «Се-си-бон»). Сес-си-я! Та-ра-рам, та-ра-рам... Спасибо.

К а т я. Что стоишь? Иди учись!

С л а в а, листая тетрадь, ушел в соседнюю комнату.

Что я хотела сказать?.. Тамара Васильевна, вот что: Александр Петрович вам не пара. И он сам это прекрасно понимает. Я читала такое изречение: «На могиле человека надо писать не то, кем он был, а то, кем он мог быть».

Т а м а р а. На какой могиле? Что с ним случилось?

К а т я. Ничего не случилось — это цитата. Тамара Васильевна, во-первых, он врун. Оказывается, он на автобазе работает где-то на Полярном круге. Температура ниже сорока градусов. И в такой холодище он должен ехать по тайге.

Т а м а р а *(тряхнула ее за плечи)*. Где ты его видела? Он не уехал? Где он сейчас?

К а т я. Не знаю. Он меня довел до вашего дома и куда-то пошел. Тамара Васильевна, вы меня взболтали — не поймешь, где желток, где белок, я теперь гоголь-моголь. Можно я посплю немного?

Звонок в наружную дверь. Тамара метнулась открывать, но вернулась к зеркалу, торопясь, подкалывает волосы. Постучали.

Т а м а р а. Да.

Вошел Тимофеев.

Т и м о ф е е в. Приветствую. Не помешал?

Т а м а р а. Что вы? Раздевайтесь.

Т и м о ф е е в. Не стоит, я на минутку. *(Но разделся.)*

Т а м а р а. Садитесь.

Т и м о ф е е в. Рассиживаться некогда. *(Но сел.)* Вижу свет в окошке — решил посмотреть, что, как. Значит, вы здесь обитаете? А там кто?

Т а м а р а. Там племянник.

Т и м о ф е е в. А это что? *(Включил рефлектор. Он вспыхнул и перегорел.)*

Т а м а р а. Это рефлектор. Вы его пережгли.

Т и м о ф е е в *(рассматривает рефлектор)*. Ничего, возьму с собой, почию.

Т а м а р а. Не стоит, племянник починит. Слава!

Входит Слава с раскрытой тетрадью.

С л а в а. Катя спит? Тетя Тома, понимаешь, что она сделала? Передула лекции по теплотехнике за весь семестр. Тут же формулы, адский труд! Это, знаешь, героический поступок, за это можно представить к награде.

Т а м а р а. Не трещи — разбудишь.

С л а в а. И главное — ничего не перепутала, действительно у нее, что ли, способности? Может быть, она самородок? При такой внешности это редкость, правда? У нее, в сущности, очень выразительная внешность, ты заметила?

Т а м а р а. Ладно, иди занимайся. Уже есть конспект — не теряй времени.

С л а в а. Проснется — крикни мне. *(Ушел.)*

Т а м а р а подошла к спящей К а т е, поправила одеяло. Та проснулась.

К а т я. А Слава где?

Т а м а р а. В той комнате.

К а т я. Я его, кажется, обидела. Вы не помните, что я ему говорила?

Т а м а р а. Не помню.

К а т я. Пойти, что ли, извиниться. *(Надела туфли, подошла к двери в соседнюю комнату, остановилась.)* Тамара Васильевна, он в каком месяце родился?

Т а м а р а. В марте.

К а т я. Я на четыре месяца его старше. Нехорошо?

Т а м а р а. Ерунда.

К а т я. Вы думаете? *(Пошла к С л а в е.)*

Т и м о ф е е в *(разбирая рефлектор за столом)*. У вас плоскогубцев не найдется?

Т а м а р а *(рассеянно)*. Найдется.

Т и м о ф е е в. А может, отвертка есть?

Т а м а р а. Есть.

Т и м о ф е е в. Не дадите мне?

Т а м а р а *(не двигаясь)*. Да... Вы пришли что-то мне сказать?

Т и м о ф е е в. Да, собственно, поинтересоваться. Ильин к вам не заходил?

Т а м а р а. Александр Петрович? С какой стати!

Т и м о ф е е в. И вы не знаете, где он?

Т а м а р а. У меня поважнее заботы есть. Столько дел — успевай поворачивайся. Знаете, как на участке? Девушки вон из десятилетки пришли. Есть такие: куда ни поставишь — они не справляются. Одна — чересчур тихая, другая —

чересчур боевая, на смену прямо с катка заявила. Такой завал устроила! Я ей говорю: «Коньки выкину и проценты сниму».

Звонок. Тамара вышла, открыла дверь, вернулась обратно. За ней вошел Ильин.

(Просто.) Ты разве не уехал?

Ильин. Завтра.

Тамара. Если переночевать — комната свободна.

Ильин *(Тимофееву)*. А! Знакомые все лица!

Тимофеев *(чинит рефлектор)*. Привет!

Ильин *(Тамаре)*. Ты ему не верь. Женатый человек. У него трое детей, куда он их денет?

Тимофеев. Шут гороховый ты все-таки. *(Встал.)*

Ильин. Сиди.

Все трое сели. Ильин в пальто сел за стол, Тамара — на подоконник, Тимофеев — удвери, с рефлектором.

Я вот что пришел сказать. Если я не ошибаюсь, вам взбрело в голову, что я, так сказать, неудачник.

Катя и Слава вошли в комнату. Остановились, слушают.

Увы, я лично этого не нахожу. Считаю себя полезным членом общества. И, кстати сказать, более полезным, чем вы все, вместе взятые. Так что учтите, друзья, ради вашего удовольствия прикидываться лучше, чем я есть на самом деле, я не собираюсь. Человек должен всегда оставаться самим собой. Самая выгодная позиция. Да, однажды наступает время, когда тянет на родимые места, к старым друзьям. Не получилось? Тем лучше. Запомните: я свободный, веселый и счастливый человек. И еще буду счастлив разнообразно и по разным поводам. Чего и вам желаю. И на том прощайте. *(Встал.)*

Тамара. Саша, я тебя уважаю.

Ильин. Ага, ты меня уважаешь. Ты мной гордишься.

Тамара. Да, горжусь.

Ильин. То-то. Что морщишься, главный инженер? Я тебя шокирую?

Тимофеев. Ничего. Только, знаешь, я в таких случаях стараюсь не срывать свою злость на других. Особенно на женщинах. Пошли.

Ильин. Я уйду, когда меня попросит хозяйка. *(Тамара е.)* Может, мне уйти?

Тимофеев *(посмотрел на них внимательно)*. Ну ладно, сами разберетесь. *(Ушел.)*

Ильин стоит неподвижно. Потом быстро подошел к Тамаре. Глядя исподлобья, остановился. И сел на стул к ней спиной. Катя и Слава вернулись в свою комнату, уселись рядышком на диван — тихие, сосредоточенные. Ильин, не подымая глаз, повернулся к Тамаре, уткнулся лицом в колени. Тамара сидит не двигаясь.

Тамара. Я знала, что ты придешь. Я знала!

Ильин. Как это получилось — ты, самая хорошая из всех, и полюбила меня. Восьмое чудо света.

Тамара. Восьмое? А еще какие есть?

Ильин. Не знаю.

Тамара. Такой честный. Такой умный. Такой хороший. Помнишь, ты предлагал мне ехать куда-то. Что ж, если ты не передумал, я поеду. Ой, что ты мне руки целуешь, они грязные... Ой, что ты кофточку целуешь!..

Ильин. Ничего, ты не пожалеешь.

Тамара. Не пожалею, Саша, не пожалею!

Ильин. Ничего, ты еще увидишь.

Тамара. Увижу, Саша, увижу!

Ильин. Томка! Сколько из-за меня натерпелась!

Тамара. Что ты, обо мне и не думай, я тут хорошо жила. У меня много было счастья в жизни, дай бог каждому. И потом, я вообще никогда не падаю духом. И потом, теперь у нас будет все иначе, все... Завтра воскресенье, можно поехать на озеро Красавица. Там очень хорошо. Я еще там не была, но говорят... И в Павловске очень красиво... Я тоже не была, но говорят... *(То ли радуясь, то ли страшась за свое счастье.)* Ой, только бы войны не было!..

НАЗНАЧЕНИЕ

Учреждение. Здесь составляют планы, акты, объяснительные записки, считают, пересчитывают.

Здесь сосредоточены, озабочены, недовольны начальством, обедают в столовой через дорогу.

Здесь есть талантливые, средние, неспособные.

Музыка делового дня: треск арифмометров, шелест бумаг, нервные разговоры, женский смех, мелодические звонки машинок...

Рабочий кабинет Куропеева.

Куропеев сидит за столом. Перед ним секретарша Нюта — привлекательная женщина лет тридцати. Куропеев смотрит на нее пристально и неловко улыбается, как взрослые улыбаются детям. Она смущена, но в меру, как смущаются перед начальником, который уже уходит.

Куропеев. Ну что, рада, что я наконец ухожу? Здорово я тебе надоел?

Нюта (смущенно). Чем же вы могли мне надоест? Наоборот... Но за вас я действительно рада. Все-таки это серьезное повышение.

Телефонный звонок.

Куропеев (в трубку). Да... Да, слушаю. (Зажал трубку, Нюте.) Толстяк звонит, проверяет, правда ли, что меня повысили. (В трубку.) Э, милый, это уже не ко мне, уже все, отдал концы. Теперь обращайтесь к Лямину. (Нюте.) Поздравляет, поздравляет! (В трубку.) Спасибо, спасибо, заходите по новому адресу. (Положил трубку.) Ну, теперь уж у тебя будет новый начальник, новый! Дела все расставь по номерам, пускай будет идеальный порядок, чтоб никаких претензий. Ничего, Лямин неплохой мужик, тебе бояться нечего.

Нюта. А что мне бояться, я свое дело делаю.

Телефонный звонок.

Куропеев. Да. *(Нюте.)* Помогай ему тут, я за него ручался, я за него отвечаю. *(В трубку.)* Вот и подумайте сами. Почему я должен за всех думать?... *(Нюте.)* Дай-ка приказ насчет Егорова. Черт с ним, избавим Лямина от этой неприятности.

Нюта. Николай Степанович, а может, не стоит, ему остался год до пенсии?

Куропеев. Не беспокойся, этот старик так умеет бороться за свои права, что нам всем учиться и учиться... *(Подписал приказ. В трубку.)* А вот это уже не ко мне, дорогой... Что делать, уже все... Да, ни пуха ни пера. К черту.

Входит девушка.

Нюта. Куда вы, девушка? Николай Степанович не принимает, он сдает дела.

Девушка *(Куропееву)*. У меня к вам большая просьба. Может быть, необычная.

Куропеев. Наконец-то — необычная. Это интересно.

Девушка. Мне нужна справка, что я отработала у вас два года. Это для поступления в институт.

Куропеев. Отпечатайте там, я подпишу.

Нюта. К сожалению, девушка у нас работала не два года, а один.

Куропеев. Напишите, что один год.

Девушка. Нет, мне именно надо, чтобы справка была за два года, иначе это не имеет смысла.

Куропеев. Виноват, не понимаю.

Девушка. Я же предупреждала, что это необычная просьба.

Куропеев. Виноват, не понимаю.

Девушка *(испугалась)*. Нельзя так, нельзя. Я же ничего не говорю, я только спросила. Тогда простите... *(Вышла.)*

Куропеев *(улыбаясь)*. Так, значит, что, рада, что я ухажу? А? Сознавайся.

Нюта *(смущенно)*. Чему радоваться, вы знаете, как я к вам отношусь.

Куропеев *(улыбаясь)*. Да?..

Нюта. И вообще, новая метла всегда чисто метет...

Куропеев. Ничего, привыкай. Ну что же, не пора ли ему перебраться сюда?.. (Набрал номер.) Лямина. (Нюте.) Мало ты меня ценила, мало. Погоди, еще вспомнишь... Лямин? Сегодня говорил с Евдокименко насчет того вопроса, ну, который в статье. Слушай, это сейчас так своевременно, что ты не представляешь! Я сам не думал, что до такой степени!.. Ну что же, когда будешь перебраться сюда? Давай, давай, не тяни!..

Лямин положил трубку, закончив разговор с Куропеевым. Он находится в отделе. За четырьмя легкими канцелярскими столами сидят:

Саня — неглупый молодой человек.

Люба — молодая женщина с большими семейными неприятностями.

Егоров — пожилой человек, озабоченный с детства.

Лямин — за тридцать лет, легко увлекается, легко падает духом.

Люба съела конфетку, Саня издал негромкий вопль. Егоров о чем-то справился у Лямина.

Саня (взглянул на часы). Так, обед. Не будем терять время. Кому куда надо? Если никому, я запираю дверь. (Он просунул ножку стула в дверную ручку.)

Лямин. Товарищи, ну что это, ни к чему, не надо!

Саня. Ты сиди молча.

Люба (отобрала папку у Егорова). Правда, это все можно потом, у нас в запасе вечность.

Егоров. Может быть, лучше после работы? Посидели бы спокойно.

Саня (освободил стол от бумаг). После работы я не могу, мне надо пораньше уйти.

Люба (достала выпивку и закуску, разносит бутерброды по столам). Ничего не знаю, мне сегодня просто необходимо уйти раньше. А двоим сразу нельзя.

Егоров. Всем как раз сегодня понадобилось.

Люба. Хочу напиться. Я сейчас напьюсь.

Саня. Ну что, все?

Лямин (с неловкостью). Тогда уж хорошо бы пригласить Анну Ивановну. Может, позовем?

Л ю б а. Боже мой, у Леши теперь секретарша! Без секретарши он уже не может водку пить.

Л я м и н. Она все время остается из-за меня после работы. Без нее я бы зашился там с этой писаниной.

С а н я. Ну как, зовем или не зовем? Я против.

Е г о р о в. Если Алексей Юрьевич просит — надо пригласить.

Л я м и н. Зачем же так ставить вопрос?

С а н я. Черт с ней, звони.

Л ю б а (*набрала двузначный номер*). Анна Ивановна? Алексей Юрьевич просит вас зайти. У нас заперта дверь, стукнете два раза. (*Положила трубку.*) Совсем другой тон. Ну, люди...

С а н я. Ждать не будем. (*Поднял бумажный стаканчик.*) С чувством законной гордости я предлагаю выпить за А. Ю. Лямина. В прошлом — рядовой советский человек, каких тысячи, ныне... (*Развел руками.*)

Каждый за своим столом выпил, закусил.

— И вот, за нехитрой едой, прихваченной из дому, все ощущают два противоречивых чувства: адскую усталость и радость победы... Товарищи! Нет Куропеева!

Л ю б а. Как нет?

С а н я. Практически. Мы лично больше его не увидим. И мы больше его не услышим! Вы еще не оценили все значение этого факта.

Л я м и н. Куропеев просто нервный, усталый человек. У него хватает сил добиваться исполнения, но не хватает сил подумать, чего стоит, а чего не стоит добиваться.

С а н я. Я бы дал всем начальникам солидное содержание, чтобы они взяли все и ушли на покой.

Л ю б а (*глядясь в зеркало*). Все такие прогрессивные стали, спасу нет. Какую бы мне прическу запузырить? Красота не получается, черт с ним, попробуем сделать что-нибудь абстрактное.

С а н я. Надо уплотниться, у нас мало времени. С чувством глубокой скорби я поднимаю тост за этого перерожденца и карьериста А. Ю. Лямина.

Люба. А я сегодня напьюсь. *(На Лямина.)* О, смотрите, уже испугался.

Егоров. Алексей Юрьевич — скромный человек. Значит, надо сразу сесть ему на голову?

Люба *(имея в виду Егорова)*. Леша, неужели ты на это клюнешь?

Егоров. Ну, в подхалимаже меня обвинить трудно. Вы знаете, какие отношения были у меня с Куропеевым. *(Лямину.)* Боюсь, что с вами, Алексей Юрьевич, будет то же самое.

Саня. Не запугивайте его.

Люба. Мальчишки, я вас прошу, позвоните кто-нибудь и мужским голосом спросите Валю Чулко. А то мне не ответят.

Лямин. Не стоит, Люба.

Люба. Почему? Мне интересно знать, где мой муж, уже у своей возлюбленной или еще нет. *(Дала Лямину трубку.)*

Саня *(уводя Лямина прочь)*. Потом позвоним. Сейчас некогда.

Люба. Вчера видела на улице Валю Чулко. Она была в светлом пальто, которое все переливалось, как нефть. Очень интересная. У моего миленького есть вкус.

В дверь стукнули два раза. Саня открыл. Входит Нюта. Сейчас очень проста и весела. Увидела стол, не совсем искренне удивилась.

Нюта. Ой, что это вы!

Лямин. Садитесь.

Нюта. Куда? Сюда?.. *(Присела.)* А мне нельзя пить, у меня глаза будут блестеть.

Люба. Это не страшно.

Нюта. Ну, да я еще Куропеева не проводила. Ну ладно, тогда только одну — за Алексея Юрьевича.

Люба. Оригинально.

Нюта *(подняла бумажный стаканчик.)* За то, что вы такой простой. И оставайтесь таким всегда. Давайте с вами чокнемся... *(Выпила.)* Ой, побежала. А вы веселитесь, только осторожно, а то и себя подведете и Алексея Юрьевича. Закройте.

Саня закрыл за ней дверь.

Люба. Леша, она тебя чарует. Ты не смотри, что она глупая. Валя Чулко тоже глупая. Мой миленький мне все время рассказывал про нее анекдоты, какая она глупая, я даже обманулась и пустила это дело на самотек. А теперь оказалось, что это не глупость, а такая непосредственность. Она такая стихийная, дитя природы.

Саня (*запел из «Кармен»*). «Любовь!.. Любовь!.. Любовь!..»
Любовь!..»

Люба взяла с соседнего стола папку, размахнулась и стукнула Саню по голове.

— За что?!

Люба (*просто, серьезно*). Если он меня бросит, я умру. Не нарочно умру, а от горя, я перестану есть, спать, пить. Я умру от звериной болезни «сморщенное сердце». Звери так погибают, когда их бросают люди, которых они любят.

Саня. Да, чур, я переселяюсь за твой стол!

Егоров. Алексей Юрьевич, мы же с вами договорились.

Люба. А я что, опять остаюсь в углу? Ничего не знаю, я буду сидеть у окна.

Лямин. Бросьте, честное слово! Я вообще не уверен, может, я завтра же вернусь обратно. Я не приспособлен к руководящей деятельности. Когда меня выбрали профоргом, я сразу развалил профсоюзную работу: полгода наклеивал марки на книжки, а их надо было наклеивать на карточки.

Саня. Ничего, опирайся на нас, мы тебе будем помогать. Ты еще не знаешь, какая это сила — массы.

Егоров. Все будут помогать. Вы же знаете, как к вам относятся.

Лямин (*тронут*). Ну, спасибо. Честно говоря, поддержка мне понадобится. Я еще не знаю, справлюсь ли вообще, но какие-то планы у меня есть.

Саня. Дерзай, дерзай.

Егоров. Значит, я сижу за столом Алексея Юрьевича, а вы — где хотите. (*Взял со стула подушечку, пошел за стол Лямина.*)

Люба. Иван Никифорович, я все-таки женщина.

Егоров не ответил, вернулся на свое место.

— Ну ладно, садитесь.

С а н я. А вот Валя Чулко так бы не поступила.

Л ю б а. Именно поступила. *(Села за стол Лямина.)* Совсем другое дело. Можно смотреть на Неву...

С а н я. Со своей грустью на лице она была очаровательна.

Л ю б а. Валя Чулко сказала моему мужу, что меня нельзя любить, потому что я неэстетичная. Леша, мне надо сегодня пораньше уйти. Ты меня отпускаешь?

С а н я. Слушай, это нечестно, я первый сказал, что мне надо уйти.

Л ю б а. Не знаю, у меня от этого зависит семейная жизнь, зависит все. Если он меня не отпустит, я все равно уйду, пускай меня увольняют.

Е г о р о в. Когда был Куропеев, ваша семейная жизнь не зависела от работы. Теперь вдруг начала зависеть.

Л ю б а. Вдруг стала зависеть.

Л я м и н. Тебе что, действительно так срочно?

Л ю б а *(отчужденно)*. Да, действительно... *(Собралась, подошла к двери, вытащила стул.)*

Л я м и н *(вслед)*. Тогда что ж, я тебя отпускаю. Можешь идти.

Л ю б а *(холодно)*. Причем я, собственно, все сделала, что нужно. Моя совесть почти спокойна. *(Ушла.)*

Е г о р о в *(иронично)*. Хм...

С а н я. Хорошо погуляли. Ну, за дело, господа, за карты.

Л я м и н. Да, да, все. Работаем.

Комната обрела свой обычный деловой облик. Затрещали арифмометры.

Е г о р о в. А я неделю собирался отпроситься на сегодняшний день пораньше — так и не смог.

С а н я. Интересно, почему именно сегодня?

Е г о р о в. А почему сегодня — удостоверьтесь. *(Протягивает ему талон.)* Потому что я должен до пяти часов получить зубной протез. А что это значит, вы поймете потом, когда вам будет шестьдесят лет.

Л я м и н. Если бы вы раньше сказали! Раз у вас на руках талон к врачу, неужели я бы вас не отпустил?

Е г о р о в. Я не думал, что получится такое совпадение. И Люба ушла, и я уйду, так все разбегутся. (*Сане.*) Вот когда вам будет шестьдесят лет и вы будете жить один среди чужих людей, тогда вы поймете, зачем это может понадобиться человеку раз в год уйти с работы на час раньше. (*Лямину.*) Ничего, я посижу.

Л я м и н. Зачем же, раз у вас талон, вы можете идти, вы просто имеете право.

Е г о р о в. А если я не доработал на семь копеек, могу внести в фонд государства наличными.

Л я м и н. А я говорю: отправляйтесь.

Егоров сидит.

— Идите!

Егоров, не прощаясь, ушел.

С а н я. Любопытная подробность. Он предлагал нам выпить после работы. Очевидно, зубы не имели для него решающего значения.

Л я м и н. Ему год до пенсии. Надо как-то продержаться. А уже склероз, все путает.

С а н я. Он путает, потому что попивает.

Л я м и н. Злой ты все-таки малый, как я погляжу.

С а н я. Почему, я сентиментален, я могу прослезиться в кино. Но я могу в упор убить человека. Может быть, по Ницше — это сверхчеловек, не знаю...

Работают молча.

— Моя беда, что я не люблю врать. Я первый сказал, что мне надо уйти. И вот все ушли, а я сижу. Я тоже мог бы наврать, что у меня то-то и то-то.

Работают молча.

— Но поберегитесь, когда я позволю себе врать. Тогда уж я не остановлюсь ни перед чем, я буду врать всеми способами, которые изобрело человечество. Но для этого мне надо

опуститься. Это даже интересно — опуститься. И пускай все говорят: он опускается.

Ля м и н молчит.

— Леша, почему ты не занимаешься спортом? Тебе надо развивать волевые качества. *(Встал.)* Хочешь, я обучу тебя приемам каратэ? Вот я стою здесь, а ты иди ко мне с ножом.

Ля м и н. Мне некогда.

Са н я. Ну хорошо, вот со стулом, на!

Ля м и н. Отстань.

Са н я. Твоя беда, что ты не спортсмен.

Ля м и н. Не спортсмены запустили спутники и написали «Войну и мир».

Са н я. Ну хорошо, подойди ко мне сзади. Или, хочешь, я сам подойду к тебе задом. Так?.. Смотри, что получается...

Ля м и н *(вывернулся из-за стола, отскочил)*. Слушай, хватит.

Са н я все же бросился на него. Борьба серьезная, с ругательствами, с участием столов и стульев. От двери эту борьбу наблюдает Куропеев. Он смотрит пристально и в то же время неловко улыбается, как взрослые улыбаются детям. Когда его заметили, он, смеясь, покачал головой.

Куропеев. Я вижу, вы тут распоясались, друзья... Где люди?

Ля м и н. Любу Никулину я тут отпустил, у нее серьезные неприятности.

Куропеев. Так, так...

Ля м и н. У Егорова талон в поликлинику.

Куропеев. С веселым хохотом разбежались по домам?

Ля м и н. Он только что ушел, минуту назад.

Куропеев. А что ты предо мной оправдываешься? Твои люди, можешь хоть всех разогнать. Ты теперь начальник. А я так зашел, по старой памяти.

Ля м и н *(Сане)*. Ну все, работаем.

Куропеев *(посмотрел на часы)*. А ведь рабочий день кончился.

Са н я *(спохватился)*. Уже? Сегодня что-то пересидели. *(Убрал бумаги в стол.)* Придется отложить на завтра. Привет.

Куропеев. Товарищ Сучков. *(Тот остановился.)* А что, это все так останется? Сейчас в США уже миллионеры перешли на самообслуживание.

Саня вернулся, ставит на место столы и стулья. Лямин хотел было помочь, но Куропеев придержал его.

— Ладно, Сучков, идите.

Саня ушел.

— Милый, ты так пропадешь.

Лямин. Я говорил.

Куропеев. Тебе надо усвоить несколько правил, это все упростит. Например: не все слушай, что тебе говорят. У каждого человека есть десятки обстоятельств жизни, перед каждым обстоятельством может стать в тупик гений. Поэтому слушай только то, что отвечает интересам дела. Правда, спорить с подчиненными тоже не надо. Достаточно, если скажешь: «Виноват, я не совсем вас понял». Он сам сообразит, что не все в порядке. Элементарное правило безопасности. А, что я тебя учу, ты умнее меня. Я иногда не понимаю, ты действительно такой скромный или это дьявольская хитрость?

Лямин *(разбирая бумаги Егорова)*. А мне тут придется еще посидеть.

Куропеев. Будешь ишачить на Егорова? Да, я насчет него подписал приказ. А то, если это сделаешь ты, он тебя съест живьем.

Лямин. Коля, я думаю, сейчас его никуда не стоит переводить, ему год до пенсии.

Куропеев. Черт вас знает! Ну валяй, как хочешь, потом не плачь.

Лямин. Если бы только в нем было дело. Любу бросил муж. То ли уже бросил, то ли еще бросает. Она не спит ночи, потом приходит на работу и все теряет. Вчера потеряла ведомость, нигде не можем найти. Я не справляюсь. Тут нужна сильная личность.

Куропеев. Ерунда. Начальство тебя ценит за башку. Кстати, там на тебя делают ставку, пока не скажу какую,

а то зазнаешься. Ну, довольно трепаться. *(Он достал из кармана тетрадку, положил перед Ля м и н ы м.)*

Ля м и н. Сегодня не могу.

К у р о п е е в. Можешь.

Ля м и н. Серьезно, сегодня никак. Давай завтра.

К у р о п е е в. Завтра тоже поработаем. Милый, меня же торопят из редакции! Может, тебя не устраивает, что статья под моим именем? Что делать, мне же заказали не как литератору, а как должностному лицу...

Ля м и н. Не в этом дело.

К у р о п е е в. Не понимаю: что, тебе деньги не нужны? Ему предлагают деньги, а он не берет. Прямо в руки — на! Не хочет. Обеспеченный человек.

Ля м и н. Сейчас мне деньги не нужны.

К у р о п е е в. Во-первых, ты врешь, я знаю. А во-вторых, ладно, мне нужны. Мне. Нельзя быть таким эгоистом. Тебе знакомо такое слово — надо? Так вот, Леша, надо.

Ля м и н *(с трудом, но твердо)*. Коля, ты каждый день требуешь, чтобы я бросал все свои дела и занимался твоими. И каждый раз я соглашаюсь, потому что мне неудобно отказать. Но скажи, почему мне отказывать тебе неудобно, а тебе заставлять меня удобно? Я все время вхожу в твое положение. Но прошу тебя — входи и в мое. Если я не соглашусь сразу, значит, мне это очень трудно. В таких случаях будь тактичен, не дави на меня.

К у р о п е е в *(не сразу)*. Леша, я хочу задать тебе один вопрос. Как ты вообще ко мне относишься? Только прошу, не лицемерь.

Ля м и н *(покраснел, но ответил бодро)*. Па-у-а-жи-тель-но!

К у р о п е е в. Нет, серьезно, я ничего не знаю. Может быть, я просто навязываюсь, а ты по своей деликатности не можешь от меня отделаться? Я тебе говорю прямо: у меня нет более близкого человека, чем ты. Ну, если не считать жену и мальчишек...

Ля м и н *(уклоняясь)*. Слушай, не чуди...

К у р о п е е в. Я знаю, ты считаешь, что я... *(Постучал пальцем по столу.)* Ты всегда так считал. И все ваши в институте так считали, это мне известно. Но скажи, я бездарней, чем Димка Шенгелая?

Л я м и н. Я не говорю, что ты бездарен.

К у р о п е е в. А я считаю, что у меня есть способности, но я скорее практик. Думаешь, почему я пристаю к тебе с этой статьей? Я готов месяц над ней просидеть. Но у меня не получится. Я не умею формулировать, я не способен к абстрактному мышлению. Вот, помнишь, ты интересно говорил насчет изменения в структуре органов управления производством? Представляешь, как это сейчас прозвучит, какой будет бум! Потом еще, помнишь, как ты издевался над статьей Карпова? Вот и напиши все это. Пускай будет ирония, тем лучше. Ничего не бойся. Причем реальный результат обеспечен, это же газета «Известия»! Неужели это тебя нисколько не интересует?

Л я м и н. Ладно, потружусь.

К у р о п е е в. Нет, сначала я хочу, чтобы ты мне ответил: друзья мы или нет? Говори откровенно, я не обижусь. Если нет — то мне не нужно от тебя никаких одолжений.

Л я м и н (*страдает*). Конечно, что за вопрос...

К у р о п е е в (*растроганный, ткнул его кулаком в плечо, бросил на стол тетрадку*). Вот здесь то, что ты тогда начал... Катя даже сказала, чтобы я притащил тебя к нам, у нас тебе никто не будет мешать.

Л я м и н. Мне и здесь никто не мешает, кроме тебя.

К у р о п е е в. Я хочу убедиться, что ты хоть начал работать.

Л я м и н. Я начал.

К у р о п е е в (*обнял его, потряс*). Спасибо... Все, меня здесь нет. (*Удвери остановился.*) Ты на меня не обижаешься?

Л я м и н. Нет.

К у р о п е е в. Смотри! (*Ушел.*)

Тут же у двери появилась Н ю т а.

Н ю т а (*встревожена*). Влетело?

Л я м и н. За что?

Н ю т а. А я испугалась, думала, он узнал про нашу выпивку. Ну, тогда все в порядке. Домой не собираетесь?

Л я м и н. Надо писать статью...

Н ю т а. Нельзя столько сидеть, будет размягчение мозга. Ладно, я пошла. А перепечатать вам ничего не надо?

Л я м и н. Это идея. Может быть, я вам позвоню.

Н ю т а. А куда мне звонить, у меня же нет телефона. Знаете, женщина без телефона — это не женщина. Ехать к ней — еще неизвестно: дома ли она, стоит ли? Так что, если женщина и похуже, но с удобствами, лучше уж позвонят ей. Тогда я посижу, подожду, а вы работайте. Мне все равно некуда спешить.

Л я м и н. Вам же будет скучно.

Н ю т а. Что вы! Я привыкла одна, мне с собой никогда не скучно.

Л я м и н работает.

— У вас неважный вид. Может быть, потому, что вы днем выпили, а сейчас реакция?

Л я м и н. Возможно.

Н ю т а. Хотя ваш вид очень обманчив. Вы вообще выглядите в зависимости от своего настроения в этот момент. Немного недоспите, вовремя не пообедаете — и уже осунулись.

Л я м и н. Вы говорите, говорите, я слушаю.

Н ю т а. Я могла бы купить машинку, но дома все равно неудобно стучать. Я живу в коммунальной квартире. Я привыкла к коммуналке, перемен уже не жду, замуж выходить поздно...

Л я м и н. Почему поздно? Сколько вам лет?

Н ю т а. У женщин не спрашивают. Правда, у нас не такие отношения. Я знаю, что выгляжу молодо, потому что у меня нет любовных переживаний. От них женщины особенно стареют.

Л я м и н (*оторвался от работы, посмотрел на нее*). У вас хорошее, своеобразное лицо.

Н ю т а (*покачала головой*). У меня ничего еще глаза. А нос плохой. В общем, уже не произвожу того впечатления.

Л я м и н засмеялся, встал, погладил ее по волосам.

— (*Лукаво.*) Не приближайтесь ко мне так близко.

Л я м и н. Виноват.

Н ю т а. Вот так и начинаются напрасные романы. Просто мужчина наедине с женщиной не смог держать руки при себе.

Л я м и н *(смеется)*. А знаете, это верно. Я действительно чуть было не начал что-то такое испытывать!

Н ю т а. Вот вы и развеселились. Я рада.

Л я м и н. Нет, вы очень смешно подметили. Действительно, я же подошел к вам совершенно не в том смысле!

Н ю т а. А вот это не обязательно объяснять... Я все-таки пойду, вас не дожدهмся.

Л я м и н *(вдруг впал в бешенство)*. Нет, почему я должен жертвовать Куропееву своим временем, своей головой, своей жизнью! Я живу только один раз. Если бы два, тогда было бы понятно: один раз — для себя, другой раз — для него. Потому что он меня любит? Но ведь это он меня любит, а не я его! А получается, что я в чем-то виноват, не отвечаю на его чувства! Все! К черту! *(Открыл ящик стола, бросил туда тетрадку, запер ящик, а ключ швырнул в угол.)* Пошли гулять!

Н ю т а. Куда?

Л я м и н. Куда хотите.

Н ю т а. Вот сейчас вы мне нравитесь. Я люблю, когда вы такой. *(Поцеловала его в щеку.)*

Воодушевленный, решительный, способный сейчас на все, Лямин обнимает ее и, запрокинув голову, целует. Это несколько неожиданно для них обоих.

— Я не умею целоваться... с вами.

Комната Лямина. Раннее утро, около семи. Лямин в рубашке, курит, немного растерян. Нюта убирает со стола, не знает, куда деть посуду.

Н ю т а. Куда это?

Л я м и н. На кухню.

Н ю т а. Я боюсь, а вдруг твои там уже проснулись.

Л я м и н. Кто проснулся, еще нет семи часов. Зачем мы так рано встали?

Нюта вынесла посуду, вернулась. Оглядела комнату. Половина ее имеет вид пустой и небрежный, другая — нечто вроде мастерской

художника. Свернутые холсты, подрамники, контуры женской фигуры из проволоки, длинный деревянный чурбан.

Н ю т а. Неужели у тебя никто никогда не убирает?

Л я м и н. Тут трудно, я работаю, мусорю.

Н ю т а. Тем более. *(И принялась убирать. Откатила чурбан к стене, переставила в угол проволочную даму, туда же подрамники.)* Должен быть какой-то порядок.

Эта деятельность, видимо, доставляет ей удовольствие.

— А ты, вообще влюбчивый, правда? Какая-нибудь на тебя посмотрит — ты и готов. Потому что тебе кажется, что другая на тебя уже не посмотрит.

Л я м и н. Ну уж. *(Но, подумав, согласился.)* А впрочем, возможно.

Н ю т а *(сдержанно)*. Вообще, имей в виду, из того, что между нами произошло, я не делаю никаких выводов, это мое правило. Это никого ни к чему не обязывает. К тому же я знаю, что я не в твоём вкусе, тебе нравятся тихие девушки, вот с такими глазами наискосок. *(Оценила результат уборки.)* Ну вот, теперь как будто терпимо. Тогда ты одевайся, а я пойду, мне все равно надо раньше. А то, представляешь себе, что будет, если мы вместе придем на работу? Все с ума сойдут!

Л я м и н. Подожди.

Н ю т а. Зачем? Мне все равно надо раньше. *(Она подошла к Лямину, обняла его на прощание.)* Только не думай. Не надо думать. Ладно?

Л я м и н. Постараюсь.

Н ю т а *(шепотом)*. А там никого нет? А то я боюсь.

Л я м и н. Чего ты боишься?

Н ю т а. Ну так, нехорошо. *(Пошла к двери, обернулась.)* Леша, ответь мне на один вопрос: ты ничего не испытываешь? Ни капельки? Ни вот столько?

Л я м и н. Нюта, я хочу познакомить тебя с моими родителями.

Н ю т а. С вашими родителями? *(Польщена.)* Хм... Очень приятно.

Лямин пошел за родителями.

— Когда, сейчас?..

Л я м и н. Сейчас.

Н ю т а. Они спят.

Л я м и н. У них бессонница.

Н ю т а. Зачем?

Л я м и н. Нужно. (*Вышел.*)

Н ю т а еще раз оглядела комнату, поправила постель, чтобы и в голову не могло ничего прийти. И в последний момент успела надеть пальто.

Л я м и н ввел м а т ь, женщину с нервным лицом. Она удивилась.

М а т ь. Ты не один?..

Л я м и н. Познакомься, это Нюта.

Н ю т а. Очень приятно.

М а т ь. Но ведь еще очень рано! И ты решился впустить человека в свою берлогу утром? Слава богу, сегодня здесь хоть убрано. Леша, я тебя не узнаю!

Л я м и н. Мама, посиди с нами.

М а т ь (*рассмеялась*). Но ведь тебе скоро на работу! А вам разве не надо на работу? Вы работаете вместе с Лешей? Или вам можно опоздать?

Н ю т а. Мне можно. У меня хороший начальник.

М а т ь. Леша ходит минута в минуту, хотя, если бы он даже опоздал, ему бы ничего не было, его очень любят. Но вам, наверно, это известно лучше, чем мне.

Л я м и н. Мама, не отвлекайся. Нам надо поговорить серьезно.

В двери появляется о т е ц. У него голова мыслителя, но тоже нервное, трагическое лицо.

О т е ц. Что случилось? Сумасшедший дом какой-то.

М а т ь. Ничего не случилось, тебя никто не трогает.

Л я м и н. Папа, познакомься. Это — Нюта.

Н ю т а (*протянула руку*). Очень приятно.

М а т ь. Не обращайтесь внимания, он всегда чем-нибудь недоволен. Все не по нем, все не так. Изводит себя, изводит всех вокруг — такой характер.

О т е ц (*стиснул голову руками*). Оставь меня, пожалуйста, в покое.

Л я м и н. Папа, садись.

М а т ь. Разве я не права? Леша, скажи по совести: правда, твой отец нелегкий человек?

О т е ц устало закрыл глаза.

Л я м и н (*Н ю т е*). Мама преувеличивает.

М а т ь. Эгоистичный, желчный человек, никого не любит, кроме себя.

Л я м и н (*Н ю т е*). Ну, общее представление о нашем образе жизни ты теперь имеешь.

Н ю т а. У всех в семье какие-нибудь нелады.

М а т ь. Вы не поняли. Разве мы ссоримся? Просто я хочу, чтобы Леша сказал откровенно: разве не правда, что твой отец слишком любит себя? Разве не так?

Л я м и н. Так.

О т е ц. Негодяй!

Л я м и н. Папа, не сейчас, потом. Дело в том, что я же-
нюсь.

М а т ь (*улыбнулась*). Как женишься, на ком?

Л я м и н. Если Нюта согласна, то я женюсь на ней.

Н ю т а засмеялась.

— Я говорю серьезно: я делаю предложение.

Н ю т а смеется еще пуще.

М а т ь. Леша, это шутка?

Н ю т а. Конечно. Что вы, не понимаете?

М а т ь. В таком случае не очень удачная шутка.

О т е ц. Ты не видишь, что он не шутит? Сначала одна дурацкая история, теперь другая дурацкая история, не знаю, что лучше: то, что было, или то, что будет. А может быть, будет и то и другое сразу? У нас в доме все возможно, я не удивлюсь.

М а т ь. Леша, ты же нам ничего не говорил. Ты хоть достаточно знаешь... эту девушку?

Л я м и н. Я знаю все, что мне нужно.

Н ю т а (*матери*). Вы не думайте, у меня и в мыслях ничего не было... Конечно, это все наивно.

М а т ь. Вот, тебе это поделом. Оказывается, ты ее даже не спросил. Ты был уверен, что она обрадуется твоему предложению. У тебя самомнение, дружок.

Н ю т а. Нет, вы напрасно. Я к нему так отношусь... Он знает, как я к нему отношусь.

М а т ь. Я не поняла. Только что вы говорили так определенно.

Н ю т а. Я и сейчас говорю. И кроме того... дело в том, что у меня есть ребенок, дочь.

М а т ь (*невольно*). Какой ужас...

Н ю т а. Правда, дочка живет отдельно, совершенно отдельно.

О т е ц. Сумасшедшие, о чем они говорят? Зачем тебе дочь?

Н ю т а. Он не знал. Я не скрывала, но у нас просто не заходил об этом разговор.

М а т ь. Зачем тебе вообще жениться? Так срочно. От тебя же этого никто не требует, напротив! Нюта, я правильно вас поняла?

О т е ц (*жене*). Что ты с ним толкуешь, неужели ты не видишь, в чем дело...

Н ю т а. Если вы в чем-то подозреваете меня, то напрасно.

М а т ь. Так что же мы решили?

Н ю т а (*обращаясь к отцу*). А что это за история, вы говорили?

Л я м и н. Это замужняя женщина, у нас с ней очень давние отношения. Но теперь это все кончено.

М а т ь. Так скажите ему определенно, и прекратим этот разговор, вам же пора на работу.

Л я м и н. Мама, не дави, не дави, не дави.

Нюта молчит.

О т е ц (*Лямину*). Видишь? Она молчит. Поставил в идиотское положение приличного человека. Отправляйся к своей бабе и оставь ее в покое.

Н ю т а. Нет, зачем же, я согласна.

М а т ь (мужу). Скажи что-нибудь! Что ты молчишь? Ты — отец.

О т е ц. Зачем ты нас позвал? Ты же не спрашиваешь у нас совета, ты просто ставишь нас в известность. Теперь мы осведомлены, можем убираться восвояси. Идем, Лида. Он не сейчас начал катиться по наклонной плоскости. Если я тогда не смог его остановить, что же теперь!.. (Н ю т е.) Он был способный человек. Можете мне поверить, я говорю это не потому, что он мой сын. У него были способности к математике. У него были способности к живописи — вот обломки увлечений. Он писал неплохие стихи. У него есть книжка с надписью поэта Антокольского: «Победителю в песнях застольных от его собутыльников школьных. Павел Антокольский». Я говорил ему: иди в Академию художеств, иди в Литературный институт! Есть люди, которые меня достаточно уважают, — иди куда хочешь. Нет, он не хочет быть поденщиком, он не хочет всю жизнь искать выход из безвыходного положения. А кто ты теперь? Ты служащий. В молодости я гордился, что могу писать в анкете: социальное происхождение — рабочий. Я ничего плохого не говорю о вашей работе: от планирования сейчас зависит все благосостояние страны... Это другой вопрос. Но хорошо, может быть, ты счастлив в личной жизни? Этот бесконечный роман с замужней бабой, у которой было только то достоинство, что она его безумно любила. Однако развестись с мужем она не пожелала...

М а т ь. Папа прав, не спорь.

О т е ц. Так до тридцати лет он и не узнал, что такое любовь, семья. Как это вам удалось, что он забыл свои обязательства перед этой женщиной, я не знаю. Наверно, перед вами он виноват еще больше, чем перед ней. Желаю успеха. Теперь вам известно, чем его держать, этого идиота. Лида, идем, прошу тебя.

Н ю т а. Странно, это ваш сын, а вы о нем так говорите при постороннем человеке.

О т е ц (не сразу нашелся). Но вы ведь уже не посторонний человек.

Н ю т а. Все равно, я женщина.

О т е ц. Вы должны о нем знать, чтобы потом не было неожиданностей...

Н ю т а (*матери*). Я с вами согласна, ваш супруг в быту, наверно, нелегкий человек.

Л я м и н. Ньюта, это лишнее.

Н ю т а. Если ты просишь, я умолкаю, не будем предвращать отношения. Кто знает, может быть, со временем мы просто разменяем эту комнату — не будет почвы для конфликтов.

М а т ь. Как — разменяете?

О т е ц. В чем дело, послушай, что она говорит!

М а т ь. Не понимаю, что же — сюда въедут чужие люди?

Л я м и н. Не волнуйтесь, мама, этот вопрос еще не решен.

М а т ь. Когда он будет решен, обсуждать будет поздно.

Н ю т а (*Лямину*). Будет только так, как ты хочешь.

Л я м и н. Видишь? Будет так, как я хочу.

О т е ц. Ты безвольный человек, всегда будешь на поводе. Ты уже на поводе.

Н ю т а. Вот вы уже восстанавливаете его против меня.

Л я м и н. Не надо обращать внимания.

О т е ц. На меня и так никто здесь не обращает внимания, не стесняйтесь.

М а т ь (*холодно*). Посуда на кухне, стирать можно в ванной. Юра, пойдём.

Ушли.

Л я м и н. Нам пора. (*Торопливо надевает пиджак.*)

Н ю т а. Постой, ты уже готов идти, а галстук?

Лямин достаёт из шкафа несколько галстуков, повязывает один.

— По твоему внешнему виду теперь уже будут судить не только о тебе, но и о твоей жене.

Л я м и н. Бежим, бежим.

Н ю т а. Сейчас побежим. Но сначала посмотри, какой вид имеет комната. Тебе нравится?

Л я м и н. Нравится.

Н ю т а. В комнате должен быть такой порядок, что если одна вещь не на месте, то уже заметно. Ты со мной согласен?

Л я м и н. Абсолютно.

Н ю т а. Ты отвечаешь формально.

Л я м и н. Клянусь тебе!..

Н ю т а. Тогда убери галстуки.

Л я м и н. Да, да... *(Мечется по комнате, не зная, куда деть галстуки.)*

Кабинет Лямина. Музыка делового дня. Л я м и н проверяет расчеты, принимает посетителей, дает указания, говорит по телефону, подписывает бумаги, которые приносит и уносит Н ю т а.

Вот к нему зашел Кур о п е е в. Он жестом успокоил Л я м и н а и скромно присел в сторонке, поощрительно наблюдая деятельность своего преемника.

Ритм музыки все быстрее. Но вот в ней начались перебои — наступает тишина: рабочий день окончен.

Л я м и н потянулся, помотал головой и стал было собираться домой.

К у р о п е е в. Видишь, хорошо, что я пришел пораньше, а то бы ты убежал. *(Посмеялся.)* Ладно, не оправдывайся. Я вижу, ты тут развернулся. Давай! Действуй!

Л я м и н. Коля, я хотел с тобой поговорить.

К у р о п е е в. О чем говорить? Что ты ничего не сделал? Я знаю.

Л я м и н. Я хочу объяснить — почему.

К у р о п е е в. А зачем мне объяснять? Разве я не сидел за этим столом? Первую неделю ты будешь тонуть, вторую неделю будешь выплывать, а потом начнешь различать знакомые лица. Но тем не менее. Дело есть дело.

Н ю т а *(открыла дверь)*. Алексей Юрьевич, вы идете?

Л я м и н. Скоро, Нюта, нам надо поговорить.

К у р о п е е в. Вы идите, Анна Ивановна, что вы беспокоитесь?

Н ю т а. Я не могу уйти, мне надо все запереть.

К у р о п е е в. Ну, запирайте.

Н ю т а. Как же я могу запереть, когда вы здесь сидите? *(Вышла.)*

К у р о п е е в. Прежде она так не разговаривала. Распустил. Да, я потом ушел от тебя, вспомнил: обязательно используй в статье то, что ты мне, помнишь, приводил? Что

сейчас можно взять маленький план, чуть перевыполнить и получить благодарность и премию, а если взять план большой и чуть невыполнить — то получишь взыскание. Действительно, дико!

Л я м и н (*пока тот говорил, собрался с духом*). Коля, знаешь, я не буду писать эту статью.

К у р о п е е в. Как не будешь?

Л я м и н. Коля, ты прости, но, знаешь, я не могу. Это серьезно. И кончим разговор.

К у р о п е е в (*ошеломлен*). Что значит — кончим? Ты же обещал!

Л я м и н. Я обещал. Я виноват. Мы с тобой условились, что будем говорить откровенно. Вот я говорю.

К у р о п е е в. Постой, при чем тут откровенность? Ты мне обещал. Иначе я бы не взялся за это дело, меня никто не вынуждал.

Л я м и н. Да. Надо было отказаться.

К у р о п е е в. И не далее как вчера ты подтвердил, что будешь работать. Тогда я позвонил в редакцию и заверил их, что все в порядке. Там тоже сидят люди, и с ними надо как-то считаться. Милый мой, нельзя думать только о себе.

Л я м и н. А о ком мне думать, о тебе? Мне надоело.

К у р о п е е в. Хорошо, на будущее можешь быть спокоен, больше я тебя не потревожу. Но сейчас, будь добр, выполни свое обещание. Будь любезен. Покорнейше тебя прошу.

Л я м и н (*мучительно*). Я понимаю. Я тебя понимаю.

К у р о п е е в. Какого черта мне в том, что ты меня понимаешь? (*Взял себя в руки.*) Ладно. Давай сядем вместе. Ты будешь диктовать, я буду за стенографистку. Недолго, пока тебе не надоест.

Л я м и н. Анна Ивановна, зайдите, пожалуйста.

Н ю т а (*в двери*). Да.

Л я м и н. В моем столе в той комнате — синяя тетрадка. Принесите.

Н ю т а. Стол заперт.

Л я м и н. Отоприте.

Н ю т а. Дайте ключ.

Л я м и н ищет.

— Он там.

Л я м и н. Где — там?

Н ю т а. Ну, вспомните, куда вы забросили.

Л я м и н (*вспомнил*). А... Поищите. В углу возле шкафа или за шкафом.

Н ю т а. Если бы вы сказали, что эта тетрадка вам нужна, я бы нашла днем. Вы же сказали, что она вам больше не нужна.

К у р о п е е в. Так вот, она нужна. В чем дело?

Н ю т а. Не знаю, Алексей Юрьевич говорит...

К у р о п е е в. Ах, вот что! Этот вопрос уже обсуждался с секретаршей. Ну, слушай...

Л я м и н (*тоже зашелся*). Да, обсуждался! Это ты меня вынудил. Почему я обязан отдавать тебе все мое время? Почему я обязан за тебя трубить? Почему я обязан выполнять твои обязательства? Потому что ты меня любишь? Но ведь не я тебя люблю, а ты меня. Да и то еще неизвестно!..

К у р о п е е в (*в беспамятстве*). Так. Все ясно. Тетрадку! Тетрадку!

Н ю т а (*холодно*). Ключ за шкафом, я не могу его двигать одна.

К у р о п е е в. Так двигайте вместе! Какое мне дело!

Н ю т а. Завтра я доставлю ее вам в управление.

К у р о п е е в. Сейчас. Она мне нужна сейчас!

Л я м и н. Зачем она тебе нужна сейчас?

К у р о п е е в. Не твое дело. Это моя тетрадка, мне она нужна!

Л я м и н. Завтра.

Пауза.

К у р о п е е в. Хорошо... (*Ушел.*)

Дверь приоткрыл Егоров.

Н ю т а. Товарищи, имейте совесть.

Е г о р о в (*вошел*). Это я.

Вслед за ним — девушка.

Д е в у ш к а. И я. Нас только двое.

Н ю т а. Товарищи, неужели нельзя в другое время, ну что это!

Л я м и н (*твердо*). Успокойтесь, Нюта. (*Егорову*.) Садитесь, пожалуйста. Что у вас?

Егоров выводит де вуш ку за дверь, сел к столу Лямина.

Е г о р о в. Алексей Юрьевич, вам звонили по поводу меня?

Л я м и н. По поводу вас? Нет, никто не звонил.

Е г о р о в. Я вынужден попросить у вас отпуск на неделю за свой счет.

Л я м и н. Иван Никифорович! Какие же сейчас отпуска! Мы с вами говорили, вот сейчас бы как раз взяться! А вы, наоборот, отпрашиваетесь.

Н ю т а. Зачем вам отпуск, вы только недавно вернулись!

Л я м и н (*Нюте*). Спасибо, Нюта, я разберусь.

Е г о р о в. Дело в том, что мне надо приготовить материал для выступления по телевидению о поэте Семене Гудзенко, с которым мне довелось в сорок первом году служить в одной части.

Л я м и н. Вы это нам уже рассказывали.

Е г о р о в. Дело в том, что этот период его жизни почти не освещен. Когда он был ранен, я вез его на санях, и с тех пор у нас завязались особые отношения.

Л я м и н. Но вы же так хорошо это рассказываете, зачем же вам на это неделя?

Е г о р о в. Видите ли, когда я узнал, уже в мирное время, что он стал известным поэтом, я начал записывать характерные случаи, наши с ним беседы, показал в редакции — там заинтересовались. Ну, отсюда и пошло. Но для выступления по телевидению надо как-то обдумать, отобрать существенное...

Л я м и н. Ну как же, мы знаем... И все-таки... Вы видите, какое сейчас время.

Е г о р о в (*сочувственно*). Вижу.

Л я м и н. Мы горим. Кончается квартал. Все, о чем вы говорили, представляет серьезный интерес и, конечно, не только для нас с вами. Но хорошо бы немного попозже...

Е г о р о в. Так попозже нельзя!

Л я м и н. Наверное, живы и еще люди, которые его знали. Есть поэты, которые могут рассказать о нем даже более квалифицированно.

Е г о р о в. Более квалифицированно, это верно, я, разумеется, менее квалифицированно, кто спорит... Ну, что ж, придется отказаться. Разрешите, тогда я от вас позвоню на студию? *(Набирает номер.)*

Л я м и н. И объясните им, что это невозможно.

Е г о р о в *(в трубку)*. Здравствуйте, Елена Сергеевна. Это Егоров говорит... Вот видите, ничего не получается. Сажу в кабинете товарища Лямина, говорит, что невозможно. Что? Да. Вот говорит — никак... Хорошо, сейчас. *(Протянул трубку.)* Хотят с вами поговорить.

Л я м и н. Слушаю вас... Здравствуйте... *(После длительного высказывания собеседницы.)* Нет, понимаете ли, в чем дело!... *(Еще один длительный довод.)* Нет, почему, в принципе я ничего, не имею против... Но я хотел бы... Ну да, понимаю... Понимаю...

Н ю т а *(чувствуя, что он склонен к уступкам)*. Алексей Юрьевич!

Л я м и н *(все более виновато)*. Конечно... конечно... Нет, я и сам имел в виду... Вот это — не знаю, надо подумать... *(Засмеялся.)* Нет, я еще ничего не обещал... Ну, хорошо... хорошо. Пожалуйста. Но вы меня зарезали... Спасибо... Спасибо... *(Повесил трубку, все еще улыбаясь.)*

Н ю т а. Интересно, за что вы ее благодарите?

Л я м и н *(Егорову)*. Пишите заявление.

Е г о р о в. Хорошо, Алексей Юрьевич. *(Вышел.)*

Н ю т а. Я бы убивала таких баб.

Л я м и н. Каких?

Н ю т а. Которая тебя уговорила по телефону. Представляю, что бы с тобой стряслось, если бы вы с ней встретились лично.

Л я м и н. Нюта, подожди меня там, у себя. Кто-то еще был.

Н ю т а. Нет уж, я побуду. Мне интересно, что будет дальше. Войдите, девушка.

Д е в у ш к а *(вошла, очень возбуждена)*. У меня к вам большая просьба. Может быть, необычная.

Л я м и н. Слушаю.

Д е в у ш к а. Дайте мне справку, что я отработала у вас два года. Это мне нужно для поступления в институт.

Л я м и н. Почему бы и нет? (*Н ю т а.*) Отпечатайте, пожалуйста, я подпишу.

Д е в у ш к а. Спасибо. (*Протянула бумажку.*) Вот, я все подготовила.

Н ю т а (*официально*). К сожалению, девушка работала у нас не два года, а один год.

Л я м и н. Напишите, что один год.

Д е в у ш к а. Зачем же мне один год? Мне именно нужно, чтобы справка была за два года, иначе не имеет смысла. Я же предупредила, что это необычная просьба.

Л я м и н. Не понимаю.

Д е в у ш к а. Я все равно не буду у вас работать. Я буду поступать в институт. Если вы хотите, чтобы я не работала и не училась, можете не давать. Но мне почему-то казалось, что вы понимающий человек, который может войти в положение.

Л я м и н. Вы ошиблись. Я ничего не понимаю и не умею входить в положение. До свидания.

Д е в у ш к а. Что значит — до свидания? Вы прекращаете разговор?

Н ю т а. А на что вы рассчитываете, девушка? На то, что Алексей Юрьевич ради вас нарушит все законы? Строите глазки, постыдились бы. Он вдвое старше вас.

Д е в у ш к а. Вот это новость. Можете не давать мне справку, но она пусть передо мной извинится.

Л я м и н. Ладно, извинитесь, Нюта.

Н ю т а. Я?.. Помолчала бы!

Д е в у ш к а. Ну, кому я строила глазки, ну, скажите!

Н ю т а. Только не заступайся, только не заступайся!

Л я м и н. Товарищи, я устал!..

В двери Люба. Она рассеянна и словно бы немного не в себе.

Л ю б а. Леша, ты скоро домой? Я тебя там ждала, мне надо с тобой поговорить. Но, в общем, все равно. Я могу и так.

Л я м и н. Да, пожалуйста.

Л ю б а. Мой муж получил отпуск и едет отдыхать. Вероятнее всего, он поедет не один, а с Валей Чулко.

Л я м и н. Люба, ты очень впечатлительный человек, тебе что-то показалось, и вот ты портишь жизнь и себе, и мужу, и всем вокруг. Не надо так все усложнять.

Л ю б а (*мирно улыбнулась*). Что ты, Леша, я нисколько не преувеличиваю, их отношения я знаю досконально. Ему не с кем делиться, так он делится со мной. Я его должна утешать и давать советы, как быть с Валей Чулко. Ведь эта история длится уже больше года, она началась в тот незапамятный день, когда он наконец получил пропуск в плавательный бассейн. Бедняге надо было два раза в неделю вскакивать в шесть утра и ехать на другой конец города. Но он никогда не пропускал. Он говорил, что неудобно подводить инструктора. Вот этот инструктор и оказался Валей Чулко. Я увидела ее уже много позднее. Ничего, тоненькая такая, спеленькая, как фрукт. Фрукт — в смысле овощ. У меня это все запротоколировано в дневнике по числам. Когда мама прочитала дневник, пришлось вызвать неотложку...

Л я м и н. Что я должен сделать? Говори.

Л ю б а. Мне надо ехать с ним. Я должна быть с ним рядом. Тогда, может быть, это пройдет.

Л я м и н. Вполне возможно. Я бы на твоём месте поступил именно так.

Л ю б а. Да, ты прав.

Л я м и н. Так что?

Л ю б а. Что — что? Мне нужен отпуск с завтрашнего дня.

Л я м и н. Это невозможно.

Л ю б а. Мне полагается отпуск за этот год. Я требую только то, что мне положено.

Л я м и н. Хоть бы ты сказала пораньше.

Л ю б а. Я специально отложила отпуск, чтобы ехать с ним одновременно. Я не виновата, что он вдруг взял сейчас.

Л я м и н. А я виноват?

Л ю б а. Виновата Валя Чулко. Но это уж, как говорится, стихия, к ней можно только приноравливаться.

Л я м и н. Я только что дал отпуск Егорову. Если бы я знал, я бы дал не ему, а тебе.

Люба (рассеянно). Ну да, понятно. Тогда, конечно, нельзя...

Лямина. И вообще как-то странно. Помнишь, мы говорили: вот сейчас как раз бы и взяться, всем вместе. Так, наоборот, все отпрашиваются! Нет, Люба, нет. Надо найти какой-нибудь другой выход.

Люба (машинально). Я понимаю. Надо искать другой выход. И потом, что я там увижу нового? Как мой муж с Валею Чулко будет плавать наперегонки? (Направилась к двери.)

Лямина. Если Саня не ушел, пускай зайдет ко мне.

Люба. Ладно. (Ушла.)

Девушка. Алексей Юрьевич!

Лямина. Вы еще здесь?

Девушка. Так как же?

Лямина. Что там у вас? Давайте.

Девушка подала свою справку, Лямина подписал, поставил печать.

— Все? Идите.

Девушка. Спасибо. Может быть, мне еще что-нибудь понадобится, я тогда зайду. (Ушла.)

Нюта. Подписал фальшивую бумажку. Такие вещи рано или поздно обнаруживаются.

Лямина. Подожди, что с Любой? Тебе ничего не показалось?

Входит Саня. Вытеснив Лямина, уселся на его место.

Саня. Что вы сделали с Любой? Ушла, утопая в слезах.

Лямина (страда). Ах, как нехорошо. Это я виноват. Но что я могу сделать? Саня, тебе придется взять на себя часть работы Егорова. Я на неделю его отпустил.

Саня. Никогда в жизни!

Нюта. Как ты отвечаешь! Тебе приказывает начальник.

Лямина. Подожди. Вот ты отказываешься. На каком основании?

Саня. Чтобы распутать то, что может напутать Егоров, для этого нужно иметь такой же рабочий стаж, как у него.

Л я м и н. Ему остался год до пенсии, я не могу его уволить, у меня нет морального права.

С а н я. Каждый имеет право на то, на что он считает себя вправе. Один может не прийти домой до утра, другой не имеет права опоздать на час. Леша, тебе нужно отпустить бороду, у тебя неволеовое лицо... Слушай, я сейчас иду в одну компанию, хочешь со мной? Есть симпатичные варианты.

Н ю т а подошла к С а н е, отвесила пощечину.

— В чем дело? Что такое? В чем дело?

Н ю т а. Иди сам к своим чувихам, а его оставь в покое.

С а н я. Нет, при чем тут вы? При чем тут я? Леша, ты видел? Что я должен предпринять? Какое-то идиотское положение!

Л я м и н. Бросьте вы ссориться. Давай решать быстро насчет Егорова.

С а н я *(не может успокоиться)*. Кто ссорится? Я ссорюсь? Вы что, издеваетесь надо мной?

Л я м и н *(приоткрыл дверь)*. Товарищи, простите, у меня пятиминутка. Нюта, извинись.

Н ю т а. Представляю, куда бы вы сейчас отправились.

Л я м и н. Но ведь не отправились!..

Н ю т а. Я извиняюсь... потом.

С а н я. Нет, если бы это была не женщина, я бы знал, как поступить. Просто — раз! *(Через стол особым приемом он ухватил Л я м и н а за руку.)*

Л я м и н *(остался неподвижен и только проговорил)*. Я спрашиваю тебя в последний раз: ты будешь работать или нет?

С а н я. И — два!

Вероятно, бешенство придало Л я м и н у силу, иначе невозможно объяснить то, что произошло дальше. Борьба, в которой личные чувства взяли верх над правилами спорта. Хрустнул стул. Н ю т а завизжала. Несколько сотрудников, привлеченных шумом, оказались свидетелями победы, которую одержал Л я м и н. Он прижал противника к столу и, задыхаясь, спросил:

Л я м и н. Будешь работать?

С а н я. Пусти.

Л я м и н. Будешь работать?

С а н я. Я не могу так говорить.

Л я м и н. Можешь.

С а н я. Буду...

Л я м и н. Дай слово.

С а н я. Даю...

Л я м и н. Что даешь?

С а н я. Слово!..

Л я м и н. Что будешь выполнять все указания. Не будешь отлынивать, не будешь препираться.

С а н я. Не буду!

Л я м и н (*отпустил его*). Пошел!

Сотрудники пропустили С а н ю, с ужасом глядя на своего начальника.

Комната Лямина. При помощи стамески и молотка он вырубает из деревянного чурбана портретное изваяние Нюты. В другой стороне комнаты, сидя на стуле, Н ю т а позирует ему.

Оба сильно возбуждены, хотя и сдерживаются. Л я м и н время от времени нервно поводит шей.

Н ю т а. Когда на конференции сказали, что ты применяешь к сотрудникам физическое насилие, никто не возразил. Если бы присутствовал Саня, он бы сказал, что это шутка. Но он вообще на собрания не ходит.

Л я м и н. Не разговаривай! Мне надо сосредоточиться.

Н ю т а. На чем тебе надо сосредоточиться? Сосредоточиться на своей судьбе!

Зазвонил телефон. Н ю т а сняла трубку.

— Да!.. А кто его просит? Евдокименко?

Л я м и н скрестил перед собой руки — «меня нет».

— А он как раз вышел. (*Положила трубку.*)

Л я м и н. К черту Евдокименко.

Н ю т а. Куропеев способен на что угодно.

Л я м и н. К черту Куропеева.

Н ю т а (*смотрит на него с жалостью*). Ну хорошо, хорошо, молчу. Как ты изменился за последнее время. Раньше был веселый, остроумный, всех разыгрывал, а теперь?.. Сам себе враг. Когда ты кончишь эту чурку, что потом?

Л я м и н. Потом буду писать большое полотно. Маленькая дверь с надписью: «Входа нет». А в нее входят. Двое.

Н ю т а. Не верти шеей. Это плохая привычка.

Телефонный звонок. Н ю т а сняла трубку.

— Да?.. Его нет. А кто его просит? А, здравствуй. Постой, там кто-то звонит в дверь, я посмотрю, может быть, это он. (*Зажала трубку.*) Саня. Подойдешь?

Л я м и н. К черту Саню.

Н ю т а (*в трубку*). Нет, это не он. Ну, звони...

Л я м и н. Все звонят домой. Что такое? Есть местком, есть партком, есть все. Я официальный человек, пускай обращаются ко мне через секретаршу. Нет дома. Я выключился. Щелк — и меня нет.

Телефонный звонок.

Н ю т а. Да?.. А его нет. А кто спрашивает? Здравствуйте, Иван Никифорович, постойте, там кто-то звонит в дверь.

Л я м и н сделал страшное лицо.

— Нет, это не он. Ну звоните.

Л я м и н. Что значит — звоните! Я же сказал тебе, с девяти до половины шестого. Неужели трудно усвоить! Хотите быть оловянными солдатиками — пожалуйста. Вам надо только приказывать? Хорошо, буду приказывать. Вам нужен Куропеев? Хорошо, я буду Куропеевым.

Н ю т а. Так тоже нельзя, все-таки люди.

Л я м и н. Слушай, проявляй свою доброту за счет кого-нибудь другого. Ты-то уж видела, я пытался по-хорошему. Не хотят? Что же, не надо. Давайте по-плохому.

Телефонный звонок.

Н ю т а. Да?.. Его нет. А кто его просит? (*Растерялась.*)
Здравствуйте, Николай Степанович. Ой, там кто-то звонит
в дверь. Я посмотрю, может быть, это он. (*Зажав микрофон.*)
Куропеев.

Л я м и н опять отрицательно скрестил руки.

— К сожалению, это не он. Он должен скоро прийти, да.
До свидания. (*Положила трубку.*) Написал бы ты ему эту
статью, а? Можешь мне подиктовать. Ты работай и мне
диктуй, а?

Л я м и н. Хорошо, пиши.

Н ю т а быстро достала бумагу, села на прежнее место.

— (*Диктует.*) «Действующая ныне система планиро-
вания...»

Н ю т а. Это начало?

Л я м и н. Начало. «Действующая ныне система планиро-
вания убивает инициативу и стимулирует плохую работу...»
Пиши. «Планирование возвращено на оголтелом недоверии...»

Н ю т а. Лешенька, прости, что я вмешиваюсь, но, может
быть, это не надо?

Л я м и н. Надо. Как все знают, что надо и чего не надо,
поразительно!

Н ю т а. Но ведь это даже неправильно, что ты говоришь.
Разве можно всем доверять? Знаешь, что начнется?

Л я м и н. Если тебе все так ясно — написала бы сама.

Н ю т а. Не срывай на мне свое плохое настроение.

В комнату обеспокоенно заглянула м а т ь.

Л я м и н. У меня хорошее настроение!

М а т ь (*улыбаясь*). Что случилось? Вы уже ссоритесь?

Н ю т а (*тоже улыбаясь*). Немножко поспорили... На отвле-
ченную тему. Посидите с нами.

М а т ь. С удовольствием. (*Оглядываясь.*) Совсем другая
комната. Вы на него хорошо влияете. А то действительно:
был в армии, а вернулся такой же беспомощный. (*Позвала.*)

Юра, иди сюда, нас приглашают в гости. Живем как в клетке. К нам никто не ходит. Юрий Петрович стал такой нелюдим...

О т е ц (*вошел*). Перестань меня критиковать. Давай хоть один день для разнообразия проведем спокойно.

Н ю т а. Я тут как раз говорила: Леша хороший человек, но очень уж простой. Иногда надо и подумать, как себя вести. Я понимаю, вы дали ему такое воспитание, что ему не приходилось выкручиваться, о чем-то умалчивать, просто не было нужды. А сейчас так нельзя. Поверьте, я многое повидала в жизни. (*Ей нравится роль хозяйки, которая принимает гостей. Но, развлекая их, она разговорилась.*) Не вам говорить: иногда приходится и соврать, иногда чем-то воспользуешься... А что, нет? У меня муж был очень уважаемый человек, работал на холодильнике, так там все воровали, одни больше, другие меньше. А перед этим я была близко знакома с профессором. Очень хороший человек, такой беспомощный, неприспособленный. Мы с ним долго были так, не знаю, дружили или как, во всяком случае, он меня не трогал. Один раз я даже у него заснула дома. Но он не погасил свет и всю ночь просидел рядом. Вскоре я к нему переехала, прибралась там, и стали жить, как люди. Но по работе он, главное, старался больше молчать. Он говорил: чем больше ты молчишь, тем тебя больше уважают. А ведь он в своем положении мог себе не то позволить, что Леша.

Пауза. Ее воспоминания произвели на присутствующих сильное впечатление.

О т е ц. Виноват, вот этот ваш муж, который на холодильнике, он...

М а т ь. Зачем тебе все знать, не вмешивайся.

Н ю т а. А что тут такого? Это я просто так говорю «муж». Мы с ним даже не расписались. Я любила его, жалела, но потом оказалось, у него и до меня были такие жены, и после меня, и все ему готовили, обстирывали... Одинокий, холостой, а женщины, знаете, они — как птицы, у них инстинкт скорее свить свое гнездо. Если она знакомится, то ей хочется надолго, в перспективе на всю жизнь. А мужчина,

наоборот, поскорее хочет скрыться. Но я, кстати сказать, и претендовать ни на что не могла — у меня дочь...

О т е ц. Что же, это была не его дочь?

М а т ь. Какая разница?

О т е ц. Раз я спрашиваю, значит, мне нужно.

Н ю т а. Что вы, дочь не его, как она могла быть его, она в это время уже была большая.

О т е ц. Кто же ее отец, если не секрет? Этот профессор?

Н ю т а (*рассмеялась*). При чем тут профессор? Сосчитайте по годам. Он, наоборот, был уже потом. А дочка родилась, когда мне было восемнадцать лет, я была совсем девочка. Хотите, я вам расскажу? Но это долгая история.

Л я м и н. Не стоит.

Н ю т а (*встревожилась*). Может быть, я наговорила что-то лишнее? Тогда простите.

О т е ц (*сыну*). Вот что получается, когда человек считает себя умнее всех на свете.

М а т ь. Юра, нас это не касается.

Н ю т а. Так и есть. Сама тебя учу, а сама болтаю то, чего не нужно.

О т е ц. Почему не нужно? Очень нужно. Я бы, Леша, на твоём месте поинтересовался. Просто из любопытства... Перестань долбить свое полено!

М а т ь. Леша, что с тобой, не верти шеей!

Н ю т а. Работает на износ. А нервная система не восстанавливается.

Тут Л я м и н с размаху швырнул в угол свой деревянный молоток и стамеску, поддал ногой чурбан и молча надел пиджак.

М а т ь. Леша, возьми себя в руки.

Л я м и н не ответил, направился к двери.

Н ю т а (*уцепилась за него*). Никуда не пойдешь. Я не пушу тебя в таком состоянии.

Зазвонил телефон.

Л я м и н. К черту всех! Меня нет дома.

Н ю т а (*не отпуская его*). Подожди, мало ли кто это может быть. Лидия Григорьевна, возьмите, пожалуйста, трубку.

М а т ь (*в трубку*). Да?.. Его как раз нет дома, это его мать... (*В страхе.*) Что?.. Хорошо, я передам. (*Положила трубку.*) Леша, не волнуйся, ваша Люба отравилась.

Л я м и н (*опустился на стул*). Надо идти.

Н ю т а. Идем вместе.

Л я м и н поднялся, он пошел не к двери, а на диван. Лег странно, лицом вниз, боком.

Л я м и н. Это я виноват. Надо было пустить ее в отпуск с этой Валею Чулко.

Н ю т а. Мама моя, какой он бледный.

М а т ь. Ему плохо.

Н ю т а. Надо вызвать врача. Я знаю телефон, очень хороший врач, он все некрологи подписывает.

М а т ь. Это инфаркт.

О т е ц. В таком возрасте инфаркта не бывает. Где там ваш телефон врача?

Н ю т а. Забыла.

О т е ц. Тихо все!

Он держит Л я м и н а за руку, глядя на часы и слушая пульс.

М а т ь (*тихо*). Что?..

О т е ц. Дай мне послушать пульс.

М а т ь. А что я делаю? Я же тебе не мешаю.

Телефонный звонок.

О т е ц. Что такое!

Н ю т а. Телефон звонит.

О т е ц. Никаких звонков! (*Слушает пульс.*)

Н ю т а (*все же взяла трубку, тихо*). Да?.. Ну?.. Так. (*В голос.*) Идиот, надо сначала узнать все до конца, а потом звонить, дурак! (*Бросила трубку.*) Она живая, Леша! Ты слышишь?..

Под взглядом отца стихла. Отец снова, глядя на часы, берет руку сына.

М а т ь (*не вытерпела*). Сколько?..

О т е ц. Не знаю. Вообще-то пульс есть. Врача вызвали?

М а т ь. Ты же сказал — никаких звонков.

О т е ц. Что? Немедленно звоните в неотложку.

Л я м и н (*открывая глаза, повернулся*). Не надо.

О т е ц. Погодите минутку. Он что-то сказал.

М а т ь. Он сказал «не надо».

О т е ц. Что «не надо»?

Л я м и н. Ничего не надо. Мне хорошо.

Н ю т а. Лешенька! Любу спасли, все в порядке! Идиот Санька, не мог сначала все узнать, а потом звонить.

Л я м и н. А я испугался...

Н ю т а. Из-за этой глупой дуры чуть не отправился на тот свет...

М а т ь. Как ты себя чувствуешь?

Л я м и н. Очень хорошо. Я отдохнул. (*Хочет подняться.*)

М а т ь. Лежи.

Л я м и н. Мне было очень хорошо. Мне показалось, что я умираю.

М а т ь. Вот смотри, старый, ты все время злишься, нервничаешь, с тобой будет то же самое.

О т е ц. Хотя бы сейчас оставь меня в покое.

Л я м и н (*беспокойно*). Нет, нет, не надо ругаться.

М а т ь. Не будем, не будем. Юра, помолчи, ему нельзя волноваться.

О т е ц. Это ты мне говоришь — молчи?

М а т ь. С утра меня точишь. Я его прошу — давай хоть один день проживем спокойно.

Л я м и н. Нет, нет! Надо говорить о чем-нибудь другом. Сейчас, когда я лежал, мне пришла в голову мысль, что, собственно, ни один день не повторится, все пройдет: и плохое и хорошее. Так что и этот день не повторится, и вот эта минута тоже не повторится. Вам не приходило это в голову?

М а т ь. Я все время ему это твержу, не хочет понять.

Внимательный взгляд заметил бы, что с Ляминим произошла какая-то перемена.

Л я м и н. Как хорошо, что мы все тут собрались, сидим вместе, как прежде, помните? По-моему, когда-то мы жили даже дружно. Или мне казалось?

М а т ь (*Н ю т е*). Мы так интересно жили, что вам и не снилось. Если бы я только перечислила, с кем я разговаривала запросто, как сейчас с вами. Правда, когда они приходили к нам домой, они теряли все свое обаяние. Музыканты вообще глупые люди, а с ним становились особенно.

О т е ц. Ну, ради твоего удовольствия я не мог держаться с ними запанибрата.

Л я м и н. Не надо, папа! Ты уклоняешься.

М а т ь. Но только он ушел на пенсию, все эти гении перестали к нам ходить. Что же, они лауреаты, а он никто и ничто. А благодаря кому они лауреаты, этого уже никто не помнит.

О т е ц. Это закон природы. Когда человек стареет, к нему перестают ходить в гости.

Л я м и н. А что, это идея. Давайте позовем гостей.

Н ю т а. Сейчас? Какие гости!

Л я м и н. Позвони Сане, позвони Егорову. Папа, позвони своим лауреатам. Даже не надо в магазин — у нас ведь что-то есть.

М а т ь. У нас есть, но это к празднику.

Л я м и н. Праздник тоже будет, потом. А сегодня посидим просто так. Нюта, включи радио, может быть, там музыка.

Н ю т а включила. Музыка.

О т е ц (*подошел к динамике*). Концерт для скрипки.

Л я м и н. Вот видишь!

М а т ь. Музыка. Всем нормальным людям доставляет удовольствие. Ему же она приносила только неприятности. Выговора, вечная угроза, что его понизят, снимут...

Л я м и н (*слушая музыку*). Странно, вот мы здесь сидели, разговаривали, ничего не слышали. А музыка была. А мы не знали, нам было неинтересно. И так — то и дело. Все проходит мимо.

М а т ь. Леша, все проходит мимо, только если ты сам пропускаешь мимо. Вот тебя повысили в должности, это главное. Ты должен быть доволен, ты должен пользоваться теми возможностями, которые у тебя появились. А ты вместо этого...

Л я м и н. А может быть, то, что нам кажется важным, — это не так уж важно? А то, что нам кажется второстепенным, — это главное и есть? Тебе не приходило в голову?

М а т ь. В каком смысле?

Л я м и н. Я не знал самых примитивных удовольствий, которыми пользуются все кому не лень. Я ни разу не был на футболе. Я не смотрел телевизор и, глупец, гордился этим. Стоит телевизор, а мы его не включаем. Кстати, где программа? Вот... Сколько сейчас? Пожалуйста, пропустили телеочерк «Машины-умницы».

М а т ь. Зачем тебе, это же передача для школьников.

Л я м и н. Ну и что? Это же очень интересно. Двадцать пятнадцать. «Запевайте, орлы-комсомольцы» — могли быть неплохие песни. Ладно. Двадцать сорок. Трансляция концерта. Не люблю, когда так пишут: может быть, какая-нибудь ерунда, а может быть, что-нибудь стоящее... Раньше я думал, что эти слова: «Мемéнто мори» — звучат мрачно. Наоборот! Это весело! Это значит — умей радоваться жизни, умей забывать плохое и помнить хорошее. Не может быть, что у вас никогда не было ничего хорошего. Так не бывает!

М а т ь. Теперь невозможно поверить, но когда-то я любила его, этого дурня. Помнишь, как ты меня пригласил и повез на извозчике? Я думала, мы едем по крайней мере, в Большой театр, а он привозит меня в захолустное кино. Он вообще не любил оперу.

О т е ц. Кино «Перекоп».

М а т ь. «Аврора». Все забыл!

О т е ц. Стала ужасная память, просто ужасная...

М а т ь. А ведь когда-то у него была великолепная память, все удивлялись, какая у него память. Если бы у него был слух, он мог бы петь наизусть целые оперы.

Л я м и н. Вы говорите, говорите!

М а т ь. Я знаю, я стала ужасная, все время его пилю. А когда-то я была веселая девушка, я вообще легкий человек в общезитии, со мной все уживаются. Я участвовала в самодеятельности, я умела делать фокусы! *(Она взяла со стола яблоко, накрыла платком, оно исчезло — и вынула из кармана мужа.)*

О т е ц *(взволнован)*. Перестань!.. *(Поднялся и вышел из комнаты.)*

М а т ь. Идем, старичок. Он уж хочет спать, в последнее время стал быстро утомляться... *(Тоже ушла.)*

Н ю т а *(быстро)*. У нас так никогда не будет, как у них. Я клянусь. И ты поклянись. Скажи — клянусь.

Л я м и н. Клянусь.

Н ю т а. Я все время думаю об этой загадке: почему ты на мне женился? Потому что ты порядочный человек? Провел со мной ночь и почувствовал себя обязанным? Думаешь, что со мной никто не проводил ночь? Но им почему-то и в голову не приходило на мне жениться.

Л я м и н. Нет.

Он подсел к ней, сосредоточенно глядя на ее лицо.

Н ю т а. Подожди, ответь. Ты поддался настроению минуты, да?

Л я м и н. Нет.

Он так же смотрит на нее, время от времени с любопытством трогая ее ухо, щеку, волосы.

Н ю т а. Ты хотел тихую, нетребовательную жену, чтобы с ней было спокойно, да?

Л я м и н. Вот тут я бы крупно ошибся.

Н ю т а. А может быть, ты просто ошибся? Да?

Л я м и н. Нет.

Н ю т а. Не хочешь же ты сказать, что ты меня безумно полюбил?

Л я м и н. Хочу.

Н ю т а. За что же? Я не очень умная, и не очень добрая, и не очень красивая.

Л я м и н. Кто знает, может быть, это сделано специально.

Н ю т а. Как специально?

Л я м и н. В древности торговцы драгоценностями держали камни негранеными. От воров.

Н ю т а. Не понимаю.

Л я м и н. Ты — женщина замедленного действия. Ты не сразу начинаешь действовать на человека в полную силу. У тебя своеобразное, редкое лицо. У тебя очень удачно посажены глаза, они могут, не отвлекаясь, заниматься своей

основной специальностью: поражать человека. Правда, ты слишком много суетишься. Есть чересчур беспокойные птицы: они все время охорашиваются, поют призывные песенки, а не знают, что главное их достоинство — это то, что они могут просто молча летать.

Н ю т а (*торопливо*). Леша, я тогда рассказывала и, может быть, неуместно, во всяком случае, твои родители меня не так поняли. И главное — ты меня не так понял. Да, у меня есть дочка, она уже большая, ей четырнадцать лет. Это была моя первая любовь, вернее, он меня любил. Мы даже чуть не поссорились, когда он уходил в армию... Ну, из-за чего можно поссориться с мальчиком, если я была нетронутая, а он не верил в мою любовь и что я буду ждать. И я его пожалела. А он из армии больше ко мне не вернулся, может быть, не верил, что это его ребенок. Один раз он ко мне зашел, много времени спустя, пьяный — хоть выжимай. Я его как огю по щеке... Вообще, знай, я ни об одном из тех мужчин, которых я знала, не могу пожалеть: жалко, это не муж мой. Подожди, я тебе еще хочу сказать. Я очень бедно жила. Дочку оставила у мамы, а там еще три мои сестренки, отца нет. Девочки для коровы сено без лошади таскают по пяти пудов, пилят дрова райпотребсоюзу. Придут из школы и отправляются в две пилы... Конечно, я их поддерживала: Хочется пойти в кино — не иду, трешка в кармане. Хочется чулки купить — не купишь. Хочется к ним съездить — не едешь. Понемногу сэкономим, а вместе сумма. Ведь я ни разу в театре не была. Иногда даже есть возможность — денег жалко. Стала жадная на деньги. И вот теперь я думаю: ты жил один, а теперь у тебя я, и еще ты хочешь взять дочку, какая это для тебя материальная нагрузка...

Л я м и н. Нет, что за дикая несправедливость! Женщина всю свою жизнь пытается добиться только одного — она хочет найти человека, которому может понадобиться ее любовь. Она торопится, она то и дело ошибается, она пользуется всеми честными и нечестными способами, она стыдится этого!.. Нюта, давай оба думать только о том, чтобы тебе было хорошо. Будем решать только эту задачу.

Н ю т а (*смущена, но независимо пожала плечами*). Обо мне? А что обо мне думать. Я сама о себе подумую.

Л я м и н. Если я когда-нибудь не исполню твою просьбу или начну на тебя ворчать — сразу же на меня цыкни: «Скажи, мол, спасибо, что я согласилась жить в твоём доме. Тебе когда-нибудь снилось, что тебя полюбит такая женщина?»

Н ю т а. Если это правда, все, что ты говоришь, то ответь мне на вопрос: кто эта проволочная дама в углу — та самая? Расскажи мне о ней.

Л я м и н. Зачем?

Н ю т а. Я же тебе все рассказала... А впрочем, я и так все знаю. Ты думаешь, она тебя любила? Если и любила, то по-ученому, потому что ты стоящий человек, а не потому, что ее просто тянет.

Л я м и н. Вполне возможно.

Н ю т а. А хочешь, я тебе скажу, как я называю ее поведение? Когда женщина живет с мужем, а любит другого? Семейная проституция. Если бы это не было все-таки произведение искусства, я бы взяла эту проволоку и смотала, чтобы не мозолила глаза.

Л я м и н. Не такое уж произведение искусства.

Н ю т а подошла к проволочной фигуре и начала медленно воодушевленно скручивать ее.

Уже знакомая нам комната, где сейчас работают С а н я и Е г о р о в. Стол Любы не занят. Уже знакомая музыка делового дня.

В комнату вошел Л я м и н, за ним Н ю т а. Она смотрит на него беспокойно и весело.

Л я м и н. Хорошо, что я вас застал. У меня какое-то странное состояние, не могу так уйти домой, хочется что-нибудь предпринять, как-то нарушить однообразие. А знаете что? Давайте-ка соберем собрание.

С а н я. Какое собрание, все уже разошлись.

Л я м и н. Ну и что? Кто остался, того и соберем. Нам же не нужен кворум.

С а н я. В чем дело, люди работают!

Е г о р о в. Сами говорили, что надо проявлять инициативу, — вот мы и проявляем. И что? Сами же отвлекаете от дела.

Л я м и н. Рабочий день кончился, я имею право провести собрание!

Е г о р о в. Пойдите, значит, это не будет общее собрание? Какое же? Профсоюзное? Тоже не получается. По какому вопросу? Как-то странно.

Л я м и н. Вот видите, мы сами говорим о формализме и сами так же рассуждаем. Какое собрание? Собрание людей. По какому вопросу? По вопросу о том, как мы живем. Тут же все свои, все друзья.

Е г о р о в. А!.. Вы говорите — друзья. Почему же вы тогда не посмотрели мое выступление по телевидению? До такой степени не интересует? Все смотрели, кроме вас.

Л я м и н. Видите? Вот это то, о чем я вам только что говорил. Абсолютное отсутствие заинтересованности друг у друга. И больше всех виноват я сам.

Е г о р о в. А говорят, я неплохо выступал. Есть отзывы. Решил все-таки сделать попытку написать воспоминания. Если выйдет — получу гонорар, куплю холодильник. Не знаю, какой лучше. «Морозко» невместительный и энергии потребляет на два рубля. А если купить хороший, стоит дорого, зато энергии потребляет на восемьдесят копеек. Ну-ка попробую подсчитать.

Л я м и н. Ну зачем заранее подсчитывать, время тратить?

Е г о р о в. А я люблю подсчитывать. Меня всегда в квартире просят подсчитать, кому сколько платить за электричество. Это не так просто, как вам кажется. Надо учесть количество людей, количество электроприборов, кто был в отъезде...

С а н я. Представляю, как вы там запутали все расчеты...

Е г о р о в. Там я не путаю. Там ошибок не прощают. Нет, интересно, если бы получились воспоминания, какой холодильник целесообразней купить?

Л я м и н. Послушайте, хватит, что вы за человек, честное слово!

Е г о р о в. Что я за человек? А я такой человек, за которого никто этим заниматься не станет. Я всех потерял в войну, а сам все живу и живу.

Л я м и н. Ну зачем так, Иван Никифорович. Все же хорошо. Иван Никифорович...

Егоров ушел.

— Это я виноват, довел старика.

С а н я. При чем тут ты, он сам себя довел.

Л я м и н. Саня, давай съездим к Любе.

С а н я. Что ты со мной делаешь? Ты же сам дал мне задание, я работаю, до человека будущего мне осталось совсем немного. И — вдруг.

Л я м и н. Саня, это необходимо. Она лежит и мучается, что все ее презирают.

С а н я. Увы, сочувствия к ней я не испытываю. Из-за такого баракла отравиться!

Л я м и н. Нет, ты все-таки не отдаешь себе отчета в том, что произошло. Она пошучивала, мы посмеивались. Молчать она не могла, говорить о другом она тоже не могла, но, как интеллигентный человек, не хотела досаждать нам своими переживаниями. И вот она пошучивает, а мы посмеиваемся, и нас это устраивает. А в это время, представляешь, до чего она дошла? Перестать жить! Да, пускай жизнь — это только огонек, который появляется неизвестно откуда и вот-вот исчезнет. Но все равно! Нам свойственно ощущать эту жизнь как что-то важное, вечное, огромное!.. Ты меня понимаешь?

С а н я. Ну?

Л я м и н. И вот именно поэтому человек начинает делать то, что заведомо не успеет кончить, что не ему даже понадобится, а другим поколениям людей, и то еще неизвестно...

С а н я. Ну?

Л я м и н. Тебе это трудно, ты мыслишь в одной плоскости. Ничего, я тебе потом объясню, а сейчас надо идти.

С а н я. Не пойду.

Л я м и н. Почему?

С а н я. Я сказал... я не умею сочувствовать.

Л я м и н. Не надо сочувствовать, просто проведаем.

С а н я. Нет, надо сочувствовать. У нее несчастье — значит, надо сочувствовать. А я вообще не умею переживать. Сегодня был у своих старух. У них неприятности, а я сижу и не могу переживать, они обиделись.

Л я м и н. Может быть, ты стесняешься? В таких случаях всегда немного неудобно.

С а н я. Ну да, неловко, когда надо что-то чувствовать, а ты ничего не чувствуешь, не знаешь, что говорить...

Л я м и н. Как ничего не чувствуешь? Ты работал с ней в одной комнате, вместе ходили в столовую, в кино, она с тобой всем делилась. Неужели тебе все равно?

С а н я. Слушай, что тебе от меня надо?

Л я м и н. А теперь она лежит и страдает, что всем доставила столько хлопот. И что она не до конца отравилась, и получается какая-то инсценировка...

С а н я. Похоже. Но что я должен в связи с этим принять?

Л я м и н. А мне кажется, ты можешь и не быть эгоистом, просто ты не пробовал.

С а н я. Я не эгоист. Свои несчастья я тоже не умею переживать.

Л я м и н. Врешь.

С а н я. Правда. Когда мне было пять лет, у меня умерла мать в больнице. Мне долго боялись об этом сказать, а я уже знал и только думал о том, как мне вести себя, когда скажут. Потом отец женился, меня взяли на воспитание соседки, две сестры. Вот эти самые старухи. Но когда кто-нибудь говорил, что я сирота, это мне было странно. Никаких чувств по поводу сиротства я опять же не испытывал. А теперь всем вдруг понадобились мои чувства, я всем должен быть благодарен. Прежде всего — старухам. Если бы у меня было счастливое детство — у меня, может быть, даже что-то получилось. Но я вспоминаю, как я три раза в день думал о том, как бы поменьше съесть. Старухи были не виноваты, они были деликатные, но бедные. А я виноват? Мало того, я должен испытывать чувства и к отцу и к его жене, которая, как выяснилось, просто жить без меня не может. Давай цени то, давай люби то! Хорошо, я всем благодарен! *(Низко кланяется на три стороны.)* Благодарю вас! Благодарю вас! Благодарю вас! И оставьте меня в покое. *(Ушел.)*

Вошла Н ю т а.

Н ю т а. Что у тебя тут?

Л я м и н. Все-таки я поразительно бестактный человек! Смотри, что получается: я лезу со своими советами, в чем-то всех убеждаю, и вот — Егоров сидит тихий, довольный, хочет поговорить с нами о холодильнике, а я вогнал его в тоску. Он же плакал, плакал слезами!

Н ю т а. Нельзя перед всеми чувствовать себя виноватым. У тебя какая-то мания.

Л я м и н. А Саня? Я к нему пристаю, он в чем-то передо мной вынужден оправдываться. Кончилось тем, что он накричал бог знает что, потом ему будет стыдно...

Н ю т а. Ты ни в чем не виноват, ты лучше всех.

Л я м и н. Нет, я дико бестактный человек, думаю только о себе. Или тогда, с Любой. Я решил стать волевым человеком. Я решил. И вот я никого уже не слышу и не вижу, я жернов, я готов перемолоть всех. Кто же попадает в это колесо? Люба. Ни в чем не повинная Люба, у которой несчастье. Куда там, какое мне до этого дело!

Н ю т а. Не верти шеей!

Л я м и н. Оставь меня в покое.

Входит Куропеев. Он неловко улыбается, как взрослые улыбаются детям. Он готов в зависимости от обстоятельств высказать все в глаза или, напротив, обратить все в шутку.

К у р о п е е в. А я звоню тебе домой — говорят, на работе.

Л я м и н. Садись, Коля, посиди.

Куропеев сел.

— Ну как?

К у р о п е е в. Что — как?

Л я м и н (*без особого интереса*). Ну, вообще...

К у р о п е е в (*пожал плечами*). Вообще ничего. А ты?

Л я м и н. Я-то? Тоже ничего. Я хорошо.

К у р о п е е в. Да, я же вас не поздравил!

Л я м и н. Поздравь.

К у р о п е е в. Поздравляю. Мне и в голову не приходило, кто бы мог подумать!

Л я м и н. Действительно, никто не мог...

Куропеев. Теперь Анну Ивановну придется куда-то перевести.

Лямин. Придется.

Куропеев. А ты изменился, стал какой-то странный. Или, может быть, я отвык. Так-то вид у тебя хороший, спокойный. Сейчас это тебе нужно. Сейчас все зависит от тебя самого.

Лямин. Что — все? Что — все?

Куропеев. Будущее.

Лямин. Знаешь, Коля, я не гожусь для руководящей деятельности. Тут нужны какие-то данные.

Куропеев. Брось, годишься.

Лямин. И вообще. Если бы можно было два раза прожить, тогда куда ни шло, на первый раз можно устремиться по службе. А так? Ухлопать на это всю свою жизнь целиком? Абсурд.

Куропеев *(рассмеялся)*. Силен. Но тогда скажи, что делать мне? Я вот получаю удовольствие именно оттого, что делаю свое дело. И если меня ценят, мне приятно. Да, мне доставляет удовольствие, что сам Богунцев теперь оказался у меня в подчинении. Я ему говорю: «Почему вы такой толстый? Вы много едите? Я тоже много ем, но я не толстею. Потому что я думаю!» Проглотил.

Лямин. Вот в этом как раз твоё несчастье. Природа дала тебе тщеславие, а способности придержала. Поэтому все твои понижения и повышения стоят тебе гигантского труда. И чем дальше ты будешь подниматься по лестнице, тем больше тебе будет не хватать способностей. Я раньше как-то не мог говорить с тобой откровенно. Мне с тобой всегда было трудно. Ты тащишь меня выпить, потрепаться, а мне выпивать с тобой еще труднее, чем заниматься твоими делами. Знаешь что, давай договоримся: иди своей дорогой, занимайся своими делами, желаю тебе успехов. Но отпусти ты мою душу. Я не хочу, чтобы ты меня любил, я не хочу, чтобы ты устраивал мою судьбу. Я не умею руководить и управлять! Я привык подчиняться и выполнять указания! В институте я был рядовой студент. В армии я был рядовой солдат. Я трудолюбивый, интеллигентный, любящий свою родину, необщественный человек...

Куропеев. Ты нахал и свинья, но я не обижаюсь. Дай мне неделю. Я подберу подходящего человека на твое место, а ты живи и радуйся жизни.

Лямин. Коля, ты мудрый, порядочный человек.

Куропеев. Но за это, Леша, у меня к тебе просьба. Последняя просьба. Но от этого для меня зависит очень многое.

Лямин. Говори.

Куропеев. Мне поручили доклад в очень высокой инстанции. Кстати, все благодаря той самой статье, которую мы с тобой тогда накропали!.. Не знаю, как тебя просить. Неужели у тебя нет желания, чтобы это осуществиться? Как раз сейчас все может наконец осуществиться!

Лямин. Ерунда!

Куропеев. А я тебе говорю! Ты можешь считать, что я долдон. Но я хитрый, ты это знаешь. Я нюхом чувствую, время настает.

Лямин. Хорошо, допустим, я дам тебе свои соображения. Я подсчитывал и пересчитывал, думал и передумывал. Мне все время давали понять, что в этом никто не нуждается. Но я не мог остановиться. Однако, если ты все выскажешь вслух, ты погиб!

Куропеев. Какое тебе дело? Ты что, меня жалеешь? Ведь нет?

Лямин. Нет.

Куропеев. Или ты боишься за себя? Ведь нет?

Лямин. Нет. *(Подумал. Решился. Достал из стола папку).* Так ведь ты здесь ни черта не разберешь!

Куропеев. А я позвоню, спрошу. *(Волнуясь, развязал папку, посмотрел, завязал снова. Подошел к Лямину, обнял его).* Спасибо! *(Ушел.)*

Лямин. Если все это осуществится, да еще при помощи Куропеева, это будет смешно. А, впрочем, почему бы и нет? Бывало же так: что-то кажется человеку невероятным, невыполнимым, но вот кто-то сказал это вслух, и другой повторил, и его идея стала для всех простой и естественной, и даже странно, как это до сих пор ее никто не понимал! *(Светло улыбается.)* Итак — что?

Нюта *(тоже улыбается)*. Что?

Л я м и н. Я понижен. Я снят. Я смещен. Ура!

Прошла неделя. Л я м и н в кабинете, который уже не принадлежит ему. Л я м и н пришел сюда помочь новому начальнику разобраться в делах. Заложив руки в карманы, он сидит на столе. Н ю т а тоже здесь. Место за столом пока пусто.

Н ю т а. Видишь, когда он приходит на работу? А ты был начальник — все дрожал, что опоздаешь.

Л я м и н. Тебе я пока еще начальник, я только сдаю дела. *(Поцеловал ее.)*

Н ю т а. Что ты, здесь нельзя...

Л я м и н. Что значит — нельзя? Чистая условность. Одному нельзя опоздать домой на полчаса, другому можно не приходиться до утра, один погибает под грузом невыполненных обязательств, другой свободен, независим, ни перед кем не виноват. Почему? А потому что «ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона. Таков поэт. Как аквилон, что хочет, то и просит он, орлу подобно он летает и, не спросясь ни у кого, как Дездемона, выбирает кумир для сердца своего».

Н ю т а. Я знаю, это «Евгений Онегин».

Л я м и н. Не совсем. Да, надо еще попытаться, чтобы ты полюбила живопись.

Н ю т а. Так-то я люблю. Может быть, не все понимаю...

Л я м и н. Понимать не надо. Нужна только непредвзятость и способность к широким ассоциациям.

Н ю т а. Это, по-моему, у меня как раз есть.

Л я м и н. Тогда все в порядке.

Н ю т а. Маленький, ты не обидишься, если я скажу свое мнение? Ты неправильно поступил. Ни о ком не подумал. Ведь только было что-то наладилось. Смотри, Саня стал почти добросовестный человек. Егоров начал более или менее работать! Скоро вернется Люба!.. Ведь ты уже не юноша, ты за что-то отвечаешь, тебе кто-то верит... Не думай, что мне нужна твоя карьера. Если бы ты был дворником, мне было бы только лучше. Но ты умный, ты добрый, ты иногда понимаешь то, что другой не поймет... Это я, женщина, от любви становлюсь эгоисткой, ничего кругом не

вижу. Но ты мужчина, ты не должен проходить мимо. Знал бы ты, сколько на земле горя! Что-то надо делать!.. Ты на меня не обиделся, что я тебя учу?

Л я м и н (*как бы между делом*). Да, насчет нового начальника. Тебе ничего не показалось? Насчет его внешности. Не только внешности, а вообще...

Н ю т а (*присела рядом*). А что?

Л я м и н. Нет, это ты скажи, что. А я скажу — то или не то.

Н ю т а. Нормальная внешность. Довольно заурядная.

Л я м и н. Он ни на кого не похож из наших общих знакомых? Ну, скажем, на Куропеева? Или на Егорова? Или на моего отца? Или еще на кого-нибудь...

Н ю т а. Я не приглядывалась, но, по-моему, он особенно ни на кого не похож... Дай мне еще почувствовать.

Л я м и н (*чем-то озабочен*). Что?

Н ю т а. Что ты на меня не обиделся.

Л я м и н поцеловал ее.

В двери показался новый начальник, Муровеев. Это двойник Куропеева. (Роль исполняет тот же актер.) Он наблюдает происходящую сцену пристально и в то же время неловко улыбаясь, как взрослые улыбаются детям.

Н ю т а увидела его первая. Соскочила со стола, поправила прическу и вышла. Л я м и н смотрит на Муровеева не отрываясь.

М у р о в е е в. Ничего, ничего... (*Смущенно улыбнулся, сел на свое место*). Могу только позавидовать. Вот наткнешься на такую сцену, и в голове начинают шевелиться вредные мысли: не бросить ли эту канитель, купить резиновую лодку и закатиться куда-нибудь на дикое озеро с такими вот окунями, а? Хотите, покупаем лодку на двоих? Вам это необходимо, вы же неврстеник!

Л я м и н. Не без этого.

М у р о в е е в. Я вижу, я сам неврстеник. Ладно, вернемся к нашим баранам. (*Рассмехался*). Получилось двусмысленно, я не хотел. Итак, кто там у нас дальше по порядку? Чумак. Знаете, когда я получаю от него какой-нибудь документ, я начинаю дрожать. Я боюсь, что он путаник.

Л я м и н. Не бойтесь. Он много вкладывает в документ, но много держит в голове. Поэтому не сразу понятно. У другого в голове немного, поэтому все и понятно.

М у р о в е е в. Есть не бояться, я вам верю. Так. А что является из себя вот: Иванова Нелли Петровна. Она к нам откуда-то перешла, ее что, там уволили?

Л я м и н. Она ушла по собственному желанию.

М у р о в е е в. Ну да.

Л я м и н. Нет, она ушла именно по собственному желанию. Ей далеко было ездить на работу, а у нее ребенок, утром надо носить в ясли.

М у р о в е е в. У нее ребенок? Вот это да! Я был уверен, что она старая дева.

Л я м и н. Нет, она не старая дева. Я ее знаю, она по утрам ходит мимо нас в ясли. Очень славная женщина, у нее хорошие глаза. Но страшно замотана, с ней надо бы помягче...

М у р о в е е в (*взглянув на него с любопытством*). А вы лирик, это хорошо. Физики и лирики. Теперь ваша комната. Кто там у вас? Конечно, разумеется, все это между нами. Никулина Любовь Владимировна.

Л я м и н. У Никулиной большое несчастье в личной жизни.

М у р о в е е в. Знаю, знаю. Хорошо бы это несчастье не так сказывалось на работе. Вы не могли бы поговорить с ней на эту тему?

Л я м и н. Я поговорю. Но пока хорошо бы с ней поделикатнее, не надо так уж особенно...

М у р о в е е в. С ней тоже помягче?

Л я м и н (*в затруднении*). Нет, вы наверняка не все знаете. Дело в том, что у нее большие переживания.

М у р о в е е в (*опять посмотрел на него с веселым любопытством*). Ну да, вы это уже говорили.

Л я м и н. Но вам, наверное, не все известно.

М у р о в е е в. Нет, дорогой, мне все известно. Так, кто там еще? Молодой Сучков.

Л я м и н. Саня Сучков очень способный. Понимает не форму дела — она иногда противоречит содержанию, — а суть дела.

Муровеев. Сучков — это тот хулиган?

Лямин. Какой же он хулиган?

Муровеев. Получил пятнадцать суток за хулиганство. Кстати, надо что-то предпринять. Товарищеский суд или что?

Лямин. Дело в том, что он избил мужа как раз этой Любы Никулиной. Для него этот поступок — по-своему благородный общественный акт. Так, наспех, это объяснить трудно. Но главное, это я хотел поговорить с вами о Егорове. Вот тут, по-моему, вы допускаете ошибку. *(Он торопится, он тревожится, что упустит, не предупредит Муровеева о важных обстоятельствах.)* Дело в том, что ему остался год до пенсии. А вы переводите его на меньшую ставку. Таким образом, обрекаете на маленькую пенсию.

Муровеев. Таким образом — да. А что делать?

Лямин. Но это же несправедливо, он же справляется со своими обязанностями. И человек он необыкновенно интересный. Недавно выступал по телевидению с воспоминаниями о Гудзенко, очень успешно. Теперь пишет о нем книгу.

Муровеев. Но вы представляете, что будет, если я сразу же отменю свое собственное решение? Это, как говорит наша уборщица, сослужит плохую службу на пользу дела.

Лямин. Я представляю! Но надо искать какой-то выход.

Муровеев. Милый мой! Простите, что напоминаю, но вы немножко посидели за этим столом. И вы видите, чем это кончилось. Зачем же вы толкаете меня на тот же гибельный путь? Подождите, я вас слушал. И знаете, что странно? Вы так умеете входить в положение всех окружающих, это даже трогательно. Почему же вы не хотите войти в мое положение? Я новый человек, мне трудно. Мне нужно завоевывать авторитет. Мне нужно как-то вести себя, проявить на новом месте... К тому же я, сознаюсь, немного пообтрепался. Кстати, есть идея: взять вопросы планирования — сейчас это актуально — и толкнуть популярный очерк. Толкнуть в «Технику молодежи» или в «Юность» — почему об этом должны писать какие-то халтурщики, а не мы с вами? Это же наш хлеб. Мне говорили, что в этом направлении вы соображаете. Вот нам и первый вклад на лодку.

Ля м и н смотрит на него неподвижно, не отвечая. Он ошеломлен фантастическим сходством с Куропеевым.

Ля м и н. Я не ловлю рыбу...

Му р о в е е в *(засмеялся)*. Ну, лодка — это фигурально. Что, вам вообще деньги не нужны? Ему предлагают деньги, а он не берет. Прямо в руки, на! Не хочет. Обеспеченный человек!

Ля м и н. Николай!

Му р о в е е в. Вы — мне?

Ля м и н у кажется, что он поймал, уличил своего собеседника, что он вот-вот раскроет чью-то хитроумную авантюру.

Ля м и н. Коля! Это ты!

Му р о в е е в *(испугался)*. Что с вами?

Ля м и н *(подозрительно смотрит на него, постепенно убеждается, что тот испугался искренне)*. Я оговорился... Но вы, знаете, так похожи на Куропеева...

Му р о в е е в *(засмеялся)*. На Николая Степановича? Почетно. Слышали, какой он сделал доклад?

Ля м и н. Ерунда, по этому поводу у меня уже есть новые мысли...

Му р о в е е в *(ирония)*. Вам видней... Фамилии-то у нас похожи, это да. Муровеев — Куропеев. Но от разных корней. *(Спел.)* Но я московский муравей... Знаете Окуджаву? Итак, я не понял, мы договорились?

Ля м и н. Нет, нет...

Му р о в е е в. Да почему же?

Ля м и н задумался. Сморщился, замотал головой.

Ля м и н. Нет, нет...

Му р о в е е в. Что — нет?

Ля м и н. Я боюсь, что мы вообще не сможем договориться. Вы меня не слушаете, не понимаете, не хотите понять.

Му р о в е е в. А мне кажется, что вы меня не слышите.

Ля м и н. Я слышу. Но мне это все не нравится. Нет, вы неподходящий человек. Нет, этого нельзя допустить.

Александр Володин

М у р о в е е в. Чего нельзя допустить? Вы не один в комнате, говорите так, чтобы вас можно было понять.

Л я м и н. Вам придется подыскать себе что-нибудь другое. Сейчас это не трудно.

М у р о в е е в. Вы бредите, зачем мне другое, я назначен сюда, уже подписан приказ!..

Л я м и н. Подписан приказ? Подписан приказ. Что же делать?

М у р о в е е в. Вам видней.

Л я м и н. А кто подписал приказ?

М у р о в е е в. Какая разница. Управление, Куропеев.

Л я м и н. Это сложно, это сложно. Вы не знаете его телефона?

М у р о в е е в. Посмотрите, у вас, наверно, записан где-нибудь.

Л я м и н (*нашел, набрал номер*). Николая Степановича... Занят? Занят. Пускай освободится. Скажите, Лямин просит.

М у р о в е е в. Вы наивный человек...

Л я м и н (*в трубку*). Коля? Здравствуй, это я. Мне надо с тобой поговорить... Нет, именно сейчас. Коля, друг мой, ты допустил ошибку! Кого ты к нам прислал! Да почему же невозможно? При желании все возможно! Поздно? Почему поздно? Нет, Коля, ты меня недопонял! Подумай, Коля, о своей судьбе! О своей!..

Занавес сдвинулся, а Ля м и н все кричит, уже за занавесом, уже и слов не разобрать.

ОСЕННИЙ МАРАФОН

— А что природа делает без нас? Вопрос.

Бузыкин диктовал. Алла стучала на машинке с профессиональной быстротой.

— Кому тогда блистает снежный наст? Вопрос.

Кого пугает оголтелый гром? Вопрос.

Кого क्रомешно угнетает туча? Вопрос.

Зачем воде качать пустой паром,

И падать для чего звезде падучей?

Ни для чего? На всякий случай?..

Алла смотрела на него.

— Что ты? — спросил Бузыкин.

— Как бы я хотела, чтобы у нас был ребеночек! — сказала она.

— Зачем?

— Он был бы такой же талантливый, как ты...

— Это не я талантливый, это они. А я только перевожу.

— Он бы тебя веселил, мы бы вместе тебя ждали...

— Алла, я свою жизнь переменить не могу.

— И не надо. Тебя это не будет касаться.

— Нет, Алла. Нет и нет.

У нее были на редкость крупные глаза. Они придавали ее облику трагическую миловидность.

По двору среди недавно поставленных домов и недавно посаженных деревьев шел человек с яркой спортивной сумкой. То, что он иностранец, чувствовалось, даже когда он молчал.

Бузыкин в трикотажном тренировочном костюме дремал, сидя на стуле.

Звякнул дверной колокольчик. Бузыкин открыл дверь, радушно улыбаясь. Иностранец сиял утренней свежестью.

— Монин!

— Монин! — бодро откликнулся Бузыкин.
— Вы готов?
— Готов! Секундочку, доложусь жене.
Заглянул к Нине. Она была еще в постели.
— Нина, мы побежали.
— Господи, когда это кончится! Полчаса могла еще поспать.

Они бежали по улице. Бузыкин вслед за Биллом. Тот громко бросал советы через плечо, что привлекало внимание прохожих.

— Ту степс ин! Фор степс аут!

Бузыкин чувствовал себя неловко. Кроме того, ему хотелось спать. Кроме того, в его жизни сейчас было столько неприятностей, что обретение спортивной формы ничего не решало.

Из машбюро, где рабочий день еще не начался, Алла набрала телефонный номер.

Нина сняла трубку.

— Алло!.. Слушаю. Ну что вы там молчите и дышите? Мякнутли хотя бы.

Положила трубку, сказала Бузыкину:

— В следующий раз бери трубку сам.

Бузыкин, Билл и Нина пили чай.

Б и л л. Это как называется?

Н и н а (*лучезарно улыбаясь*). Хворост.

Б у з ы к и н (*радостно улыбаясь*). Хво-рост.

Б и л л. Очень вкусно.

Б у з ы к и н. Нина прекрасная кулинарка.

Н и н а. Не напрягайся, дорогой.

Б и л л. Простите, очень быстро, плохо понимаю.

Н и н а (*улыбаясь*). Это я не вам.

Б у з ы к и н (*улыбаясь*). Это она мне... Билл, рассудите, почему, если кто-то где-то молчит и дышит, то это звонят именно мне?

Б и л л. Простите, как?

Б у з ы к и н. Я говорю...

Н и н а. Может быть, мы без Билла разберемся?

Б и л л. Простите?

Б у з ы к и н. Это она мне.

Н и н а. Это я ему.

Трудно выяснить отношения такого рода в присутствии иностранного гостя. Он может не так истолковать, сделать неверные выводы, увезти с собою за рубеж ложное впечатление.

Снова зазвонил телефон. Нина поставила аппарат перед мужем.

Б у з ы к и н. Да?..

Это была Варвара Никитична.

— Бузыкин, срочно звони Алле. Она у себя в машбюро.

Б у з ы к и н. К сожалению, сейчас не могу. Загружен работой.

В а р в а р а. Слушай, Бузыкин, не валяй дурака. Ты у нее какую-то рукопись забыл. Она пыталась тебе об этом сообщить, твоя Нинка ее обхамила. Так что давай успокаивай.

Б у з ы к и н. К сожалению, сейчас очень загружен работой.

В а р в а р а. Ясно. Нинка там рядом. Ладно, я ей сама позвоню.

Б у з ы к и н. Вот это не надо.

В а р в а р а. Надо. Пока.

Бузыкин положил трубку.

— Веригин звонил из издательства... — обратился к Флетчеру: — Все торопят, торопят. У вас в Англии тоже так?

Б и л л. Тоже так, да.

Н и н а. А тебе не показалось, что у него женский голос?

Б у з ы к и н. У кого?

Н и н а. У Веригина.

Взгляд жены сделал его прозрачным.

Б у з ы к и н. Он через секретаря разговаривал. Через секретаршу...

Б и л л. Очень вкусно. Это как называется?

Н и н а. Хво-рост. Извините, мне пора.

Вышла в прихожую.

Б и л л (*тихо*). Немножко сердится?.. Может быть, я лучше уйду? Или лучше остаюсь? Будет меньше скандал?

Б у з ы к и н. Плохо себя чувствует.

Нина показалаась в пальто, весело улыбаясь.

— Мне пора на работу, Билл! Дальше вас будет развлекать Андрей.

Б у з ы к и н. Нина, если что-нибудь надо купить, скажи. У меня после института будет время.

Н и н а. Купи цветы. Секретарше.

Ушла.

Б у з ы к и н. Пошла на работу.

Б и л л. Может быть, у вас тоже есть дела? Может быть, я отнимаю время?

Бузыкин посмотрел на часы.

— Немного времени есть.

Взял с полки иноземную папку, раскрыл.

— Я прочитал. В принципе все правильно. Но русское просторечие лучше бы переводить также просторечием. Вот, скажем, здесь у Достоевского: «Да за кого ты себя считаешь, облизьяна зеленая». У вас «грин манки» — обезьяна. Здесь «облизьяна» — сленг.

Снова зазвонил телефон.

— Прошу прощения. (*Снял трубку.*) Слушаю вас.

Это опять была Варвара.

— Бузыкин, она ненормальная.

Б у з ы к и н. Кто?

В а р в а р а. Наша Аллочка. Я ей сейчас попыталась все объяснить, причем очень деликатно. А она велела тебе передать, чтобы ты к ней больше не приходил. Бузыкин, что делать? Может, мне к ней подскочить?

Б у з ы к и н. Ни в коем случае. И вообще, кто тебя просил вмешиваться!

В а р в а р а. Ну, братцы, вы мне надоели. Я всю ночь работала, я хочу спать. Пока.

Б и л л. Я думал «облизьяна» — это неправильная печать.

Б у з ы к и н. Нет, это правильная печать.

В его ручных часах заверещал звоночек.

— Извините, Билл, мне пора в институт.

Б и л л. Все. Я вас больше не задерживаю. Только еще один маленький вопрос.

Снова стал листать рукопись.

— Сейчас найду...

Бузыкин бежал по улице. Короткими перебежками, чтобы не бросалась в глаза его унижительная поспешность.

Свернул в институтский двор.

Устремился вверх по лестнице. Но в коридоре остановился. Навстречу ему шел Шершавников. Добродушный, непринужденный, простой.

Бузыкин свернул в первую попавшуюся дверь. Это была читальня. Там занимался его приятель Евдокимов. Бузыкин прильнул к дверной щели.

— Что там? — спросил Евдокимов.

— Шершавников.

— Ну и что?

— Не хочу подавать руки этой скотине.

— А что случилось?

— Знаешь, что он сделал? Он Лобанова завалил, Куликова протолкнул, и тем самым Васильков стал замзав кафедрой.

Тут он отпрянул от двери.

В читальню вошел Шершавников.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Добрый день, Владимир Николаич, — ответил Евдокимов.

Шершавников протянул руку Бузыкину. Тот уставился на протянутую руку оцепенело.

— Здорово, Бузыкин! — окликнул его Шершавников.

Он так приветлив, обаятелен и открыт, что не подать ему руки невозможно.

Рукопожатие было крепким.

Наконец он смог дозвониться на работу к Алле.

— Это машбюро? — кричал в трубку Бузыкин. — Мне Аллу, пожалуйста!

В машбюро звякали каретки, стучали клавиши машинок. Девушка в пулеметном их клетке кричала в ответ:

— А ее нет! Ей плохо стало, ее с работы отпустили!

Алла лежала на тахте. Она была бледна и непричесана.

Бузыкин. Что с тобой? Что случилось?

Алла. Ничего особенного, просто сердце закололо.

Бузыкин. Надо же к врачу!

Алла. Была.

Бузыкин. Что он сказал?

Алла. Сказал — полежать.

Бузыкин. Что тебе наговорила Варвара?

Алла. Ничего нового. Что у вас дружная семья, что вы живете душа в душу сто пятьдесят лет, что ты не хочешь ее расстраивать... Я и сама все прекрасно знаю. Но когда говорит чужой человек — это страшно. Ты-то веришь, что мне от тебя ничего не нужно? Только бы видеть тебя иногда.

Бузыкин. Нашла кого слушать! Надо было трубку бросить.

Алла. Нуда! Она говорит, говорит, а меня всю колотит, и вот до сих пор.

Алла не хотела обвинять в чем-либо Бузыкина. Но не собиралась и скрывать свои обиды. И Бузыкин чувствовал себя виноватым.

Он присел на стул возле Аллы в позе лечащего врача. Но тут в его часах задребезжал звоночек.

Алла (*слабо усмехнулась*). Домой пора?

Бузыкин. Да нет же, дела. В издательство вызывают, Веригин, Я сбегая! И через часок у тебя.

Алла. Беги...

В издательстве разговор мог оказаться долгим. Поэтому, чтобы сэкономить на дороге, он бежал. Возле автобусной остановки задержался, оглянулся — автобуса не было видно. Он побежал дальше.

Редактор издательства Веригин был добродушен и приветлив.

— Хорошо, Андрей Палыч. Как всегда, хорошо. Всем понравилось. Обсудили, отзывы только положительные, по существу, без замечаний. Надо бы отдавать в набор.

— Я рад, — смущаясь, проговорил Бузыкин.

В официальных местах Бузыкин всегда чувствовал себя неловко и потому старался держаться посвободней. Но тогда выходило, что он ведет себя развязно. От этого он чувствовал себя еще более натянуто.

— Но разговор у нас будет печальный, — сказал Веригин. Бузыкин встревожился.

— А что такое?

— Срывается у нас это дело.

— Как — срывается?!

— Да этот Саймон, оказывается, выступил там с какой-то расистской статьей. Прогрессивная общественность возмущается. А мы, получается, переводим его, рекламируем?

— Вот это да. Год работы. И что же, все коту под хвост?

— Ну кто же мог предвидеть!

— Это верно, это верно, — бормотал Бузыкин. — А может быть, как-нибудь обойдется?

— Милый мой! Ну как обойдется? Пока, во всяком случае, пускай полежит. А там видно будет.

— Понятно, понятно...

— Андрей Палыч, ты так уж не расстраивайся. У тебя «Разбитая луна» в каком состоянии?

— В каком? В разбитом.

— Как это — в разбитом. Вот у меня записано: «Бузыкин. Десятое». А сегодня какое? Четвертое. Через неделю чтобы перевод был на столе. Мы ее пустим вместо этого Саймона.

— Это мне не успеть.

— Ну хорошо. Тринадцатого сдашь? Тринадцатое — крайний срок.

— Не знаю. Придется ночью сидеть...

— Посиди, посиди. Для здоровья полезней, чем по бабам бегать. В нашем возрасте.

— По каким бабам? — заволновался Бузыкин.

— Ленинград — маленький город, Андрей Палыч...

Нина говорила негромко, прикрывая трубку, чтобы не слышал Билл.

— Слушай, это уже хамство. Он час уже тебя ждет, ты же обещал повести его по местам Достоевского!

— А, черт, совсем из головы вон. Бегу! — отвечал Бузыкин из автоматной будки — Скажи, через десять минут буду.

— А ты где?

— Я же сказал, у меня кафедра.

— Ты говорил, что кафедра у тебя в пятницу.

— Нина, некогда, здесь уже стучат.

— Где стучат, на кафедре?

— Ладно, приду домой, все объясню...

Пошел — побежал, пошел — побежал.

Через арку ворот, по лестнице.

Алла по-прежнему лежала в постели, но была уже причесана. Бузыкин выложил перед ней яблоки.

— Вот яблоки, вот валокордин. Как ты себя чувствуешь?

— Уже ничего.

— Тогда я побежал.

— А поесть!

Тут он заметил, что стол накрыт.

— Я же старалась... Правда, что было в холодильнике, я же не могла выйти.

— Да. Да. Сейчас.

Бузыкин сел за стол, стал проворно есть.

— А твоя дочка на кого похожа? — спросила Алла. — На тебя или на Эн Е?

— Ни на кого. Бросила институт, моет стекла в магазинах...

— А ты разве не помогаешь им?

— Да муж у нее такой же обормот, не велит брать, хотят жить самостоятельно. Пытаюсь наладить контакт — ничего не получается.

— А вот если бы у нас был ребеночек, он бы тебя уважал, я бы уж его воспитала...

— Алла, меня ждет Билл.

— Ничего с ним не случится.

В разговорах с ним все почему-то легко находили точные и убедительные формулировки. Бузыкин понимал их

несостоятельность, но быстро найти убедительные возражения не умел.

Постучали в дверь.

— Входите, дядя Коля! — крикнула Алла.

Вошел сосед. Достойной повадкой он внушал уважение Бузыкин встал.

— Сидите, сидите. Андрей Павлович. Ну, как ты, болящая? — спросил дядя Коля.

— Уже поправилась, дядя Коля.

— Вот до чего себя довела. Все нервы.

Бузыкин виновато покачал головой.

— Дядя Коля, Андрей Павлович торопится, его английский профессор ждет. Андрей Павлович в порядке культурного обмена помогает ему переводить Достоевского на свой язык.

— Сейчас пойдет... Я чего пришел-то. Андрей Павлович, я хочу, чтобы вы знали. Мы с ее отцом были кореша. И вот его нет, а я остался. Так?

— Конечно, дядя Коля! — подтвердила Алла.

— Так вот, может быть, я забегаю вперед, тогда простите, что касаюсь этой темы. Но ведь рано или поздно, я думаю, вы как-то оформите ваши отношения?..

— Дядя Коля, зачем это?!

Дядя Коля смутился.

— Андрей Павлович, может быть, я лишнее говорю?

Засмутился и Бузыкин.

— Почему же лишнее...

— Разве я стал бы вмешиваться? Тут каждый себе хозяин.

— Дядя Коля, я же прошу!

— Погоди, Алла, я к делу веду. Так вот, я думал, думал... Когда решитесь, оформите ваши отношения — я уеду в деревню, и моя комната в вашем распоряжении. И вот, у вас будет отдельная квартира.

— Ну, зачем это, — проговорил Бузыкин.

— Что за бредовая идея! — воскликнула Алла.

— Я сказал.

Волевые люди подавляли Бузыкина. Они не слышат объяснений. Они выстроили в своем представлении такой

определенный образ мира, нарушить который может только катастрофа.

Дядя Коля поднялся и пошел. У двери остановился.

— Вы уж берегите ее. А то ведь все сказывается. Вот результат...

И ушел.

— Андрюша, поверь, я тут ни при чем! — взмолилась Алла — Он же думает, что... Он же не знает, что ты у нас семейный!

— Я понимаю...

Посидели молча.

— Ну, беги, — сказала Алла.

— Да. Побежал...

— Подожди, сядь. Пять секунд.

Бузыкин присел. Она взяла его за руку, подержала.

— Теперь можешь бежать.

Когда он был уже у двери, снова остановила:

— Андрюша, сними пиджак, пожалуйста.

— Зачем?

— Я прошу.

Он снял.

— Закрой глаза

Он закрыл.

Она тихонько встала, вынула из шкафа синюю куртку, накинула на него.

— Покажись-ка... Как раз. Нравится?

— Нравится.

— Ко дню рождения тебе купила — вот, не вытерпела.

— Зачем?! Просил же тебя не тратиться на это!

— А я хочу, чтобы ты у меня модный был. Вот, в ней и беги.

Бузыкин замялся.

— Пусть она пока здесь побудет, ладно? А то приду, что скажу?

Он снял куртку, снова надел пиджак.

Алла снова легла, отвернулась к стене.

— Ты обиделась?

— Я же понимаю: там все можно, здесь ничего нельзя. Иди, иди!

Бузыкин сел на стул, скрестил руки на груди, вытянул ноги.

— А ну его! Не пойду.

— Но ведь неудобно! Раз тебя ждут. Тебе перед всеми не удобно. Кроме меня.

— Что я, не имею права с больным человеком посидеть?

— Не знаю я твоих прав! Уходи!

— Только позвоню, чтобы не волновались.

— Тогда уж потише, чтобы дядя Коля не слышал.

Бузыкин вышел в коридор к телефону. На кухне у плиты стоял дядя Коля.

— Ты что, в туалет? Иди, не стесняйся.

Бузыкин зашел в туалет, постоял, вышел.

— Хочешь вымыть руки? Там полотенце чистое висит.

Вымыл руки, вернулся в комнату.

— Позвонил? — спросила Алла.

— Да.

Ночной Ленинград был тих. Поплескивала Нева. Вот камни набережной начали светлеть.

Бузыкин проснулся. Он лежал в постели с Аллой. Посмотрел на часы, ахнул. Стал вытаскивать руку из-под ее головы. Алла недовольно помычала.

— Спи, спи, — шептал он.

Бузыкин бежал по сумрачным еще предрассветным улицам с подаренной курткой в руке.

Бежал по утреннему городу с подаренной курткой на плече. Мимо, распустив веера воды, ехала поливальная машина. Он замахал шоферу. Машина вобрала в себя струи воды, остановилась.

Бузыкин подбежал, поговорил с водителем, залез в кабину. Машина развернулась, поехала в обратную сторону.

Бузыкин бежал с подаренной курткой по двору.

В дом вошел тихо, прикрыв за собой дверь. Огляделся, поднял крышку пианино, стал запихивать куртку.

— Андрей!

Жена стояла у двери балкона, смотрела на него. Она, видимо, не спала ночь. Ждала его. Бузыкин был беззащитен и виден ей насквозь.

Он вытащил куртку обратно, крышка захлопнулась, инструмент музыкально загудел.

— Это Евдокимова куртка... Ему мала, я подумал, может, Виктору подойдет?

— Где ты был?

— Я? У Евдокимова. У него был день рождения, я хотел тебе сообщить, почему-то не соединяли, а потом развели мосты... Прости меня.

Нина стояла у окна, спиной к нему.

— Иди спать, я тебе на диване постелила.

— А куртку я в пианино положу, — предложил Бузыкин. — Лена с Виктором придут, начнут играть — звука нет. Что такое? Будет им сюрприз.

— Никому я не нужна, — проговорила Нина не оборачиваясь.

— Что?

— Никому!

— Нина! Ну, пошел мужик на день рождения к институтскому приятелю. Что такого?

— Как это страшно, когда ты никому не нужна!

— Ты мне нужна. Ты на работе нужна. Ты Леночке нужна. Ты всем нужна!

— И Леночке я не нужна. Купила им занавески, а они меня прогнали, говорят, у них свой вкус. Я всем мешаю. Я всем только мешаю!

Тогда Бузыкин сказал:

— Нина, я не был у Евдокимова.

Жена обернулась к нему. Она ждала. Сейчас он скажет правду.

— А где?..

— Это стыдно, мне трудно выговорить...

— Говори, мужик... Теперь трудно — зато потом будет легче всем.

Бузыкин молчал. Жена смотрела на него в слезах.

— Я был в вытрезвителе.

Нина показала на куртку.

— А это... Что, там выдавали?

— Я же сказал, это Евдокимов привез...

Нина протянула руку за курткой.

— Можно?

— Конечно!

Она брезгливо повертела ее, бросила на пол, наступила ногой, уцепилась за рукав и рванула. Рукав затрещал. Взялась за другой рукав, стала отрывать и его. Подняла куртку и вышвырнула в окно.

— Вот так, вот...

Комната дочери. Матрас на полу, гитара, запасное колесо к мотоциклу.

— А почему я должна вешать в комнате то, что мне не нравится! — возмущалась дочь.

— А потому, что нельзя быть эгоисткой! — возмущался отец. — Нельзя только брать! Надо что-то и отдавать!

— А я как раз не беру, а отдаю. На!

Она сунула отцу свернутые занавески.

— Лена, перестань дурачиться. Сейчас же повесь занавески и вернись в институт! Неужели тебе не жалко мать? Посмотри, до чего ты ее довела! Это уж, не знаю, садизм какой-то!

— А может быть, это не я ее довела? — сказала дочь.

— Что ты имеешь в виду?..

— Да мне к вам приходиться неохота! У вас там нежилая атмосфера! Отрицательные биотоки носятся!..

Бузыкин стоял в телефонной будке.

— Алла, я сегодня не смогу прийти.

— Почему?

— Тут такие дела...

— Приходи после дел.

— Будет поздно. Я тебе завтра позвоню, тут уже стучат...

Билл бежал гордо, гарцуя, как цирковой конь. За ним тянулся Бузыкин. Прохожие провожали их взглядами.

— Темп, Андрей! Темп! — покрикивал через плечо профессор.

— Пошел к черту, — бормотал Бузыкин.

Нина, войдя в прихожую, замерла. Все было загромождено стульями. Билл работал на углу столика, на кухне.

— Здравствуйте, Билл! Что происходит?

— Маленький рас-кар-даш!

Она прошла в комнату. Мебель была сдвинута, шторы сорваны с окон, книги свалены на тахту. Бузыкин стоял на стремянке, оклеивал стену газетами.

Нина села на стул, не понимая еще, чем это ей грозит.

— Решил переклеить обои, — сказал Бузыкин. — А то слишком мрачно. Посмотри там. Других-не было.

Ничем это не грозило ей. Наоборот.

— Эти? — спросила она.

— Да.

— Красивые...

Смотрела на мужа благодарно.

Бузыкин проводил занятия. Хмуро смотрел в листок студенческой работы.

«— Ну что ты на меня так смотришь, дружище? Думаешь, мне легко, парень? — малодушно сказал он Смиуту и потом бегал от него и убегал...» Извините, Лифанов, но это подстрочник, а не перевод.

— Почему это подстрочник? — обиделся Лифанов.

— Вот, скажем, у вас тут написано «убегал». И рядом «бегал». Неужели так трудно поискать что-нибудь еще? Прошу вас, — обратился он к студентам, — припомните родственные слова.

— Мчаться, — предложила студентка.

— Припуститься.

— Носиться.

— Удирать.

— Улепетывать.

— Драпать.

— Драпать. Допустим. Как именно драпать? Лифанов.

— Ну... быстро. Не знаю.

— Кто больше?

— Во весь мах.

- Во всю прыть.
 - Во весь дух. Во весь опор.
 - Еще?
 - Дунуть, дернуть.
 - Унести ноги. Дать стрекача.
 - Опрометью. Без оглядки. Сломая голову...
- Бузыкин глянул в окно — у ворот стояла Алла.
Лицо его сразу утратило волевой склад.

На институтском дворе было тихо. Осень перекатывалась по деревьям.

Студентки стояли у стены, как подсолнухи обратив золотые головки к солнцу.

Он подошел к воротам.

— Алла?

— Да, Алла. Ты здоров?

— Здоров.

— Ты меня бросил?

— Понимаешь, так сразу все навалилось — и институт, и перевод мой, и Билл...

— Но хоть позвонить ты мог? Всю неделю, как привязанная, сижу у телефона. В магазин боюсь выйти, вдруг ты позвонишь?..

Рядом остановилась машина Шершавникова.

— Здорово, Бузыкин! — крикнул он.

Бузыкин поздоровался.

— Могу подвезти. Вам куда?

— Спасибо, не надо.

Шершавников оглядел Аллу.

— Наша? Что-то никогда не видел.

— Чужая, — сказала Алла.

— А то могу. Вам в какую сторону?

— В другую, — сказала она.

Шершавников подмигнул Бузыкину и уехал.

Алла протянула руку:

— Прощай, Андрюша.

Он хотел было задержать ее, но она вырвала руку и пошла прочь.

— Алла, подожди, дай же мне сказать!

— Не надо, Андрюша. Ты — как тот хозяин, который жалел собаку. И отрубал ей хвост по кусочку. Это больно...

Бузыкин смотрел ей вслед.

— Андрей Павлович!

Бузыкин обернулся. За ним стоял Лифанов.

— Помните, в прошлом году вы мне поставили незачет?

— Да, помню.

— А теперь мне стипендию не дают. А ведь то было в прошлом году, а не дают в этом. Они говорят, если вы поставите, тогда дадут. А я вам сдам, вы только поставьте!

Он положил раскрытую зачетку на портфель, протянул ручку.

Бузыкин подписал и ринулся за Аллой.

Алла услышала позади визг тормозов, оглянулась.

Бузыкин стоял на мостовой перед микроавтобусом. Он потрогал рукой голову, посмотрел на руку нет ли крови.

Водитель выскочил из кабины, завопил:

— Ты что, водохлеб слепой, не видишь, куда идешь?

— Простите, пожалуйста, я загляделся.

— Что с тобой? — подбегая, спросила Алла. — Он тебя задавил?

— Да нет, я сам... Алла, ты пойми меня. Я все это время думал и понял. Ведь, кроме страданий, я тебе ничего не приношу. Только ломаю тебе жизнь!

— Потом, Андрюша, потом. Покажи-ка... Не тошнит? Потряси головой.

Бузыкин потряс.

— Не больно?

— Нет.

Водитель, который тем временем осматривал дверцу машины, подошел к ним.

— А ну-ка ты. Смотри что натворил.

Алла отстранила Бузыкина.

— Что там у вас?

— А вот — вмятина. Теперь выправлять, красить. Гони червонец.

— Вот нахал! — возмутилась Алла. — Задавил человека, и еще деньги требует! Да я сейчас милицию позову!

— А вы, девушка, топайте отсюда, пока по хлебальнику не схлопотали, — сказал водитель.

Тут Бузыкин неумело, но сильно ударил его кулаком в грудь.

И Алла ударила его кулаком в грудь.

На некоторое время все оторопели. Уже появились и зрители — женщины, маленький человек в шляпе.

Первым опомнился водитель.

— Так, — сказал он с удовлетворением. — Значит, ты меня первый ударил. Это хорошо.

Он стал снимать спецовку, пошел на Бузыкина.

Алла уперлась ладонками ему в подбородок, отталкивая.

— Отойди, девушка! — рычал водитель.

— Не надо, — просила Алла. — Он ненарочно.

— Отойди, Алла. — попросил Бузыкин.

Тогда Алла закричала, обращаясь к зрителям:

— Товарищи, помогите! Он человека задавил, а теперь еще избивает!

Маленький в шляпе подскочил к Бузыкину, ловко заломил ему руку за спину, пригнул к земле.

— Да не этого! Вот этого! — закричала Алла.

— Так этот же стукнул.

— А задавил-то этот. Что вы руки ломаете, вам же говорят!

— Тот, тот, я видела, — включилась женщина. — Ездят, как ненормальные.

Человек в шляпе отпустил Бузыкина, кинулся на водителя, тем же приемом скрутил руки.

— Есть! Зовите милицию, гражданка.

— А ну его, пусть гуляет. Пойдем, Андрюша.

Варвара стояла в пальто с телефонной трубкой в руке, говорила потерянно:

— Не удивляйся, Бузыкин, я догадалась, где ты. Будешь смеяться — у меня опять не приняли. Сказали — не соответствует стилистике. Мне худо, Бузыкин, приезжай!

Бузыкин. Извини, Варя, но сейчас — никак.

Варвара. Ну, попозже.

Бузыкин. И попозже никак.

Варвара. Ну, все. Тогда я пропала.

Бросила трубку.

Бузыкин вернулся в комнату Аллы.

Алла. Что она от тебя хочет?

Бузыкин. Просит, чтобы я ей помог, что-то там у нее не получается.

Алла. А ты?

Бузыкин. Сказал, что не могу, занят.

Алла. И правильно. Хочет, чтобы ты всю жизнь на нее ишачил?

Стояла перед ним в позе манекенщицы.

— Хорошо?

Бузыкин. Что — хорошо?

Алла. Наблюдательный ты мой! Я же себе новую юбку сшила! Ну, где ты еще найдешь себе такую? И шьет, и готовит, и печатает!

Бузыкин. И изводит.

Алла. И любит! И спасает!

На руке Бузыкина заверещали часы.

— Все? Твое время истекло?

— В жэк надо забежать, пристают, чтобы я им лекцию прочитал.

Алла промолчала.

Бузыкин. Никуда не пойду.

Алла. Подари мне этот твой... будильник.

Бузыкин. Пожалуйста.

Алла. Вот. А теперь я спрячу его так далеко, чтобы никто никогда не услышал этого проклятого верещания!

Шли в кино, шагали не торопясь по выгнутому мостику над каналом. Давно уже Бузыкин не прогуливался так, никуда не торопясь.

Здесь повстречался им, прошел мимо молодой человек интеллигентного вида. Алла окликнула его.

— Женя!.. Это же Пташук! Идите сюда!

Он вернулся.

— Вы что не здороваетесь, Женя?

— Здравствуйте. Я вас не видел, — смутился Пташук.

А л л а. Видели, видели, прямо в глаза смотрели. Это Женя Пташук. А это Андрей Павлович. Помните, я вам его стихи читала! Я им на даче твои стихи читала.

Б у з ы к и н. Я же тебя просил. Это не мои стихи. Это переводы.

А л л а. Какая разница. Слова все равно твои.

П т а ш у к. Очень приятно.

А л л а. Ну ладно, идите.

Он постоял, глядя на Бузыкина внимательно, пошел дальше.

А л л а. Андрюша, а почему ты мою куртку не носишь?

Б у з ы к и н. Что я буду трепать ее на работу. Такая хорошая вещь.

А л л а. А ты трепи. Чаше будешь меня вспоминать. Что бы завтра надел!..

Б у з ы к и н. Ладно...

А л л а. А знаешь, почему он с нами не поздоровался?

Б у з ы к и н. Почему?

А л л а. По-моему, он в меня влюблен. Два раза звонил, в театр приглашал.

Б у з ы к и н. А ты?

А л л а. А я не пошла.

Б у з ы к и н. Почему?

А л л а. Потому что я однолюбка. К сожалению...

Потом ели мороженое в фойе кинотеатра.

— Обиделась, — сказал Бузыкин.

— Кто?

— Варя. И на что она только живет — не представляю. Напечатает один рассказик за год. И то с трудом.

— С твоим.

— Шла бы в Интурист, что ли, гидом...

— Андрей, если ты собираешься весь вечер так терзаться, так лучше иди уж к ней.

— Что же, я тебя одну здесь брошу?

— Ну и что. Я не ребенок.

— Нет, не пойду.

— Иди, иди!

— Хотя на часок-то можно было бы и сбегать... А знаешь что? Сделаем так. Я сейчас быстренько смотаюсь, переведу ей там несколько фраз, а как кончится сеанс, я буду ждать тебя у выхода. Если отсюда — правый угол. Договорились?

— Договорились...

Еще угнетенный неловкостью перед Аллой, но уже озабоченный предстоящим объяснением с Варварой, он то трусил перебежками, то припускался стремглав.

Варвара сидела на тахте, беспокойно следила за Бузыкиным.

Он черкал и правил работу.

— Очень плохо, да?

— Да нет, не очень.

— Но ты же все вычеркиваешь?

— Не все. Но какие-то вещи я не могу оставить. Ну, вот: «Коза кричала нечеловеческим голосом».

— А каким?..

— А никаким. Просто кричала.

— Андрей, скажи честно, может быть, я просто бездарная, а?

— Почему бездарная. Просто в этот раз не очень получилось. Со мной, думаешь, не бывает?

— А как по-твоему: чьи переводы лучше — мои или Шитовой?

— Какое сравнение! — успокоил ее Бузыкин.

Варвара повеселела.

— Хочешь рюмашку?

— Нет.

— А я люблю так работать. Допинг.

Налила себе, выпила.

Зазвонил телефон. Варвара взяла трубку.

Невезенье в работе не мешало ей носить на руках дорогостоящие перстни.

— Да?.. Одну минутку.

Перенесла аппарат в другую комнату.

— Аллочка? А он уже ушел домой. Давно, часов в одиннадцать.

Вернулась, поставила телефон, заглянула через плечо Бузыкина.

— Ты что, очумел? Опять сначала пошел, да? Зачем?!

— А потому что не получается. Все равно никуда не годится.

— Тебе не годится, а мне годится. Слушай, уже половина первого, а мы десяти страниц еще не сделали.

— Как половина первого?

— А так, без двадцати.

— Все, погиб. Пускаю пузыри. Где пиджак? Был пиджак. Вот он... Меня же Алла у кинотеатра ждет!

— Успокойся, не ждет. Это она сейчас звонила. Я ей сказала, что ты ушел домой.

— Зачем?!

— А потому что мне жалко эту дурочку. Вот так мой Володька меня мурыжил до сорока лет. И что? Кому я теперь нужна?

Бузыкин бросился к телефону, набрал номер.

— Ну вот, никто не подходит... Алла! Когда ты звонила, я был здесь! Я и сейчас здесь! Ты же забрала у меня часы!

Алла. Слушай, Андрей Павлович! Врал бы в одном месте. А то и там и тут...

Повесила трубку.

Бузыкин добежал до моста к тому времени, когда крыло его со спичинками фонарей уже вздымалось вертикально.

Подняв воротник пиджака, он сиротливо бродил между легковыми и грузовыми машинами, которые беспомощным стадом стояли на площади.

Темные баржи двигались по Неве почти незаметно, но быстро — от Литейного моста в одну сторону, от Дворцового моста — в другую.

Зашел в телефонную будку.

— Нина, это я. Я был у Варвары, а сейчас развели мосты...

Послышались короткие гудки.

Крыло моста стало опускаться. Фонари постепенно принимали обычное положение, зафырчали моторы машин.

Едва убрали шлагбаум, Бузыкин первым ринулся через мост.

Небритый, бледный после бессонной ночи, Бузыкин вошел в разгромленную квартиру. Повесил пиджак на вешалку, побрел к себе. Ему было постелено на диване. Снял ботинок, когда позвонили в дверь. Так, с ботинком в руке пошел открывать.

На лестничной площадке, по-утреннему свежий, стоял Билл.

- Монин!
- Монин!
- Вы готов?
- Готов.

Бежали обычным маршрутом. Англичанин бежал сегодня как никогда спортивно. Бузыкин едва поспевал за ним.

- Темп, Андрей! Темп! Темп!
- Пошел к черту, — бормотал Бузыкин.

Сосед в куртке, которую Бузыкину подарила Алла, звонил в дверь.

Бузыкин работал за своим столом в сумбуре начатого ремонта. Положил ручку, тяжело поднялся, побрел к двери.

Открыл соседу.

- Четверг! — напомнил тот, входя.
- Проходи, — в некотором замешательстве пригласил его Бузыкин. — У нас небольшой раскардаш...
- Ремонт затеяли?

На кухне, за столиком, работал Билл.

— Знакомьтесь, — сказал Бузыкин. — Это профессор из Англии. А это наш сосед Василий Игнатьич.

— Зовите меня просто Билл, — сказал англичанин.

— Вот, Василий Игнатьич, сидим, трудимся, — сказал Бузыкин.

Сосед сел на диван и посмотрел на него снизу вверх, но так, словно смотрел на него сверху вниз.

- Он по-русски понимает?

— Еще не совсем, — повинулся Флетчер.

— Прибыли в Советский Союз? — громко, как глухого, спросил сосед.

— Прибыл, да.

Бузыкин приглядывался к синей куртке.

— Надолго? — спросил сосед.

— Надолго, да. Скоро уезжаю.

— А у меня свободный день. В субботу работаем, в четверг гуляем.

— Василий Игнатьич, ты где эту куртку купил? — спросил Бузыкин.

— Нашел! Во дворе валялась! Вот, Билл, у вас такие заграничные куртки на улице выкидывают?

— Нет. Это чистый хлопок. Это очень дорого.

— А у нас выкинули. Рукав тут чуть отпоролся — и сразу выкинули.

— Василий Игнатьич, продай мне эту куртку, — попросил Бузыкин. — Она тебе мала.

— Извини, Палыч, не могу. Я бы так отдал, да только жена уже видела, подумает, что пропил... Ну, что же мы так сидим? Знакомство надо отметить. Вы уберите бумаги, запачкаем.

Он достал поллитра, поставил на письменный стол.

— Василий Игнатьич, мы пас, у нас работа, — сказал Бузыкин.

— Работа не помешает, — возразил сосед. — Русская водка, им она нравится.

— Нет, Василий Игнатьич, давай на следующий четверг, — сказал Бузыкин.

— Обижаешь, Палыч! — возразил сосед.

Достал из холодильника сыр, масло.

— Сам время тянешь. Рюмки.

Бузыкин поставил рюмки. Сосед разлил, обратился к Биллу:

— Мир, дружба! *(Выпил.)*

Б у з ы к и н. Мир, дружба. *(Выпил.)*

Б и л л. Мир, дружба.

Приподнял рюмку, поставил обратно.

С о с е д. Палыч, а чего он не пьет?

Билл. Утром вино вредно.

Сосед. Да тут всего по сто пятьдесят Чистая формальность.

Билл. Спасибо, нет.

Сосед. Палыч, он, что, принцип держит?

Билл. Мир, дружба. *(Отпил из рюмки, поставил ее.)*

Сосед. Тостуемый пьет до дна.

Билл. Не понял.

Сосед. Я за вас выпил — значит, вы тостуемый. Я до дна, и вы до дна, у нас такой порядок.

Бузыкин. Василий Игнатьич, ну что ты насел? Видишь, человек не в форме. Я же выпил? Нет, все народы мира должны с ним пить.

Сосед. Англичанин, я обижусь, понял?

Билл выпил до дна.

Помолчали.

Сосед. Хорошо сидим.

Снова налил рюмки.

Бузыкин накрыл свою рукой:

— Стоп. Больше не будем, нам работать.

Сосед. Так ведь налито уже!

Бузыкин. Нет, нет. Все! Я работать.

Сосед. Не обратно же выливать! Что он про нас подумает? Палыч, что мы, крохоборы?

Бузыкин. Ладно, Василий Игнатьич, не будем конфликтовать из-за ерунды. *(Отпил.)* Но уже последняя.

Сосед. Тостующий пьет до дна.

Бузыкин допил.

Выпил и Билл.

Сосед. А я сегодня, пока вы тут сидите, корзину грибов уже набрал. Ты, Палыч, все спишь, лентяй, съездил бы за грибами. Поллитра купил, стопку водки выпил, и один грибочек. И жена у тебя тоже не ходит за грибами. Плохо он воспитывает свою жену. Я тебе, Палыч, при госте говорю.

Зазвонил телефон. Бузыкин встал. Сосед продолжал, обращаясь к Биллу:

— У вас там за рубежом леса грибные есть? Ходите?

Билл. За рубежом грибных лесов нет.

Веригин устало говорил в трубку:

— Что же, ладно, что поделаешь... Тогда уж можете не торопиться. Что-нибудь придумаем взамен. Только вот я теперь не знаю, как со Скофилдом быть? Ведь та же петрушка будет...

— Нет! Скофилд — это мое! — вскричал Бузыкин. Это я на коленях!

В е р и г и н. Не знаю, Андрей Павлыч, не знаю. Придется подумать.

Бузыкин положил трубку.

В комнату вошел сосед:

— Довольно колготиться, собирайся.

Б у з ы к и н. Да подожди ты, честное слово...

Зазвонил телефон.

Бузыкин снова взял трубку.

Варвара сидела за столом. Перед ней лежала небольшая стопка листов, перепечатанных на машинке.

В а р в а р а. Бузыкин, я перепечатала. Сейчас все получилось. Слушай, «Горестная жизнь плута», — она переложила заглавный лист, стала читать взволнованно: — «Земля была замусоренная, уродливая. Консервные банки, клочья газет, мотки проволоки валялись на ней. Между черными покосившимися столбами были протянуты веревки, на них висело серое белье. Старик в белой одежде вглядывался в панораму давних человеческих бедствий...»

Она читала неторопливо, с невольным творческим волнением. Сейчас ей казалось, что все это ею выношено, выстрадано, создано.

Подошел сосед, надавил на рычаг телефона.

— Ну вот, разъединил. Я же по делу говорю! — рассвирепел Бузыкин.

— И я по делу. У тебя резиновые сапоги есть?

— Какие сапоги? Зачем?

— Идем по грибы.

— Какие грибы?

Бузыкин начал набирать номер, но сосед остановил его.

— Погоди, Палыч. Человек жил, грибного леса не видел! Вернется, хоть будет что рассказать.

— Вы идите, а я не могу. У меня видишь что творится?

— Мы ненадолго, туда и обратно, всего и делов.

Появился несколько затуманенный выпитым Билл.

— Всего и делов, — сосредоточенно повторил он.

Они уже подружились. Они говорили на одном языке. Они предлагали войти в этот союз и Бузыкину. По-хорошему...

Они шли по лесу. Солнечные пятна струились по осенней листве. Сосед и англичанин были в ватниках и резиновых сапогах.

— Не тот лес, — веско сказал сосед. — На машинах понаехали, ханурики дешевые, все подмели.

— Что он сказал? — спросил Билл.

— Сленг, — пояснил Бузыкин. — Просторечие.

— Говорю тебе, Палыч, купи машину, — настаивал сосед.

— На какие шиши... Василий Игнатъич, поехали домой, ведь ясно уже, грибов нет.

— Сейчас поедем. Дай человеку с нашей природой ознакомиться. Нравится наша природа? — он спросил это несколько даже грозно.

— Нравится, да, — радостно откликнулся англичанин.

Натура Василия Игнатъича так и порывалась развернуться. Он приглядывался к Биллу.

— Хотели бы отдохнуть пару деньков на свежем воздухе?

— Хочу, да.

— Могу устроить. Есть знакомый в санатории. Главный врач. Туберкулезный санаторий. Но это не опасно. Врачи же работают, ничего. Так вам на когда?

— Сейчас очень занят. Лучше следующий приезд.

— Тогда вы через Палыча сообщите. А ты, Палыч, хочешь устрою? — без прежней уверенности спросил сосед.

— Не хочу.

— А зря, — успокоился тот.

Билл нашел гриб, показал.

— Гриб?

Сосед выкинул его.

— Поганка.

Они вышли на опушку. Дальше простиралось поле, речушка со старым мостом.

— Ну, все, лес кончился, — с облегчением сказал Бузыкин. — Поехали.

Сосед показал на голую пашню.

— Вот там роща будет, подосиновики должны быть, голову даю. Сейчас быстренько смотаемся и поедем.

Бузыкин остановился.

— Ну нет, вы как хотите, а я домой.

Сосед тоже остановился.

— Билл, ты хочешь домой?

— Не хочу.

— И я не хочу. Вот, Палыч, мы тебя не отпускаем.

— Что значит не отпускаем? Вы хотите собирать грибы? Вот и собирайте. А я не хочу, и все.

— Не хочешь не собирай, так походи. Ты же в компании приехал?

Сосед зашагал дальше, через поле.

Билл за ним.

Василий Игнатьич, погоди! Куда это вы пошли? Я же сказал, что не пойду, а вы даже не реагируете, как будто меня здесь нет.

— Вот что, Палыч, — не оборачиваясь, сказал сосед. — Пришел в компании и уйдешь в компании.

— Нет, постойте! — вскричал Бузыкин. — Вот вы, Василий Игнатьич, простой и цельный человек, вас голыми руками не возьмешь. И вы, Билл, тоже простой и цельный человек, вас тоже голыми руками не возьмешь. Так вот я тоже простой и цельный человек, меня тоже голыми руками не возьмешь! И прошу вас привыкнуть к этой мысли!

Он поставил свою корзину на землю.

— Счастливо оставаться!

Повернулся и пошел обратно.

— Очень быстро, я плохо понял, — сказал Билл.

— Это хмель в нем говорит, — объяснил сосед.

Бузыкин отпер дверь в квартиру Аллы.

В прихожей стоял дядя Коля. Он смотрел молча, странно.

— Ключ, — сказал он.

— Какой ключ?

— От моей квартиры.

— Пожалуйста...

— Спасибо.

Дядя Коля спрятал ключ в карман.

— Большое спасибо!.. — добавил он гневно.

Из комнаты Аллы слышался стук машинки.

— Что это с дядей Колей? — входя, спросил Бузыкин.

— Я ему все рассказала, — не переставая печатать, ответила Алла. — Секретов больше нет.

— Зачем?

— А затем, что врать надоело.

— Алла, когда ты позвонила Варваре, я действительно был у нее! Она тебе наврала, я не понимаю зачем! А потом я не мог тебе позвонить, потому что я ходил за грибами! Мы были в лесу!

— Врал бы в одном месте. А то и тут и там — хлопотно...

— Перестань хотя бы стучать, когда я с тобой разговариваю!

— Я работаю, Андрей Павлович. Иногда приходится подрабатывать.

— А я ведь тоже могу обидеться. И уйду. Что же дальше?

— Будешь спокойно жить со своей Ниной Евлампиевной. А я выйду замуж.

— За кого?

— Хотя бы за Пташука.

— А что, он сделал тебе предложение?

— В данном случае это зависит от меня.

Она печатала. Молчали.

— Ну что же. Единственное, чего я хочу, — это чтобы ты была счастлива. Если тебе будет хорошо, я буду рад.

— Ты будешь рад?.. Уйди! Уходи отсюда, я не могу тебя больше видеть!

Он направился к двери.

— А все-таки, Алла, не надо принимать скоропалительных решений. Сейчас я очень устал, ничего не соображаю.

Пойду выплюсь, а завтра после работы я у тебя, и мы все решим окончательно.

Жена, дочка и ее муж Виктор сидели перед телевизором.

Д о ч ь. А вот и глава семьи. Папка, ты где пропадаешь?

Б у з ы к и н. За грибами ходил.

Д о ч ь. А где грибы?

Б у з ы к и н. Биллу оставил.

Жена усмехнулась.

— Ах, и Билл там был с тобой?

Б у з ы к и н. Да, и Билл.

На телевизионном экране человек в немецкой форме надел черные перчатки, посмотрел на часы.

Д и к т о р. Отго Шлезингер знал, в его распоряжении осталось сорок минут.

Б у з ы к и н. Он так сорок минут будет лежать?

В и к т о р. Нет, сейчас Ганс придет.

Н и н а. Андрей, они уезжают.

Б у з ы к и н (*глядя на экран*). Куда?

Д о ч ь. На остров Жохова. Это недалеко от Северного полюса.

Б у з ы к и н. Что это они, шутят?

Н и н а. Нет, они не шутят.

Д о ч ь. Там заболел гидролог, предложили Виктору. Всего на два года. Вернемся — ты еще не кончишь ремонт.

Б у з ы к и н. Постой! Когда вы едете?

Д о ч ь. Завтра.

Б у з ы к и н. Завтра? Черт знает что!

Н и н а. Андрей, ты что, их отпускаешь?

Б у з ы к и н. Нет, я вас не отпускаю.

Д о ч ь. Папка! Милый! Мы уже договор подписали. Вот билеты.

В и к т о р. С деревянной ногой — это Ганс. Сейчас сейф вскрывать будут.

Д о ч ь. Да подожди ты со своим Гансом. (*Выключила телевизор*). Сейчас мы вас запишем. Вы пойте, а я вас сфотографирую. Виктор, тащи вертушку.

Н и н а. Может, нам еще сплясать на радостях?

Виктор. Это же на память, Нина Евлампиевна. Мы всех записываем. А там будем слушать.

Дочь. Так, сядьте поближе. Виктор, включай. Пойте. Вспомните что-нибудь.

Бузыкин. *Что стоишь, качаясь,
красная рябина...*

Нина вступила:
*Головой склоняясь
До самого тына...*

— Господи, чушь какая-то!

Прижалась к мужу, заплакала.

Бузыкин лежал на диване. Поднялся, посмотрел на открытую дверь в комнату, где спала жена. Взял телефонный аппарат, понес его в ванную, запер дверь и открыл кран.

Алла спала.

Из коридора послышался телефонный звонок. Проснулась, босая побежала к телефону.

— Алла, это я. Я тебя разбудил?

— Неважно. Я слушаю.

— Завтра я не смогу к тебе прийти... Ты слышишь?

— Слышу.

— Тут такое дело. Лена с мужем улетают. Куда-то к черту на кулички.

— А почему они два часа назад никуда не улетали?

— Алла. Это долго объяснять, я тебе потом позвоню.

— Нет, дорогой, больше ты мне не позвонишь...

Она рванула трубку и со шнуром оторвала ее от аппарата.

Лил дождь. Жена Бузыкина под раскрытым зонтом стояла на дворе, кричала:

— Андрей!..

Бузыкин вышел на балкон.

— И миксер уложи, я забыла! Он на кухне, в нижнем ящике!

— Зачем миксер? Миксер-то им зачем?

— Давить соки! Витамины!

— Ладно...

Он вернулся на кухню, достал миксер, стал заталкивать его в картонную коробку.

Позвонили в дверь.

Открыл — перед дверью стоял Пташук.

— Здравствуйте, — смущаясь, сказал он. — Я к вам.

— Прощу.

— Я на секундочку. Вот, просили передать.

Пташук протянул ему бумажный пакетик. Бузыкин развернул — там были его часы.

— Спасибо, — сказал он. Положил их в карман. — Простите, мне собираться надо.

— Да, да... — Пташук мялся, не уходил. — Андрей Павлович, и еще. Алла Михайловна просила вам сказать, чтобы вы больше к ней не приходили. Такая нелепая миссия...

В дверь, мимо Пташука, протиснулся сосед. Он был подавлен, встревожен.

Когда Пташук, простившись, ушел, сосед спросил:

— Это кто?

Бузыкин. Пташук.

Сосед. Из милиции?

Бузыкин. Нет.

Сосед. Палыч, беда. Биля в вытрезвитель замели.

Бузыкин. Зачем?

Сосед. После грибов пообедали — пошли в гастроном. Не хватило. Опять сходили. А там дружинники. Я говорю им: это профессор! Из Англии! Они ржут. Он в ватнике, я ему ватник подарил...

Бузыкин. Где он сейчас?

Сосед. В пятом, у поликлиники... Я же их нормы не знаю, он хочет — беру, а то подумает, мы жмоты. Беги, Палыч, там до девяти.

Бузыкин. Сейчас не могу. Жена на работу пошла отпрашиваться, а я сейчас соберусь и в аэропорт. Вернусь — схожу.

Сосед. Я же тебе толкую, там в девять перерегистрация. Ему пятнадцать суток, а мне телегу на работу. Кто поил? Харитонов... И ты, — со значением добавил он.

Бузыкин. Ладно.

Сосед. Ну, я пошел. Там трубы привезли... Если про меня будут спрашивать — молчи. Только оденься, а то подумают, что ты тоже...

Бузыкин сидел перед столом дежурного милиционера. Тот спрашивал:

— Фамилия?

— Флетчер.

— Имя?

— Билл. Два эл.

— Отчество?

— Не знаю.

— Что же вы, свое отчество забыли?

— Это не мое, это его.

— А я вас спрашиваю. У него же нет документов, с кого я буду штраф брать?

Бузыкин, с трудом собравшись:

— Бузыкин, Андрей Павлович...

— Имя?

— Прошу вас, нельзя ли побыстрее, у меня дочь улетает...

Бузыкин под руку вел Билла по коридору гостиницы. Вид у англичанина был помятый, он в ватнике, ворот рубашки расстегнут, в руках резиновые сапоги.

Бузыкин (*коридорной*). Триста двадцатый, пожалуйста.

Коридорная. Его нет. Он не ночевал сегодня.

Бузыкин. Это он.

Билл. Это я.

Коридорная. Не мутите голову, там иностранец живет.

Билл. Это я иностранец.

Бузыкин. Побыстрее, пожалуйста, я опаздываю.

Коридорная пригляделась.

— Не узнать... — дала ключ.

Бузыкин быстро повел профессора в номер.

Билл. Там было много новых слов. Я запомнил.

Бузыкин. Хорошо, хорошо.

Билл рухнул на кровать.

— Я алкач, да?

Бузыкин. Алкач, алкач.
Билл. А ты — ходок.
Бузыкин. Ходок я, ходок.
Билл. Хорошо сидим...

По зданию аэропорта Бузыкин бежал с коробкой к справочному бюро.

— Товарищи, простите. Товарищи, простите, у меня самолет улетает, — пробился к окошку. — На Норильск не улетел?

— Вон на Норильск. Летит.

Дождь все лил. Автобус ехал по шоссе, разбрызгивая воду.

Бузыкин сидел рядом с Ниной, смотрел в окошко.

— Вот и остались мы одни.

— Не мы, а я.

— И я.

— Не надо, Андрюша. Ты, наверное, сейчас думаешь: раз Леночка уехала, значит, я теперь осталась одинокая, несчастная, и ты теперь обязан быть рядом, опекать... Наоборот! Я все это время унижалась, боролась за тебя только потому, что не хотела травмировать Лену. А теперь ты свободен! Живи как хочешь! Если честно, мне даже лучше, чтобы ты ушел. Я тебя боюсь! Все время думаю: вот сейчас он что-нибудь соврет. Вот что-нибудь соврет!.. Ведь так можно с ума сойти. В конце концов я тоже буду свободна...

— Нина. Там у меня все. Было. Но теперь — все. Прости.

Не сразу она поверила. Не сразу даже поняла это. А когда поняла, слезы покатались по щекам.

Чтобы как-то объяснить это, укорила:

— Хоть сегодня-то, мог прийти бы вовремя... Леночка так тебя ждала! «Где отец? Где отец?..»

— Да меня в этом чертовом вытрезвителе промурыжили. Вспомнить бы ему, что вытрезвитель — тема опасная.

Жена поднялась.

— Выпусти меня.

— Постой! Я же говорю, что я был в вытрезвителе! Это Билл был в вытрезвителе!

— Товарищ водитель, прошу вас, остановите машину!

— Товарищ водитель! — рванулся за ней Бузыкин. — Не надо останавливать!

Автобус все же остановился. Она выскочила. Бузыкин за ней. Она увидела такси, подняла руку. Бузыкин схватил ее за руку.

Н и н а. Не трогай меня!

Б у з ы к и н. Нина. Я был в вытрезвителе. Клянусь Леной.

Н и н а. Клянешься Леночкой! Когда она сейчас там... в воздухе!

Стукнула его по физиономии — сильно, так, что у него мотнулась голова. И снова подняла руку.

Машина остановилась. Она села. Бузыкин остался один. Пошел к городу. На дороге валялась картонная коробка. Наподдал ее. Но тут же запрыгал на одной ноге. Вернулся, хромая, развернул коробку — в ней лежал кирпич.

В институте на лестнице стояла Варвара.

— Что с тобой? Бузыкин! Почему хромаешь?

— Так надо, — сказал он.

— Ну, Бузыкин, ты сейчас упадешь. Знаешь, что сказал Веригин? Что мои переводы стали лучше твоих.

— Поздравляю.

— А знаешь, почему я сюда притащилась?

— Ну.

— На Скофилда в плане ты стоял?

— Ну.

— Передали мне... Как ты к этому относишься?

Вот это Бузыкина подсекло. Это было несправедливо, нечестно, глупо, нелепо, больно! И главное, если бы это произошло само по себе, без его участия, помимо него! Но нет, он сам все устроил, сам этого добился. Как дальновидный, но сумасшедший гроссмейстер тщательно готовил себе мат... Как он к этому относится?

— Отрицательно.

— Ну вот, так и знала!.. Бузыкин, совесть у тебя есть? Наконец мне дали серьезную работу! Что же мне — идти отказываться?

— А что же тебе от меня-то надо? — спросил Бузыкин.

— Я хочу, чтобы ты не считал, что с моей стороны это свинство.

— Ладно, это не свинство.

Он пошел дальше.

Варвара шла за ним.

— Тогда слушай, Бузыкин. Ты еще не начал? Может быть, у тебя есть какие-нибудь наброски? Я бы воспользовалась?

— Что?.. А полы помыть тебе не требуется? А то я вымою, ты только свистни!

Оставил ее, пошел дальше.

Теперь, однако, он шел совсем иначе. Он прихрамывал как участник больших сражений. Он смотрел на встречных орлино. Он отвечал на приветствия приказным голосом.

Углядев в коридоре Шершавникова, который беседовал с пожилым профессором. Бузыкин направился к ним. Он почтительно поздоровался за руку с профессором. Шершавников рассеянно протянул ему руку:

— Здорово, Бузыкин!

— А вот вам я руки не подам, — сказал Бузыкин.

Шершавников не понял.

— Почему?

— Потому что вы мне глубоко антипатичны.

Лицо у Шершавникова затвердело.

— Не идет тебе это, Бузыкин. Не идет.

— И все-таки, Шершавников, прошу тебя на будущее. Не ставь себя в глупое положение.

Он попросился за руку с профессором и сурово захромал в аудиторию.

Студенты занимались своими кропотливыми делами.

Бузыкин сел за стол, принялся проставлять зачеты. Зачётную книжку протянул и Лифанов.

— Андрей Павлович, у нас тут недоразумение произошло. Помните, вы поставили мне зачет?

— Ну, помню.

— Так число-то вы проставили этим годом, а надо было тем годом. И теперь мне стипендию все равно не дают. Ведь не сдал-то я за прошлый семестр!

Бузыкин поднял голову.

— Слушайте, Лифанов! В хартии переводчиков говорится, что перевод в современном мире должен способствовать лучшему пониманию между народами! А вы будете только разобщать! И прошу иметь в виду всех! Никаких поблажек не будет! Никаких!

Он ехал в «Запорожье». Евдокимов был за рулем.

Машина остановилась.

— Помочь? — спросил Евдокимов.

— Чего там, у меня две рубашки, — сказал Бузыкин.

Вошел в развороченную комнату. Сразу увидел лист бумаги, приколотый к стремянке.

Написано было красиво, фломастером:

«Андрей, я ушла. Освобождаю тебя от прощания с красивыми словами».

Он вышел на балкон, свернул записку в трубку, крикнул в нее как в рупор:

— Володя, тебе повезло, живи один! Она сама ушла!

Машина развернулась, уехала со двора.

Он вернулся в комнату. Решил передвинуть письменный стол, чтобы можно было ходить по комнате. Но стол был дряхловат, ножка подкосилась, книги рухнули на пол. Стал собирать — зазвонил телефон.

— Бузыкины! Вы когда-нибудь кончите базарить?

— Кто говорит?

— Снизу говорят!

— А в чем дело?

— А в том, что у нас тут люстра качается!

Чувство обиды и мести не оставило Бузыкина. Он взял чашку, приподнял ее и бросил на пол. Она звонко раскололась.

Снизу застучали в потолок.

Бузыкин стал искать, что бы еще швырнуть, но в это время вошел сосед, Василий Игнатьевич. Он был тих и вежлив.

— У тебя дверь настезь.

— Так надо.

— Билла отпустили?

- Отпустили.
- Обо мне треп был?
- Был.
- А чего?
- Ты портвейн с водкой мешал?
- А им какое дело?
- Значит, есть дело.
- Да там полбутылки и было всего, — оробел сосед. —

Портвейна.

- Какая разница.

С лестничной площадки крикнули:

- Деда! Иди, тебя бабушка зовет.

Сосед совсем увял.

— Уже сообщили. Я говорю ему — пошли домой. А он — коктейль, коктейль. Хиппи лохматые. *(Ушел)*.

Бузыкин перелез через диван, пошел в комнату жены, подальше от людей. Включил по пути телевизор, загремела музыка.

Тахта гола, постель убрана. Только подушка осталась. Просторно и свободно стало в доме. Он стал подплясывать под телевизионную музыку. В этом просторном и пустом мире можно было подплясывать как угодно, никто не увидит. Он посматривал на себя в зеркало. Ему хотелось быть сейчас еще более неуклюжим, бестолковым, загнанным, чем он был в жизни. Вы другие? Вы умные, деятельные, удачливые? Вам повезло. А он — вот такой. Просто подплясывает. Один. И судить некому.

Зазвонил телефон...

Он снял трубку.

- Андрюша, это я.

Это был голос Аллы. Робкий, виноватый. Это был голос прежней жизни. Ответить значило отозваться на него. Он молчал. Но молчать было больше нельзя.

- Да, — сказал он.

- Ты мне звонил?

- Да, — не сразу ответил Бузыкин.

- Ты решил что-нибудь?

- Да...

— Правда?

— Да.

— А у нас тут аппарат сломался. Зато теперь починили, у меня стоит свой, в комнате. Вот, послушай!

Она поднесла трубку к телевизору. Не знала, что у него там — та же музыка. Все плохое уходило из ее жизни в прошлое. Больше не будет этой постылой спешки, отсюда — туда. Теперь покой, теперь счастье...

Бузыкин устало опустил трубку на колени.

Кто-то вошел в дом.

Это была Нина.

— Андрей, ты правду мне сказал? — спросила она. — Там действительно все кончено?

— Да.

Нина поставила чемодан, прислонилась к вешалке. Все обиды и унижения, годы обид и унижений становились прошлым. Устала она, устала. Но теперь, что бы ни предстояло им впереди, будет счастьем...

Из телефонной трубки Бузыкин услышал:

— Эй, где ты там?

Бузыкин поднял трубку к уху.

— Хорошо, записываю. Завтра в девятнадцать ноль-ноль кафедр.

Жена смотрела на него больным взглядом.

Алла сидела молча. В лице ее стали видны утомленные припухлости, приметы несбывшихся надежд.

Перед Бузыкиным появился Билл.

— Вы готов?

— Готов.

Они бежали по пустынной ночной улице. Бузыкин вслед за англичанином. Долго бежали, пока не исчезли.

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

Дело о разводе

Судья. Лаврова, вы поддерживаете иск мужа о расторжении брака?

Катя. Нет.

Судья. А вы, Лавров, не изменили свое решение?

Митя. Не изменил.

Судья. Лавров, вы когда-нибудь задумывались, что значит для человека любовь, семья?

Митя. Не задумывался.

Судья. Это уже не легкомыслие, а какой-то цинизм, наплевательское отношение к жизни. Да не только к своей, а к жизни своих будущих детей, будущего поколения. Вы когда-нибудь задумывались, что у вас могут быть дети?

Митя. Нет.

Судья. А следовало бы подумать. Лавров, расскажите суду, что у вас там случилось? В чем главная причина?

Митя. Несходство характеров.

Судья. Это общая фраза.

Митя. Невозможность создать семью. Нет ничего общего.

Судья. Он пьет?

Катя. Не так уж. Вообще-то не пьет.

Судья. Он вас бил?

Катя. Что?..

Судья. Лаврова, а вы как считаете, почему ваш муж настаивает на разводе?

Катя. Он считает, что я ему изменила.

Судья. Он правильно считает?

Катя. Это не имеет значения.

Судья. Как же — не имеет значения? Изменили вы ему или нет?

К а т я. На этот вопрос я отказываюсь отвечать.

С у д ь я. Ваше право. Но имейте в виду, что вы это делаете во вред себе. Может быть, отложим решение вопроса?

М и т я. Для меня вопрос решен окончательно. Семьи тут не будет. Давайте сразу.

Ирина и Митя

И р и н а. А я все думала: позвоните или не позвоните? Если бы вы знали, что со мной происходило вчера. Когда все сидели и хохмили, а вы встали и вышли — я тоже встала и пошла за вами машинально. Потом спохватилась и вернулась. И я себе сказала: «Какое свинство, ушел и не попрощался».

М и т я. Почему же вы так сказали? Мы как будто и не здоровались?

И р и н а. А я вот сказала. А потом оказалось, что вы еще не ушли. Я тогда совсем соображение потеряла. А вы вдруг говорите: «Только не уходи. Я всегда ухожу последний».

М и т я. Там все инженеры оказались с высшим образованием. Так-то по заводу всех знаешь...

И р и н а. А ты не заметил, там половина были дураки? Один сидел в углу умный, так лучше бы тоже дурак был.

Дело о разводе

С у д ь я. В прошлый раз ваше дело было отложено, вам дали время для примирения. Ответчик, встаньте. Вы пытались восстановить хорошие отношения?

К о з л о в. Она уехала к матери, а мне туда нельзя появляться.

С у д ь я. А вы бы хотели сохранить семью?

К о з л о в. В принципе, конечно.

С у д ь я. Вы любите свою жену?

К о з л о в. Да, очень.

С у д ь я. А вы, истица, встаньте. Любите своего мужа?

К о з л о в а. Люблю.

Судья. А хотели бы семью сохранить?

Козлова. Разумеется. У нас чудесный ребенок.

Судья. У вас ребенок. Сколько лет?

Козлова. Два года.

Судья. Ребенку два года. Видите?

Козлова. Но при таком муже это просто невозможно.

У него искаженное мнение обо мне.

Козлов. Мнение жены обо мне такое же.

Козлова. Господи, как не совестно...

Козлов. Не будем сейчас.

Козлова. Хорошо, не будем.

Судья. Когда у вас начались нелады? Почему?

Козлова. Причин много. Я даже не знаю. Границы не было, постепенно. Ни разу меня с работы не встретил. Стал нагло себя вести, будить меня, выяснять отношения.

Судья. Он ведь учится на вечернем?

Козлова (*обернувшись к мужу*). Другие почему-то и оттуда вовремя возвращаются.

Козлов. Вот так у нее все. Кто-то сказал, позвонил. А оказывается, и не звонил вовсе.

Козлова. Звонили!

Козлов. Один раз задержался на сорок минут с группой своей...

Козлова. Я за него волнуюсь. Жду, меня трясет всю, когда приходит, я плачу. А он предпочитает отмалчиваться. А как-то проучить его, не разговаривать, например, по неделе, я не могу.

Судья. А вы что скажете, ответчик?

Козлов. Я считаю, жить надо нормально. Один раз пришел поздно — она царапаться! Предупредил: буду все время поздно приходить. Постоянно подозревает — не верю я тебе. Меня это злило. Было один раз основание. Так я же сделал выводы. Подала заявление, даже не ожидал. В суд, и все!

Судья. Вы можете что-то сделать, чтобы исправить положение?

Козлов. Видно, не подходим мы друг другу. Разные точки зрения буквально по всем вопросам. Скандалы.

Судья. Ну и что? Нет людей во всем одинаковых. Это было бы невыносимо скучно.

Митя

Митя позвонил в дверь. Монтер открыл ему.

Монтер. Все спят, отваливай.

Митя прошел в комнату. Она была увешана фотографиями.

— Ты что, пьяный?

Митя. Не твое пил.

Фотографии были самые разные: одни выполнены художественно, другие забавно, не обошлось и без обнаженной натуры.

— Твоя работа?

Монтер. Ну, моя.

Митя (*увидел среди других фотографий и головку своей жены*). Кого я вижу! Супруга. Что же ты ее так скромненько?

Монтер пригляделся, оценивая качество фотографии. Митя и это понял не так. Замахнулся. Монтер уклонился.

Монтер. Да что вы ко мне пристали. (*Пошел на Митю.*) А ну, отвали отсюда, кретин!

Митя взял со стола стамеску:

— Ага, умелец. Ничего, умельца сделаем.

Но тот был уже за столом. Словно бы играя, монтер стал толкать стол на Митю. На столе лежал рашпиль. Митя схватил его.

Монтер. Ну, это ты брось. Это холодное оружие.

Митя швырнул рашпиль. Монтер закатал рукав, посмотрел.

— Так. Теперь жди повестку. За нанесение повреждения холодным оружием есть статья.

Дома

Не разговаривать друг с другом было бы глупо. Пока они живут в одной квартире, надо сохранять нормальные отношения. Сейчас их отношения лучше, чем прежде, сейчас они идеально нормальные.

М и т я читает книгу. К а т я читает журнал «Юность», кусает булку.

К а т я. Тебе там не темно?

М и т я. Нет, все в порядке.

К а т я. Как же в порядке, ты ничего не видишь.

М и т я. Почему, я все вижу.

К а т я. Может, лампу подтянуть?

М и т я поднялся.

— Ты не понял, мне это не нужно. Я хочу, чтобы тебе было удобней.

Некоторое время они читают молча.

М и т я. Ты что сухую булку ешь? Возьми, там у меня колбаса, масло есть.

К а т я. Зачем, я могу сама в гастроном сходить.

М и т я. Зачем ходить, когда все есть. Смешно. Ну, откупишь мне завтра пятьдесят грамм колбасы.

Зазвонил телефон.

К а т я. Да? Сейчас. Тебя.

М и т я поднялся с раскладушки, взял трубку. Это была И р и н а.

И р и н а. А теперь я решила тебе позвонить. Ничего?

М и т я. Ничего.

И р и н а (*передразнила*). Ничего. Ну что же, будем довольствоваться этим. А я сегодня должна была уехать на Украину. У меня ведь отпуск уже два дня! Решила — не поеду.

М и т я. Ну, зачем же это.

И р и н а. Тебе неудобно разговаривать?

М и т я. Я перезвоню.

И р и н а. Тогда прости.

Позвонили в дверь. К а т я пошла, открыла. Вернулась с немолодой женщиной.

Ж е н щ и н а. Я по объявлению.

К а т я. По какому объявлению?

М и т я. Это я дал объявление. О размене комнаты. Прости, я тебе не успел сказать, но ведь рано или поздно надо разъезжаться. Учти, все будет зависеть только от тебя. Если тебе понравится. Я лично согласен на что угодно.

К а т я (женщине). Проходите, пожалуйста, садитесь.

Ж е н щ и н а. Вот это ваша квартира?

К а т я. Там кухня.

Ж е н щ и н а. Боюсь, что мой вариант вам не подойдет. У нас не отдельные комнаты в разных районах, а одна большая, тридцать метров, но разделенная капитальной перегородкой. Фактически две комнаты. Перегородка почти капитальная и почти звуконепроницаемая.

М и т я. Что значит — почти?

Ж е н щ и н а. Почти совсем ничего не слышно. Дело в том, что мы с сестрой эту перегородку сами поставили. Мы решили так: у человека должно быть место, где он может отдохнуть, где он будет один. Причем действительно, как только мы поставили перегородку, я стала человеком. Я в любую минуту могу пойти в гости, но когда я возвращаюсь — я одна.

М и т я. Тогда зачем же вам съезжаться?

Ж е н щ и н а. Дело в том, что у меня так сложилась жизнь, что нет семьи. Так что теперь мой семья — это, по существу, моя сестра. И вот, казалось бы, пустяк — перегородка. Но это значит — отдельный вход, отдельное хозяйство. Чашки там, ложки тут. Я не ожидала, что это будет так грустно...

М и т я. Зачем же вам менять квартиру? Проще сломать перегородку, и будет одна комната.

Ж е н щ и н а. Вот в том-то и дело, что ликвидировать эту перегородку невозможно. На это нужно специальное разрешение, а нам его не дают. Оказывается, когда мы ставили

перегородку, мы должны были взять на это разрешение. А мы не подумали и не взяли. И значит, теперь они не могут дать разрешение, чтобы ее снять.

К а т я. Почему не могут?

Ж е н щ и н а. Это как раз понятно. Как они могут дать разрешение снять перегородку, которую они не разрешали ставить! Я и права не имела на это! А теперь надо идти к инспектору. Но инспектор все равно не разрешит.

К а т я. Зачем же идти, если все равно не разрешит?

Ж е н щ и н а. А затем, что я должна получить отказ.

К а т я. А зачем вы должны получить отказ?

Ж е н щ и н а. А затем что, когда я получу отказ, я смогу обратиться дальше.

К а т я. Так, может быть, сразу обратиться дальше?

Ж е н щ и н а. Пока я еще не могу обратиться дальше, потому что у меня еще нет резолюции.

К а т я. Да неужели нельзя им объяснить?

Ж е н щ и н а. Что я могу объяснить, когда я сама виновата!

К а т я. Вот и объясните, что вы сами виноваты.

Ж е н щ и н а. Это они сами мне объясняют, что я сама виновата.

К а т я. А теперь вы просите вам помочь.

Ж е н щ и н а. А зачем они будут мне помогать, если я допустила нарушение!

М и т я. Что вы, ей-богу, из ерунды делаете проблему. Хотите, приду в воскресенье и поломаю вам эту перегородку?

Ж е н щ и н а *(смеется)*. Как вы ее поломаете, она же почти капитальная!

М и т я. Ломать — не строить.

Ж е н щ и н а *(смеется)*. А бревна куда? Вот такие бревна!

М и т я. Бревна во двор.

Ж е н щ и н а *(смеется)*. Но они будут там все загромождать!

М и т я. Не будут, их кто-нибудь унесет.

Ж е н щ и н а. Куда унесет?

М и т я. Перегородку ставить.

Ж е н щ и н а *(возбужденно)*. А что, вполне возможно... Взять сломать. Снести, и все. И действительно, кто-нибудь

возьмет и поставит перегородку у себя. Прекрасный дуб... Вот у вас проблема посерьезней. Разменяться на две комнаты в разных районах — это сейчас непросто. Я не спрашиваю, почему вы разъезжаетесь...

Ответа не было, но ж е н щ и н е не хотелось уходить.

— Что делать, это жизнь. Сначала встречи. Что ни день, то встреча... Потом — расставанья. Годы идут... С одним человеком, с другим человеком. Добро бы с чужими — с друзьями! Добро бы с друзьями — с близкими! Казалось бы, зачем расставаться с близкими? Ради того, чтобы потом расстаться со всеми вместе?.. Что же, простите за беспокойство.

К а т я. До свиданья...

Ж е н щ и н а ушла.

— Мог бы и со мной посоветоваться. Объявление дал. И много таких объявлений написал?

М и т я. Много.

К а т я. И где расклеить — указал?

М и т я. Указал.

К а т я. Все расклеил или еще остались?

М и т я. Еще остались.

К а т я. Может, вместе пойдем расклеивать?

М и т я. Можно и вместе.

К а т я. Пускаешь пузыри, изображаешь из себя спокойного.

М и т я. А что волноваться.

К а т я. Ну, деловой. Ну, маклер. Раньше бы свою деловитость проявил, получили бы двухкомнатную квартиру.

М и т я. Какой я делец. Твой приятель, вот этот любитель-фотограф, — вот кто делец.

К а т я. Кто тебе дал право так о нем говорить? Что он тебе сделал плохого?

М и т я. Я из-за него с женой развелся.

К а т я. Ты сам себя развел.

М и т я. Кто где ночевал? Я? Или ты? Ты думала, что до-мой пора?

К а т я. Я все время думала: который час? Двенадцать уже! А потом думаю: чего это я трясусь? Никто не трясется, а я трясусь.

М и т я. Ничего, не знаю. Моя жена не ночует дома. Наставляет мне рога.

К а т я. Какие рога?

М и т я. Ветвистые. Что я должен думать о своей жене?

К а т я. А что ты должен думать, если она твоя жена и ты ее любишь?

М и т я. Вот любовь — это не надо.

К а т я. Современный человек! Как девчонка ведешь себя. Все остались, и я осталась.

М и т я. Все это все. А ты — жена.

К а т я. А жена — это, значит, клетка? Мое, да?

М и т я. Значит, для тебя это была клетка. Что ж ты раньше не говорила? Я бы тебя выпустил, летай!

К а т я. Мужчина! Взял бы дал по морде. Удерживай! Если ты муж, так воспитывай. А то раз — в суд повел.

М и т я. Молчи. Еще слово скажешь, пульну чем-нибудь. По башке по твоей пульну!

К а т я. Раньше надо было пулять. Сейчас я тебе никто.

М и т я. Ты этого хотела.

К а т я. Я этого не хотела.

М и т я. Почему? Хотела. За что боролась, на то и напорлась. Теперь ты свободная женщина, я свободный человек. Всем хорошо.

К а т я. Зачем тогда женился?

М и т я. Дурак был. И все дураки, кто женится. Написать бы всем на лбу букву «Д», и пускай смотрят на себя в зеркало.

К а т я. Вот я сейчас возьму и уйду.

М и т я. Иди.

К а т я. Смотри, я иду.

М и т я. Иди, иди. Только ты вещи забыла.

К а т я стала собирать в сумку вещи.

— Значит, собираешься?

К а т я. Собираюсь.

М и т я отнял у нее сумку.

— Не трогай меня руками!

М и т я. Нет, давай поговорим. Почему именно ты уходишь? Это твоя квартира, оставайся. Вон твоя скатерть, бабушка подарила. Тут твое все. А я к Славке пойду. Где мое белье, где рубашка? Ничего нет. Вот видишь, какая ты у меня хорошая хозяйка?

К а т я. Нет уж, оставайся ты. Телефончик дал уже, уже звонят тебе. Тоже по обмену?

М и т я. Знакомая звонила.

К а т я. И любая от тебя уйдет. И знакомая твоя уйдет. Пусти.

М и т я выскочил из комнаты, прихлопнул дверь с другой стороны.

К а т я дернула за ручку, крикнула:

— Пусти меня!

М и т я. Сиди. Я уйду.

К а т я. Ты уйдешь, и я уйду. Оставлю дверь открытой, пускай обокрадут.

М и т я вошел в комнату, швырнул К а т ю на тахту. Она заплакала.

Дело о разводе

Судья. Фамилия?

Л а р и с а (молоденькая, по-школьному пухлая). Керилашвили.

Судья. Образование?

Л а р и с а. Восемь классов.

Судья. До этого состояли в браке?

Л а р и с а. С Цветковым Юрием.

Судья. Причина расторжения данного брака?

Л а р и с а. Он не работает, не учится и мне не дает. Меня всячески унижал, жили мы плохо. Говорил, что я проститутка, что он меня за три рубля купил. Разве можно так? Потом все эти оскорбления, которых я совершенно не заслужила...

Судья. Муж пишет в своем объяснении, что вы собираетесь вернуться к своему первому мужу.

Лариса. Просто он слышал телефонный разговор и построил на этом всякие нелепицы.

Судья. Давид Керилашвили, встаньте. Вы поддерживаете иск жены о расторжении брака?

Керилашвили. Я не согласен, какие она указала причины. Здесь причины совершенно другие.

Он небольшой, в красивой бежевой курточке. Приятное, тоже невзрослое, лицо.

Судья. Почему вы не работаете?

Керилашвили. Я работаю, но на дому. По состоянию здоровья.

Судья. Чем же вы так больны?

Керилашвили. Я четырнадцать лет лежал в гипсе, у меня был туберкулез. Граждане судьи, поймите одно, она не такая уж плохая девушка. Товарищи судьи, я ее любил и люблю сейчас.

Судья. Почему же вы не давали ей учиться?

Керилашвили. Граждане судьи, она сказала вам неправду, но она не виновата. Вот здесь сидит ее мать. Лариса это все ее слова говорит. Она своей дочери так сказала: пускай его родители построят вам кооперативную квартиру. Она думает, что грузины богатые. А грузины есть разные, есть богатые, есть бедные. А раз нет квартиры, так я ей не нужен!

Судья. Истица, он правду говорит?

Лариса. Вообще он не любит меня.

Судья. Но вот он утверждает, что любит вас.

Лариса. Нет, он меня не любит.

Керилашвили. Нет, люблю, и ты это знаешь!

Лариса. Нет, не знаю.

Керилашвили. Ты знаешь через моих звонков, которые я тебе звонил!

Судья. Керилашвили, почему вы считаете, что ваша жена хочет вернуться к своему первому мужу?

К е р и л а ш в и л и. Сама она не хочет вернуться. Она порядочная девушка. Это все ее мать. А потом будет три несчастных человека.

М а т ь. Не будет! Она Юрия Цветкова любит. Ушла от него по легкомыслию — и вот возвращается. Там хотя бы не будет лжи. А Керашвили, его родители, обещали перед свадьбой: купим вам кооператив.

С у д ь я (*прервал ее*). Не умеете вести себя в суде — покиньте зал.

Л а р и с а. Если бы он меня любил, хоть что-нибудь придумал! Почему мы должны жить втроем!..

К е р и л а ш в и л и. Товарищи судьи! Но я жену ни в чем не обвиняю. Она не свои слова говорит. Она не думает так. Если у Ларисы есть три сердца — одно для первого мужа, другое — для меня, а третье еще для кого-то... По-моему, у человека должно быть одно-единственное сердце! Товарищи судьи, я хочу сделать дополнение.

С у д ь я. Пожалуйста.

К е р и л а ш в и л и. Товарищи судьи, я прошу удовлетворить ее ходатайство. Пускай у нее будет хороший муж. Пускай у нее будет хороший кооператив. Пускай у нее все будет! И счастье пускай будет!

С у д ь я. Суд удаляется на совещание.

Керилашвили и Лариса стояли и тихо разговаривали, а мать Ларисы молча смотрела на них, потом не выдержала:

— Ну сколько можно! Двухличная! Двухличная!

Но они стояли, не слушая ее.

Л а р и с а. Иди, мама.

М а т ь. Двухличная!

Л а р и с а. Иди отсюда!

Митя, Ирина

М и т я. Девушка, разрешите с вами познакомиться.

И р и н а (*обернулась, счастливо и нежно воскликнула*). Разрешаю! Я очень хочу с вами познакомиться!

М и т я. Но я давно уже здесь. Два раза других за тебя принимал.

И р и н а. Они были лучше меня?

М и т я. Пока нет.

И р и н а (*грустно*). Ты какой-то шепутной. Сам не знаешь, чего хочешь. А вокруг ходят и бегают девушки и чем-то беспокоят... И это неправильно, нехорошо, неуважительно, обидно, несправедливо... Сегодня утром я испугалась, что меньше тебя люблю. А потом в четыре часа вдруг стало так по тебе тоскливо!

М и т я взял ее руку, погладил.

— Не смей. У меня сейчас сердце выскочит.

М и т я. Идем ко мне.

Она подняла к нему голову, взгляделась, кивнула.

Дома М и т я включил телевизор, спросил:

— Чаю хочешь?

И р и н а. Не уходи, посиди здесь.

Он сел.

— По-моему, ты не только боишься поверить, что я тебя люблю. Ты все еще боишься поверить, что и ты меня любишь. Я ведь от тебя ничего не требую. Хочешь, будем, как в школе, дружить. Хочешь, будем, как за границей. Я твоя девушка. Вот так. (*Села М и т е на колени, обвилась вокруг него.*)

М и т я. Хочу так.

Стукнула дверь. Они оторвались друг от друга, обернулись.

Это была Кат я. Она смотрела на Ир и н у. Та не отвела взгляда.

К а т я. Прости, я не знала, что ты не один. Забыла тут кое-что.

Стала искать, выдвигала ящики, открывала дверцы шкафа.

М и т я и Ир и н а сели на два стула перед телевизором. Смотрели, не видя.

К а т я (*нашла кофточку, сложила*). Будут письма, принеси в общежитие.

И ушла.

М и т я и И р и н а сидели перед телевизором, как и при Кате, отдельно. Но что-то и объединило их.

Дело о разводе

С у д ь я. Причина развода?

Н и к у л и н. Несовместимость характеров.

С у д ь я. Сколько лет состоите в браке?

Н и к у л и н. Двадцать четыре года.

С у д ь я. Двадцать четыре года. Что же у вас сейчас случилось?

Н и к у л и н. Мы пришли к выводу, что настоящего чувства между нами нет.

С у д ь я. Какие у вас претензии к жене?

Н и к у л и н. Никаких претензий.

С у д ь я. Где же тогда ваша несовместимость? В чем она заключается?

Н и к у л и н. Товарищ судья, это сложный вопрос. Об этом психологи пишут книги.

С у д ь я. У вас есть сын?

Н и к у л и н а. Это мой сын. Муж его усыновил.

С у д ь я. У отца с ним нормальные отношения?

Н и к у л и н а. Чудесные.

С у д ь я. У всех чудесные отношения, а вот что получается... Никулина, вы согласны на развод?

Н и к у л и н а. Согласна.

С у д ь я. Согласны. А потом локти будете кусать. Целую жизнь прожили вместе, и вот остаетесь одна... Не знаю, оснований для развода нет.

Н и к у л и н. Почему нет? Я указал причину.

С у д ь я. Это не причина. Это отговорка.

Н и к у л и н. Хорошо, мы хотели обойтись без подробностей, однако, если вам это необходимо, пожалуйста. Я встретил женщину, с которой много лет назад нас связывало

сильное чувство... Мы поняли, что любим друг друга по-прежнему.

Судья. Это другой разговор. Встретили женщину. Вы говорите, что раньше вас связывало сильное чувство. Что же вам помешало вступить в брак?

Николлин. Шла война, пожениться нам не удалось. Когда я вернулся с фронта, она была замужем.

Судья. Вышла замуж, когда вы были на фронте?

Николлин. Да, вышла замуж, когда я был на фронте. Так сложились обстоятельства. После войны я вступил в брак с моей теперешней женой. Мы знали друг друга с детства. В то время она жила одна, имела ребенка двух лет. Она была несчастная...

Судья. Так... А сейчас вы встретили свою знакомую. Когда это случилось?

Николлин. Около года назад. Она также подала иск о расторжении брака. Детей у нее нет.

Судья. Значит, две семьи распадаются. А стоит ли это?.. Как у вас сложится жизнь с вашей знакомой — это же никому не известно, ни вам, ни ей. Давайте все-таки подождем. Отложим решение вопроса.

Николлина. Товарищ судья, я не знаю, как это нужно сформулировать для решения суда, но прошу вас удовлетворить иск. Дело в том, что мы уже год живем в одном доме, как чужие люди. Я не могу видеть человека, каждый, каждый день видеть своего мужа, который любит другую женщину. Ради меня, прошу вас! Решите это сейчас, если можно.

Катя, Митя

Митя. Письма тебе.

Катя. Спасибо, что принес.

Митя. Как живешь?

Катя. Нормально. А знаешь, я за тебя рада. Ирина Григорьевна очень хорошая девушка.

Митя. Какая Ирина Григорьевна?

Катя. Ах, уже Ира? Я не знала. Надеюсь, у вас все в порядке?

М и т я. Все в порядке.

К а т я. По-моему, она очень чувственная.

М и т я. Возможно.

К а т я. Я ведь правда желаю тебе счастья с ней.

М и т я. Спасибо.

К а т я. Значит, у вас все решено?

М и т я. Пока нет.

К а т я. Но скоро решится.

М и т я. Может быть.

К а т я. Нет, я рада, что именно она. Во-первых, вы очень подходите друг другу. Во-вторых, она действительно тебя любит. Это же главное. И вообще — тонкая, оригинальная, интеллигентная девушка. Честное слово, я рада. Немножко нервная. Поначалу это хорошо, но в домашней жизни — не всегда. И побольше бы ей самолюбия. Никогда не надо быть смешной.

М и т я. Чем же она смешная?

К а т я. Прости... Она обо мне ничего не спрашивала?

М и т я. Нет.

К а т я. А что-нибудь говорила?

М и т я. Нет.

К а т я. Доказывает ее ум. Тоже плюс... Но знаешь, Митя, может быть, это какой-то пережиток, атавизм — но ты лучше не лезь мне на глаза вместе с нею.

М и т я. А что?

К а т я. Боюсь, придушу ее.

Игры и танцы

В а л е р а. Друзья! Приветствуем вас в нашем доме отдыха! Начинаем наш традиционный вечер отдыха молодежи. Отдыхать — это не значит ничего не делать. В свободное время рядом с веселой шуткой и острым словом мы любим звонкую песню, веселый танец! Ритмический танец! Это современный танец, отвечает современным требованиям. Молодежь имеет много энергии, тратит ее в танцах. Современный танец все время идет в ногу со временем. Он преследует

цель — укрепление мышц всего тела, приобретается легкость — как у меня! Кто как может — танцуют все!

Танцуют все.

Танцует и Катя.

Оборвалась музыка, изменился свет. Одна танцующая пара разделилась...

И вот они стоят, раздельно, перед судьей.

Дело о разводе

Судья. Так. Миронова. Поддерживаете иск мужа о расторжении брака?

Миронова. Как я поддержу? Две дочки у меня ж. И обе больны по его причине. Даже здесь не мог посдержаться. Начитанный человек, а грубит, нетрезвый пришел. Я и похорошему и по-плохому... Не поддерживаю.

Судья. Миронов, причина расторжения брака?

Миронов. Нет ничего общего.

Судья. Когда детей рожали, было общее? Две дочки у вас. Мир-то будет между вами?

Миронов. Об этом не может быть и речи. Если бы она воспитывала детей более по системе. Она же воспитывает их так, что результаты плачевные. Дочки не имеют ко мне никакого авторитета. О чем я ее недвусмысленно предупреждал.

Судья. Ну, авторитета можно добиться только лично, а не посредством жены... Миронова, муж изменял вам?

Миронов. На данном этапе никем не увлекаюсь.

Судья. Когда вступили в брак?

Миронов затрудняется ответить.

— Это была та счастливая минута, которая не оставила следа в вашей памяти?... Миронова, в брак вступили когда?

Миронова (*улыбнувшись*). Двадцать третьего августа тысяча девятьсот семьдесят первого года.

Судья. Любили вы друг друга прежде?

Миронова. Не знаю, сошлись по любви.

Судья. Миронов, вы настаиваете на расторжении брака?

Миронов. Настаиваю. Мы с супругой не соответствуем ни по культурному уровню, ни по чему. У меня совершенно другие интересы. Я книги люблю, музыку. У меня образование девять классов.

Миронова. Они все с образованием — и он, и отец, и мать. Вот они меня и доводят. Как атаманы на меня, как атаманы. Я для них никто, призрак.

Судья. Миронов, может быть, вы возьмете на себя обязанность привить жене любовь к искусству?

Миронов. Не обещаю.

Судья. Почему?

Миронов. Мне будет тяжело. Я не хочу быть пьяницей, а она заставляет.

Судья. Как?

Миронов. Денег не дает. У кого-нибудь позаимствуешь и с горя напьешься.

Судья. Две дороги перед вами: быть главой семьи, радоваться, что у вас растут дочки, жена счастлива. И другая дорога — злодейка с наклейкой. Подумайте, может быть постараетесь вернуться в человеческое состояние?

Миронов. Нет.

Игры и танцы

Валера. Древний и вечно юный танец чарльстон! Танцуют все!

Отдыхающие танцуют чарльстон.

Катя не танцует. Валера садится рядом с ней.

— Здравствуй, Катя, который час? Что ты делаешь сейчас? Бросай дело ты свое и послушай мой рассказ. Сказать невольно я решился, любовь заставила меня. Любовью дышат все народы. Катя, я люблю тебя. Когда умру, когда скончуся, когда в холодный гроб сойду, тогда любить меня не сможешь. Люби сейчас, пока живу.

Катя. Ты ведь знаешь про меня?

Валера. Что-то слышал.

Катя. Что слышал?

Валера. Забыл.

Катя. Ты слышал, что я с мужем развелась. Почему-то считается, что это неприятность. Как овцы, все стараются себе скорей хозяина найти. Скорей свою свободу кому-нибудь продать. Или чужую свободу купить, это одно и то же. Взаимное рабство.

Валера. Ты права.

Катя. Нет, правда. У всех страх, что останешься одна. Вот я осталась. Если захочу, не найду себе? Сколько вас без дела болтается. Или я не прокормлю себя? А за границей вообще больше всего ценится одинокая женщина...

Валера. Я лично считаю, что дружба и товарищество — это совершенно разные вещи. Товарищем можно назвать любого. В Советском Союзе все товарищи. Но что сильнее: дружба или любовь? Можно ли любить, но не дружить? Или наоборот: можно ли дружить и не любить? Можно ли любить человека, который предал общее дело? Может ли человек любить два раза? Может ли быть любовь с первого взгляда? Может ли быть любовь, если мужчина младше? Ответить на этот ряд вопросов удовлетворительно, положив руку на сердце, мы еще не можем. Эти вопросы требуют пока еще своего разрешения.

Катя. Только нервы у меня никуда стали. Вчера шла по Садовой — идет грузовая машина. Шофер хотел затормозить перед трамвайной остановкой. Машина вывернулась поперек улицы и врезалась в тротуар, прямо на людей, там люди стояли на остановке. Одна женщина закричала. Я — прочь оттуда. Бегу, а вслед долго слышу — кричит женщина. Все кричит, кричит...

Валера. Не надо об этом думать. Вот я — счастливый человек, потому что научился помнить хорошее и забывать плохое. Скажи себе: я об этом не думаю. (*Раскинул руки, расслабил кисти.*) Я об этом не думаю.

Катя (*так же*). Я об этом не думаю.

Все, кто находится на сцене, раскинули руки, стали повторять:

— Я об этом не думаю.

Валера. Еще.

Все. Я об этом не думаю. Я об этом не думаю. Я об этом не думаю...

Дело о разводе

Судья. Беляев, примириться с женой не хотите?

Беляев. Ни малейшего желания. Основная причина, что я ее ненавижу и даже не могу находиться в одной комнате. Есть женщина, на которой я женюсь сразу же после расторжения брака. И она это прекрасно знает, потому и тянет.

Судья. Сколько лет вы прожили вместе?

Беляев. Просуществовали? Семь лет. Откажете на этот раз, через десять дней принесу еще одно заявление.

Судья. Гражданка Беляева, поддерживаете иск о расторжении брака?

Беляева. Ни за что. Сколько людей не любят друг друга и живут.

Судья. У него есть другая женщина.

Беляева. Другая женщина у всех есть.

Судья. Человек вас ненавидит. Зачем вам это нужно?

Беляева. На суде он что хочешь скажет. Нельзя ежемесячно подавать заявления! Нельзя же ежемесячно вызывать по повестке.

Судья. Но вы же ни разу не явились.

Беляева. Если бы ему год не велели подавать, мы могли бы за это время помириться.

Беляев. Я к ней не пойду и ее к себе не пущу. Как же мы помиримся за этот год!

Беляева. Ну, хорошо, ну, не год, ну, два месяца дайте срок!

Игры и танцы

Валера. А сейчас вашему вниманию предлагается массовая старинная русская игра: бег в мешках!

Веселье продолжается. Какая партия выиграет бег в мешках — выяснится на сцене, заранее предсказать нельзя.

Но вот двое в мешках отстали от других. Они остановились перед судьей.

Дело о разводе

Судья. Вы утверждаете, что Шумилов ругался нецензурно.

Шумилова. Ругался.

Судья. Это было просто, может быть, ругательство? Или именно нецензурное?

Шумилова. Это именно нецензурное.

Судья. Ну, ругательства бывают разные. Например, в газете или в книжке это может быть напечатано?

Шумилова. Нет, в газете это не может быть напечатано.

Судья. А вы не можете точнее сказать? Может быть, это было слово, скажем, «изверги»?

Шумилова (*обиделась*). Я могу разобраться, что цензурное, что нецензурное! Извините меня, но он меня по-всякому склонял.

Судья (*Шумилову*). Вот ваша жена говорит, что в квартире вы ругаетесь нецензурной бранью в разное время суток.

Шумилов. Это было. Но я, правда, выругался про себя.

Судья. Про себя. И никто не слышал?

Шумилов. Возможно, что она и слышала.

Судья. Как же она могла услышать? Ведь разговорной речи у вас не было?

Шумилов. Нет, возможно разговорная речь и была.

Судья. Жена утверждает, что вы бьете ее в местах общего пользования. Бросили в нее чайник. Вы подтверждаете это?

Шумилов. Частично. Чайник я бросил просто ради интереса. Просто в пол. Другой раз я ее толкнул ногой в бедро — только лишь из-за ребенка исключительно. Так как портит его своим воспитанием.

Судья. Почему-то вы воспитываете ребенка только в пьяном состоянии. Утюг вы хватали?

Шумилов. Хватал.

Судья. Зачем?

Шумилов. Просто подержать.

Судья. Гладить вам надо было, что ли?

Шумилов. Гладить мне не надо было.

Судья. Кто у вас отобрал утюг?

Шумилов. Соседка.

Шумилова. Расскажи, как ты на мне рубашку изорвал!

Шумилов. А рубашку я изрезал потому, что были повседневные упреки.

Судья. Пьете?

Шумилов. Выпиваю. Но никогда не валялся и не был никем подобран.

Судья. Мир-то будет между вами?

Шумилов. За последнее время скандалов не было. Ну, ударил я ее один раз.

Судья. Когда?

Шумилов. Число точно не помню. В общем, день рождения ее был.

Игры и танцы

Валера. А сейчас вашему вниманию предлагается игра «Безбилетный пассажир»! Участвующие под звуки марша шагают вокруг этих стульев и по моему хлопку бросаются занять места. Стульев мало, желающих много!..

Желающих действительно оказалось много. И Катя оставила своего собеседника, стала в круг, в затылок какой-то девушке, знакомой по заводу.

— Приготовились!.. И!..

Аккордеонист заиграл марш, и все зашагали вокруг стульев. Шагали долго, культурник все не давал сигнала, в этом и был интерес, напряжение росло, все уже хохотали, но вот он наконец

хлопнул в ладоши, и все ринулись к стульям, но один человек остался без места. В а л е р а отвел нерасторопного, укоряя: «Нельзя ездить без билета!» Затем убрал один стул, а к к о р д е о н и с т снова заиграл марш и все снова зашагали вокруг стульев... В а л е р а снова хлопнул в ладоши, и без места осталась женщина.

— Нельзя ездить без билета!

Оба оставшиеся без места стоят перед судьей. Игра прервалась, все смотрят на них.

Дело о разводе

Судья. Когда вы прекратили сожителство с женой?

Он. В шестьдесят девятом году.

Судья. В каком месяце?

Он. Не помню.

Судья. Значит, летом или зимой, ничего не помните?

Когда же это произошло, этот ваш трусливый поступок?

Он молчит.

— Просите разделить имущество?

Он. Да.

Судья. Что приобрели за период совместной жизни?

Он а. Диван-кровать и цветной телевизор.

Судья. На что претендуете?

Он а. На телевизор.

Судья. Согласны отдать телевизор?

Он. Согласен.

Судья. А вы на что претендуете?

Он. На диван-кровать...

Вечер отдыха

Игра продолжалась. Вокруг стульев шагали все быстрее, уже бежали.

Но вдруг — все останавливается. И пресекается марш аккордеониста. И в тишине происходит такой разговор:

Девушка (Катя). Ты ничего не знаешь?

Катя. А что?

Девушка. Про Митьку слышала?

Катя. Что слышала?

Девушка. Говорят, он кого-то порезал.

Катя. Как — порезал?

Девушка. Не знаю. Я думала, ты знаешь.

Катя. Кого порезал? Когда порезал? Кто тебе сказал?

Девушка. Приехал кто-то из города.

Катя. Вот обормот, человека порезал! Теперь все. Это я виновата, это из-за меня! Теперь судить будут.

И опять побежали под звуки музыки: игра продолжалась.

— Подумайте, муж мой, недавно только развелись, буквально две недели, вдруг узнаю — порезал человека! Вот обормот!..

Кней подошел Валера, завязал ей глаза платком и отошел. С повязкой на глазах она пыталась кого-либо поймать, как полагается в такой игре. Никто, казалось, не убегал от нее — только отходили неторопливо, в тишине. Так и бродила она, ловила раскинутыми руками пустое, глухое... Потом опустилась на землю, лежала в темноте.

Свидание

С передачей в целлофановом мешке Митя стоял перед медсестрой.

Сестра. Неприемный день. Ну, неприемный день, что я могу. Она вам кто?

Митя. Жена.

Сестра. Передачу можно, а так нельзя.

Митя. Мне очень нужно ее видеть, не по болезни, а кроме того.

Сестра. Ну ладно, зайди, только ненадолго, пять минут. Она слабенькая.

Катя лежала. Волосы ее словно потускнели и были зачесаны назад.

Митя. Говорят — неприятный день. Свидание разрешили только на пять минут.

Катя. А мне сказали — ты человека порезал.

Митя. Болтовня. Кто-то пустил слух. Ты-то как?

Катя. Я хорошо. Митя, а ты не врешь? Ты мне правду говори, ты кого порезал?

Митя. Никого я не порезал.

Катя. Я скучаю по тебе. Я скучаю по тебе, Митя! Скучаю по тебе, скучаю по тебе, Митя...

Митя. Тише, а то меня отсюда выгонят.

Катя (*тихо*). Я скучаю по тебе, Митя! А ты-то как? Вот что главное. Ты-то по мне скучаешь?

Митя. Скучаю.

Катя. Я знала, что скучаешь, я это знала. Ты ходи ко мне каждый день. Тут приемные дни, но если уж придешь, так пусть. Каждый день приходи после смены.

Митя. Кормят как?

Катя. Кормят ничего. Если бы ты каких-нибудь фруктов принес.

Митя. Вот...

Катя. Это мне? (*Взяла у него целлофановый мешочек.*) Спасибо. Ой, сколько потратил, рубля три?

Митя. Как ты себя чувствуешь, ничего?

Катя. Я ничего себя чувствую. Как когда.

Митя. Тебе больше спать надо.

К ним подошла медсестра.

Сестра. Пора, а то мне попадет.

Катя. Мы сейчас. Уже все. Ты, Митя, береги себя... По улицам ходи осторожно! Уж я попала в больницу — ладно. Хоть у тебя будет все в порядке.

Сестра. Все, все, пора.

Митя пошел за нею.

Александр Володин

К а т я вскочила с кровати, побежала вслед. Обняла его что было сил.

К а т я. Я скучаю по тебе, Митенька, скучаю по тебе!..

С е с т р а пыталась увести ее, но *М и т я* не отпускал. Так и стояли, обхватив друг друга.

— Я скучаю по тебе, Митя!

С е с т р а все же оторвала ее, повела назад. *К а т я* пошла за ней послушно. Потом остановилась, обернулась, закричала:

— Я скучаю по тебе, Митя! Скучаю, скучаю по тебе, скучаю по тебе!..

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Ольга отряхнула с пальто снег, завязала наверху уши шапки, выпустила локон и позвонила.

Отворила Галя, ровесница ей.

Ольга. Мне нужно Елену Александровну.

Девушка некоторое время смотрела на нее задумчиво, потом ушла.

Ольга стояла в прихожей. В одной руке она держала небольшой чемодан, в другой — коробку с тортом.

Снова вышла девушка.

— Вам кого?

Ольга. Вы обещали позвать Елену Александровну.

— Я?

Теперь только Ольга поняла, что это была не та девушка.

— Простите, тут другая выходила.

Ан я. Вот халда, у нее ничего не разберешь.

И она скрылась в комнате.

Из сумрачной квартирной глубины послышался мужской голос:

— Кто там?

Ан я. Не к тебе, не к тебе. Мама!

Но мужчина, не удовлетворясь этим, вышел в прихожую.

— Вам кого?

Ольга. Мне нужно Елену Александровну.

Он ушел, ничего не обещая.

Наконец появилась женщина с совком и веником.

— Ты ко мне?

Ольга смотрела на нее и, казалось, забыла, что нужно ответить.

Потом спросила:

— Вы Елена Александровна?

Елена Алексеевна. Елена Алексеевна.

Ольга. Простите, значит спутала.

Елена Алексеевна. Хочешь поступить в коллектив?

Ольга. В коллектив?.. Нет, я по другому вопросу. Мне надо с вами поговорить.

Елена Алексеевна. Раздевайся.

Ольга повесила пальто на рогатую вешалку, а коробку с тортом и сверток в магазинном пакете оставила при себе.

Елена Алексеевна. Вот тапочки.

Ольга обула тапочки, почувствовала себя маленькой и бесправной и пошла за женщиной в комнату. Комната была просторная, красивая, душистая.

На тахте в ожидании интересного сидели обе девочки.

Елена Алексеевна. Садись.

Оля присела возле стола.

— Ты их стесняешься? Идите, что вы, действительно, торчите здесь?

Дочки вышли. Одна весело, быстро, другая задумчиво, медленно.

Ольга. Меня зовут Ольга.

На женщину это не произвело впечатления.

— Я Ольга Васильева.

Елена Алексеевна. Постой, дяди Петина дочка?

Ольга. Нет.

В комнату вошел ее муж, сел на тахту, пристально глядя на Олю.

Елена Алексеевна. А чья же? У Ивана Егоровича еще маленькая. А так я больше не помню.

Оля молчала.

— Вадим, она тебя стесняется, я сейчас приду.

Муж вышел.

Ольга. Елена Алексеевна, я ваша дочь.

Елена Алексеевна. Вот это да.

Ольга. Но вы не беспокойтесь, вам это ничем не грозит. Просто я приехала на каникулы.

Она положила на стол пакет и коробку с тортом, которую до того держала на коленях.

— Это косынка. Может быть, вам не понравится, подарите кому-нибудь.

Елена Алексеевна. Вот это да.

Ольга. Торт совершенно свежий, вчера купила, называется «Свердловский сувенир».

Елена Алексеевна. Ты из Свердловска?

Ольга. Да. Но я остановилась в комнате отдыха на вокзале. И, конечно, никто ничего не будет знать. Ни ваши дети, ни ваш супруг. Это пускай вас не смущает.

Елена Алексеевна. Но почему ты решила, что ты моя дочка?

Оля достала из кармана письмо, положила на стол.

— Что это?

Ольга. Письмо.

Елена Алексеевна. Какое письмо?

Ольга. Посмотрите.

Елена Алексеевна вынула письмо из конверта, развернула.

Письмо было старое, стертое на сгибах.

Елена Алексеевна. Так. «Извините меня за беспокойство, но я должна написать всю правду. С мужем мне не повезло, он очень тяжелый человек. Конечно, я мать, и у меня есть материнские чувства. Но в моем положении лучше всего, если Оленьку возьмет на воспитание любая советская семья. Боже, как все ужасно и ужасно. Муж категорически против. Простите меня». Страшненькое письмецо... Что же, тебя кто-нибудь взял на воспитание?

Ольга. Нет, никто не взял.

Елена Алексеевна. Почему?

Ольга. Слишком поздно пришло письмо. Без согласия матери нельзя, а усыновляют только в таком возрасте, когда ребенок еще ничего не понимает.

Елена Алексеевна. Постой. Значит, ты считаешь, что это мое письмо?

Ольга отвела взгляд. Казалось, она забыла, что надо ответить на вопрос. Или решила, что отвечать не нужно.

— Ну, что ты?

Ольга потянулась за письмом, хотела взять его, но женщина не дала.

— Нет, ты все-таки объясни мне, пожалуйста.

Ольга. На конверте все указано.

Она понимала, что надо подняться и уйти. Но вдруг сил на это не стало, и она продолжала сидеть, глядя в угол комнаты.

Елена Алексеевна (взяла конверт). Так, это письмо в детский дом. От кого? Е. А. Васильева. Обратный адрес. Это наш адрес.

Ольга. Да, это ваш адрес.

Елена Алексеевна. Не понимаю.

Ольга. Тогда простите, значит ошибка.

Ольга взяла письмо и вложила его в конверт.

Елена Алексеевна. Подожди, девочка. Давай все-таки разберемся, в чем дело.

Ольга. Зачем разбираться. Уже ясно, что это ошибка.

Елена Алексеевна. Но ведь адрес-то наш? Ведь почему-то именно наш? И фамилия моя. Все-таки странно.

Ольга. Возможно, совпадение.

Елена Алексеевна. Хотя ты говорила, кажется, Елена Александровна?

Ольга. Я сказала уже, я могла спутать. Или там, в детском доме, ошиблись. Но, если хотите, так и будем считать, что все это недоразумение.

Елена Алексеевна. Что значит — я хочу считать? Давай считать так, как есть на самом деле.

Ольга. Если хотите, давайте считать так.

Елена Алексеевна. Опять если хочу... Расскажи хотя бы, кто тебе дал это письмо.

Ольга. У меня уже год это письмо. Как только получила паспорт, сразу же пошла в детский дом и попросила сведения. Правда, там все работают уже новые, но письмо мне дали. Я уже год назад собиралась приехать. По все откладывала. Я решила: сначала куда-нибудь устраююсь, начну зарабатывать деньги, потом можно ехать. Потому что тогда я уже никому не буду в тягость, а, наоборот, сама сумею помогать ей материально.

Елена Алексеевна. Да, это можно понять, это я тебя понимаю... Куда же ты теперь?

Ольга. Посмотрю Москву, поживу пару дней. Раз уж сюда попала... Если разрешите, я к вам, может быть, еще зайду. А то у меня здесь и знакомых-то нет.

Елена Алексеевна. Заходи, конечно. Жаль, что так неудачно...

Ольга. Почему неудачно?

Елена Алексеевна. Ты же к матери ехала.

Ольга. Просто хотела на нее посмотреть. А так я от нее ни в чем не нуждаюсь. Учусь в ПТУ, живу в общежитии. Стипендия тридцать три рубля. Кроме того, я работаю, кормлю подопытных животных в мединституте. Мышей. Зарплата семьдесят рублей.

Елена Алексеевна. Это хорошо. Но все-таки. Только посмотреть на мать? А дальше что?

Ольга. Дальше было бы видно.

Елена Алексеевна. Но если она столько лет даже не пыталась узнать про тебя! И вдруг ты являешься. Ты уверена, что она бы тебе обрадовалась?

Ольга. Все правильно. Тогда я просто уезжаю: льготный билет, почему не воспользоваться.

В комнату снова заглянул муж.

Ольга (*встала*). До свиданья.

Елена Алексеевна. Что же, всего доброго.

Она вышла в прихожую, сняла с вешалки пальто. Муж и жена смотрели, как она одевается.

Ольга ушла.

Елена Алексеевна. Совершенно дурацкая история. Ты знаешь, что это за девочка? Считает, что она моя дочь. И показала какое-то дикое письмо. От своей матери. Причем обратный адрес наш. И фамилия — Е. А. Васильева.

Вадим Антонович. Может быть, это недоразумение, но может быть и шантаж. Покажи письмо.

Елена Алексеевна. Какое письмо, я его отдала.

Вадим Антонович. Ну вот. Откуда ты знаешь, что это за письмо, куда она его понесет?

Елена Алексеевна. Это не мое письмо.

Вадим Антонович. Жизни она хлебнула всякой. От нее можно ждать чего угодно. А потом ходи оправдывайся.

Елена Алексеевна. Оставь, девочка учится в ПТУ, приехала увидеть свою мать, которая когда-то бросила ее и скрылась. А она все равно хочет ее найти, привезла подарки — торт, косынку... Черт возьми, она же все оставила здесь, забыла забрать!

Вошли дочки. Принесли поднос с чашками и нарезанный торт. Одна по-деревенски повязалась косынкой.

Елена Алексеевна. Кто вам разрешил! Вы спросили у меня?

Аня. Мы думали, это подарок.

Елена Алексеевна. Ну и что. Это же не вам подарок!

Вадим Антонович. Нет, что за привычка хватать все, что попадется под руку!

Елена Алексеевна. Что делать, что делать... (Сняла с дочери косынку.) Где пакет?

Аня. Мы его выбросили.

Елена Алексеевна. Куда?

Галя. Мама, все равно поздно. Нельзя же отдавать половину торта.

Елена Алексеевна. Торт можно купить.

Вадим Антонович. Где купить? Свердловский торт, свердловская коробка!

Елена Алексеевна. Ну, Вадим, в конце концов, ничего страшного.

Вадим Антонович. А ты знаешь, что это значит? Ты приняла подарок!

Елена Алексеевна. Ну и что? Ну и приняла.

Вадим Антонович. От кого ты приняла подарок? Соображаешь? Почему ты сочла себя вправе принять этот подарок?

Елена Алексеевна. Ах ты мой хороший! Садись, ешь торт.

Родители сели за стол и некоторое время молча пили чай.

Дочкам было любопытно разобраться, что происходит, но они надеялись, что скоро все выяснится само собой. Они погодки, но не похожи друг на друга: Галя повеселей, Аня посерьезней.

Вадим Антонович. Где она остановилась?

Елена Алексеевна. Говорит, в комнате отдыха на вокзале.

Вадим Антонович. Надо ее найти.

Елена Алексеевна. Зачем?

Вадим Антонович. Я хочу прочитать это письмо.

Елена Алексеевна. Если она из Свердловска, значит, на Казанском. Только давай договоримся, никакого расследования. Пожалей девочку.

Аня. А что случилось?

Елена Алексеевна. Ничего, ничего.

Галя. Нет, что-то наверняка случилось! Папа, в чем дело?

Вадим Антонович. Дело в том, что эта девочка предъявила маме странное письмо, из которого следует черт знает что. Либо дура, либо авантюристка.

Галя. Исследовать письма, сличить почерки, установить даты.

Вадим Антонович. Все, довольно. Я уверен, что эта девица, которая выросла в детском доме, знает, что после себя надо вымыть посуду и подмести. А вам надо тысячу раз напоминать, легче сделать самому.

Елена Алексеевна. Вадим!

Аня. Папа, это твоя дочь?

Вадим Антонович. Чья дочь? Моя дочь?..

Елена Алексеевна шла с Ольгой по улице.

Ольга. Как вы меня нашли? Когда я вам говорила, я ведь еще и сама не знала, где буду ночевать. Я и сунулась-то на Казанский вокзал только потому, что так вам сказала. Тогда мне и стукнуло в голову: дай попробую! И повезло, устроилась. А вот вы почему туда пошли?

Елена Алексеевна. Ая — потому что тебе поверила.

Ольга. Смешно!..

Елена Алексеевна. А ты знаешь, у тебя очень легкая красивая походка.

Ольга. Обыкновенная...

Елена Алексеевна. Ты могла бы хорошо танцевать.

Ольга. Ая хорошо танцую.

Елена Алексеевна. Нет, я говорю о балете... Для меня существуют две идеальные балерины: Анна Павлова и Галина Уланова. В честь этого я и дочек так назвала. Только они не оправдали моих надежд.

Ольга. Нет, в балете я не специалист. Мне и не до того. Я знаете как живу? Учеба да работа, так и бегаешь, как заяц. Я и комсорг группы, и профориентация на мне, и клуб «Верность» на мне, и спортлагерь. Кроме того, из-за моего голоса и дикции мне поручают выступать с приветствиями, с репортажами...

Елена Алексеевна. Ты, я вижу, активная девочка, все совмещаешь.

Ольга. Не знаю... Во всяком случае, если мастеру, скажем, нужно отлучиться, на меня можно оставить любую группу. У нас в ПТУ всё домашние дети, а дети, воспитанные дома, это совсем не то...

Потом они сидели в комнате, где были вчера. Ольга продолжала рассказывать — небрежно, между прочим, чтобы это не выглядело похвальбой.

Ольга. А специальность у меня будет — газорезчица, уже проходим практику на заводе. Тут и голова нужна, необходимо разбираться в чертежах. Ну, отметки у меня какие? У нас только одна девочка не имеет троек. Я тоже близка к этому результату. Если бы я еще не работала помимо учебы...

Елена Алексеевна (*рассеянно*). Где же ты работаешь?

Ольга. Я уже вам говорила.

Елена Алексеевна. Ах да, прости.

Ольга. Я животных кормлю в мединституте, мышей. Семьдесят ре плюс стипендия тридцать три, вот считайте.

Елена Алексеевна. Как же ты тратишь эти деньги?

Ольга. После интерната первое время у меня все на еду шло. Я думала: как это взрослые не хотят пирожное, например, съесть или яблоко? А сейчас уже настолько наелась, поняла, взрослые за свой век тоже наелись...

Елена Алексеевна. Ну вот, Оля. Мы с Вадим Антоновичем тут о тебе говорили. Как эта ошибка могла произойти? Все-таки какая-то неясность. Хотелось бы кое-что узнать поточнее. Кроме этого письма, что ты знаешь

о своей матери? Кто она была? Хоть какие-нибудь сведения у тебя есть?

О л ь г а. У меня есть сведения, что она сдала меня в Дом младенца. И сама туда попросилась санитаркой, чтобы быть все время при мне. А через три месяца исчезла. И не вернулась.

Е л е н а А л е к с е е в н а. Санитарка, санитарка... Постой, санитарка... Вадим!

Вадим Антонович вышел из своей комнаты с двумя книгами в руке, косвенно давая понять, что он работал и его оторвали. Но Елена Алексеевна была слишком возбуждена, чтобы обратить на это внимание.

— Вадим, помнишь, когда ты болел, к тебе приходила делать уколы медсестра Леля. Леля Васильева.

В а д и м А н т о н о в и ч. Ну, была.

Е л е н а А л е к с е е в н а. И помнишь, на наш адрес один раз пришел штраф за какой-то скандал, который она затеяла в «Якоре»?

В а д и м А н т о н о в и ч. Не помню.

Е л е н а А л е к с е е в н а. Нуда, я же тебе тогда ничего не сказала.

В а д и м А н т о н о в и ч. Это естественно.

Е л е н а А л е к с е е в н а. Потому что эта Леля сразу же прибежала ко мне, плакала, просила прощения. Она тогда только что устроилась на работу, получила комнату, боялась, что скандал дойдет до начальства и ее уволят. А мне, мол, ничего не будет. И вот она в панике дала наш адрес. Из милиции проверили — правда, Васильева проживает. Она мне даже деньги за штраф оставила! Потом ее все равно уволили, уже за что-то другое. И она куда-то уехала.

В а д и м А н т о н о в и ч. Ну, ты даешь!

Е л е н а А л е к с е е в н а. И вот я думаю: если ей один раз могла прийти в голову мысль дать наш адрес, почему она не могла и в другом случае этим же воспользоваться? Чтобы ее не заставили забрать свою дочку из детдома.

О л ь г а. Ее никак не могли заставить. Потому что это письмо матери, которое я вам показала, оно и значит как бы официальный отказ. А как только мать отказалась от ребенка, то все заботы о нем государство уже берет на себя.

Елена Алексеевна. Но она могла и не знать! Когда человек что-то нарушает, он всего остерегается. Решила на всякий случай замести следы. Прости, что я так говорю. Но ведь согласитесь, такая возможность не исключена? Конечно, это только предположение.

Вадим Антонович. Так ты считаешь, что это и есть ее родительница? Вот эта самая Леля Васильева?

Елена Алексеевна. Я же говорю, это только гипотеза. Если у тебя есть другие соображения, скажи. Давайте все думать. Оля, ты как думаешь?

Ольга. Не знаю...

Вадим Антонович. В таком случае можно попытаться выяснить, куда она уехала.

Елена Алексеевна. Судя по ее характеру, она с тех пор могла двадцать раз переменить и работу и место жительства.

Ольга. Честно говоря, не она мне нужна. Я думала, может быть, я ей нужна? Но раз нет, так нет...

Она встала.

— Тогда простите за беспокойство.

Елена Алексеевна. Нам-то какое беспокойство. Это тебе беспокойство, ехала в такую даль.

Ольга. Сначала я должна была все уточнить, а потом уже ехать. Вот это моя оплошность.

Елена Алексеевна. Да, еще вот что! Такая получилась неловкость... Мы ведь твой торт-то съели... И косынку девчонки куда-то задевали... Я искала, искала, не могла найти.

Ольга. Какая чепуха, смешно. Не везти же обратно.

Елена Алексеевна. А что ты, собственно, всполошилась? Необязательно сразу ехать. Ты же хотела пожить, Москву посмотреть.

Ольга. Может, и поживу.

Елена Алексеевна. Зашла бы на занятия нашего коллектива, у нас интересный коллектив.

Вадим Антонович. К чему ей твоя самодеятельность.

Ольга. Нет, почему же, возможно, и зайду. Рада была с вами познакомиться.

Елена Алексеевна. Мы тоже.

Ольге не хотелось еще уходить. В полусвете прихожей лицо Елены Алексеевны казалось ей необыкновенно хорошим. Волосы пышные, узлом сзади. Смотрела она, правда, куда-то вверх.

Ольга. Спасибо вам большое за все.

Елена Алексеевна. Ладно, ладно.

Ольга ушла.

Елена Алексеевна. Хорошая девочка.

Вадим Антонович. Волевая.

Елена Алексеевна. Ну и что, это неплохо.

Вадим Антонович. Активная, активная. Из таких вырастают самые вредные бабы. Придет время — она будет тебе указывать, какие ты должна разучивать танцы, и станет обвинять тебя в беспочвенном экспериментаторстве.

Елена Алексеевна. Ты хороший, ты хороший, не злись.

Вадим Антонович. Поверь, милая, она будет именно такая. Твоя беда в том, что сначала ты всеми восторгаешься, а потом не знаешь, как от них отвязаться...

В Доме культуры занимался хореографический коллектив, пятнадцать девочек и один южно-смуглый мальчик.

Вдоль трех стен этого зала — палка, у которой они проделывают свой урок. Вдоль четвертой стены — составное зеркало.

Елена Алексеевна вела занятие.

— И... раз! И... два! Первая позиция, руки и — раз! И — на эфасе! На пальчиках, остренько, как лошадки. Ножки гордые, красивые! Спинки держите. На ручку посмотрели. Коленки еще выворотней... Марина! Надо улыбаться, улыбаться надо! Головки красивые! Девочки, не халтурьте. И... сели на арабск. Э-эх, плохо!

Ольга сидела неподалеку от нее на скамье.

Елена Алексеевна. Мы любим, когда кто-нибудь присутствует. Пусть учатся преодолевать стеснительность. Обрати внимание вот на эту, третью справа, Флора. Когда был фестиваль, она покорила Москву.

Флора закинула ногу на палку, внимательно глядя на себя в зеркало.

Галя, брызгая из лейки на пол, шла вдоль станка.

Елена Алексеевна. Почему, Галя, ты так тяжело ходишь? Десять пудов прошло.

Галя смотрела на мать, безмятежно улыбаясь.

Елена Алексеевна (*хлопнула в ладоши*). Приготовились. Стали по четыре. Флора, поменяйся, пожалуйста, с Ирой местами. Плие... Руки — это главное. Руки и глаза. Руки вздохнули! Отдайтесь нам! Арабеск, акарте назад, гран батман жете и — плие. Начали!

...Веками отлитые движения, повороты, округло плывущие руки (*«ручки» называют здесь*), взлеты медлительных «вывернутых» ног (*«ножки» называют их здесь*) и взлет, полет, перелет по воздуху над землей, отдельно, оторванно от земли, заодно с воздухом, почти с небом, когда «спинка» выгнута и «ручки» округлы и «ножки» словно одна продолжение другой летят, стелются параллельно далекой, забытой на пять мгновений, земле...

Елена Алексеевна. На Флору, на Флору смотри. У нее нет таких уж особых данных. Шаг — средний и прыжок средний. У нее душа не средняя.

Девочки отдыхали. Южный мальчик отошел в сторону, стоял, облокотясь на палку, как будто попал сюда случайно и не имел к ним никакого отношения.

Елена Алексеевна. Плохо, что у нас нет мальчиков. Трудно придумывать номера. Нашего Резо в школе дразнят балериной. По-моему, он ходит сюда только из-за Ани, у них, кажется, роман. Резо и Флора, приготовились. Вступление к танцу.

Пианистка заиграла вступление к танцу.

— Резо, не тащи ее за руку. Не приказчик идет — интеллигент девятнадцатого века. Веди ее внимательно, восхищайся ее красотой. А ты идешь впереди, будто муж уже сорок лет, собственник. Тебе что, она не нравится? Нет, нет, она тебе не нравится. Смотри, что ты делаешь.

Елена Алексеевна изобразила, как девушка летит, волоча за собою оглядывающегося по сторонам партнера.

— На нее смотри, не на меня.

Резо. Я в зеркало смотрю.

Елена Алексеевна. Я-то воображаю, что он на меня смотрит, а он, оказывается, на себя. Так, начали. Торжественный, праздничный польский, чуть-чуть надменный танец...

Флора шла, подав руку Резо. Не шла, а гордо и счастливо ступала.

Елена Алексеевна. Оля, тебе не скучно?

Ольга. Что вы!

Елена Алексеевна засмеялась, отвернулась, сказала что-то девочкам, показала слегка, особенно не стараясь, новую комбинацию. Понаблюдала, что у них получается, обругала, снова засмеялась...

В сквере на скамейке сидели Резо и Аня. Обоих припорошил снег. По другую сторону дорожки сидела Галя.

Аня. Иди сюда!

Галя. Чего это я буду вам мешать!

Аня. Резо, ну позови ее, что она там сидит.

Резо. Галя, ну что ты в самом деле!

Галя (*встала, быстро подошла к ним*). Атас! Вон она идет.

Резо. Что она за нами таскается, честное слово.

Аня. Мы сами за собой ее таскаем, мать велит.

Резо. Скоро уедет?

Галя. Мы так хорошо ее развлекаем, что, боюсь, она останется здесь навсегда.

Аня. Одно спасает: когда она начинает выхваляться, можно отдохнуть. Ее надо только навести на тему.

Резо. Хотите, я приведу ее в норму?

Галя. Ее нельзя обижать, она сирота.

Аня. Главное, никуда не спрячешься, у нее нюх какой-то.

Ольга (*еще издали*). Это вы? А я иду и думаю: вы или не вы?

Галя. Это мы. Как ты нас нашла?

Ольга. А я иду, иду, просто гуляю. И вдруг вижу: кто-то сидит...

Г а л я. Познакомьтесь — это Реваз. Вам есть о чем побеседовать, он тоже собирается поступать в ПТУ.

О л ь г а. Правда?

Р е з о. Мечтаю. Правда, еще не выбрал, в какое.

О л ь г а. Тут самому надо разобраться, к чему у тебя склонность. Но в принципе — очень советую.

А н я. Расскажи ему про свое училище. Ты знаешь, им присвоили звание «Училище высокой культуры».

О л ь г а. Что там! Наше училище — вообще лауреат премии Ленинского комсомола.

Г а л я. Только понимаешь, Оля, какая сложность, у него главная склонность — это литература. Он даже воплотил это в стихотворной форме. «Люблю урок литературу, она нам всем дает культуру, писателей мы узнаем и все хорошее от них берем».

О л ь г а. А у нас литература очень хорошо поставлена, мы же проходим все общеобразовательные предметы! За три года ты получаешь законченное среднее образование и в то же время у тебя специальность. Ты уже самостоятельный человек!

Г а л я. Если бы я была самостоятельный человек, я поступила бы на курсы кройки и шитья.

А н я. А я бы лучше устроилась в гормясорыбторг.

Р е з о. Тогда уж лучше в горплодоовощ.

Г а л я. На худой конец в горвторсырье.

А н я. Или в горснабпотребсоюз.

Р е з о. Или в торгпосредконтору...

О л ь г а. А пошли вы к едрене фене.

Голос у нес сделался хриплым, блатной.

Р е з о. Пardon?

О л ь г а. Отвали, мон шер.

Р е з о. Вас плохо вижу. Прием.

О л ь г а. Очки надень, мышь белая. Балерина из Берлина.

Елена Алексеевна возила по полу воющий пылесос и потому плохо слышала, что говорил ей муж. Пришлось выключить.

Вадим Антонович. Где моя рубашка, не видела?
Елена Алексеевна. Тебе сейчас, в эту минуту нужна рубашка?

Вадим Антонович. Если бы я был уверен, что к нам сегодня никто не придет...

Елена Алексеевна. Кто к нам сегодня придет, ты болен.

Вадим Антонович. Тогда я не буду одеваться. Буду жить в пижаме.

Елена Алексеевна. Живи в пижаме.

Позвонили в дверь.

Вадим Антонович. Вот она, идет.

Елена Алексеевна. Кто идет?

Вадим Антонович. Эта, твоя.

Елена Алексеевна. Почему она моя?

Вадим Антонович. Она к тебе ходит, а не ко мне. Тогда что, одеваться? Где что? Где рубашка? Рубашки нет. Где свитер?

Елена Алексеевна. Ничего не надо, сиди у себя. Я скажу, у тебя разболелась голова.

Вадим Антонович побрел в свою комнату.

Елена Алексеевна (*впустила Ольгу*). А где девочки?

Ольга. В кино пошли.

Елена Алексеевна. А ты почему не пошла?

Ольга. У них было только три билета. Но это ничего, фильм я и дома увижу, а к вам уж оттуда не доберешься.

Елена Алексеевна. Почему три билета? А кто третий, Резо? Я же им сказала!

Ольга. Елена Алексеевна, честно говоря, мне даже лучше посидеть с вами. Если только я вам не помешаю.

Елена Алексеевна. Конечно, посиди.

Ольга. Вадим Антонович дома?

Елена Алексеевна. Он лежит, у него голова разболелась.

Ольга. А что такое?

Елена Алексеевна. Ничего страшного, у него это бывает.

Ольга. Значит, мигрень.

Елена Алексеевна. Ему в таких случаях нужен только покой.

Ольга. Но есть простое средство! Я вас научу, и вы всегда будете им пользоваться. Это массаж. От переносицы вниз и под глазом.

Елена Алексеевна не успела остановить ее. Ольга постучала в дверь.

— Вадим Антонович!

Вадим Антонович *(болезненно)*. Да.

Ольга. Можно к вам?

Вадим Антонович. Заходи...

Ольга зашла.

Вадим Антонович в пижаме лежал на кожаном диванчике.

Ольга. У вас мигрень?

Больной смотрел на жену, которая стояла позади. Она дала глазами понять, что ничего не могла поделать.

Ольга придвинула стул к диванчику.

— Закройте глаза, будем делать массаж.

Вадим Антонович. Зачем?..

Ольга. Я в детдоме всех лечила, даже врача. У вас с обеих сторон болит или с одной?

Вадим Антонович. С одной.

Ольга *(растирая руки)*. Вам будет только приятно. *(Приступив к массажу)*. Разговаривать не надо.

Вадим Антонович. Спасибо, уже прошло.

Ольга. Не могло пройти так быстро.

Вадим Антонович. Но я говорю, что прошло, мне же лучше знать!

Ольга. Это обманчивое впечатление.

Зазвонил телефон.

— Ничего, я возьму трубку... Алло. Вадим Антоновича? Сейчас. Лежите, я вам поднесу.

Вадим Антонович *(в отчаянии, что придется с кем-то разговаривать, но произнес приветливо и весело)*. Да?.. Ах, это ты!

Он даже приподнялся на диване, как будто собеседник мог его видеть.

— Живу ничего, живу ничего. Ты когда приехал?

Елена Алексеевна *(приоткрыла дверь)*. Кто это?

Вадим Антонович (*замахал на нее рукой, чтоб уходила*).
К нам-то, к нам когда? А ну, давай! Давай, ждем!

Елена Алексеевна. Кто, кто?

Вадим Антонович (*опять замахал на нее рукой*). Привет тебе тут!.. Да, да, и нам привет. Словом, приходи...

Он положил трубку и сказал, досадливо перекосившись:

— Петр приехал.

Елена Алексеевна. Боже мой.

Вадим Антонович. Что такое? Что — боже мой?

Елена Алексеевна. Обед же нужно!

Вадим Антонович. Какой обед! Через двадцать минут он будет здесь. Да он и всего на час, от самолета до самолета.

Елена Алексеевна. Да ведь надо же как-то принять.

Вадим Антонович. Что же я должен был сказать? «Посиди в самолете, мы еще не готовы»?.. Можешь не беспокоиться, он принесет барана, разведет на кухне костер и станет делать шашлык.

Елена Алексеевна. Оля, пошли на кухню.

На кухне все было домашнее, уютное. Не интернатские котлы и чаны, а семейные кастрюльки и сковородки. Ольга была весело деловита — рядом с Еленой Алексеевной, вокруг Елены Алексеевны, — и все получалось у них слаженно и быстро.

Ольга. А кто придет?

Елена Алексеевна. Это крупный ученый, знаменитость. Они вместе учились с Вадимом Антоновичем, были друзьями. Вадим Антонович — он ведь тоже очень одаренный человек. Когда мы с ним познакомились, он был еще аспирантом, но уже тогда от него много ждали, я имею в виду научные способности. И у него прекрасный голос, он поет! То есть пел, теперь уже перестал. Он сочинял экспромты, причем не каламбуры какие-нибудь, а настоящие стихи! Да что там...

Это была большая для нее тема.

— Беда в том, что Вадим Антонович не волевой человек. Как только родились наши девочки, а я еще с утра до ночи в театре, все легло на него. Он растерялся, бросил свою

диссертацию. И вот теперь, когда к нам залетает Петр, мне кажется, что Вадим Антонович немного расстраивается. А я чувствую себя виноватой.

Ольга. Вы-то при чем? Вы-то при чем?

Елена Алексеевна. Я виновата, что ему пришлось жениться на мне. И главное — две девочки, вот чего он не ожидал.

Ольга. Какая разница, ей-богу, где один, там и двое.

Елена Алексеевна. Где один, там и две, где двое, там и трое, все так...

Ольга. Странно. Вы такая интересная женщина, а так унижаетесь. Что ни говорите, ваш супруг мрачный, нелюдิมый человек. Вы совсем другая. Ведь я сама такая же, как и вы. Мне необходимо, чтобы вокруг были люди. Я не могу без людей. Я другой жизни не понимаю.

Елена Алексеевна. У тебя, наверно, в Свердловске много друзей?

Ольга. У меня со всеми хорошие отношения, я хорошо контакту. Но с кем-то дружить отдельно от всех — это я не люблю. Потому что тогда возникают секреты от других. А я за глаза ни о ком не говорю. Все равно дойдет до человека, только в искаженном виде. Я все в глаза говорю. Потому я и с вашими дочками не могу найти общий язык. Если бы нас связывала учеба или комсомольские дела — тогда все стало бы на свои места.

Елена Алексеевна. Кажется, мои злодейки пришли. Вошли Аня, Галя и Реваз.

Елена Алексеевна. Почему вы не взяли Олю в кино? Прошу вас...

Галя. Будет сделано.

Елена Алексеевна. Теперь так. Приехал Петр.

Аня. Приехал Петр.

Галя. Его глаза...

Аня. Сияют. Лик его ужасен.

Галя. Движенья быстры. Он прекрасен.

Резо. Он весь, как божия гроза.

Теперь к приему гостя стали готовиться все члены семьи. Вадим Антонович вышел из своей комнаты уже в костюме, постоял, посмотрел и вдруг начал суетиться, бегать,

поднял парусом скатерть, перестелил ее, сдвинул и снова раздвинул шторы. Жена смотрела на него с укором.

Вадим Антонович. Есть хочется.

Елена Алексеевна. Я пока могу что-нибудь тебе дать. Только не наедайся, скоро будем обедать.

Он стал шататься по комнатам, изображая предстоящий разговор.

Вадим Антонович. А где вам больше понравилось, Петр Никанорович? В Англии или во Франции? Но вам, наверно, надоели такие вопросы? А помните, как вы?.. А помните, как мы?.. Все помнит, подумать только! Нисколько не зазнался, просто поразительно! Смотрите, какой он скромный, смотрите, как он стесняется!

Елена Алексеевна. Не мешай, Вадим. Выбери себе какое-нибудь место и посиди спокойно.

Вадим Антонович подчинился, выбрал стул в углу комнаты и продолжал, обращаясь уже к одной Ольге.

Вадим Антонович. А помните, Петр Никанорович, как вы забегали сюда пообедать, в таком вот пальтишке, а вот у этого окна вам ставили раскладушку, она так и называлась: Петина раскладушка. Запомни, Оля, эти слова и потом проверь. Запомнишь?

Зазвонил телефон.

— Иногда хочется подключить к телефону пленку с записью: «Вадим Антонович просит считать его несуществующим».

Елена Алексеевна. Подойди же!

Вадим Антонович. Сейчас он перестанет.

Но звонки продолжались.

— Иду, иду. Вот я уже беру трубку, вот я уже улыбаюсь, черт побери! (*В трубку.*) Слушаю вас... Петя? Лена, это Петр! Так мы ждем! Что?.. Лена, он не может!

Елена Алексеевна. Как не может! Спроси почему.

Вадим Антонович. Лена спрашивает почему! То есть это мы спрашиваем почему!.. У него конференция: это постоянно с ним происходит.

Елена Алексеевна. Скажи, пусть хоть покажется.

Вадим Антонович. Петр, ты хоть покажись! Все хотят тебя видеть!.. Говорит, не может.

Елена Алексеевна. Какая досада!

Вадим Антонович. Какая досада! Ну что делать — беги. (Лене.) Он бежит. (Положил трубку.) Кто же будет есть мамонта!

Елена Алексеевна. Ты нехорошо говорил с ним. То, что вы друзья, еще не дает тебе права...

Вадим Антонович. Да, начинаешь понимать, как это важно: уметь все делать вовремя.

Елена Алексеевна. Что ты имеешь в виду?

Вадим Антонович. Я никогда не умел вовремя улыбнуться, отпустить невольный комплимент... Ведь впоследствии, через какое-то время, необходимость в этом отпала бы. Но зато тебя уже все уважают. И улыбаются уже тебе...

Елена. Господь с тобой! Ты считаешь, что это Петр улыбался?

Вадим Антонович. А может, как-нибудь ненароком и улыбнулся? А? Незаметно для себя?

Ольга. Известных людей легко критиковать. Всем почему-то хочется выискивать недостатки. Отсюда и анекдоты. Хотя вообще-то я люблю анекдоты. Например, пьесу «Горе от ума» народ растаскал на анекдоты.

Галля. На пословицы.

Елена Алексеевна. Она оговорила.

Ольга. Я что-то не так сказала?

Аня. Все так.

Вадим Антонович. Ну кто же в этом городе достоин съесть этого мамонта?

Ольга. Может, позвать кого-нибудь в гости?

Резо. Можно позвать девочек.

Ольга. А тебе только девочек. Елена Алексеевна, интересно, почему грузины...

Елена Алексеевна. Остановись. Была не была, звоните девочкам.

Вадим Антонович. Вы считаете, что девочки достойны?

Ольга. Девочки неплохие.

Вадим Антонович. Звонить буду я. Легче жить надо, товарищи, легче.

Пошли звонить в прихожую. Елена Алексеевна и Ольга остались.

Ольга. Нет, Вадим Антонович тоже неплохой человек. Непьющий, нескандальный.

Хореографические девочки сидели вокруг стола тихие, пряменькие и по глоточку отпивали из рюмок, по кусочку брали из тарелок.

Елена Алексеевна. Катя, Вера, Аня, Галя, Флора пьют только лимонад. Остальным можно немножко вина.

Вошел Вадим Антонович, приодетый, веселый.

— Салют.

Сел рядом с женой, быстро разлил, выпили вдвоем.

Елена Алексеевна. Надо хотя бы раз в полгода вот так собираться. Кто никогда не веселится, тот обкрадывает себя.

Вадим Антонович. Внимание! Мамонт остается на столе — небольшой танцевальный антракт!

Он пригласил Елену Алексеевну, стал танцевать с нею современное, да так лихо, будто он прошел у нее балетный тренинг. За ними поднялись и девочки. Только Резо и Флора остались за столом, у них свой неслышный разговор.

Вадим Антонович, подражая жене, восклицал:

— Спинки держите! Улыбаться, улыбаться! Головки красивые, девочки, не халтурьте! Гран батман жете и плие!

Елена Алексеевна. Вот сейчас ты хороший. Запомни, какой ты сейчас, и постарайся таким быть всегда.

Ольга перенесла свой стул к двери в прихожую и села там, чтобы никому не мешать.

Но Елена Алексеевна и здесь углядела ее и сказала укоризненно:

— Оля!

Ольга замотала головой, что ей, мол, очень хорошо, и не скучно, и все в порядке. Елена Алексеевна подтолкнула к ней мужа.

Вадим Антонович. Приглашаю.

Вадим Антонович стоял перед нею, ухмыляясь, как гуттаперчевый клоун, от уха до уха.

Ольга. Я не умею так!

Вадим Антонович. А мы будем так, как вы.

С ней Вадим Антонович плясал еще потешнее — делал вид, что швыряет через плечо один ботинок, потом другой ботинок, потом пиджак...

Галя и Аня, обе хмурые, вышли в прихожую и там о чем-то совещались.

Резо сидел рядом с Флорой. Оба были прижаты столом к стенке и выбираться оттуда не собирались.

Вадим Антонович проводил Ольгу к столу, усадил.

Ольга. Вы развеселились.

Вадим Антонович. Потому что я понял, в чем главная беда человечества. В пожизненной конкуренции. В детские годы — кто выше подпрыгнет, кто быстрее добегит. Потом — конкуренция по поводу служебных успехов и жизненных благ, то есть опять-таки кто выше подпрыгнет... Нет! Отметаю своды правил, условий и другой мур. На этом точку я поставил и с богом вышел из игры. Кто хочет — ловит, салит, тащит, кто хочет — бьется в стенку лбом. Отныне скромный и молчащий, поставил точку я на том.

Ольга. Елена Алексеевна говорит, что вы целиком зависите от своих настроений.

Вадим Антонович. Это она тебе говорила?

Ольга. Мне, а что?

Вадим Антонович. По какому же поводу? У вас был обо мне разговор?

Ольга. Был, а что?

Вадим Антонович. Что же она еще говорила?

Ольга. Зачем вы ставите меня в трудное положение, это говорилось не для передачи.

Вадим Антонович. Не хочешь, я у нее спрошу.

Ольга. Вот этого не надо делать. Получается, что она говорила мне, а я разболтала.

Вадим Антонович. А ты и так уже разболтала.

Ольга. Что вы, как маленький, ей-богу! Девчонки так выясняют, кто о ком что говорил.

Вадим Антонович. Но это моя жена. Интересно же мне знать, что обо мне говорит моя собственная жена.

Ольга. Ничего плохого о вас не говорилось, даю вам слово.

Вадим Антонович. А если плохого не говорилось, почему ты скрываешь?

Ольга. Я не скрываю, а просто неудобно.

Вадим Антонович. Тогда я все-таки спрошу у Елены Алексеевны.

Ольга. Ну, хорошо. Только дайте слово, что будете молчать.

Вадим Антонович. Даю слово.

Ольга. Ну, она, например, говорила, из-за чего у вас подавленное состояние. Из-за того, что вы не добились больших успехов в жизни, а другие добились.

Вадим Антонович. Что же, она права.

Ольга. Вот видите? Она вас понимает, она болеет за вас, разве это плохо? Я, кстати, тоже считаю, что это не причина для переживаний. Есть люди более способные, более удачливые, а есть менее.

Вадим Антонович. Значит, я менее.

Ольга. В каком-то смысле да.

Вадим Антонович. И это тебе говорила Елена Алексеевна?

Ольга. Это любой скажет. Даже у нас в училище. Надо знать, от кого можно требовать большего, а кого надо похвалить и за тройку. Зависть — это самое страшное чувство. Всегда найдется кому завидовать. Ну вот, я вижу, у вас опять испортилось настроение.

Вадим Антонович пошел в прихожую, стал одеваться.

— Куда! У вас же гости!

Вадим Антонович. Не у меня гости, а у вас гости.

Ольга. Да вы и нездоровы, для вас теперь самое опасное — холодный воздух. Елена Алексеевна!.. Я скажу, что вы уходите.

Вадим Антонович. Отстань.

Ушел.

Ольга. Елена Алексеевна! Ваш муж куда-то ушел.

Елена Алексеевна. Куда ушел! У него же горло, на улице мороз! Что произошло?..

Ольга. Я не знаю.

Елена Алексеевна. О чем вы с ним там говорили?
Ольга. Мы о вас говорили, о том, как вы его понимаете, как за него болеете...

Елена Алексеевна. За что я болею?

Ольга. За то, что он не добился успехов в жизни. Ничего плохого я не сказала.

Елена Алексеевна. Зачем ты вообще об этом говорила?

Ольга. Просто зашел разговор.

Елена Алексеевна. Как он зашел? Почему он вдруг мог зайти? Кто тебя просил обсуждать эти вопросы! Кто тебя уполномочил!..

Елена Алексеевна накинула пальто, схватила платок и отправилась искать мужа.

Проигрыватель замолк.

Ольга (*стоит перед Резо и Флорой*). Что же вы не танцуете?

Флора. А?..

Резо. А что?

Ольга. Я говорю, все танцуют, а вы сидите.

Флора. Правда. Сидим, сидим...

Девушка поспешно встала. Но Резо за руку усадил ее на место и уставился на Ольгу.

Резо. А кто танцует? Никто не танцует.

Ольга оглянулась: правда, никто не танцевал.

Резо. Что дальше?

Флора. Не надо.

Ольга. А ты, Резо, ничего не понимаешь. Какой хороший.

Резо. Что ты все хлопчешь? Я с тобой не знаком. Я видел тебя один раз в жизни. Что тебе от меня надо?

Ольга. Ладно, не злись. Тебе не идет, когда ты злишься.

Резо. Ну, ты дождешься. (*Ушел.*)

Галя и Аня заговорили шепотом, быстро-быстро. Галя настаивала, Аня возражала. Потом вдруг, обе сразу, — тоже на улицу.

Ольга. Теперь, наверно, я за хозяйку? Ну что же, ничего страшного, вечер продолжается. Все за стол, пока пирог не остыл.

Девочки сели за стол.

— Но у нас такое правило: никто ни за кем не ухаживает. Каждый берет сам себе.

Девочки брали пирог, молча ели, запивая из рюмочек кому можно — вино, кому нельзя — лимонад.

Но вдруг, сразу все, непонятным способом договорившись, одновременно встали.

— Спасибо.

— Спасибо, мы пошли.

Ольга. Почему? Вы уйдете, а они вернуться. И никого нету. Неудобно же!

— Нам пора.

Возникла небольшая толкотня, но оделись быстро.

— До свидания...

— До свидания...

Ольга постояла, не зная, что делать дальше. Принялась убирать со стола. Странно было одной в чужом доме заниматься хозяйством. Стулья стояли как попало, стол прижат к стене. Разгром.

Вернулась Елена Алексеевна.

— Где все?

Ольга. Ушли.

Елена Алексеевна. Что так быстро?

Ольга. Резо на меня обиделся. Тогда за ним Аня с Галей ушли. А тогда и все остальные ушли.

Елена Алексеевна. За что он на тебя обиделся? Ольга. Не знаю.

Елена Алексеевна. А почему Аня с Галей ушли?

Ольга. Они, по-моему, за Резо обиделись.

Елена Алексеевна. Ну и размах у тебя.

Ольга. Когда вы ушли, я растерялась и, может быть, сказала что-нибудь лишнее.

Елена Алексеевна. Что именно?

Ольга. Не знаю. Что-нибудь могла и допустить.

Елена Алексеевна. Припомни, пожалуйста.

Ольга. Резо сидел рядом с Флорой, вот здесь за столом. Я спросила, почему они не танцуют. Я сначала даже не поняла, на что он разозлился. Но когда поняла, то и сама разозлилась. Вчера с одной, сегодня с другой...

Ольга сказала это только для того, чтобы Елена Алексеевна простила ее и пошутила в ответ. Но та молчала. Тогда она поняла, что на самом деле пора отсюда уезжать. И сказала уже серьезно, деловито:

— Я, пожалуй, завтра уеду.

Елена Алексеевна. Что же, наверно, пора. У тебя там свои дела...

Ольга. Да и вообще уже поздно, не буду больше вас утруждать.

Елена Алексеевна. Куда?

Ольга. На вокзал. Переночую в комнате отдыха, а утром домой.

Елена Алексеевна. А места есть?

Ольга. Неужели вы думаете, что я останусь на улице? Плохо же вы меня знаете.

Елена Алексеевна. Переночуешь у нас.

Ольга. Ни за что.

Она лежала на раскладушке, закрыв глаза. Но не спала и потому слышала шепоты Гали и Ани.

Г а л я. Как ты думаешь, она идейная или глупая?

А н я. По-моему, и то и другое.

О л ь г а. Спокойной ночи.

А н я. А Флорка. Ну, тихая.

Г а л я. Резо тоже хорош.

Стараясь не скрипеть сеткой кровати, Галя встала и принялась изображать Резо. Тогда Аня тоже поднялась и стала изображать Флору.

Ужимки их превратились в потешный танец. Этот танец понравился Ольге. Она вскочила с раскладушки и принялась плясать вместе с ними что-то свое, полугородское, полудеревенское.

Сестры остановились, снова улеглись.

О л ь г а. Девки! Хорошо же! Попляшем! Я за парня могу. Я в самодеятельности всегда за парня плясала!

Г а л я. Ну, ты за парня и высказаться можешь, слышали.

О л ь г а. А пошли вы...

Г а л я. Вот-вот.

Родители стояли в дверях.

Елена Алексеевна. Что такое? Девочки! Да и ты, Ольга...

Аня. Это наши дела, мама, все в порядке.

Елена Алексеевна *(увела мужа)*. По правде говоря, устала я от нее. Боюсь волевых людей. Представь, вырастет...

Вадим Антонович *(обнял, для нее неожиданно)*. Хорошая. Хорошая. Такая умная. Такая цельная, гармоничная натура. Рабочая лошадка моя, таскает, готовит, стирает, моет, утешает, прощает, таскает, готовит, терпит... Тогда, раз уж все равно не спим, послушай сочинение.

Жена моя! Мой друг! Такие
слова испошлены вконец.
Как тот, кто их сказал впервые,
хочу сказать: союз сердец.
Союз двух душ. Моя опора.
Учитель мой в годину бед.
Жизнь закругляется. И скоро,
возможно, я. И ты вослед.
Жена моя, там встречи нет...

Елена Алексеевна *(засмеялась)*. Но зачем же так мрачно-то, под конец! Вадя! Так хорошо начал.

Утром Ольга стояла над Аниной кроватью, не зная, будить ли ее, чтобы попрощаться. Решила разбудить.

Ольга. Аня!

Аня. Что...

Ольга. Я уезжаю.

Аня. Куда?

Ольга. Куда, домой.

Аня. Ну да, ты домой уезжаешь. Который час?

Ольга. Полседьмого. Я бы не стала тебя будить, но скорей всего я больше сюда не приеду, хотела попрощаться.

Аня. Ну что же, счастливого пути... А Галю ты разбудила?

Ольга. Может быть, ты ей передашь? А то я не знаю, удобно ли.

А н я. Удобно, удобно, иначе она обидится.

Ольга стала будить Гаю.

Ольга. Галя, прости, но я уезжаю. Я не стала бы тебя будить, но мы, наверно, больше не увидимся...

Галя. Мы ведь уже попрощались вчера! Который час?

Ольга. Полседьмого.

Галя. Боже мой!

Ольга. Я не хотела уезжать, чтобы осталось что-то недосказанное. Наверно, я надоела вам. Тогда простите.

Галя. Простили, простили. До свиданья, пиши, я сплю.

Едва Ольга приоткрыла дверь в комнату Вадима Антоновича, он вздрогнул, застонал и проснулся.

Вадим Антонович. Что случилось?

Ольга. Вадим Антонович, я уезжаю.

Он пошарил на столике часы, посмотрел.

Вадим Антонович. Заснул в три часа. Где Елена Алексеевна?

Ольга. Она одевается.

Вадим Антонович. Зачем?

Ольга. Хочет меня проводить.

Вадим Антонович. Куда?

Ольга. Я ей говорила, что не надо.

Вадим Антонович. В аэропорт ходит автобус, зачем провожать?

Ольга. Не знаю, она хочет.

Вадим Антонович. С ума все походили.

Ольга. Вадим Антонович, я хотела попросить прощения за беспокойство.

Вадим Антонович. Все походили с ума.

Ольга. Я не хочу, чтобы вы обо мне вспоминали плохо.

Вадим Антонович. Да, да. Конечно, какой разговор. Спал три с половиной часа. Как все это изматывает. Лена!

Ольга. Не надо, Вадим Антонович, не ругайте ее.

Вадим Антонович. Совершенно выбит из колеи. Остудел. Лена! Где она там?..

Ольга шла по темной еще улице. Проговорила печальное, поэтическое;

Мальчик куда-то шагает по снежному полю...

Подумала, сказала иначе:

Мальчик в ушанке по снежному полю шагает...

Захотелось еще поэтичней:

Мальчик по снежному полю шагает печально...

Ее слушали сотрудники детского дома, кто не был занят с детьми.

О л ь г а. Очень привлекательная женщина, имею в виду внешность. Белокурая, с карими глазами.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Очень привлекательная. И как же она объясняет?

О л ь г а (*не обратив внимания на иронию*). Как она объясняет. Все и просто и сложно. Тогда она училась в балетном училище. И там она полюбила своего соученика. Совсем еще молоденькая, семнадцать лет. Но когда у нее родился ребенок, это была я, — отец оказался трусливым человеком. Что ей оставалось делать? Пришлось бросить училище и отдать меня в Дом младенца. Но учтите, что сама она, чтобы все время находиться рядом, устроилась туда же санитаркой.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Почему же сбежала?

П о в а р и х а. Ты слушай, Наташа. Слушай!

Мало кто так жаждет легенд, как воспитательницы и няньки детских домов. Необыкновенные усыновления, неожиданно найденные родители, раскаяние матерей...

О л ь г а. А дальше — что. В нее влюбляется молодой аспирант. Познакомились случайно, в компании. Человек бесхарактерный, не приспособленный к жизни. Но она ответила на его чувство. И тут — да, совершила ошибку: не решилась сразу сказать, что у нее есть ребенок. Откладывает разговор со дня на день, со дня на день, а тем временем аспирант уезжает в Москву. Что делать молодой женщине? Она бросает Дом младенца и едет за ним. Рассчитывает там, на месте, во всем признаться и тогда уже взять ребенка к себе. Но не тут-то было. Вдруг у нее рождается еще дочка.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Вдруг.

На это общественность откликнулась еще более сурово.

П о в а р и х а. Не придирайся к словам.

Старшая воспитательница. Ты дежуришь? Иди дежурь.

Нянька. Молодая еще судить.

Ольга. Правда, хотите слушайте, хотите не слушайте. И так, муж, я уже сказала, человек безвольный, легко падает духом. Конечно, ребенок осложнил ему жизнь. И главное, его диссертация. Перед мамой встал вопрос: что же, повесить ему на шею еще одного ребенка? Таким образом, признаться стало еще труднее.

Старшая воспитательница. У нее и в письме было, что муж — тяжелый человек.

Ольга. Это правда, он нервный, к нему надо привыкнуть. Но он имеет на это право. Теперь это крупнейший ученый, все время научные эксперименты, которые, конечно, требуют напряжения. Мировая известность тоже накладывает ответственность. Непрерывно летает, сегодня в Ташкент, завтра где-нибудь в Париже... И в тоже время — совсем простой, что его отличает — это скромность. Но вот вдруг у него рождается еще одна дочка, вторая. Причем обе очень способные девочки.

Воспитательница. Ну, а сейчас-то она хотя бы ему призналась?

Ольга. Сейчас? *(Она не была готова к этому вопросу и несколько сбилась.)* Сейчас-то, конечно, призналась.

Воспитательница. И что он?

Ольга. Против всех ожиданий, отнесся прекрасно. Даже ругал ее, что молчала до сих пор.

Повариха. Шестнадцать лет промолчала! Волевая женщина.

Ольга. Конечно, трудно. Ей надо было сознаться уже не только в том, что у нее растет дочь, но еще и в том, что она столько лет скрывала!

Воспитательница. А если бы ты сейчас к ней не поехала? Значит, так все и осталось бы? Сама она так и не собиралась тебя разыскивать.

Нет, эту историю не должно дискредитировать. И общественность возмутилась.

Нянька. Что ты привязалась? Ведь кончилось хорошо.

Старшая воспитательница. Будем гадать: искала бы, не искала бы. Ведь она ее приняла?

Ольга. И еще как! Вхожу в квартиру, спрашиваю: «Мне Елену Алексеевну». Это, говорит, я. Сразу в прихожей начинаю рассказывать, в чем дело. Но только успела начать — она в слезы. Она стоит плачет, и я стою плачу.

Воспитательница. Теперь что же и не поплакать. Взрослая дочь, сама зарабатывает.

Нянька. Зачем дочь восстанавливать против матери? Кому это на пользу?

Воспитательница. Я не восстанавливаю, но она должна учитывать все.

Повариха. Честно говоря, я не верила, что так удачно получится. Редкий случай, чтобы человек с годами изменился к лучшему.

Ольга. А почему вы думаете, что она изменилась? Если хотите знать, именно плохие люди не делают ошибок в жизни. Они все прикинут. А хороший человек — вот он-то и может совершить ошибку. Нет, как любят судить! Хотя еще неизвестно, как они сами поступили бы в таком положении. И чего ей это стоило — только я знаю. И какие у нее были трудности в жизни. И она через все это прошла.

Повариха. Работа какая-то странная. Ведет кружок и все?

Ольга. Не кружок, а коллектив. Хотя она могла бы работать и в театре. Но она не хочет, потому что любит свою работу, любит своих учениц, хочет весь свой опыт передать им. Разве плохо? И дома жизнь идет интересно. Все время гости, встречи с интересными людьми, взаимные сюрпризы. И зачинщик всего этого — мама.

Повариха. Ты ее так и звала — мама?

Ольга. Сначала звала Елена Алексеевна, потом она говорит: «Если можешь, зови меня, пожалуйста, мама». Но я так до конца и путалась. То Елена Алексеевна, то мама.

Нянька. Как же ты теперь? Она там, а ты здесь.

Ольга. Летом опять съезжу. А кончу училище — сразу к ним. Уже навсегда.

В директорской комнате было тихо. История выдержала испытание. В детском доме одним преданием стало больше.

Александр Володин

Ольга с подружкой стояла в вестибюле общежития.

О л ь г а. Сначала я просто так сказала, не знаю почему. Потом смотрю — все только этого и ждут: как я ее нашла, как я ее полюбила, как она меня полюбила...

П о д р у г а. В общем, завралась.

О л ь г а. Теперь возникает такая проблема: раз я ее нашла, значит, я должна ехать к ней. Как же это — нашла и вдруг не поеду. Как будто все обязательно живут с матерями.

П о д р у г а. Есть, наоборот, хотят отделиться... Скажи, что привыкла жить свободно, хочешь жить одна.

О л ь г а. Но она и правда женщина необыкновенная, это объективно. Разве только родственников можно любить? Прежде всего она всегда хочет помочь людям в беде. К ней со всего дома приходят дети, и она им объясняет непонятное. Хотела подарить мне платье, но я не согласилась.

Она протянула руку к своей ячейке в стенном ящике для писем, достала конверт.

— Вот как раз письмо от нее.

П о д р у г а. Читай, читай, я пойду.

Подруга ушла.

Ольга разорвала конверт, достала письмо. От волнения запинаясь, стала читать: «Дорогая Ольга! Спасибо за письмо и фотографии. У нас есть для тебя новости. Вадим Антонович все-таки сумел кое-что для тебя выяснить. Васильева Елена Александровна, которая работала у нас медсестрой, живет в городе Торопец Калининской области. Работает в городской больнице. Судя по всему, это и есть твоя мама. Мы решили, что ты должна это знать, хотя сведения о ней не слишком обнадеживают. У нее есть слабость. Ты, наверно, догадываешься, какая. Она злоупотребляет спиртными напитками. Не знаю, что тебе посоветовать...»

Ольга стояла на вокзальном перроне в маленькой очереди у вагона. В одной руке она держала чемодан, в другой — коробку с тортом.

БЕЖЕНЦЫ

Очевидец (*впоследствии он же, возможно, будет Петруччо*). Так, представьте себе средневековое предместье средневекового герцогства. Вдалеке, на возвышенности виднеется средневековая башня. А на некотором расстоянии — другая башня на возвышенности повыше и со шпилем. В одной башне живет герцог попроще, в другой герцог познатней. Там же, наверху, обитают, так называемые, Благородные. А здесь, внизу, в сером предместье обитает простолюдь.

Теперь — кратко, конспективно о некоторых нравах тех времен. Свидетельство очевидца. Вот из трактира выходит сонный трактирщик и провозглашает:

— Але! Але! Ставлю в известность население, что отныне мой трактир открывается на час раньше!

О ч е в и д е ц. А из другого трактира выходит, например, другой трактирщик.

В т о р о й. Любезные сограждане! Объявляю! Отныне мой трактир открывается на полтора часа раньше! Ха!..

П е р в ы й. Интересно, когда же ты будешь разбавлять водой свое пойло под названием «Эль»? Ха!..

В т о р о й. Да если бы я наполовину разбавлял бы мой «Эль», в нем и тогда было бы больше градусов, чем у тебя, дуrolом! Обозначил свое третьегоднешнее пиво — ха! — «Кварта!»

П е р в ы й. Ну, вижу, пора расшибить твою башку моей «Квартой»!

И швырнул свою кружку в того дуrolома. Однако, дуrolом метнул свою кружку в первого. И оба прикрылись своими ставнями как щитами.

О ч е в и д е ц. Далее появляется, скажем, башмачник. И, торжествуя, провозглашает:

П е р в ы й б а ш м а ч н и к. Эй! Слышал? Герцог заказал себе туфли все же мне, а не тебе, сапожник холодный!

Второй (*тут же появился*). Лупоглазый ты мой! Герцог оригинал, это известно. Да и денег тебе не видать! Лизоблюд ты мой!

Первый. На мой век хватит, козел ты мой!

Второй. Как знать, козел! Тринадцатый век на дворе, вкусы меняются! Не то раз — и останешься в дураках!

Первый. А знаешь, почему у тебя дело не ладится? Зависть тебя заела! От зависти руки дрожат!

На этот раз второй запустил в него колодку. На это первый тоже запустил в него колодку. И довольные, разошлись.

Очевидец. Тут, предположим, распахнулись ставни окна под красным фонарем и миловидная женщина облокотилась на подоконник. Раскрылось другое окно под красным фонарем и более пышная, но тоже миловидная облокотилась на подоконник.

Первая. Поговаривают, ты понизила таксу, подруга?

Вторая. Кто это тебе донес?

Первая. Те, кого не смущает дороговизна.

Вторая. Не обольщайся, они идут к тебе потому, что ты принимаешь без очереди инвалидов и школьников. А у меня живая очередь.

Первая (*мелодично рассмеялась*). Очередь? Что-то не замечала.

Вторая. Злишься много, оттого такая тощая.

Первая. Да, у меня шестое место в герцогстве по тонкости талии.

Вторая. Ну, четвертое место по объему бюста — все же престижней.

Первая. Мучного надо поменьше есть.

Вторая. А в Африке есть местность, где общепризнано, что полнота — это красота.

Первая. Вот и отправлялась бы в Африку.

Вторая. После того, как я тебя придушу.

Первая. Попытайся.

И выбежала и бросилась на вторую с бюстом. Выбежала и вторая, которая с талией.

Как вдруг вторая воскликнула:

— Идет! Идет!

— Кто? Кто?

— Да тот! Тот! Петруччо! Который по непонятной причине покинул герцогский двор и умотал, считается, неведомо куда! А вот, оказывается сюда?

— Вот это да!..

Миловидные оправили свои полуодеяния, открывая себя взорам. А Петруччо между тем уже появился. В белом плаще Благородного. И поклонился дамам. А те изящно присели в ответ и целомудренно удалились. А вслед за ним, как бы прогуливаясь, появился Шут. На колпаке его колокольчик. Склонившись перед Петруччо, он счел надобным объяснить свое появление.

— Потешное недоразумение. Герцог распорядился, чтобы я срочно явился к нему. А мне забыли передать. Знаете, как у нас? И я не явился, и Герцог разгневался. Словом, правая рука не знает, что делает левая. Это я говорю иносказательно. И вот брожу у моря, жду погоды, пока он не отойдет. Вольный перевод с латинского.

Петруччо. Короче, шут. Тебя ко мне приставили, чтобы ты их потом повеселил. Иди, весели.

Шут. Поверьте, мне это было неприятно. Но войдите и в мое положение. Чем веселить? Посидели на завалинке и все? А где смешное?

Петруччо. Им нужно смешное? Тогда хотя бы вот. Была, скажи, у него смешная дуэль. Сам не помнит из-за чего. Словом — вызов. А проткнуть человека ему, мол, неохота. Приношу извинения. А тот ни в какую. Тут вопрос чести. Пришлось. *(Наболело, потому и говорит)*. И вот, теперь он ходит вот так. *(Показал, согнувшись под прямым углом)*. Так и будет ходить до конца своей жизни! И главное — то и дело встречается мне! На каждой улочке! Нарочно попадается мне на глаза!

Шут. А что, вообще-то забавно. *(Изобразил того, кто под прямым углом)*. Но наше интервью, прошу прощения, не закончено. Вы любопытный фигурант.

Петруччо *(вгляделся в сторону дороги)*. А вот это за мной.

Послышался голос поспешающего человека:

— Эй, вижу вас! Все равно вижу!..

На площадь выбежал человек из благородных. Тоже в белом плаще. Горожане смотрели в окна.

Благородный. Так... Сейчас... Минутку... Я, благородный, вызываю... на поединок вас, благородного, по причине, вам известной... Вплоть до перелома кости или же полного лишения чувств жизни. Вот только отдохну.

Петруччо. Виноват, но причину, честно говоря, не припомню.

Благородный. Не прикидывайтесь!

Петруччо. Вы знаете, решительно не припомню.

Благородный. Замечательно. Я напому вам. Прозлым летом, на трапезе у герцога вы заняли место за столом, которое как по годам, так и по всему остальному подобало не вам!

Петруччо. В таком случае вам следовало бы вызвать на поединок не меня, а герцога. Ведь это он усадил меня на неподобающее место.

Благородный. Герцог рассеян, вы же должны помнить свое место всегда!

Петруччо. К тому же это случилось так давно. Почему же вы не вызвали меня сразу же, не откладывая?

Благородный. Тогда у меня был поврежден сустав.

Петруччо. Вот теперь я припомнил эту досадную историю. Едва я заметил, что вас это обидело, я хотел заметить герцогу, что он усадил меня на чужое место.

Благородный. Но вы же не пересели обратно!

Петруччо. А вот это обидело бы его.

Благородный. Значит, герцога обидеть нельзя, а меня можно? Словом, приступим, я отдохнул.

Петруччо приблизился к нему и что-то неразборчиво сказал.

— Что, что?.. Как, как?

Петруччо (*с неловкостью*). Я готов принести вам свои извинения.

Благородный (*испугался*). Так что же, так я и останусь в дураках? Что получится? Вы уедете, с вас взятки гладки, но я-то остаюсь!

На площади тем временем появился другой Благородный из обедневших. Он тоже очень поспешал сюда.

Второй Благородный. Здесь. Прекрасно. Думал, скроешься, милейший? Не так просто! (*Обратился к первому*

Благородному.) Вы, как я понимаю, находитесь здесь по той же причине. Но попрошу вас уступить свою очередь мне. Надеюсь, что вы...

Первый. Да почему... однако, вы на это надеетесь?

Второй. Да потому, что у меня, уверяю вас, более веская причина.

Петруччо. Но какая у вас-то причина? Хотелось бы знать и мне!

Второй. Благородный. А вам и невдомек?

Петруччо. Абсолютно.

Второй. Позвольте назвать вам одно имя.

Петруччо. Если вас не затрудит.

Второй. Паула.

Петруччо. Подумать только. Паула. В каком смысле?

Второй. В простом, зайчик мой, в самом простом!

Петруччо. Помилуйте, я с ней словом не обмолвился.

Второй. А взглядом? Взгляды эти ваши!

Петруччо. Мой?

Второй. Ну, ее, какая разница!

Петруччо. Вот это да. Толстушка Паула?

Второй. Толс... как вы сказали?

Петруччо. Виноват, я хотел сказать, пышная Паула, то есть в хорошем смысле. Это, собственно, ее даже красит!

Второй. Так. *(Скинул плащ, остался в кожаной рубашке и коротких штанах.)* Исполняйте свой долг, зайчик!

Первый. Благородный. Пойдите, приятель. Мы, кажется, так не договаривались. Я первый нашел его.

Второй. Но я же попросил у вас разрешения!

Первый. Но я же не дал вам его! И кстати, вы не в первый раз перебегаете мне дорогу.

Второй. Когда? Когда!

Первый. А вы не знаете.

Второй. Прекрасно, раз уж об этом зашла речь, то смею вспомнить, и вы не впервые торчите на моем пути.

Первый. Что же, вот случай разрешить эту проблему раз и навсегда.

Второй. Я не сделаю вам больно, я сверну вам шею быстро как петуху!

Они скинули плащи, согнулись и, волоча по земле длинные руки, стали медленно ходить по кругу. Горожане молча смотрели из окон. Но вот бойцы ринулись друг на друга. Этот поединок немного напоминает потасовки акробатов-эксцентриков, которые перекидывают партнеров через себя, поднимают их с земли на голову, вертят и вертятся сами, и выворачивают противника в направлении, обратном тому, как это было задумано Богом. И первый Благородный повержен в прах. Боком, как краб, он покидает площадь. А второй, под одобрительные возгласы горожан, вернулся на исходную позицию и обратился к Петруччо:

— Что же, теперь ваша очередь... Вот, отдохну... немного.

Однако победитель чувствует себя из рук вон плохо.

Он стоит, пошатываясь, свесив голову на грудь.

Петруччо. Видите, как нехорошо получилось. Теперь придется лежать. Хорошо еще, если нет скрытых переломов. А вечером у герцога танцы. Теперь это все уже не для вас.

Второй. Вам посчастливилось, сейчас я не в форме... Но когда я буду в форме...

Петруччо. Разумеется.

Поддерживая поврежденную руку, Благородный удалился.

Шут. Все так. Но что же со мной, ваша честь? Меня же вызвали, как вы понимаете, специально... Должен напомнить, что у меня три поощрительных приза за остроумие.

Петруччо. Я тебя уважаю.

Шут. Мы на ты? Хорошо, я не благородный. Но и вы теперь, как я понимаю. Хотя, от себя не убежишь. Как бы пословица, народная мудрость.

Петруччо. Я не от себя бегу.

Шут. От себя, от себя. Все от себя бегут. Моя мысль. А ведь здесь ты человек был. А там ты кто будешь?

Петруччо. Где — там?

Шут. Там, куда ты бежишь.

Петруччо. Я и сам еще не знаю, куда я бегу.

Шут. А вот мне сдается, что ты никуда не убежишь.

Петруччо. Я жду. Должна прийти дама. Впрочем, может быть, и не придет. Но на всякий случай надо подождать. А ты иди.

Ш у т. Куда идти-то! Я ведь по твою душу пришел. Образное выражение. И должен признаться, кое-что для меня тут есть. И для легкой шутки, и, извините, для сарказма.

П е т р у ч ч о. Пошел, кретин. И подальше уйди, чтобы мне не наткнуться на тебя.

Ш у т. Ты не наткнешься — я наткнусь. Пути Господни неисповедимы. Цитата.

Ушел.

Город тем временем возвращался к мирной жизни. Заблеяла овца. Залаяла собака. Зазвонил колокол.

Первый башмачник, совершая прогулку по площади, проследовал мимо окон второго башмачника. Второй башмачник тоже проследовал и тоже удалился на покой. Трактирщик протирал полотенцем глиняную кружку, поглядывая на окно второго трактирщика, где тот тоже протирал кружку, независимо поглядывая на него. Миловидная дама приблизилась к окну, чтобы подышать воздухом и расстегнуть застёжки платья. Обнаженно мелькнула в окне и вторая миловидная дама. Спать тогда ложились рано. Вот уже в окна запыльхали одеяла. Одно за другим окна погасли, подул ночной ветер.

Молоденькая девушка (*по виду служанка*) появилась на дороге.

П е т р у ч ч о. Ладно, чапай, чапай, клоун. Ко мне дама.

Ш у т. Круто сказано. Осваиваете местный жаргон? (*Пригляделся*). Ах, так вот твоя дама? На служаночек потянуло? Тогда предупреждаю. Она крепко на якоре стоит. Бывший Благородный... Чапаю. Но — на время. Учти, бывший...

Удаляется, по пути ушипнув служанку.

Та отвесила ему оплеуху.

На том и разминувшись.

С л у ж а н к а. Здравствуйте, Ваша Милость. Госпожа велела, чтобы Вы немедленно вернулись.

П е т р у ч ч о. Скажи госпоже, что это исключено.

С л у ж а н к а. Госпожа сказала, что все можно еще исправить. Она берет это на себя.

П е т р у ч ч о. Скажи госпоже, что я не хочу исправлять. Я хочу портить дальше.

Служанка. Госпожа хотела поговорить с вами лично в своей опочивальне. Она говорит, если вы не придете, то между вами все кончено.

Петруччо. Значит, все кончено.

Служанка. Тогда подождите минутку, она здесь и сейчас подойдет.

Петруччо. Она здесь!

Служанка. Но она сказала, что никогда этого вам не простит.

Служанка ненадолго исчезла. Послышался горячий шепот.

Госпожа появилась внезапно. Она была закутана в шаль. Она зябла и простуженно кашляла.

Она. Простите, что у меня такой вид. Я простужена.

Петруччо. У вас прекрасный вид!

Она. Бросьте!

Она обняла его, засмеялась, посмотрела в глаза пронизательно и весело.

— Ну что? Как настоящий мужчина убежал от большой любви? Была бы поменьше, остался бы?

Петруччо. Я убежал не от тебя.

Она. От кого же? Ты был мой. Значит, убежал от меня. Правда, подружка моя, Доротея, на что-то рассчитывала. Но не тут-то было.

Петруччо. Промокла! В такую ночь, больная!

Она. Ну. Как же вы собираетесь жить дальше? Конкретно. Там же нужна какая-то профессия, или как это у них называется?

Петруччо. Буду куплетистом.

Она. Зачем вам это! Так уж невозможно жить здесь? Люди живут.

Петруччо. Не могу видеть этого. Которому сломал позвоночник. Я не хотел. Теперь он ходит вот так. *(Показал, согнувшись под прямым углом.)* Так теперь и будет ходить до конца жизни. И все время, то и дело встречался бы мне. Нарочно попадался бы мне на глаза.

Она. Да это же страшный человек! Вспомни, какой он был, когда ходил еще так! *(Показала, как ходил, выгнувшись величаво.)* Хитроумный, вкрадчивый такой вампирик! И вот, ты из-за него бежишь от меня?

Петруччо. От тебя?.. Ты знаешь, чего мне это стоит. Я от этой жизни бегу. Базар больных честолюбий. Все самоутверждаются. «Я такой. А ты какой? А я — вот такой!» Я думал: как жил, как живу, будет так продолжаться до ста лет. Вдруг разом! Все лопнули связи! Зависимости, неудобства! Один лишь поступок! Простое решение! И — к Богу, и к черту! Разнузданная беззаботность! Всем мир объявляю почетный! В дорогу! Куда? А, не знаю, по белому свету!

Она. Пешком?

Петруччо. Ну и что? Подвезут по дороге — подъеду.

Она. Там будет лучше?

Петруччо. Будет иначе. И этого достаточно.

Она. Нет, дорогой мой, всюду одно и то же. Будет только помельче, пожалуйче. Станешь куплетист по нумерации талантов, скажем, номер семнадцать. Это в лучшем случае. А восемнадцатый будет тебя подсиживать.

Петруччо. Согласен быть девятнадцатым.

Она. А хозяин из благородных, который пригласит тебя для развлечения гостей, будет тебя демонстрировать: смотрите, это тот самый Петруччо, который сбежал в куплетисты. Неужели тот! Быть не может! Поразительно, во что может превратиться человек! Полюбопытствует: «Петруччо, рассказал бы нам, как ты, что ты. Доволен ли своей жизнью?»

Петруччо. По-разному, хозяин, как когда.

Она. Где же ты теперь обитаешь, бедняга?

Петруччо. Где придется, хозяин.

Она. Где же ты хранишь свое имущество, дружок?

Петруччо. Вам известно, что у меня нет имущества.

Она. Что же у тебя есть, плут? Не может быть, чтобы у человека так уж ничего и не было!

Петруччо. Свобода у меня есть, хозяин. Одна только свобода. А так, из наличности больше ничего.

Горожане в ночных колпаках, облокотясь на подоконники, внимательно слушали их.

Она. Свобода. От всего? И от долга? И от чести? И от стремления к совершенству? А ведь это закон жизни. Это хороший закон. Лучшие становятся примером для других. А если они немного красуются, можно простить. Многим

это стоит жизни. Нет, милый, рыцарская честь чиста как белый снег. Заслуг ее тебе не счесть, и не поднять на смех. Нет, милый, рыцарская честь — сестра веселых зорь! Предателю — укор и месть. Насильнику — позор. Что нас хранит от суеты до самых поздних лет? Наивной юности мечты, гербов старинный свет. Нет, милый, рыцарская честь — за всех, кто угнетен. О, рыцарство! Победы весть, надежды женской стон... Его мечей умолкнет звон, поржавеет доспех — но станет рыцарства закон навек законом всех...

Петруччо. Посидим на прощанье.

Он сел на землю. И она села. Петруччо смотрел на нее. Она смотрела в сторону. Горожане смотрели на них.

Она. Мы прощаемся как думаешь, навсегда?

Петруччо. Хочу верить, что нет.

Она. А я хочу, чтоб навсегда...

На сцену вышла молодая женщина, гримерша. Она подошла к Петруччо — тот поднялся, и стала накладывать на его лицо черты возраста. Реквизитор накинул на него что-то живописное, хотя и потрепанное. Вручил простенький музыкальный инструмент, наподобие виолы. Тем временем Она тоже поднялась и, скорбно глядя на Петруччо, исчезла.

Прошли годы.

На подмостках Петруччо и еще один куплетист, тоже с инструментом и такого же потрепанного облика. Они сидят в ожидании и, видимо, уже давно.

Куплетист. А здорово ты его подсек. Я, признаться, тоже хотел ему сказать, но, думаю, ладно. «Где, говорит, хранишь свое имущество?» «А вам известно, граф, — нет у меня имущества!» «Что же, говорит, у тебя есть?» «А свобода, граф, — больше ничего!»

Петруччо. Интересно, долго они там?

Куплетист. Откушают — вызовут. Наше дело торчать тут наготове. Да еще заплатят ли? Там ведь все со вкусом. Сейчас у всех вкус. Опозоришься — погонят и до свидания не скажут. О! Вот взгляните-ка, это поучительно. Первый наш тащится. Талант ты наш, популяр ты наш, номер один!

Только номер-то твой уже под сомнением, и не встретил-то тебя никто! Все, тишина.

Куплетист № 1 вошел, вперил в коллег тяжелый взгляд.

— Здорово, братцы.

Куплетисты поднялись.

— Да сидите вы, чего там.

И сам присел.

— А давно вы так?

Куплетист. Да вот, вас ждем. Это ведь вы у нас главный, а мы так, гарнир. Позвольте представиться...

Первый. Давайте уж попросту, а то нет памяти на имена. По гамбургскому-то счету, вы кто?

Куплетист (*смутился*). По гамбургскому-то счету номер восемнадцать.

Первый. Чего же смущаться. Лучше быть твердым восемнадцатым, чем проблематичным первым.

Куплетист № 18 (*засмеялся шутке*). Ну уж, вам ли уж... Ну, вы скажете! Но мое имя действительно не стоит запоминать. А вот его имя — Петруччо — с вашего разрешения!

Куплетист № 1. Да ну. Тот Петруччо?

Куплетист № 18. Тот, тот!

Куплетист № 1 (*заволновался*). Ехал сюда — чувствовал: что-то должно случиться. Давно хочу встретиться с вами! Разъезды эти чертовы. Не принадлежал себе. Теперь принадлежу, разъездов стало меньше. Что, кстати, симптоматично. Есть вопросы. Именно к вам. Может быть, один вопрос... (*Обратился к восемнадцатому.*) Слушай, друг. Прости меня ради Господа и не обижайся. Пошел бы погулял. Такой случай...

Куплетист № 18. Вас понял. Но если вам когда-нибудь понадобится сбегать за спичками — кликните меня. (*Исчез.*)

Куплетист № 1. Как вы решились? Вот что меня поражает! Ведь это поступок! Я ведь тоже подумываю: а что, если взять и отказаться? Уйти в тень. Подальше, далеко. Пока не поздно. Но возможно ли — уйти? Все равно мы числимся. У всех, от кого, казалось бы, ушли. Любой на виду, как на ладони. Им даже интересней, когда мы начинаем дергать лапками как лягушки под током. Ее уже нет в живых,

а она дергается. Любопытно же наблюдать! С другой стороны: я далеко, мне их не видно, для меня не имеет значения, чем я у них там числюсь! Ведь так можно рассудить! Хотел задать вопрос, а заговариваю вас, прошу прощения. Вот вопрос: почему вам пришла в голову эта мысль? С чего началось?

Петруччо (в затруднении). Началось-то, собственно, незаметно. Я и не знал еще, что это началось...

Куплетист № 1. Вы не теоретизируйте, это и я умею. Что толкнуло? Конкретно.

Петруччо. А толкнуло, пожалуй, вот что: в каком-то бестолковом поединке повредил человеку позвоночник. После этого он согнулся пополам. Вот так он ходит, вот так!.. И каждый раз, как он попадался мне на глаза, я сворачивал в первый попавшийся закоулок. Перестал ходить по улицам, где мог его встретить! Но он — как нарочно, как нарочно! Ходил по всем улицам!..

Куплетист № 1. Да, это причина... Простите, я слушаю, слушаю, просто немного устал. Сегодня с утра какой-то негодяй испортил настроение на целый день: хвалит песенки этого пенкоснимателя, Рейнальдино. Ну, того, который выцыганил себе приз на межпровинциальном фестивале. Не знаю, как вы к нему относитесь, но мне сдается, что у него даже в песнях о смерти слышится самодовольная улыбочка популяра... Вот так живем ради сомнительных оценок сомнительных ценителей. Рабы престижа. Кстати, вы, я слышал, по-гамбургскому — семнадцатый? Берегитесь восемнадцатого. Рейнальдино совсем недавно был третьим, потом съел второго, теперь хочет закусить мной.

Петруччо. Что касается меня, то, сказать по чести, мой порядковый номер не имеет для меня большого значения. Я же не учился петь песенки, имею право не уметь! Но зато — зато! Прежде я все время был занят мыслями о себе самом, все время как бы поглядывал на себя со стороны. Теперь же у меня открылись глаза на все вокруг! Брести по дорогам, нести, что стоит и то, что не стоит. Я клоун, политик, философ! Я эпикуреец, я стоик! Где страхи, тревоги? Унынье, заботы, обиды? Дороги! Пороги! Разнообразные виды!.. Нет, не думайте, что я все вижу в розовом свете, я не слепой.

Я понял, что покоя и равновесия нет нигде. Да, мне невтерпех видеть достоинство, которое просит подаянья. Видеть, как ложь глумится над простотой, видеть ничтожество в роскошной одежде...

Первый. Постой, постой, как ты сказал? Ничтожество в роскошной одежде... Ничтожество в роскошном одеянье... Это неплохо. И вот тебе — справедливость: ты куплетист номер семнадцать, а этот пенкосниматель — знамя прогресса. Но ты мыслишь! А он? У меня все ученики говорят, что он бездарен! «Ничтожество в роскошном одеянье». Ему было бы непонятно, что это значит! Или даже вот: мне невтерпех видеть... Мне видеть невтерпех достоинство, что просит подаянье. Да ведь и еще что-то такое было — как это, про ложь. Ну да, над простотой глумящуюся ложь. Именно — над простотой. В яблочко. Именно над простотой. Благодарение Богу, что у меня такая память.

Петруччо. Когда эти ничтожества, эти нули выносят свои бестолковые приговоры всему и всем! Иной раз — совершенству, которое они не в силах оценить!

Куплетист № 1 (*возбуждаясь все более*). Да! Да! И совершенству ложный приговор!

Петруччо. Но дело даже не в этом, не в призвании, не в славе. Что с теми, кто и защитить себя не может? Что вам говорить. Женщины! Поруганная девственность, да еще нагло, грубо...

Куплетист № 1. И девственность, поруганная грубо! Эту мысль, прости, я у тебя украду. Не девушка, поруганная грубо, а именно девственность, поруганная грубо. Образ непривычный, но иной раз можно и рискнуть... (*Записал.*) Ну, что ты замолк? Говори, что тебе еще видеть невтерпех?

Петруччо (*польщен, растерян*). Еще? Не знаю... Вообще, честно говоря, — все!

Куплетист № 1 обнял его. Затем настроил свой инструмент, стал перебирать струны. Аккорд, другой — предчувствие вдохновенья — забормотал:

...Мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,

та-та-та-та, как там (*заглянул в запись*)
над простотой глумящуюся ложь,
ничтожество в роскошном одеянье...

Отворилась дверь парадной залы, в гуле застолья и звоне чаш вошел Хозяин. Увидел Куплетиста № 1. Раскрыл объятия, но на расстоянии.

— Драгоценный вы наш! А мы тебя ждем!

Куплетист № 1. А я уже здесь.

Хозяин. И ничего не говорят, вот люди! Уволю!

Куплетист. Ладно, это мелочи жизни... Но — дурацкое положение! Честно говоря, я в растерянности. Охота запереться и остаться с собой наедине. Как-то осмыслить. А потом уж выходить на люди с песнями. Вам бы лучше пригласить этого пенкоснимателя, тот всегда готов, прямо завидно.

Хозяин. Потому-то мы и пригласили не его, а тебя!

Куплетист № 1. Ну, не знаю... (*Беспомощно обернулся к Петруччо.*) А что, если взять и исполнить им эту штуку? Сымпровизировать. Рискнуть. А?

Хозяин. Что ты спрашиваешь, конечно рискни!

Куплетист (*захохотал*). Но — предупреждаю: возможен скандал. Тем более, что — буквально сейчас, вот здесь, ничего законченного...

Хозяин. Экспромт? Тем лучше! Я так и объявлю, что экспромт! Присутствуем при рождении песни!

Куплетист № 1 (*прикрыл глаза, подергивая струны, забормотал*):

...и совершенству

ложный приговор

и девственность,

поруганную грубо...

И совершенству ложный приговор...

И девственность, поруганную грубо...

Так верней. Хотя все равно пока еще не то... А! Была ни была! Ругай меня, мой друг.

Петруччо. К черту.

Куплетист № 1. Что?

Петруччо. К черту — это я ругаю вас.

Куплетист № 1. А, спасибо...

Куплетист от волнения неуклюже направился в залу.
Петруччо сидел, прикрыв глаза.

— Камилла! Что ты там топчешься! Заходи, никого нет.

Со двора, быстро оглядевшись, вошла служанка. Теперь это вполне зрелая уже девушка и пышет здоровьем.

— Здравствуйте, сударь.

Петруччо. Да, да, здравствуй...

Служанка. А мы видели, как вы прятались от нас в саду. Госпожа расстроилась.

Петруччо. Я не хотел ее компрометировать.

Служанка. Об этом поздно уж думать.

Петруччо. Что ты имеешь в виду?

Служанка. К ней уже не относятся серьезно. Над ней посмеиваются ваша милость.

Петруччо. Что же они находят в ней смешного?

Служанка. Невежды подтрунивают над госпожой из-за вас...

За спиной появился шут. Тоже проник со двора.

— Кто тебя звал сюда! А ну, пошел! Вот, скажите ему. Проходу не дает, не отогнать.

Шут. Привет, куплетист.

Служанка. Обращайся к его милости как должно, шут!

Шут. Да ведь мы с тобой теперь почти что собратья, куплетист? Скажи ей.

Петруччо. Ты прав, почти собратья.

Шут. Почему же ты смотришь на меня сверху вниз, приятель?

Петруччо. Тебе это кажется

Шут. Хотя, верно. Это я по привычке смотрю снизу вверх.

Петруччо. Возможно.

Шут. Что же, когда-нибудь ты мне и за это заплатишь.

Служанка (*выталкивая его*). Слов не понимает.

Шут. Видишь, как со мной? Смотри, плата растет!

Служанка. Прошу прощенья, ваша милость.

Петруччо. Говоришь, она расстроилась?

Служанка. Она надеялась, что у вас более завидная участь. Честно говоря, я тоже надеялась.

Петручко. Как видишь, она менее завидная.

Служанка. Госпожа изъявила желание поговорить с вами наедине. Ей отвели комнату для гостей.

Петручко. Не хотелось бы лишний раз появляться. Ненужные вопросы.

Служанка. Тогда можно еще проще. Сейчас она как раз здесь, поблизости. Если вы не против... Госпожа!

Через мгновение появилась Она. Время сказалось и на ней, она немного поблекла. Стояла, пристально глядя на Петручко.

— Видно, жизнь и тебя не обласкала.

Петручко. У меня отличное самочувствие, превосходно идут дела, единственное, что немного беспокоит — замечательное настроение.

Она. Почему ты не подошел ко мне?

Петручко. Не хотел тебя смущать.

Она. Чего там. Теперь... Что бы со мной ни происходило — все равно смешно. Дама, от которой так смешно улепетнул поклонник. Но меня одно утешает: что бы с ними ни происходило, мне тоже смешно. *(И вдруг вскричала.)* Мое сердце пустует, злодей ты мой!..

Петручко. Но как же теперь? Что же — теперь! Ты всегда была умней, скажи!

Она. А я знаю? Теперь — ничего...

Петручко. Нет!

Она не ответила.

— Нет!

Она не отвечала.

В парадной зале взорвались аплодисменты. Слышны возгласы, короткие мужские, пронзительные женские: «Браво!» В двери появился куплетист. За ним повалили гости. Не обошлось без забавного недоразумения: его самого едва не затолкали. Усталый певец протягивал руки поклонникам. Дамы трепетали поодаль, ожидая своей минуты. Смелые решались приблизиться, бормотали беспомощные слова. Певец тоже робел, но внимательно выслушивал каждую.

— И главное, смело! Смело! — оглядываясь, переговаривались молодые.

— Вот это место: «Ничтожество в роскошном одеянье!» И ты, граф! Мог принять на свой счет!

— Да это мог принять на своей счет не он один!.. И вот вам пожалуйста, властитель дум. А мы говорим, никого нет!

— Смотрите, граф обнял его. Все-таки молодчина, умеет стать выше этого.

Петруччо и Она стояли у противоположных стен, через головы гостей смотрели друг на друга.

— Как вам? — обратились к Куплетисту № 18, который тоже здесь.

— Не знаю, может быть, я и тупица, но мне не все, мягко говоря, понятно. Нет, конечно, гениально, кто спорит! «Над простотой глумящаяся ложь». А так — что говорить, просто на одном дыхании.

— Выхватить случайную строчку — это не довод! — возмутилась девушка.

— Положим, и в случайности должна быть гармония, — возразили ей.

— Но «чем случайней, тем вернее!» — сказал поэт. А здесь и случайно, и неверно.

— Ну уж, если совсем строго судить, то в строфах нет логической общей связи.

— Поразительно! Почему никто ничего не понимает! — вскричала девушка. — По-моему, тут сплошная логика! Тут логика сплошная!

— А я считаю, что все это вы напрасно, — заметил знаток. — Ничего такого я здесь не вижу.

— Чего — такого?

— Ну, такого, о чем вы здесь говорили.

— Мы говорили разное.

— Да, есть досадные срывы, есть просчеты, порой чего-то и не хватает. Сочинил строчку, поставил точку — и все. А глядь — недоделано.

— Не знаю, а мне, если хотите, недостает внутреннего трагизма.

— Да перестаньте вы, господа! — вмешался Хозяин. — И трагизм есть, и все. Но вот я послушал — и на душе у меня

светло! Да эта штука посильней, нежели «Божественная комедия» Данте Алигьери! От всех нас низкий вам поклон!

И снова все дрогнуло от грома аплодисментов и ликующих восклицаний. Аплодировали и оппоненты.

Как вдруг — для двоих смолкло все. Люди сделались беззвучны. И Она в тишине сказала:

— Смотри, Петруччо, какие все сделались хорошие. Были бы такие всегда, как прекрасно стало бы жить! А я и не слышала, что он там такое пел, что все сделались такие. Попросить бы списать слова.

Петруччо. Начинает как-то так: «...Я смерть зову. Мне видеть невтерпез достоинство, что просит подаянья... Над простотой глумящаяся ложь, ничтожество в роскошном одеянье...» Дальше не помню. Боюсь, что такое дается один раз. Если больше у него не получится — будет терзаться до конца жизни.

Она. А я ведь тоже думала обо всем этом!

Петруччо. И я думал об этом. Об этом все, собственно, думают.

Она. Отец мой скончался от вина. Подруги надо мной потешаются. Герцог опять собирается воевать, у него никогда это не получалось, опять куда-нибудь эвакуируемся. Речка наша обмелела, в доме холод, нет денег на дрова... Достоинство, что просит подаянья... Платья, которые не понадобятся в дороге, я продала, так что на первое время нам хватит.

Петруччо. Как хорошо, что речка обмелела! Как хорошо, что дороги дрова! А герцог, что воюет неумело, — прощай! Качай без нас свои права! Отныне как безмерны будут ночи! Отныне как огромны будут дни! Как светел этот мир, наш дом как прочен! А годы, что остались, как длинные!

На сцену вышла гримерша. Она постарела. Небрежно кладет на лицо Петруччо серый тон. Затем подошла к его женщине.

Она. Мне не надо.

Гримерша. Прости, подруга, замоталась.

Реквизитор разбрасывает действующим лицам разнообразную рвань, закопченные чугунки, котелочки.

Меркнет свет.

Осторожные костры горели на голом склоне. Здесь обитали беженцы:

— Кто это здесь? Расположился. Это наше место, мы занимали.

— На кладбище место займи.

— Тут плащ был свернутый. Где плащ?

— Кинь ему.

— Мама, он ко мне пристаёт!

— Не пищи, кому ты нужна, сопливка!

— Тут лепешка лежала, кто лепешку спер?

— Старик здесь ошивался.

— Вот он ко мне и приставал!

— Нужна ты ему, он лепешку сташил. Куда старик пошел, кто видел?

— Ни у кого ничего нет, а у него лепешки.

От костра к костру.

— Холодрыга.

— Хороший герцог начинает войну весной, а не осенью.

— А если ихний герцог обозвал нашего герцога осенью, что же ему, терпеть полгода?

— А поговаривают, что это наоборот наш герцог обозвал ихнего «прелюбодей».

— Ну, наш герцог мог себе это и позволить. Кто он по знатности и кто — тот. Можно сравнить?

— А я слышал, что все же это именно ихний герцог обозвал нашего «прелюбодей». А уж в ответ на это наш герцог возразил, что он сам прелюбодей.

— Ну и обратили бы это в шутку. А то сразу воевать...

У ближнего костра Петруччо, Служанка, Шут.

Ш у т. А вот ты, наша милость, вращался в тех кругах, наверное в курсе. Наш-то, по знатности, на каком примерно месте?

П е т р у ч ч о. Давно было, давно, не помню. Кажется, делит с кем-то первое и второе место. Не помню, с кем... Но заметьте — дикость: судьба ловит нас на пустяках. И карает,

не разобравшись. Кто попадется под руку! А вот исправить свою ошибку уже не может. И вот, она мертва. Она хотела что-то мне сказать. Это было видно по глазам. То, что помогло бы мне жить дальше. Ведь надо жить дальше. И не успела сказать — как.

Ш у т. Вот тут ты прав. Парадокс! Кому, наоборот, абсолютно нечего сказать — тот обязательно воспользуется случаем. Рядом со мной какой-то ландскнехт. Испускает дух. Его последние слова были: «С завтрашнего дня бросаю курить». А знакомый трактирщик...

П е т р у ч ч о. Все бегут, ливень, паника, слышно, как пули хлещут по воде, а она хохочет, что-то ее насмешило... С другим, с таким же веселым, как она, ей, наверно, было бы лучше. И она, главное, жила бы! Но кто он — другой? Перебираю — не нахожу.

С л у ж а н к а. Не вините себя, сударь. У госпожи была счастливая жизнь. Сколько женщин живут вовсе без любви? Возьмите хоть меня. Сердце мое пустует.

П е т р у ч ч о. Что остается? Пройти оставшуюся дорогу без нее?

Ш у т. Не хотелось бы прерывать вашу куртуазную беседу, но там кто-то скачет.

Слышалось шлепанье копыт по грязи. Вдали, у крайних костров смолкли. Донесся голос:

— Кто такие?

— Беженцы, беженцы! — отвечали беженцы.

— Доблестные беженцы! — ветер относил голос.

— Что сказал? Кто такой? — переспрашивали беженцы.

— Доблестные беженцы! — говорит.

— Мне поручено общить вам рошую ешь!

— Поручено сообщить весть! Хорошую весть!

— Тивник онес желые отери бежит!

— Противник понес тяжелые потери и бежит!

— Важные ежениы!

— Отважные беженцы!

— Ожете щаться мой!

— Можно возвращаться домой!

— К своим гам!

— К своим гам.

— Каким гам?

— Неважно, домой!

— Можно возвращаться.

Посланец ускакал.

— Так, собираемся. Смотрите внимательно. Все смотрят, чтоб ничего не забыть.

— Кто там спит? Будите бабулю!

— А это зачем? Тоже берем?

— Мало ли, все берем, все!

— Костры погасить.

Кричали дети, перекликались женщины. Вот уже потянулись первые. Тени в свете гаснущих костров страны.

С л у ж а н к а. А мы-то что сидим? Давай, бродяга, помогай.

Ш у т. По-моему, нас тут двое бродяг. Очнись, разреши побеспокоить, трогаемся!

П е т р у ч ч о. Куда?

С л у ж а н к а. Куда все, ваша милость.

Поле быстро пустует.

П е т р у ч ч о. А все вон уже обратно.

Беженец, который поспешал обратно, приостановился.

— Эй, вы! Оказывается, этот, который прискакал, — не нашего герцога был человек! Его кто-то прямо в лицо узнал! Это был того герцога приспешник! Перепутал в темноте, принял нас за трусливых беженцев того герцога! Надо наоборот не туда бежать, а туда бежать!

Отправился дальше.

Появились уже и другие беженцы. На ходу поясняли тем, кто еще не успел тронуться в путь.

— Оказывается, это не тот герцог понес потери, а наш герцог понес!

— ...превосходящими силами противника!

— ...призывает всех, кто способен носить оружие! Бросил клич!

— ...все, кто способен держать в руках оружие — под знамена!..

Ш у т. Ваша милость, вы слышали? Клич герцога. Мне сдается, что вы еще способны носить оружие. Не пора ли

вспомнить, что и вы некогда числились благородным человеком!

Служанка. Он и сейчас благородный, и нечего!

Шут. Благородные люди сейчас проливают свою кровь за дело герцога!

Петруччо. Жаль, что он так заботится, чтобы корона у него сидела чуть набекрень, два пальца над бровью. На остальное у него не хватает душевных сил.

Шут. Но сейчас речь идет не о герцоге, а о вас!

Служанка. Ваша милость, прогоните его.

Петруччо. Куда он пойдет? Ночь.

Служанка. Я знаю, почему вы не хотите его прогнать. Потому что вам со мной скучно. Бойтесь остаться со мной наедине.

Шут. Для наглядности он меня не гонит, для наглядности, дорогая. Чтобы всем было ясно, как я ничтожен по сравнению с ним.

Служанка. Смотрите, я терплю, хотя, по совести говоря, он должен быть наказан.

Петруччо. Ничего, он выговорится, ему станет легче.

Шут. Да уж, позвольте выговориться. Так на чем я остановился? Что люди проливают кровь. Выражение как бы образное, но кровь настоящая. Можно, конечно, и переждать. Но от людского суда не уйдешь!

Служанка. Он дурак, не слушайте его. Но ведь люди-то тоже дураки. Жить-то с ними? Пока герцог не бросал клич, ладно. Но когда бросил... Если только это не нахальная просьба, объяснили бы мне простыми словами. А я постараюсь понять... Если вам не затруднительно.

Петруччо (*в затруднении*). Как бы попроще выразиться...

Служанка. Попроще, попроще!

Петруччо. Ну, если не мудрствуя — я знаю, на кровь мода, я знаю, идет бойня. Но бить кулаком в морду — мне самому больно!

Служанка. Это как раз я понимаю. Кому приятно... Только вот потом, простите, может быть, за глупость, когда все уже пройдет, и никакой бойни. А сколько людей,

и благородных, не вернутся в свои семьи, вот тогда, не станете сами себя карать? Вот что главное.

Петруччо. В том-то и беда, вот что страшно. Так, с этим до конца и жить.

Служанка. А если бы вы, так уж и быть, пошли под знамена нашего герцога, и я пошла бы с вами. Перевязывала бы ваши раны, я теперь все умею!

Шут. Она, смею сказать, умеет еще и многое другое. Об этом можно осведомиться у ландскнехтов герцога.

Служанка. Видите, что он? Я говорила, надо прогнать. Не разрешайте ему говорить, велите молчать! Прошу вас!

Петруччо. Замолкни, шут.

Шут. Ах, вон как вы заговорили, наша милость. Но что делать, я человек прямой. По прямоте высказываний я занимаю пятое место в нашей шутовской среде. Так что я уж закончу свою мысль.

Служанка. Не надо! Я сама скажу! Все скажу сама! Потом!

Петруччо. Слышишь, она сама все это скажет.

Шут. Но зачем же потом! Когда можно сейчас! Потаскуха! Любой может купить тебя на время или на ночь, в зависимости от настроения!

Служанка. Я же для него! Смотри, как он похудел. Они платили мне едой для него. *(К Петруччо)* Ваша милость! Это ради вас! Ради вас всё! Боже, как вы похудели! Господин, как-то раз я проходила мимо вашей двери. Вы были не один, а со своей госпожой. Я невольно, невольно прислушалась. Вы говорили ей такие слова, что я до сих пор их помню. Но мне хотелось думать, что вы говорили их мне.

Шут. Ну потаскуха, ну потаскуха!

Петруччо смотрел на шута неподвижно. Лицо его исказилось. Он ударил шута. Шут болезненно улыбался.

— Счел меня достойным, чтобы ударить как равного. Ну что же, тогда и я...

Он поднялся. Из рукава нож скользнул в руку. Петруччо выбил нож и с неожиданно хлынувшим ожесточением ударил им шута. Тот, сворачиваясь, повалился на бок.

Тяжело проговорил:

— Его последние слова были с... се...

Александр Володин

Служанка. Убит.

Петруччо. Нет!

Служанка. Убит, убит.

Петруччо. Я не хотел! (*к Богу.*) Я не хотел! Меня вынудили, у меня не было другого выхода! На моем месте любой прикончил бы его! А я терпел.

Служанка (*к небесам*). Бог мой! Это Петруччо. Спаси его! Он не хотел!..

ДВЕ СТРЕЛЫ

А с чего все начиналось? Хорошо начиналось. Все были равны и свободны. Люди, которые жили и охотились сообща, назывались — Род. Оттуда и пошли эти слова: родители, родина, родной...

Но вот первые трещины стали рассекать этот род человеческий. А как, спросите?

А примерно вот как...

Двенадцатое тысячелетие до нашей эры.

Люди уже существовали. Они уже изобрели лук со стрелами, для чего потребовались изощренные силы ума.

Они сидели вокруг костра, над которым дымился большой, на всех, глиняный котел.

Звезды висели над ними, держась неизвестно на чем.

Человек Боя пророкотал голосом более низким, чем у него был на самом деле:

— Я предлагаю сегодня в знак почета лучшие куски мяса вручить охотникам. Сначала им, а нам потом.

Люди зашумели. Не все поняли, что означают эти слова. Переспрашивали друг друга, объясняли друг другу:

— Как он сказал? Только охотникам?

— Не только охотникам, сначала охотникам! Сначала охотникам, а потом уже всем остальным.

— Сначала им, а потом нам.

— А почему нам потом?

— Потому что им в знак почета.

— А если нам не останется?

Красноречивый Человек поднялся и красноречиво сказал:

— Хочу внести уточнение. Да, я бы так и сказал: именно уточнение, не более того.

— Внеси уточнение, — разрешил Глава Рода.

— Человек Боя верно сказал: охотникам почет и уважение. Однако у некоторых может сложиться неверное

впечатление. Получается, что например я, пока охотники охотились, бездельничал. Я и рад бы был молча уложить увесистого кабана, но не тут-то было. Мое оружие — слово.

И люди подтвердили:

— Твое оружие — слово.

— Твое слово разит, как стрела.

— А помнишь, как ты словом почти совсем остановил дождь?

— Совсем, совсем остановил дождь!

Красноречивый скромно согласился:

— Было, было. Сначала почти что, а потом уж совсем.

И сел, удовлетворенный.

— Ну тогда и мне, Глава, разреши сказать в свое оправдание, — сказал Ходок.

— Скажи, — разрешил Глава.

Женщины возмутились:

— Да в чем ему оправдываться! Он хорошо исполнял свой долг!

— Хорошо исполнял, хорошо!

— Пока охотники охотились, он хорошо заботился о нас.

— Никого не обидел, никого!

Человек Боя сказал убедительно:

— Тебя, Ходок, и тебя, Красноречивый, мое предложение не касается. Вы получите мясо в числе первых.

Тогда-то из лиловых каменных коридоров выбежал кто-то (теперь уж и забыто, кто) и крикнул:

— Скорпионы убили Длинного!

Люди опомнились не сразу.

— Где убили?

— Когда убили?

— Скорпионы убили...

— Убили Длинного!..

Люди держали тело Длинного высоко на кабаньей шкуре. Они напутствовали его прощальным словом.

Глава сказал печально:

Ничего, Длинный,
там, куда ты идешь,

будет еще сочнее трава,
будут еще красивее деревья,
будет еще теплее озеро...

И люди подтвердили:

— Ничего, Длинный, ты будешь там счастливый человек, там тебе будет еще лучше, чем здесь...

Красноречивый произнес красноречиво:

Учитель мой!
Ты и там будешь красноречивее всех.
И каждое твое слово будет к месту.
И сам ты будешь радоваться, слушая себя...

Люди подтвердили:

— Ты и там будешь умнее всех. Все будут удивляться твоему уму.

Ходок воскликнул вдохновенно:

Тебя и там будут любить женщины,
и все они будут о тебе заботиться.
Чтобы тебе было сладко
с последней из всех,
как с первой из всех!

— Хороших тебе женщин, Длинный!

— Красивых женщин, лучше нас! — пожелали женщины
Человек Боя проговорил мужественно:

Если же ты там встретишь
кого-либо из племени Скорпионов,
ты сразишь его одним ударом.
Другого пускай не потребуется.

Люди все же внесли поправку:

— Но врагов у тебя там не будет, Длинный! Только друзья у тебя будут. Только друзья.

Длинного положили в углубление, вырытое у самого озера, в такой позе, как если бы он спал на боку. Это был тощий, немолодой уже человек. Рядом с ним положили копье

и кусок мяса на первое время, пока он не освоится в Стране Предков.

Юноши колотили в барабаны, дули в свистульки из птичьих когтей. Мужчины в наголовниках представляли предков, которые пришли встретиться Длинного и забрать с собой. Женщины плакали. Более других стенала его вдова.

Глава, хромой и кривой старик, присел на камень, усадил рядом с собой Ушастого. Он совсем еще молод и действительно несколько лопоух.

— Хорошее погребение, — сказал Глава.

— Неплохое, — отвечал Ушастый.

— Хороший был человек.

— Неплохой.

— Я говорю, он был хороший человек, а ты говоришь — неплохой. Почему?

— Потому что он отговаривал меня жениться на Черепашке.

— Зачем же Длинный тебя отговаривал?

— Он хотел, чтобы я взял себе его жену. Она ему надоела.

— Похоже на правду. Значит, ты его не любил.

— По правде говоря, не любил.

— Как ты думаешь, кто его убил? — вдруг спросил Глава.

— Наверное, кто-нибудь из племени Скорпионов. Две стрелы в спину — их обычай.

— Но вот поговаривают, что стрелы-то были наши. Ты не знаешь, у кого из наших стрелы с совиными перьями?

— Совиные перья только у меня. Больше ни у кого нет такого оперенья.

Глава уставился на Ушастую своим единственным глазом.

— В том-то и дело.

— В чем? — не понял Ушастый.

— Значит, стрелы были твои.

— Если совиные перья, — значит, мои.

— Что же получается?

— А что получается?

— Можно подумать, что ты его и убил.

— Я?

— Я не говорю, что именно ты убил. Я говорю, что так можно подумать. Стрелы-то были твои.

— Ну и что?

— Значит, если ты не убивал, ты должен это доказать.

— Что доказать?

— Что ты его не убивал.

— Я же знаю, убивал я, или нет!

— Это верно...

Озеро катило и катило мелкие волны точно так, как делает это сейчас.

— А может быть, твои стрелы использовал кто-либо другой? — спросил Глава.

— Зачем? У каждого есть свои стрелы.

— Постой, ты же знаешь, сколько у тебя должно быть стрел. Принеси-ка свой колчан.

Ушастый сказал не сразу:

— У меня нет колчана.

Глава опять взглянул на него внимательно.

— Нет колчана? То есть как нет? Почему нет?

— Я его потерял, — не сразу признался Ушастый.

Глава отвел взгляд, промолчал.

— Потерял колчан. Когда?

Ушастый отвечал все так же с трудом.

— Когда охотились, мы встретились со Скорпионами. Вот в этом бою я его и потерял.

— Потерял в бою колчан. И молчишь.

— Мне было стыдно. Я все собираюсь, и все не могу.

— Почему же сейчас не стыдно?

— И сейчас стыдно. Но если оказывается, что моими стрелами убили человека...

Глава рода встал с камня и заковылял по берегу. Казалось, что одну ногу он с трудом вытаскивает из песка. Ушастый медленно шел рядом с ним.

— Но с другой стороны, — сказал Глава, — твои стрелы вполне могли подобрать Скорпионы.

— Конечно, могли.

— И они вполне могли убить Длинного. Нарочно твоими стрелами.

Глава к чему-то вроде бы клонил. Но Ушастый не мог понять — к чему.

— А зачем моими стрелами?

— А затем, чтобы замести следы, чтобы никто не догадался.

Ушастый пришел в сильное возбуждение.

— Чтобы замести следы! Чтобы никто не догадался! Как тебе это пришло в голову? Мне бы это никогда не пришло в голову!

— Во всяком случае так могло случиться. И тогда ты ни в чем не виноват.

— Я же тебе сразу это сказал! — воскликнул Ушастый.

— А теперь ты должен рассказать это всем. И тогда не будет кривотолков.

Ушастый поник.

— Всем говорить не надо. Если все узнают, что я потерял свой колчан, надо мной будут смеяться.

— Но иначе мы не сможем доказать, что ты не виноват! Как ты оправдаешься, если тебе скажут: «Стрелы-то были твои». Что ты на это ответишь?

— Не знаю.

— Тогда тебе скажут: «Значит, ты убил».

— А я скажу: «Я не убивал».

— А они скажут: «Почему же тогда стрелы оказались твои?»

Они не сразу заметили, что их слушает вдова Длинного. Она молча стояла, прислонясь к стволу дерева. Из разрезов кожи были видны обнаженные части тела, которые требовали внимания к себе.

Глава в замешательстве сказал:

— Ты здесь.

— Как видишь, — отвечала вдова.

Контральто ее тоже требовало внимания.

— А почему ты не рыдаешь?

— Я уже рыдала. А теперь я могу выбрать себе мужа по вкусу.

— Кого-нибудь приглядела?

— Приглядела.

— Кому же это так повезло?

Вдова показала на Ушастого.

— Ему.

Ушастый насторожился.

— Я пока не думаю жениться.

— Пора бы и подумать, — колоратурно произнесла вдова.

— Если и подумаю, так не о тебе.

— Зачем же ты убил моего мужа?

— Я его не убивал! Не убивал я его!

— А я ведь за вами давно уже иду. Кое-что слышала.

— Слышала, да ничего не поняла, — сказал Глава. — Речь шла совсем о другом.

— Нет уж. Что нужно, я поняла. Вот убийца. Его стрелы? Значит, он и убийца. Правды не утаишь! Правда все равно всплывет!

— Помолчи! — сказал Глава.

Вдова закричала:

— Убийца! Захочу — все узнают. — И тихо добавила: — Захочу, никто не узнает.

— Но ведь ты не станешь губить человека, который тебе нравится.

— Может быть и не стану. Зависит от него.

Глава обнял обоих за плечи и повел подальше от селения.

— Что делать? Он не хочет жениться на тебе.

Вдова снова завопила:

— Убийца! Убил моего мужа! Что он тебе сделал?

Тогда Глава обратился к Ушастому:

— А может быть, вы как-нибудь договоритесь? Видишь, она выбрала тебя. Значит, она тебя любит.

— Не могу, — взмолился Ушастый.

Вдова обиженно сказала:

— Ну почему?

Ушастый терзался.

— Против тебя я ничего не имею...

— Зачем же дело стало?

— Не знаю...

— А я тебе объясню. Ты думаешь, что у женщины главное — смазливое личико. А это не так. Кроме лица есть и многое другое.

— Я понимаю...

— Ну?..

Ушастый молчал.

— Как ты можешь оставить меня в одиночестве? Женщину, у которой убит муж!

Ушастый разозлился.

— У многих женщин убивали мужей. Но никто из них не требовал, чтобы я на них женился.

— Тех мужей убивали другие люди, а моего мужа убил ты. А знаешь, что за это? Кровь за кровь!

Глава мягко проговорил:

— Если ты будешь молчать о том, что здесь слышала, я думаю, что он на тебе женится.

— А он вот не хочет!

Глава подтолкнул Ушастого к женщине.

— Но он еще не пригляделся к тебе. Когда он приглядится получше, я думаю, что он оценит тебя. Тем более, что другого выхода нет. Верно, Ушастый?

— Верно...

— Видишь, женщина, все уладится. Так?

— Так, — сказал Ушастый.

— Вот и хорошо. Поцелуй ее.

Ушастый подошел близко к вдове Длинного, но в последнее мгновение отшатнулся. Вдова оскорбилась еще больше.

— Ну вот, ну вот...

Глава был недоволен Ушастым:

— Ну что такое?

— Не хочу я на ней жениться!

— Но ты же сказал, что согласен.

— Я сказал, что я согласен, что другого выхода нет.

— Другого и нет. Значит, надо жениться.

— Но я не хочу!

— А жить ты хочешь?

— Какое это имеет отношение одно к другому?

— А вот это ты увидишь.

Вдова шла по селению и пронзительно, на две ноты, кричала:

— Со-вет! Со-вет!

Люди, быстро забывшие торжественно-печальное настроение, старые — неторопливо, ребятня — бегом, собирались на совет.

Усаживались вокруг Главы.

— Тихо, тихо, успокоились, — сказал он. — Детей держите при себе, чтобы не бегали. Что там за возня?

— Она толкается, — пожаловалась женщина.

— А что она расселась! — откликнулась другая. — Вон как она сидит, а вот как я!

— Надо поднять руку и сказать мне, а не толкаться. Ну вот, все уселись? Ждать никого не будем. Начинаем совет. Вопрос один: что нам делать? Убит наш сородич. Поражен двумя стрелами в спину. Кто убил его?

— Скорпионы! — воинственно вскричали молодые, воинственные. — Кровная месть!

— Разумеется, разумеется... Но все зависит от того, как его убили. С какой целью. А вдруг это произошло случайно? Неумелый охотник целился в оленя, но промахнулся и даже не знает, что попал в человека.

Но воинственные снова закричали:

— Знает, знает!

— Все знает!

— Согласен. Может быть, он и знает об этом. Но может быть, он горько оплакивает свой промах.

Но воинственные кричали:

— Пускай оплакивает свою жизнь!

— Кровная месть! Кровная месть!

И начали танец войны. Они взлетали, прогибались, словно застигнутые невидимой стрелой, падали замертво и снова поднимались, чтобы ринуться на врага. Под гром барабанов и трещоток войны свершали бесноватый танец.

— Коли его в голову! — зарокотал Человек Боя. — Коли его в печень! Коли его в сердце!

И запрыгал на согнутых ногах. И издал показательный вопль, и все разом его повторили. Тогда он простер перед собой руки и остановил танец. Он был жесток и прост. По лицу его пробежала легкая судорога, результат боевой контузии.

— Я Человек Боя. Когда придет время, я первый начну танец войны. Но чего-то я не понимаю. Может быть,

я пролил слишком много вражеской крови, может быть, я стал слишком мудр... Кто-то, помнится, мне говорил... Долгоносик, да ты же мне и говорил! Когда ты натолкнулся на труп, ты увидел, что стрелы были наши. Ты даже узнал, чьи?

Долгоносик молчал.

— Ты не хочешь подвести своего друга. Это хорошо. Но тогда ты подводишь нас всех!

Долгоносик молчал.

— Говори, чьи были стрелы. Не то я скажу. Какая разница!

Долгоносик, не глядя, показал на Ушастого.

— Его стрелы

Все, разом ахнув, обернулись к Ушастому.

— А ты сидишь и молчишь, Ушастый, — укорил его Человек Боя. — А из-за тебя чуть-чуть не началась война.

— Меня сделал вдовой, мало? — в слезах воскликнула вдова. — Хочешь и других сделать вдовами?.. А ведь еще не поздно искупить свою вину. Женись на мне, я попрошу, и тебя простят.

— Ты встань, встань, Ушастый — сказал Человек Боя. Ушастый встал.

— Да, это мои стрелы.

Человек Боя удивился:

— За что же ты его убил?

— Я его не убивал.

— Кто же его убил?

— Не знаю!

— Он, он убил! — сквозь слезы проговорила вдова. — Пусть он женится на мне, тогда вы его простите.

— Я его не убивал! Я не мог его убить! У меня и стрел не было!

Человек Боя еще больше удивился.

— Где же были твои стрелы?

— Это позор, я знаю. Но раз меня в чем-то подозревают... Я потерял колчан во время боя со Скорпионами.

Девушки захихикали. Воинственные захохотали. Ушастый стоял, опустив голову, не глядя ни на кого.

Человек Боя обратился к нему мягко.

— Не ври, Ушастый. Может быть, я слишком много на себя беру, воображаю, что мне дают какие-то права эти рубцы и раны, но я попросту скажу: не терял ты, Ушастый, свой колчан. Хотя и мог потерять, это на тебя похоже. Но на этот раз — не терял. А припрятал стрелы в своем доме или где-нибудь неподалеку.

— Зачем мне было прятать свои стрелы?

— А затем, чтобы отвести от себя подозрение.

— Это нетрудно проверить, — сказал Глава. — Их же можно поискать и найти. Кто возьмется поискать стрелы?

— Я возьмусь!

— Я возьмусь!

— Какая разница, — рокотал Человек Боя, — пускай хотя бы Долгоносик и сходит.

— Давай, Долгоносик, поищи, — сказал Глава.

— Перерыв! Перерыв! — требовали люди. Они устали так долго сидеть.

— Перерыва не будет, — возразил Глава. — Вопрос серьезный.

Вскоре, уж очень даже скоро, вернулся Долгоносик. Он держал в руках колчан со стрелами.

— Принес, принес! — закричали дети.

— Принес, принес! — закричали женщины.

— Принес, принес! — закричали юноши.

— Принес, принес! — закричали все.

Глава сказал с сомнением:

— Быстро ты нашел.

Человек Боя усмехнулся:

— Значит, плохо было спрятано.

Глава спросил Ушастого:

— Твой колчан?

— Мой...

— Ты же говорил мне, что потерял его во время боя.

— Я его потерял...

— Долгоносик, где ты его нашел?

— За домом. Он был завален ветками.

— Ушастый, ты прятал его за домом?

— Я ничего не прятал! Я потерял его!

Вдова сквозь слезы улыбнулась:

— Видите, какой бестолковый? Ему надо жениться на умной женщине. Пускай женится на мне, и тогда он больше не допустит таких поступков.

— Почему именно на тебе! — взволнованно возразила Черепашка. — Он может жениться на ком-нибудь другом!

— А ты вообще замолкни, — пресекла ее вдова. — Мала еще.

Черепашка бросилась было на вдову, но ее уняли.

— У других он не убивал мужа, а у меня убил.

— Кто его убил, еще неизвестно! — вскричал Ушастый.

— Известно, милый, известно, пророкотал Человек Боя. —

Ты убил.

— А мне известно, что я не убивал. Я же лучше знаю!

— Тогда кто же, по-твоему, его убил?

— Вот в этом-то и надо разобраться!

Человек Боя обвел взглядом присутствующих.

— Ну что же, давай разбираться. Будем сидеть до ночи.

Кто же возьмется в этом разобраться?

Было тихо. Посвистывали птицы. Погромыхивало море. Члены совета размышляли вслух и подолгу молчали, обдумывая сказанное.

— Но ведь стрелы-то Ушастого? Он же это признает?

— Как же это могут быть его стрелы, если он не стрелял?

— Значит, он стрелял.

— Но он же говорит, что не стрелял.

— Но ведь стрелы оказались его!

Тогда Ушастый поднялся.

— Если никто не хочет, я могу разобраться сам!

Глава в замешательстве проговорил:

— Как ты можешь разобраться сам, если ты сам в этом замешан?

— Я замешан, значит, я буду больше стараться.

— А что, разбирайся! — загоготал Человек Боя. — Пускай разбирается, а?

— Что же, попробуй, Ушастый, разбирайся, — согласился Глава.

— Спасибо.

Ушастый задумался, затем обратился к совету:

— Не знает, кто-либо из вас, кто убил Длинного?

Люди с готовностью ответили:

— Не знаем!

— Не знаем!

— Никто не знает? А, может быть, вы слышали какие-нибудь разговоры? Кто-нибудь грозился его убить?

— Не слышали!

— Не слышали!

Ушастый несколько упал духом.

— Значит, никто не грозился.

— У вдовы спроси, — для смеха предложил Долгоносик. — Может быть, она и убила?

— Как это, была его жена и вдруг сама убила?

— Да ведь всем известно, что он ей надоел.

— Мало ли кто кому надоел. Это еще не причина.

— А ты, спроси, спроси.

Ушастый был смущен.

— Ты не обижайся, но я должен спросить. Ты не убивала своего мужа?

— Вот это да! Я из лука-то стрелять не умею!

— Видишь, Долгоносик, она из лука стрелять не умеет.

— А ты дай ей лук, пусть попробует! — предложил Долгоносик.

Ушастый обратился к Главе рода.

— Может быть, правда, проверить?

— Кто-нибудь, дайте ей лук, — согласился Глава.

Вдове дали лук.

— Попробуй-ка попасть в то дерево.

Женщины азартно советовали ей:

— Правую ногу вперед!

— Не слушай ее, у нее муж левша. Левую ногу вперед!

— Локоть не заваливай!

— Ты не дыши. Сначала перестань дышать, потом стреляй.

— Тихо, бабы!

— Только не стойте близко, — попросила Вдова.

Она натянула тетиву, стрела, трепеща опереньем, вонзилась в ствол. Женщины торжествовали.

Вдова растерялась.

— Это случайно! Я даже не хотела попасть, а вот попала!

— Видишь, — сказал Долгоносик. — Она свободно могла убить своего мужа!

— Когда ты видела мужа в последний раз? — спросил Ушастый.

— Вчера, когда солнце уже коснулось песчаного холма.

— А почему ты запомнила это время?

Вдова немного смутилась.

— Как раз тогда я собиралась выйти из дома. По своим делам.

— А по каким делам?

— А это никого не касается.

— Глава, вели ей отвечать.

— Ходок ждал меня в это время.

— Так ты пошла к нему именно в то время, когда солнце садилось. Значит, тогда твой муж был еще жив?

— Конечно, жив. Ведь ты тогда еще не убил его!

— А я и не убивал его.

— Кто же убил?

— Сейчас речь не обо мне, а о тебе. Глава, скажи ей!

— Сейчас речь идет о тебе, Вдова, — подтвердил Глава.

— Что делал твой муж Длинный, когда ты уходила из дому? — спросил ее Ушастый.

— Ругался.

— Как?

— Он сказал «потаскуха» и бросил в меня плетеный кувшин.

— А ты?

— А я бросила в него тыкву.

— И тогда ты пошла к Ходоку. А когда ты ушла от Ходока?

— Я ушла от него, когда солнце опустилось за песчаный холм. А какое это имеет значение?

— Когда солнце опустилось за холм. То есть, когда Длинного нашли убитым. Получается, что его убили именно тогда, когда ты была у Ходока. Значит, ты не виновата.

Долгоносик, пораженный, воскликнул:

— А ведь правильно! Именно в это время. Слушаю и думаю: при чем солнце, при чем песчаный холм, при чем все?

А оказывается, вот что! Солнце — потаскуха — тыква — Ходок — и доказал!

Но Ушастый был растерян.

— А кто убил — по-прежнему неизвестно.

— У тебя все? — нетерпеливо спросил Человек Боя.

— Нет, не все.

— Что еще?

— Сейчас подумаю.

— Побыстрой, люди ждут.

Ушастый снова обернулся к Вдове.

— Скажи, твой муж в ссоре с Ходоком?

— Да уж конечно. Дружбы не было.

— А как по-твоему, не мог ли его случайно убить Ходок?

— Не мог

— Почему?

— В это время мы с Ходоком как раз были вместе.

Черепашка сказала негромко, но ее было слышно всем.

— Они не были вместе. Я сидела возле своего дома и плела сеть. Мне было все видно. Как только она пришла, Ходок сразу же ушел, а она осталась.

Это возмутило женщин.

— Вот это да!

— Позвал женщину к себе, а сам ушел!

— Если бы он так со мной поступил, я бы ни за что не осталась!

— Она хоть сказала ему что-нибудь на это?

Черепашка уточнила:

— Она крикнула: «Как не стыдно, оглоед несчастный!» Я плела сеть, и мне все было слышно.

— А он что сказал?

— Он сказал: «Если ты торопишься, можешь убираться».

И ушел.

Ушастый вскричал:

— Я все понял! Большой ходок! Ходок! Ходок! Я напал на след! Ходок, где ты?

Ходок встал. Он слегка поклонился женщинам и обаятельно улыбнулся.

— Ходок, я должен задать тебе несколько вопросов.

— Я отвечу. Но лишь в том случае, если это не заденет честь женщины.

— Говорят, что ты оставил Вдову в своем доме и куда-то ушел. Это верно?

— Я не мог бы себе этого позволить.

— Но люди видели, что ты куда-то ушел.

— То есть да. Я уходил. На время.

— Куда ты уходил?

— Я пошел к ее мужу.

— Зачем?

— Мне надо было с ним поговорить.

— Почему ты пошел к нему именно в это время? Ведь у тебя в доме была женщина.

— Я хотел поговорить с ним наедине, без его жены.

— О чем вы говорили?

— Это не имеет значения.

Ушастый обратился к Вдове:

— Ты дождалась Ходока?

— Дождалась, но только для того, чтобы плюнуть ему в лицо.

— Ты поинтересовалась, о чем он говорил с твоим мужем?

— Он сказал, что сделал моему дурню выгодное предложение, но тот отказался.

— От чего он отказался, Ходок?

Ходока это уже раздражало.

— Не помню, что я ей сболтнул. Знаете, эти разговоры, когда спать охота. Тут женщины нас и ловят. Они разгулялись, им пришло время все выяснять, а тебе пора спать. Вот и брякнешь что попало.

— Что ты брякнул на этот раз?

— Не помню!

— Ты сказал, что сделал ее мужу какое-то предложение.

— Что ты ко мне привязался?

Женщины вступились за него.

— Не приставай к человеку!

— Есть же что-то интимное, чего нельзя касаться!

— Он должен мне ответить!

Ходок бился в нервном припадке. Женщины были возмущены.

— Не помню! Не знаю! Нет! Нет! — кричал Ходок. — Вон кого спрашивай (*указал на Красноречивого*)! — Он — Красноречивый, он пускай и говорит!

Красноречивый окинул окрестности дремотным взглядом.

— Виноват, при чем тут я?

— Ах, я Ходок, со мной все можно? Но у меня тоже есть поле боя. Может быть, не такое заметное, но оно требует немало сил...

— Это верно! — возбужденно поддержали его женщины.

— Не думай, Ходок, мы это ценим, Ходок!..

Красноречивый красноречиво произнес:

— Положим, Ходок, я мог бы тебе на это ответить. Мог бы сказать кое-что. Вертится на кончике языка. Кое-что вертится...

— Ах, так! Рады свести счеты? Давайте, давайте — все на одного!..

Ходок прикрыл глаза и повалился бы на землю, но женщины подхватили его.

— Вот, Ушастый, довел человека! Ни с чем не считается!

— Я ведь только спрашивал. Я не думал, что он обидится! Может быть, я спросил что-нибудь лишнее. В этом я виноват.

— Ты виноват в другом, — рокотал Человек Боя. — Опустился до того, что убил сородича и пытаешься на кого-то свалить вину!

Ушастый совсем было упал духом.

— Ходок сослался на тебя, Красноречивый. Расскажи нам, что ты знаешь.

Красноречивый взглянул на него снизу, но так насмешливо, словно смотрел, напротив, сверху.

— Не знаю, что имеет в виду Ходок. Никто не любил Длинного более, чем я.

Он поднялся. Жесты его были замедленны, словно на киноленте, снятой рапидом.

— Как вам известно, Длинный был моим учителем. У него я учился красноречию. И вот сомкнул он свои уста. Перестал радовать наш слух звуками своего голоса. Это печально. Это горько. Это досадно. Но его уроки не пропали для

меня зря. Не пропали напрасно. Не пропали, я бы выразился, втуне. Все. Так бы я мог сказать.

Люди радостно повторяли новое слово.

— Все, все!..

Ушастый сказал сочувственно:

— Ты потерял учителя и наставника. Я сочувствую твоему горю, но дело есть дело. Почему все же Ходок сослался на тебя?

— Он сослался на меня фигурально. Я обладаю даром речи — значит мне и положено говорить.

— Постарайся, пожалуйста, вспомнить, где ты был в то время, когда произошло убийство?

Человек Боя потерял терпение и взревел:

— Сказано тебе, что он сослался фигурально! Может быть, я слишком откровенный и прямой человек, может быть, я слишком много повидал в жизни, но меня тошнит от этой болтовни. Убийца — вот он. Стоит перед нами и над нами же издевается. Он пристрелил человека предательски, в спину. Может быть, я слишком привык встречаться с врагами лицом к лицу, но я требую: смерть за смерть!

— Смерть за смерть! — воинственно закричали воинственные.

Глава объявил решение:

— Как наказать Ушастого, мы решим завтра. Сейчас уже поздно, все устали. Ушастый проведет эту ночь в пещере. Кто его будет охранять?

— Пускай друг его и посторожит, — предложил Человек Боя. — Долгоносик, останешься с ним.

Люди, потягиваясь и позевывая, поднялись. Мужчины пошли ломать для костров сучья, женщины — к реке за водой. Запахло дымом.

Ушастый и Долгоносик сидели в пещере.

Все стихло. Завыла ночная птица. Долгоносик оробел и старался держаться поближе к пленнику.

— Не обижайся на меня.

— За что!

— Получилось так, что я тебя подвел.

— Наоборот, ты старался меня выручить.

— Я маленький человек, согласен. Но я тебе друг, этого у меня не отнимешь.

— Я знаю.

— Потому что ты ни на кого не смотришь сверху вниз.

— Ты тоже ни на кого не смотришь сверху вниз.

— Мне не на кого смотреть сверху вниз.

— Скажи, ты тоже думаешь, что я убил?

Долгоносик промолчал.

— Значит, думаешь...

Долгоносик встревожился.

— Кто там? Кто там?

Вошел Глава рода, присел рядом.

— Сходи домой, Долгоносик, погрейся.

— Но если спросят, почему я ушел, я скажу, что ты велел!

— Скажешь, скажешь!

Долгоносик ушел.

— Знаешь, Ушастый, почему я перенес голосование на утро?

— Нет.

— Чтобы этой ночью ты ушел отсюда.

— Зачем?

— Мне кажется... Я еще не хочу поверить в это. Но мне кажется, что в нашем роду появились люди, которым надо посеять раздор.

— Зачем?

— Об этом еще трудно говорить. Я и сам не знаю наверняка. Может быть, мне это только кажется. Но мне кажется, что для этой цели они выбрали тебя.

— Почему меня?

— Может быть, потому что ты умен, можешь соображать, что происходит. А им нужна нестабильность. Если даже ты докажешь, что не виноват, то получится, что не правы они. Тогда они прихлопнут тебя сзади, как прихлопнули Длинного. Уходи, Ушастый. Любое племя примет тебя, ты молод. А здесь теперь будет плохо. Я много думал об этом.

Глава рода:

Без этих мыслей не проходит дня,
Предчувствия гнетут меня.

— Я, правда, плохо соображаю, что происходит. Но я верю тебе. И все же уйти я не могу. Там я буду один. Мне там будет скучно!

— Всюду люди. Там есть такой же, как ты, Ушастый, и такой же, как я, хромой и кривой старик.

— Не знаю, как тебе объяснить...

— Тебе трудно расстаться с какой-то... человеком?

— Да... с каким-то человеком.

— Там есть такой же человек.

— Нет!

— Так всегда кажется, но это только кажется.

— Но даже не только в этом дело.

— В чем же?

— Здесь есть все, а там ничего нет.

— Чего ж там нет, дружок?

— Здесь есть вот эти цветы. Они светятся. Они видны даже ночью, в темноте.

— Ну, эти цветы — они как раз всюду светятся одинаково.

— Нет. Там они не так видны ночью. Ты взглядишь, взглядишь.

Глава взгляделся.

— Послушай, а зачем тебе видеть их ночью.

— Мало ли... Слышь? Птица.

Глава прислушался. Какая-то птица посвистывала однообразно.

— Ну, свистеть-то она могла бы и получше.

Ушастый задумался.

— Здесь живет моя сестра Ящерица.

— Да что ты такое говоришь! Ее уж нет в живых давно!

— Она жила здесь, под этими деревьями. Ей трудно будет ходить ко мне далеко.

— Зато ей будет приятно знать, что ты жив и здоров, что тебе там хорошо.

— Мне не будет там хорошо! Там — это будет все равно как будто после жизни, как будто я уже умру! Меня уже не будет! А будет кто-то другой! Я даже не знаю, какой он будет! Здесь я вместе со всеми! Пускай даже мне не верят! Пускай даже надо мной смеются! А там — они так и будут они, а я так и буду я!

— Ты привыкнешь к ним. Человек ко всему привыкает. Если будет жив. А здесь — я ничего не знаю наверняка, но я боюсь, что здесь тебе не жить... Тебе надо уходить, Ушастый. Ничего не поделаешь, надо уходить...

— Здесь зима хорошая. Когда... холодно и льет дождь. И когда... льет дождь и холодно.

Глава посидел молча, поднялся.

— Как знаешь, Ушастый, как знаешь... Я хотел тебе добра. И заковывал из пещеры.

Черепашка появилась в пещере так незаметно, словно была здесь все время.

— Ты один?

— Это ты?.. Я один, один!

— Знай, Ушастый, я не осуждаю тебя.

— За что?

— За то, что ты убил его.

— Кого?

— Как кого? Длинного! Он не хотел, чтобы ты женился на мне! Ты правильно поступил, что убил его!

— Но я не убивал его!

— Им ты так и должен говорить. А от меня ты можешь ничего не скрывать. Я тебя только уважаю за это. Ты решил отдать за меня свою жизнь!

— Я еще не решил отдать свою жизнь! Может быть, все еще обойдется, и с меня только возьмут обещание!

— Нет, Ушастый, не обойдется... Я ничего не понимаю, я ничего не знаю. Но я чувствую! Тебе грозит беда. Ты заметил, у людей становятся другие глаза? Ты не заметил? А я заметила. Я боюсь, что они решили с тобой покончить. Они высунули языки, они уже бегут по следу!.. Но мне страшно даже думать об этом, у меня начинают путаться мысли. Давай лучше говорить о чем-нибудь другом. Давай лучше говорить о тебе...

Черепашка

Ушастый, по сравнению с тобой
У всех такие маленькие уши!
Сказать, зачем тебе такие уши?

Чтоб лучше слышать нежные слова,
Я для тебя их много сочинила.
Вот это слово «милый» — для тебя.
Они тебя убить решили, милый!
Они уже бегут по следу, милый!
Но что с тобою ни случится, милый, —
другим оставим это слово — «милый»!
Пусть женщины отныне шепчут: «милый»!..
своим мужьям любимым по ночам...

Уш а с т ы й

Ушастый я для шуток и насмешек,
А глуп я для того, чтоб совершать
дурацкие поступки!

Ч е р е п а ш к а

Замолчи!
Ни одного дурацкого поступка
я за тобой еще не замечала.
Ты только нерешителен, мой милый.
Что делать, кто из нас без недостатков...

Уш а с т ы й

Скажи прямо: я попросту труслив.
Я трус. Я потерял в бою колчан!

Ч е р е п а ш к а

Я и не думала об этом, милый.

Уш а с т ы й

Нет, думала! Все думают об этом!
Они — пускай так думают. Но ты!
Я виноват стыднее, но в другом...
Кто знает, встретимся ли вновь?
Так знай же все, моя любовь,
Когда мы гнали летом Скорпионов,
и я, как все, свистел и улюлюкал,
вдруг вижу — за кустами притаился

оставший Скорпион. Едва успел
я натянуть тугую тетиву,
как понял: это мальчик! Просто мальчик!
Уж посвященный в воины, но мальчик!
От страха спрятался в кустах, дрожит,
и вместе — куст дрожит листочком каждым.
Тогда со мною это и случилось.
Я повернулся и швырнул колчан.
И долго шел куда глаза глядят.
В тот миг я не испытывал стыда,
не думал ни о чем еще тогда...

— Но теперь все это уже не имеет значения. Если ты не
будешь жить, все перестанет иметь значение.

И неудачи, и удачи,
и развлечения вечерние,
и плачу я или не плачу -
перестает иметь значение.
И неба светлое свечение,
и речек сильное течение
перестает иметь значение,
перестает иметь значение...

Ушастый обнял ее, и они лежали на земле. Она хотела
стать его женой сейчас, здесь, пока он жив.

В пещеру заглянул Долгоносик.

— Ушастый! Кто с тобой?

— Никого нет! Никого нет! — воскликнула Черепашка.

Долгоносик влез в пещеру.

— Как никого? Ты здесь.

— Я здесь все время, так что ты давно уже виноват. Уйди
отсюда!

— Ушастый, зачем ты меня подводишь? — укорил Дол-
гоносик.

— Да, да... Мы его подводим...

— Не прогоняй меня, милый! — попросила Черепашка.

— Но мы его подводим, милая!

— Может быть, мы с тобой говорим в последний раз. Что
тебе важнее?

— Конечно, говорить с тобой в последний раз!

Долгоносик страдал.

— Не имею права оставить пост.

— Скажи ему, милый!

— Но с другой стороны, милая. Если он уйдет с поста, ему придется отвечать!

Черепашка

Ушастый мой! Что сделал ты со мной!

Не став невестой, сразу стать вдовой!..

Она поднялась, дала пощечину Долгоносику, потом дала пощечину Ушастому и ушла, не оборачиваясь более.

Стоял туман. Скалы выростали прямо из тумана, словно висели в воздухе. Слышался плеск воды. Но и она была в белом тумане, и нельзя было понять, где кончается берег и начинается вода.

Долгоносик достал из-под шкуры глиняный кувшинчик.

— Погреемся?

— Выпьем и забудемся.

— Забудемся, и все будет в порядке.

Они по очереди хлебнули настойки.

— Умирать страшно, — сказал Долгоносик. — Неизвестно, в кого потом превратишься. Вдруг в шакала. Или в змею.

— Это возможно.

— Мой тебе совет — беги, Ушастый!

— Но тогда получится, что я признал свою вину.

— Зато ты будешь жить. А здесь тебе не жить.

— Погреемся еще, — сказал Ушастый.

— Погреемся.

Они выпили.

— Я маленький человек, меня можно не слушать. Но ведь Глава тоже тебе говорил: беги!

— Откуда ты знаешь, что он мне говорил? Ты подслушивал?

Долгоносик обиделся, смотрел на Ушастого с пьяной укоризной.

— Ты уж всех начал подозревать. Обижаешь. Тебе вот обязательно надо поставить себя выше других. Ты вот честный,

а я хитрый. Ты вот смелый — «как это я убегу». А я вот трус, подбиваю тебя бежать. И во всем ты хочешь показать: вот какой я! Наконечники у всех круглые, а у тебя вот почему то плоские...

Ушастый взял его за голову и повернул к себе.

— Ты что? Ты что? — оторопел Долгоносик.

— Откуда тебе известно, какие у меня были стрелы?

— Про стрелы я сказал для примера. Дело не в одних только стрелах.

— Вот эти стрелы с плоскими наконечниками, когда ты их видел? Когда, когда?

— Мало ли когда, не помню.

— А ты припомни. Где, где ты их видел?

— Ну в праздник, в праздник я их видел, когда стреляли в цель.

— Ты не мог их видеть в праздник. Я насадил эти наконечники перед самым боем. Припомни, Долгоносик, поточнее, это очень важно!

Долгоносик разозлился.

— Да объясни ты мне попросту, в чем дело?

— Я тебе потом объясню, сначала скажи.

— Ну, когда все, тогда и я увидел, когда нашли убитого Длинного.

— Не мог ты, не мог ты их тогда увидеть!

— Почему? Почему?

— Потому что они были внутри, внутри!

— Где внутри, где внутри?

— Да в нем же, в нем, в Длинном!

— Когда же я, по-твоему, мог их увидеть?

Ушастый молча смотрел на него. Долгоносику показалось, что этот взгляд прошел сквозь него, сквозь камни пещеры и затерялся в лесу.

— Не пугай меня, не смотри так.

— Знаешь, когда ты мог видеть наконечники моих стрел?

— Когда?

— Перед тем.

— Перед чем?

— Перед тем, как Длинный был убит.

Долгоносик согласился.

- Перед тем, перед тем, ты прав.
 - Перед тем, перед тем, я прав. Ты мог увидеть их, если бы сам стрелял. Я задам тебе один вопрос. Не ты ли пристрелил Длинного?
 - Какого Длинного?
 - Того, того. Ведь может статься, ты в него и стрелял?
 - Как же я мог стрелять, когда ты в него стрелял?
 - Да почему ты думаешь, что я в него стрелял?
 - Да потому что стрелы-то были твои!
 - Но ведь я их потерял!
 - Ну и что...
 - Значит, они могли попасть к кому угодно?
 - Ну и что?
 - Значит, они могли попасть и к тебе?
 - Ну и что?..
 - Значит, этими стрелами ты мог его и прикончить!
 - Зачем мне твои стрелы! Что, у меня своих нет?
 - А затем, чтобы на тебя не подумали.
- Долгоносик, после долгого молчания, проговорил:
- А тебе никто не поверит.
 - Почему?
 - Потому что все равно они с тобой покончат.
 - Кто — они?
 - Скоро узнаешь.

Тем временем начинался рассвет. Сначала засветился край неба, потом озеро, потом листва деревьев. Да так быстро, словно утро знало, что оно будет ясное и яркое, и торопилось показаться людям.

В селении уже не спали. Кто на каменной наковальне отесывал кремь, кто рубил мясо костяным топориком. Женщины и дети собирали земляные орехи.

Глава рода вышел из жилища и стоял, щуря на солнце единственный глаз. Жалко было отрывать людей от дела, но надо.

Глава махнул рукой вдове, она нетерпеливо закричала:

— Со-вет! Со-вет!

Люди оставили свои дела и двинулись на поляну.

Толкаясь, втираясь поближе, они усаживались полукругом. Глава открыл совет.

— Красноречивый, напхни людям, на чем мы остановились вчера.

— Дорогие сородичи! Напоминаю вам содержание вчерашнего совета. Ушастый безо всякой причины, лишь по собственной прихоти, лишил жизни нашего сородича. И вот давайте задумаемся, что начнется, если каждый из нас станет колотить людей направо и налево.

Красноречивый сделал паузу, давая людям время оценить это выражение.

— Направо и налево! — хихикнул кто-то и изобразил, как он стукнул своего соседа справа, а потом слева.

— Направо и налево! Ха-ха-ха!

— Направо и налево, ха-ха!

Теперь уже все колотили воображаемыми палками направо и налево и хохотали, утирая слезы и восхищаясь Красноречивым.

— Ну, скажет!

— Направо и... Ха-ха-ха!

— И налево!

— Именно направо и налево, — заключил Красноречивый, глядя на Ушастого. — Предлагаю лишить его жизни, так же, как он лишил жизни моего друга.

— Смерть за смерть! — воинственно закричали воинственные.

Ушастый встал.

— Я хочу сделать важное заявление.

— Потом, потом, — отмахнулся Человек Боя.

— Но я хочу сказать! — крикнул Ушастый.

— Но он хочет сказать! — крикнула Черепашка.

Человек Боя был уже раздражен.

— Ты сказал все.

— А я хочу последнее слово!

— А он хочет последнее слово!

— Если самое последнее слово, тогда можно, — разрешил Человек Боя.

— Если последнее слово, пускай говорит, — рассудили люди.

Когда стало тихо, Ушастый сказал:

— Этой ночью я узнал, кто убил Длинного.

Люди снова всполошились.

— Как ты мог узнать, кто убил Длинного, когда ты сам убил Длинного?

— Сам убил, а говорит, что убил не он, а кто-то другой!

— Ведь два человека не могли убить — и ты и кто-то другой. Значит, ты хочешь сказать, что якобы убил кто-то другой? А сам ты якобы не убивал?

— Кто же, по-твоему, убил? — спросил Глава.

— Я не хочу называть его. Пусть наберется смелости, встанет и признается сам.

Никто не встал.

Человек Боя подтянул на себе скрещенные кабаньи ремни.

— Может быть, голова моя не имеет никакой цены. Поэтому я и готов сложить ее на поле боя... Может быть, другие головы нужнее, нежели моя. Но я дорого отдам за свою голову. Не одной головой враг заплатит за мою голову.

Мужественное лицо его горько передернулось.

Красноречивый успокоил его.

— Не говори так, твоя голова нужна нам. Твоя голова дороже многих и многих голов. Твоей головой гордится наш род, побольше бы таких голов...

От волнения он не мог продолжать.

— Тогда объясните мне. Кого мы здесь слушаем, проводим время. Ушастого слушаем. Вы посмотрите на свои уши и посмотрите на его уши.

Люди стали трогать свои уши и разглядывать уши соседей.

— И вот такой человек сидит здесь в самой середине, а мы вынуждены сидеть вокруг и на него смотреть. Красноречивый, развеяй мою мысль.

Красноречивый грустно уточнил:

— И это относится, к сожалению, не к одному только Ушастому. Действительно, обратите внимание, как мы сидим. Оглянитесь, оглянитесь, это интересно.

Все огляделись.

— Заяц с леопардом, гусеница с бизоном, все вперемешку, вот как мы сидим. Казалось, это пустяк? На лучших местах я хочу видеть лучших воинов и охотников. А те, кто всегда пробавляется за счет других, — их место там, позади, чтобы лица их терялись в тумане.

Глава прервал его.

— Это отдельный вопрос. Сейчас нам его не решить.

Однако, Красноречивый возразил:

— Этот вопрос решить нетрудно. Кто чего достоин, тот там и должен сидеть.

С восхищением Человек Боя повторил:

— Кто чего достоин. Кто чего достоин. Прекрасное выражение.

— А кто решит, кто чего достоин? — спросил Глава.

— Достойнейшие, — красноречиво сказал Красноречивый.

Человек Боя повторил:

— Достойнейшие! Прекрасное выражение.

— А кто будет решать, кто достойнейшие? — спросил Глава.

— Достойнейшие и будут решать.

— То есть они же сами и будут решать? — с удивлением спросил Глава.

Люди были взволнованы. Старики забеспокоились за свои места у костра. Воинственные, в предчувствии благотворных перемен, шутя, попикивали соседей. Среди женщин завязалась ссора. Мальчишки начали драку.

Глава поднял руку, и склоки прекратились.

— К делу, родичи. К делу. Попытаемся все-таки разобраться, кто убил Длинного. Итак, на чем мы остановились. Ушастый попросил виновного сознаться. Но он пока не решается. Попробуем ему помочь. Женщины, вас я хочу спросить. Не обращались ли вы к Длинному с какой-нибудь просьбой?

— Да, мы обращались к Длинному, — сказала женщина, что была посмелей.

— С какой же просьбой?

— Мы ему сказали: «А ты все молчишь, Длинный. Все видишь, а молчишь», — сказала другая.

— Что он на это ответил?

— Он ничего не ответил.

— Этим все и кончилось?

— Тогда мы сказали: «Значит, ты тоже считаешь, что одни могут быть сыты, а другие в это же время могут быть голодными?» — сказала третья женщина.

— Мы ему сказали: «А если человек постарел, значит он уже не человек?»

— Мы сказали: «Они только радуются, что ты молчишь. Потому что они боятся твоего слова».

Человек Боя рассвирепел.

— Кто боится?

— Ты и боишься, — сказала храбрая женщина. — Мы Длинному сказали: «А то все думают, ты молчишь, потому что доволен».

— Что же он вам на это ответил? — спросил Глава.

— Он не сразу ответил. Сначала он молчал. Мы даже подумали, может он разучился говорить. А потом сказал: «Хорошо, будет совет — я им скажу». Но он уже не смог сказать. Потому что они его убили.

— Дело прошлое, — лениво проговорил Красноречивый, — но думаю, что к Длинному вы обращались напрасно. Все знают, как я ценил его красноречие. Однако, ни для кого не секрет, что к заботам нашего рода он был равнодушен. Он что говорил?

Необходимо ль твердым быть?
Необходимо ль честным слыть?
И надо ль голову сложить,
неправоту разоблачая?
Не знаю.
И надо ли, меня прости,
другим прокладывать пути,
чтоб легче было им идти,
когда в душе дыра сквозная?
Не знаю.

А не знаешь, так и молчи! Вот почему он молчал. Вот почему он перестал выступать на нашем совете. Вот почему, я бы так выразился, он стоял в сторонке и потирал руки, радуясь нашим бедам.

— Потирал руки. Потирал руки. Прекрасное выражение, — поощрил его Человек Боя.

— Но все же он согласился выступить, — сказала белокурая женщина.

— Смотри-ка, — рассмеялся Человек Боя, — Тут был целый заговор, а мы ничего не подозревали.

— Подозревали вы, — сказала смуглая женщина. — Длинный сам предупредил тебя, что выступит в совете.

— Что-то было, но я не придал этому значения.

— Нет, ты придал этому значение, — вскричал Ушастый. — Я хочу при всех поговорить с Долгоносиком.

— А?.. — встрепенулся Долгоносик.

— Долгоносик. Давай повторим наш ночной разговор.

— Мы ни о чем не говорили. Может быть, ты что-то говорил, а я ничего не говорил.

— Я спросил тебя: «Долгоносик, не ты ли убил Длинного?»

— А я сказал: «Ты что, рехнулся?»

— Нет, ты не ответил на этот вопрос. Ты сказал: «Они тебя все равно прикончат». Я спросил: «Кто — они?» А ты сказал: «Скоро узнаешь».

— Я ничего не говорил, — Долгоносик прижал дрожащие руки к груди. — Я ничего не говорил!

— И вот теперь я узнал, кто они.

Ушастый показал на Человека Боя.

— Это он надоумил тебя убить Длинного?

— Нет! Нет! Нет!.. Я ничего ему не говорил! Я не виноват! Он сам догадался!

Человек Боя сказал ему спокойно:

— А зачем ты выкручиваешься, Долгоносик? Смотри, как тебя запугали. Может быть, я не привык к обходным маневрам, может быть, я слишком люблю прямой удар противнику в лоб, — но раз они хотят сами, — говори, Долгоносик. Тебе стыдиться нечего. Да, прихлопнул ты несчастного. Но ради чего? Только ради порядка и справедливости.

Ушастый бросился к Долгоносику.

— И ты молчал, когда меня обвиняли в убийстве! Ты молчал, когда меня хотели лишить жизни! Ты же был друг мне!

Черепашка оттащила Ушастого от Долгоносика, обняла его.
— Ушастый, я думала, что ты убил его из-за меня... Но если не ты убил, то еще лучше! Зато мы будем жить!

Человек Боя с отвращением пророкотал:

— Нельзя ли отложить все это? Совет же идет.

Но Ушастый и девушка не разъединялись. Они стояли вместе, не все слыша, что говорилось вокруг.

Глава попросил:

— Расскажи нам, Долгоносик, зачем ты это сделал?

— Я боялся.

Человек Боя передернулся от презрения к нему.

— Чего ты боялся?

— Кого ты боялся? — спросил мягко Глава.

Долгоносик молчал.

— Не стесняйся, объясни нам. Каждый человек чего-нибудь боится. Некоторые боятся темноты. Ты боишься темноты?

— Боюсь, — признался Долгоносик.

— Духов, скажем, боятся все. Ты боишься духов?

— Боюсь, — признался Долгоносик.

— А вот Человек Боя. Его ты боишься?

Долгоносик долго молчал, потом крикнул:

— Я не виноват!

— А кто виноват? — спросил Глава.

— Пускай я виноват. Но не один я виноват! Я маленький человек. Разве я сам решился бы на это? Разве я сам посмел бы это сделать? Однажды Человек Боя позвал меня и угостил рыбой...

— Мы слушаем тебя.

— С этих пор я стал к нему заходить. Мы разговаривали с ним, как друзья. О том о сем.

— Точнее.

— О том, что пришла пора жизнь изменить. Но однажды он сказал, что наши разговоры кто-то передал Длинному. И теперь Длинный грозит выступить с речью на совете и опозорить меня.

Почему же тебя? Тогда уж вас обоих.

— Меня опозорить проще, чем кого-нибудь другого. Хотя я только поддакивал и не говорил ничего такого... И тогда

Человек Боя мне посоветовал: хорошо бы прикончить Длинного. Но я сказал — не могу решиться. Но он засмеялся и сказал, что на меня никто не подумает. И дал мне чужую стрелу.

Глава обратился к Человеку Боя:

— Ты советовал ему убить Длинного?

— Советовал, советовал.

— Зачем?

— Старый дурак стал на нашем пути. Пришлось его убирать.

Люди были в смятении. Они неясно еще понимали, что происходит. Они еще не решались осудить тех, кто убил. Но уже с опаской отползали от Человека Боя. Только воинственные были спокойны, словно их ничего не касалось. Они ждали своего часа.

Долгоносик бросился к Человеку Боя.

— Но я отказывался! Скажи им, что я не хотел. Ведь я говорил: «Может быть, не надо!»

Человек Боя покачал головой.

— С кем связался, а? С кем связался!

Вдова накинулась на Долгоносика:

— Как ты мог убить моего мужа и не подумать о его жене!

— Я в это время думал о другом.

— А теперь я осталась одна. Ты знаешь, что такое одинокая женщина? На твоём месте порядочный человек женился бы теперь на мне.

— Не суетись, женщина, — остановил ее Глава.

Долгоносик вдруг вскричал:

— Нет, дорогая вдова! Нет, дорогие сородичи! Я вижу, вам хочется всю вину свалить на меня. Всегда, дорогие родичи, я был среди вас самый тихий, самый жалкий. Всю жизнь вы смотрели на меня сверху вниз.

И вот вы сидите, полные собою!

Переполненные до краев собою!

И вот вы смотрите на меня

и сравниваете с собою,

а я, никудышный, стою перед вами,

подавленный вашей важностью,

полнотой и переполненностью собою,

и оправдываюсь перед вами,
и смешу вас своим ничтожеством
и своей несообразностью ни с чем!

И все же. И все же, прошу вас выслушать еще одного человека. Может быть тогда вам станет еще смешней...
Ходок!

— В чем дело? — рассеянно спросил Ходок.

— Расскажи им, откуда взялась вторая стрела.

— Значит, ты выпустил не одну, а две стрелы.

— Одну я выпустил, одну. А другую выпустил ты!

Ходок повернулся к женщинам.

— Ничего не знаю, ничего не понимаю.

— Клевета, клевета, — поддержали Ходока женщины. —

Ты, Долгоносик, если сам виноват, зачем на других наговариваешь?

Глава жестом остановил женщин.

— Ходок, объясни-ка нам, как было дело.

— Не было дела! Не было! Ничего не было.

Человек Боя брезгливо передернулся.

— Не трясись, Ходок. Веди себя достойно, на тебя смотрят женщины.

Ходок бросил взгляд на женщин. Да, они смотрели. Тогда он словно увеличился в размерах и заговорил:

— Хорошо. Было! Не отрекаюсь и горжусь этим. Да, Человек Боя пригласил меня в гости. Да, ели рыбу. Да, говорили. Говорили, что добычу делят не по заслугам, а как попало. И я согласен с этим. Что делать, например, человеку, если он пользуется популярностью среди женщин? Их надо угостить, разве не так? Не говоря уже о том, что после этого вообще появляется аппетит. Мне нужно больше мяса, чем другим!

Глава прервал его:

— О Длинном расскажи.

— Да, потом зашла речь о Длинном. Да, Человек Боя открыл мне на него глаза. Оказывается, этот Длинный — он был шутник. Он подшучивал надо мной! Ничто так не роняет мужчину в глазах женщины, как неуместная насмешка. И есть законы чести, наконец! Да, я получил чью-то

стрелу. Чья — не интересовался. Да, я пригласил его жену к себе, чтобы Длинный остался один, и не было свидетелей. И пронзил его этой стрелой. И не считаю себя виноватым.

Женщины опять заступились за Ходока.

— Его можно понять.

— Можно, можно понять...

— Да и зачем его наказывать, — сказала вдова, — если он наказывает сам себя. Посмотрите, во что могут превратить человека беспорядочные связи!

— Мне трудно, но я не жалею.

— Это и привлекает к тебе сердца женщин, — нежно проговорила вдова.

— Ты опять суетишься, — прервал ее Глава.

— Я пострадавшая, я имею право. Если бы он женился, ему сразу стало бы легче.

Женщины заволновались.

— Нельзя пользоваться тем, что человек попал в беду! Нехорошо!

— Я бы оставила ему свободу. Я бы разрешила ему гулять с девушками по лесу.

— Помолчи, — попросил Глава. — Родичи! Произошло заранее подготовленное убийство. Выяснилось, что в нем участвовало два человека. И, значит, наказание понесут двое.

— Нет уж, дорогие мои, — восстал Ходок. — Только не двое. Не хотелось бы беспокоить такого человека, как Красноречивый, но придется. Красноречивый! Скажи нам несколько слов.

Красноречивый ответил сдержанно и красноречиво:

— Считаю, что у обоих были серьезные причины, и прошу оказать им снисхождение.

— Заодно попроси снисхождение себе! — вспыхнул Ходок.

— Может быть, я виноват в том, что недостаточно ценил Длинного при жизни. Но больше — ни в чем.

— Нет, ты достаточно ценил его. Ты боялся его!

— Чего я мог бояться?

— Ты боялся, что он переспорит тебя на совете.

— Он никогда бы меня не переспорил. Потому что правда на моей стороне.

— Зачем же ты уговаривал его не выступать, Красноречивый?

— Ради его же блага, бабник.

— Значит, ты знал, что ему грозило?

— Ему грозило стать посмешищем.

Глава сказал Ходоку:

— Подожди. Пусть Красноречивый скажет, что ему ответил Длинный.

— Длинный плюнул мне в правый глаз. Единственное, что ему оставалось, когда не хватает запаса слов. Но я ему на это возразил: «Длинный, а дурак».

— А тебе не захотелось отомстить ему?

— Но я же отомстил! Мое оружие — слово. Дорогие родичи! Я в конце концов отказываюсь понимать. Было же две стрелы: одна стрела Ходока, другая стрела Долгоносика. Ходок, видимо, намекает, что в этом убийстве участвовал и я. Но где же тогда третья стрела?

— Ты промахнулся, слепая курица! — расхохотался Ходок.

Глава попросил:

— Покажите нам, где это произошло.

Ходок быстро пошел к лесу. Все поднялись и, боясь отстать, бросились за ним. Обошли ржавое болотце, пробрались через петли ползучих растений.

Здесь было сумрачно. Странные листья, как бледные лампы, светились в скрещении ветвей.

Люди сгрудились, не решаясь подойти к месту убийства. Дети замолкли.

— Предположим, я — Длинный, — сказал Глава. — Я поговорил с Ходок. Теперь Ходок, где ты в это время стоял?

Ходок занял свое место за стволом дерева.

— Долгоносик, где в это время был ты?

Долгоносик стал за стволом другого дерева.

— Красноречивый, займи свое место.

— Какое место? Какое место? Меня тут не было!

Ходок показал:

— Он там стоял. И Длинный шел как раз в его сторону.

— Стань туда, — сказал Глава.

— Хорошо, я стану, но меня здесь не было.

Человек Боя наблюдал за этим со стороны, усмехаясь.

Глава сказал:

— Итак, вот Длинный идет в твою сторону.

Медленно зашагал к Красноречивому. Все ближе.

Как вдруг тот закрыл лицо руками и закричал:

— Хорошо, я сознаюсь!.. Но не полностью. Мы стреляли одновременно. Но я не успел натянуть тетиву, как Длинный вдруг упал. И превратился в труп.

Глава обратился к людям.

— Дорогие родичи! Теперь нам известны все, кто повинен в гибели Длинного. Почти все. Нам предстоит решить, какую кару они заслужили.

Но тут Человек Боя, перебив его, пророкотал:

— Может быть, по моему лбу слишком много лупили дубинками враги, и он перестал соображать. Может быть, я гожусь только на то, чтобы отдать за вас жизнь молча. А говорить мне не положено. Тогда растолкуйте мне, что происходит. Второй день нам тычут этого Длинного. А что Длинный! Он хотел стать на нашем пути к обыкновенной справедливости. Однако, нашлись среди нас люди, которые ему помешали. И вот, вместо того, чтобы воздать им почести, мы обвиняем их! Как будто они совершили преступление! Что, Друзья, разве не так?

Воинственные зычно закричали:

— А то нет!

— Довольно уж!

— Хватит уж!

— Пора уж!

Черепашка запричитала:

Оборотни!

Не морочьте нас!

Простодушные,

простецкие,

непорочные!

Оборотни

с улыбочками безобидными!

Заклинаю вас!

Незаметные,

станьте видными!

Оборотни,
нам в глаза светло глядящие!
Ящерицы!
Обернитесь
ящерами!..

Красноречивый в страхе забормотал:

— Чур меня... Чур меня... Нечего заклинать, нечего!

— Здесь наводят порчу на людей! Возьмите-ка ее! — распорядился Человек Боя.

Двое воинственных направились к Черепашке, но Ушастый бросился на них, и они покатались по земле.

— Так вот для чего ты берег своих молодцов! — ошеломленно крикнул Долгоносик. — Наше дело было убрать Длинного, а они чистенькие, они вступают в игру теперь!

— Этого тоже взять, — велел Человек Боя.

Двое воинственных направились к Долгоносику, но он побежал от них, увертываясь. Началась оголтелая жестокая драка.

Глава поднял руку, но на него не обращали внимания. Тогда он выхватил кого-то из свалки, повернул к себе.

— Меня стукни. Меня! Хлобыстни! Врежь мне по глазам! Хрясни меня по шее! Сорви на мне злость, сразу станет легче!

Выхватил одного за другим, кричал:

— Укуси меня! Кусай! Какие клыки у тебя острые! Откуси мне ухо! Перегрызи мне глотку!.. А это кто же? Девушка! Крепкие у тебя, оказывается, когти. А ты — меня! Меня! По роже моей старой! Интересно же, — будет о чем рассказать!

Люди расползались, разбрелись. Драка иссякала.

— Раздор и склока. Раздор и склока... Это конец.

— Нет, старый, сказал Человек Боя. — Это не конец. Это начало... Подойди, юноша.

Один из воинственных, смущенно улыбаясь, подошел.

— Вчера в лесу на него напал тигр. А у него в руках была одна рогатина. И он победил, одержал победу над полосатым! Вот какие люди нам нужны. Вот кому первое место и на совете, и у костра! Потом станем лелеять никчемных

и бесполезных. Потом, это я тебе обещаю. Но пока пускай они потеснятся.

— Пускай потеснятся, — поддержали Человека Боя воинственные.

— Пускай потеснятся!

Мы видели этих людей и раньше, но что-то изменилось в них. Как будто выросли подбородки, как будто укоротились лбы.

Ушастый встал перед Человеком Боя.

— Значит, ты считаешь, что одни могут быть сыты, когда другие голодны, так тебя понять?

— Да, Ушастый, ты смысленный парень.

— И значит ты считаешь, что свирепость — это для человека самое главное, так, да?

— Да, я Человек Боя, для меня это самое главное.

— А тех, кто не так свиреп, надо уничтожить. Так, да?

— Да, приятель, бесполезных полезно уничтожать.

— А помнишь ли ты, что если луна увидит кровь человека, пролитую его сородичем, то этот сородич должен умереть?

— Сначала ты умрешь, Ушастый.

Две стрелы просвистели в воздухе. Они поразили Ушастого в спину.

Вскрикнули женщины, толпа угрюмо вздохнула, и стало тихо.

Черепашка бросилась к Ушастому, взгляделась. Боясь понять, что произошло, она села на землю, рядом с ним.

— Надо было увести тебя отсюда. Я не смогла, прости меня. Прости меня. Прости меня.

Глава рода, опираясь на палку, подошел к обожженному стволу дерева. Снял со лба повязку — знак своего звания — и повесил на сук.

— Пора уходить, — сказал он.

Человек Боя приблизился к нему, проговорил севшим вдруг голосом:

— Не уходи, старый. Не оставляй нас. Самый большой костер мы будем раскладывать тебе. Не думай, отец, что я все забыл. Ты хром из-за меня. Твоя нога спасла нам жизнь...

Да, отныне мы пойдем новой дорогой, но мы пойдем вместе с тобой.

— Нет, друзья мои, — отвечал Глава. — Не я поведу вас этой дорогой. Вы уже пошли по ней. Я давно уже стою в пыли, поднятой вашими ногами. А кто теперь будет вместо меня, он скоро объявится. Приготовь свою речь, Красноречивый. Когда ты успеваешь собраться с мыслями, ты говоришь особенно красноречиво. Я иной раз завидую твоему умению. И тебе, Ходок, можно позавидовать. Ни на кого не прольется столько счастья, сколько на тебя. Как на глухого — птичий щебет. Как на слепого — свет солнца. А тебя, вдова, не знаю чем утешить. Поплачь, это помогает. Ты перед всеми унизилась, теперь едва ли кто-нибудь захочет жениться на тебе. Никто не узнает, как ты красива, когда купаешься в озере. Красивее юных девушек. Плачь. Едва ли кто-нибудь испытает гладкость твоей кожи, ласку твоих рук. Перед тобой, Черепашка, я не виноват. Я говорил Ушастому: уходи. Он не захотел.

А я иду. Пора, пора идти.
Мне кажется, что ухожу не я,
а вы идете. Нам не по пути.
Желаю я тебе, моя семья,
нестрашных горестей, нетяжких бед...
Я здесь остался.
Я смотрю вам вслед.

Люди опустили перед ним на колени. Вдова плакала. За ней заплакали другие женщины.

Глава заковылял прочь.

Красноречивый

Военачальник! В этот трудный час,
в час, выражаясь проще, грозовой,
ты лучший здесь, ты первый среди нас.
Прости меня, ты должен стать Главой.

Человек Боя

Клянусь, друзья, грядущую победой...

Долгоносик

Нет, будущим ты не клянись. Оно
позором этих дней осквернено.

Человек Боя

Кто там опять? Все тот же Долгоносик?

Долгоносик

Да. Долгоносик! Жить в постыдном страхе
перед тобою — то же, что не жить.

Человек Боя

Зачем же в страхе? Что с тобою, брат?
Иная мне рисуется картина:
как пчелы, что на всех цветах собирают
их сладкий сок, мы, рот набивши медом,
летим в свой улей и, подобно пчелам...

Долгоносик

Встречаем смерть в награду за труды!
Уже две жизни только за два дня
тебя своею кровью запятнали.
И может быть, через одно мгновенье
тебе на душу тяжело ляжет третья.

Человек Боя

Чья же это жизнь?

Долгоносик

Моя, вот в чем беда.
И — в спину, в спину, вам не привыкать...

Он повернулся, чтобы уйти, но две стрелы, просвистев,
паразили его в спину.

Человек Боя (*в ярости*)

Кто там стрелял? Связать и наказать!
Неужто недостаточно убийств?
Неужто не настало время мира,
покоя и порядка в нашем роде?

Черепашка

Нет, не настало! И не будет больше!

Человек Боя

С почетом должным схоронить обоих.
Голосованье и гулянье — завтра.

Он хотел было уйти к себе, но вдруг быстро, как животное, обернулся и присел в страхе:

— Что?!

Люди стояли, пригнувшись, готовые нападать или спастись. Смотрели на Человека Боя тревожно.

Просвистела стрела. Он быстро, по-звериному присел и увидел, как люди стоят, глядя кто куда.

ДУЛЬСИНЕЯ ТОБОССКАЯ

Селенье

Декабрь. 1615 год. Селенье Тобосо. В зажиточном крестьянском доме, за пустым дощатым столом, сидели: Альдонса, девушка двадцати шести лет, ее отец, ее мать, ее жених и Санчо Панса, худой человек с выпуклыми светлыми глазами.

Отец сказал: А я думал, что вы полнее.

— Раньше я был полный, а теперь худой, — объяснил Санчо.

— И в книге написано, что Санчо Панса полный, — подозрительно заметил жених.

— Но потом я похудел.

— Когда же это с вами случилось? — поинтересовался отец.

— Недавно.

— Что-нибудь со здоровьем? — спросила мать.

— Горе у меня было. Неприятность. Беда.

Все закивали головами:

— Да...

— Да...

— Да...

Только Альдонса не сказала «да». Она была не то злая, не то сонная.

Отец сказал: Говорят, это был прекрасный человек.

— Цвет рыцарства, гордость Ламанчи, — подтвердил Санчо.

— Да и одной ли только Ламанчи!

Санчо с горечью произнес: Теперь, когда его нет, мир наполнится злодеями. Потому что все злодеяния будут оставаться безнаказанными.

— На улице не выйдешь, — поддержала мать.

Санчо привычно проговорил: Смиренный со смиренными, гордый с надменными, он смотрел опасности прямо в глаза. Он не унывал в бедах. Он был влюблен ни в кого.

Мать не поняла: Вы изволили сказать, что он не был влюблен ни в кого?

— Он б ы л влюблен ни в кого.

Отец обратился к жениху: Понял?

— Не понял.

Мать попросила: Если можно, скажите еще раз, Санчо, он н е б ы л влюблен или б ы л влюблен?

— Разумеется, был.

— В кого же, интересно было бы знать? — съязвил жених.

— Ни в кого.

Отец начал гневаться: Ведь ясно, черт побери! Что ты привязался к человеку?

— А говорят, что в книге написано иначе.

— Владычицей его души была несравненная Дульсинея. Но она как бы была, но в то же время ее как бы и не было! Но он был верен ей и отвергал королев, императриц и всякого рода дам.

— Значит она как бы и была? — продолжал язвить жених.

— Как бы и была.

— Но уж во всяком случае, это была, наверно, знатная дама? — сказал отец.

— Она была бесподобна по своей родовитости. Ибо на благородной крови произрастает красота более высокая, нежели у низкого происхождения.

— Теперь тебе ясно? — спросил жениха отец.

— Почти что.

— Слава богу. Но что же мы не выпьем за знакомство? Такой человек, Санчо Панса — и не зазнался, пригласили — пришел. Теперь-то вас, наверно, все зовут. То никому не были нужны, а то всем понадобились!

Мать внесла бурдюк с вином и кроличий пирог. Санчо оживился.

— А вы уверены, что Дульсинея — знатная дама? — жених ядовито спросил, обращаясь к Санчо.

— Сказано же, к чему сто раз повторять? — свирепел отец.

— Ее знатность была видна на расстоянии арбалетного выстрела.

Жених заметил: Но ходят слухи, будто вы как-то застали ее за просеиванием зерна? Во дворе, как какую-нибудь затрапезную крестьянку?

— Да будет вам известно, что с нами всегда творились вещи, совершенно не похожие на те, что случались с другими странствующими рыцарями.

— С ними всегда творились такие вещи! — подхватил отец.

— Завистливые волшебники видели, что их козни и каверзы на нас не действуют, так они — что? Вымещали свою злобу на той, что была моему господину дороже всего. Вот они и превратили ее в крестьянку и принудили исполнять столь черную работу, как просеивание зерна.

— И замолкни. И пей, — повелел отец жениху.

— Еще вопрос. Почему эта Дульсинья называется Тобосская? — не унимался жених.

— Дульсинья Тобосская, это верно, так она называется, — сказал Санчо.

— Значит, она живет в Тобосо?

— Раз Тобосская, значит в Тобосо, где же ей еще жить?

— Мало ли в Тобосо девушек. Не наше дело в этом разбираться, — возмутился отец.

— Но у такой знатной дамы должен быть дворец в Тобосо. Почему-то о нем ничего не известно, — настаивал жених.

Санчо был озадачен: Действительно, чем бы это объяснить?

— Это я вас спрашиваю, чем бы это объяснить?

— Дай человеку поесть, — вмешалась мать.

— Это жених нашей дочери. Дотошный парень, — обозлился отец.

— И все же прошу ответить на вопрос. Ибо это кровно меня касается. А также и всех остальных. Только все делают вид, что это их не касается. А я не хочу делать вид. Кто же такая эта знатная дама из Тобосо? Ее нетрудно здесь отыскать, — каменя, сказал жених.

— Как же ее отыщешь, если она была превращена в невоспитанную сельчанку! В заколдованную, оскорбленную,

униженную и подмененную! И вот почему я буду всечасно ее оплакивать. Ибо только благодаря несравненной Дульсинее село наше станет знаменито и прославится в веках, подобно тому, как Трои прославила Прекрасная Елена.

— Пойдите, тогда уж не надо отвлекаться. Это господин ваш был, как говорят, помешан, но вы же, слава богу, в здравом уме? Вы упомянули здесь презренную крестьянку, в которую ваши недруги превратили Дульсинею. Тогда расскажите нам про эту крестьянку, и дело с концом. Если бы она сейчас попалась вам на глаза, вы бы ее узнали? — спросил отец.

Санчо уже охмелел: Еще бы! Я распознал бы ее на расстоянии полета копья. Едва мы с господином выехали из лесу, как вместо нашей принцессы, которая вот только что восседала передо мною на иноходце, к нам приближается поселянка на ослице! «Ах, мошенники! — кричу. — Эх вы, волшебники зловредные! За что же вы так нам досаждаете?» Я спешился, взял за недоуздок осла той поселянки, в которую обратилась Дульсинея и сказал: «Королева, принцесса и герцогиня красоты! Вот блуждающий рыцарь Дон-Кихот Ламанчский стоит рядом со мной как столб, сам не свой. Это он замер перед лицом великолепия вашего!..» Тут и он опустил рядом со мной на колени и устремил смятенный взор на ту, которая была королевою и герцогинею, хотя и выглядела деревенской девкой, к тому же не слишком приятной наружности и с родимым пятном над губой.

— Вы сказали — с родимым пятном? — встрепелась мать.

— Над губой было пятно.

— Вот здесь? — спросил отец.

Санчо повернулся так, чтобы припомнить.

— Здесь.

— Да это же Марсела! — ахнула мать.

— Батрачка Марсела со своими сестрами ехала на базар! — воскликнул и отец.

— Они еще рассказывали, как их напугали двое умалишенных!

Отец и мать накинулись на жениха.

— Сообрази, кто такая Дульсинея?

— Теперь успокоишься, изверг?

— Теперь успокоюсь, — сказал жених.

— Наконец-то, — сказал отец.

— Знали бы вы, какую он тут затеял свару, — поддержала его мать.

— Ну, чтобы совсем уж хорошо покончить, — продолжал жених, — пускай Санчо Панса нам скажет, почему в книжке про хитроумного Дон-Кихота указано, что Дульсинея — это дочь зажиточного крестьянина из Тобосо, а по имени эта девица — Альдонса!

Как гром прозвучала его речь. Вздрогнул отец девушки. Окаменела мать. Не поднимая глаз сидела Альдонса.

— Откуда ты это взял? Ты и читать-то не умеешь! — вскричал отец.

— Я специально ездил в Толедо, и там один бакалавр мне это сказал.

— Мало ли что сказал бакалавр! Не мог настоящий идалго прельститься и совершать приключения ради деревенской девки, которую и замуж-то никак не выдать! Да посмотрите на нее хорошенько! Ну, похожа ли она на прекрасную Дульсинею или на что-либо подобное? — взывала мать.

Санчо долго молчал, понурясь над пирогом. Потом поднял голову и в первый раз осторожно, искоса посмотрел на хмурую Альдонсу и сказал.

— Она.

Жених расхохотался.

— Прошу прощения, Санчо, но тут уж начинается какая-то путаница, — сказал отец.

— За что же вы возводите на нее напраслину? Девушка послушная, проворная. Утром — другие еще кофе пьют — она уже на рынок, продаст зелень — бегом обратно, подоит корову — в город с молоком, — поддержала его мать.

— И сошьет, и побелит, и медную посуду почистит.

— За что же вы ее порочите!

— Если вам что-нибудь нужно, — скажите, не обеднеем, у нас и козы доход приносят, и с виноградом не в накладе.

Санчо смотрит на них дико: Вы отказываетесь от этой чести? Вы отказываетесь от этой славы? Ради сеньоры Дульсинеи мой господин набрасывался на сотню вооруженных

людей, как мальчишка на спелые дыни! Перед смертным боем он поручал свою жизнь защите прекрасной Дульси-неи! Знаете ли вы, чурбаны, что если бы она не вливала силы в его десницу, то он не убил бы и блохи! Это доблесть Дульси-неи избрала его руку своим орудием! Она сражалась в нем и побеждала! Чтобы угодить Дульсинее, он забирался в горы, как дикарь, и, голый до пояса, каялся. Спал на земле, во время трапезы обходился без скатерти, не чесал бороды, плакал и благословлял судьбу!

Только сейчас заговорила Альдонса: Что же это он ни разу не заходил увидиться с нею?

— С кем — с нею? — не сразу понял Санчо.

— Ну — со мной, вы говорите.

— Слышали? Вот о чем она спрашивает! Зачем тебе было видиться с ним, поганка! — возмутился жених.

— Что ты привязался к девочке? Ну спросила из любопытства. В кои-то веки ухажер объявился, — сказала мать.

— Да ведь не увиделись же! Не увиделись они, не виделись, нудный ты парень! — поддержал ее отец.

— Это мы еще выясним. За столько лет ни разу не повидались. Трудно поверить, — настаивал жених.

Санчо снова увял: Благородный Дон-Кихот не увиделся со своей госпожой, потому что она не ответила ему на письмо.

— А! Значит еще и письмо было! — побагровел жених.

— Давай сюда письмо, — потребовал отец у дочери.

— Письма у ней нет, потому что я его не отдал ей, — объяснил Санчо.

— Поверим. Что же там было сказано? Ваш господин наверняка с вами поделился, — настаивал жених.

— К чему говорить о письме, если нет его, — сказала Альдонса.

— Почему же — не к чему? Именно есть к чему.

— Нет, вот именно и не к чему.

— А по-моему, дочка, раз уж зашла об этом речь, лучше пусть расскажет. Такой кабальеро не мог написать ничего дурного, — сказала мать.

— Санчо, только от себя, уж пожалуйста, ничего не прибавляйте, — добавил отец.

— К чему прибавлять-то? И прибавлять-то не к чему. Не было письма! Не давал он мне ничего! Неужели трудно понять, — вскричала Альдонса.

— Но ведь тогда этот балбес еще хуже будет тебя подозревать!

— Пусть подозревает, если балбес.

— Вот как. Ничего, сиротой не останемся. Шестнадцатилетние девочки бегают без дела, — обиделся жених.

— А такое хозяйство там бегает? — сказал отец.

— Хозяйство дело наживное. Но сперва давайте разберемся до конца. Забыли вы письмо. Значит передали его на словах?

— Не передал я его на словах, — сказал Санчо.

— Почему же?

— Не повидал я сеньору Дульсинею. Не добрался до нее.

— Даже не добрался! Так далеко от вашего села до нашей Тобосы?

Санчо виновато обратился к Альдонсе: Дело в том, госпожа, что именно к этому времени мой господин нацелился на королевский трон — я имею в виду принцессу, которую он собирался спасти и жениться на ней.

— На ком это он там жениться собирался? — вскинулась Альдонса.

— В том-то и дело, что не собирался он жениться, у него и в мыслях этого не было! Но я-то, грешным делом, рассчитывал, что коль скоро это сбудется, то он и меня женит. Потому что я к этому времени уже овдовею — и сосватает мне какую-нибудь знатную даму. Вот какие чудовищные мысли бороздили мою голову! И потому я ему наврал, что видел вас. И будто вы просеивали зерно. И потому я не передал вам его любовное письмо. И все это я говорю, чтобы вы поняли, какой я негодяй и чего я стою.

— Так что он там — женился, нет?

— Как же он мог жениться, если владычицей его души была Дульсинея! Когда же я из-за своей гнусности не стал разыскивать Дульсинею и вернулся ни с чем — господин принялся меня расспрашивать: «Вот вручил ты письмо. Чем была в это время занята царица красоты? Вернее всего,

низала жемчуг?» — «Никак нет, — сказал я, — она просеивала зерно у себя во дворе».

— Почему же ты так сказал?

— Я иной раз потешался над своим господином. А зачем — не знаю... Тогда он спрашивает: «Что же она сказала, когда прочитала мое письмо?» — «Она, мол, сказала, что страх как хочет с вами повидаться».

— Ну, братец, вы такие петли мечете, что вас трудно понять. Если она ничего этого не говорила, зачем же вы это говорите? — возмутился отец.

— Я говорю не то, что было, а только то, что я говорил.

— А раз говорил, так и говори до конца: когда ты сказал, что я зову его прийти, — что он Тебе на это сказал? — спросила Альдонса.

— Вот она и создалась! Все слышали? Значит, ты все-таки звала его прийти? — торжествовал жених.

— Да ведь сказано тебе, что он наврал? — вступился отец.

— Что он наврал?

— Все наврал!

— Там может быть и то наврал, что все наврал?

— Почему же, Санчо, твой Дон-Кихот и на этот раз не пришел ко мне, когда я сама его позвала? — спросила Альдонса.

— Да потому, что по законам рыцарства, он сначала должен был выполнить свое обещание и спасти принцессу от великанов! А потом уж думать об удовольствиях! Разве не так?

— Не знаю ваших дел. А кто она была, эта принцесса, о которой вы все время тут толкуете?

— Эта сеньора, которая выдавала себя за принцессу, оказалась такая же принцесса, как моя супруга Тереса.

— Любопытно было бы услышать, с какими дамами еще был знаком ваш господин.

— Еще в него была влюблена девица Альтидисора.

— Тоже принцесса?

— Это была горничная, но ей едва стукнуло пятнадцать лет. Самая здоровая девушка во всем замке. Но при виде Дон Кихота ей сразу становилось дурно, и подругам приходилось расшнуровывать ей корсет.

— Мы корсетов не носим, у нас и так все в порядке. Так что же там с ней стряслось?

— Она пела ему под лютию и молила бога, чтобы Дульсинея так и не вышла из-под волшебных чар, и чтоб он не наслаждался и не взошел с нею на брачное ложе.

— Дура стоеросовая. Дворцовая подметалка.

— Теперь вам ясно, что это был за человек? И это только начало. Если бы наш гость Санчо Панса не поленился и продолжил свой рассказ о любовных похождениях пресловутого Дон-Кихота, то мы бы наверняка услышали немало интересного! — рассудил жених.

Санчо сказал, наливаясь гневом: О подлые, нескромные, неучтивые, невежественные и косноязычные люди! Наушники и клеветники! Вы думаете, я пришел к вам ради вашего пирога? Я пришел взглянуть на ту, перед которой так тяжело виноват. Не вам, а ей я хотел передать все слова моего господина, которые он обращал к ней. Может быть, я сболтнул что-нибудь и не так. Дурак в своем доме скажет лучше, чем умник в своем. Но знай одно, Альдонса, — страшнее всего была для моего господина мысль, что какая-нибудь девица его пленит и заставит нарушить обет целомудрия, который он дал владычице своей Дульсинее. И вот как он стонал ночами, не давая мне заснуть: «Для одной лишь Дульсинеи я — мягкое тесто и миндальное пирожное, а для всех остальных я — кремь. Одна лишь Дульсинея для меня прекрасна, разумна, целомудренна, изящна и благородна. Все же остальные безобразны, глупы, развратны и худородны. Природа произвела меня на свет для того, чтобы я принадлежал ей, а не какой-либо другой женщине».

— Да что же это в самом деле! Он же и знать меня не знал! — возмутилась Альдонса.

— Знал он тебя, знал, в том-то и дело.

— Вот наконец кое-что и выясняется, — обрадовался жених.

— Когда еще он скромно и бесславно жил в своем селе, ел винегрет и читал рыцарские романы и звали его просто Алонсо Кихано, — сказал Санчо.

— Тощий Алонсо Кихано, — поразились Альдонса.

— Иногда он забредал в наше Тобосо и тут влюбился в тебя за твою миловидность.

— Я не обращала на него никакого внимания.

— Ты не обращала на него внимания, но ты показалась ему достойной быть владычицей его помыслов. И он выбрал тебе имя, которое не слишком бы отличалось от твоего собственного, но в то же время напоминало бы имя какой-нибудь принцессы — Дульсинея Тобосская. Потому что ты родом из Тобосы.

— Но он и слова мне не сказал!

— Потому что его чувство всегда было возвышенным и далее почтительных взглядов дело не заходило.

— Тоший Алонсо Кихано...

— Алонсо Кихано Добрый, так его все звали в Ламанче.

— Вот и вышло все на чистую воду, — сказал жених.

— Что вышло-то? — вскинулась мать.

— То, что они были знакомы и встречались!

— Какие же это встречи? Человек три раза в жизни видел девушку и ничего себе не позволил, а только пялил глаза, может быть, с другого конца улицы!

— Какая разница, сплетни все равно будут.

— Если ты сам не станешь трепать языком, то и сплетен не будет. У нас и читать-то никто не умеет, и знать никто не узнает, что там в Толедо написали, — сказал отец.

— А если даже сюда и дойдет какой-нибудь слух? Что плохого в том, что твоя жена стоит такой любви? — добавила мать.

— Что делать, когда настоящие парни уходят в город, то и такой может поторговаться.

— А если сюда понаедут городские молодчики, любители романов, да начнут из любопытства подбиваться к моей жене? На будущее вот тебе мой совет, дорогая: дальше постели ног не вытягивай! — сказал жених.

— Это он ревнует, потому и беснуется, — объяснила мать.

— Ревновать-то я не ревную, а зло меня берет, это верно, — ответил жених.

— Об этом я и говорю.

Отец решил: Давайте закругляться. Вспомните, Санчо, не нужно ли вам сменить дверь в кладовку?

— Пора бы, — согласился Санчо.

— А не надобны ли вам листья для шелковичных червей?

— Не помешали бы и листья.

— Вот что, дружище. Вы должны сказать всем и объявить, что Дульсинея — не она.

— А кто же тогда Дульсинея?

— Кто угодно, только не она.

— Та, с родимым пятном над губой, Марсела, — вмешалась мать.

— Марсела — Дульсинея, — подтвердил отец.

— Он перед ней становился на колени? Она и Дульсинея.

— Ее заколдовали — значит, Дульсинея она. А что написали в книге несведущие люди — нас не касается. Санчо Панса лучше знает.

Отец показал на дочь: Не она?

— Не она, — сказал Санчо.

— А кто? — спросила мать.

— Не знаю.

— Черт побери, Дульсинея — Марсела с родимым пятном! Ведь так, Санчо? — рассердился отец.

— Так, — согласился Санчо.

— Кто Дульсинея?

— Марсела с родимым пятном.

Отец обратился к жениху: Доволен?

— И пускай оповестит жителей Тобосо, что между Альдонсой и Дон-Кихотом ничего не было, — потребовал жених.

— Если она вообще не Дульсинея, зачем же оповещать, что между ними ничего не было? — вмешалась мать.

— Дурень, если Санчо начнет ни с того, ни с сего кричать, что между ними ничего не было, — это как раз и посеет ненужные подозрения. — поддержал ее отец.

— Хорошо, тогда пускай он скажет хотя бы нам, было что-нибудь между ними или не было? — настаивал жених.

— Изверг естества! Подвал гнусностей! Копилка небылиц! Неужели тебе еще не ясно, что между ними ничего не было? Санчо, повтори ему, что ничего не было!

— Ничего не было, — сказал Санчо.

— Ничего не было! Понял?

— Он и видел ее всего раза три, и то еще до того, как немного тронулся в уме.

— До того, понял?

— Она тогда и внимания на него не обратила.

— Она и внимания не обратила! Понял?

Тут вступила Альдонса: Понял он, понял. А теперь, женишок, держись за скамейку, я тебе скажу правду.

— Вся правда сказана, и довольно, — беспокойно сказала мать.

— И нечего меня выгораживать, надоело. Скучно мне оправдываться перед тобой. А что было, то было, и не тебе меня судить.

— Опомнись, что между вами могло быть!

— Все.

Отец сразу поверил: Где?

— На сеновале.

— Когда?

— Весной.

— Весной ты коз пасла в горах! — возразила мать.

— Я молоко носила домой.

— Весной дожди шли, на сеновале все сено замокло!

— Матушка, какое это имеет значение?

— Я знал это! Я сразу это понял, только у меня еще не было доказательства! — торжествовал жених.

— Ты думал, раз в селенье мало мужиков, так я никому не нужна? Любая женщина хоть кому-нибудь да нужна.

— Вон из дома. — сказал отец.

— Хорошо, батюшка.

Альдонса встала и пошла к двери.

Жених стал удерживать ее: Нет, зачем же так! Это лишнее, батюшка. Куда она пойдет?

— Ты свое дело сделал, заткнись.

— Что до меня — так я прощаю. Если она раскаялась — я согласен: Ничего не было. Я хотел, чтоб я не один мучился, но и ты тоже. Может быть, я и хватил через край. Но я согласен. Несмотря ни на что. Несмотря на твой возраст.

— Скучные вы. Скучные. Я спать перестала от скуки, — сказала Альдонса.

— Не от скуки, а замуж тебе пора, — возразила мать.

— Вышла бы я за него, но только чтоб овдоветь в тот же час.

— Видите, сколько в ней злости? Но я все равно согласен, — сказал жених.

— Счастливо оставаться.

Мать бросилась к двери, преградив Альдонсе путь.

— Моя бабка была замужем, и я была замужем, и ты будешь!

— Будет, будет. Завтра свадьба, — усмехнулся жених.

— Ну и слава Богу, — сказал отец.

— А я вам скажу, Альдонса, что драгоценней всего на свете — свобода. И с нею не могут сравниться никакие сокровища, — убежденно сказал Санчо.

— Не безобразничай, пучеглазый. Пришел за шерстью — гляди, как бы самого не обстригли, — рассердился отец.

— И напротив того, неволя есть величайшее из несчастий, какие могут случиться с человеком!

— Какая же это неволя, замуж выйти? Спасибо, что человек согласен ее кормить! — воскликнула мать.

— А на это я вам скажу: блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он никого не обязан благодарить, кроме самого неба!

— Ну, винный бурдюк, придется тебя приостановить, — сказал жених и отвесил Санчо оплеуху.

— Чтоб тебе блохи глаза выели! — вскричала Альдонса и отвесила оплеуху жениху.

— Ты еще и руки распускаешь, обрзина? — возмутилась мать и отвесила оплеуху Альдонсе.

— Не смей лупить девушку, окаянная! — завопил отец и отвесил оплеуху жене.

— Живодер! — рассердилась мать и отвесила оплеуху мужу.

Дом изысканных удовольствий

Комната была так обставлена и отделана, что всякому сразу становилось ясно: здесь живет достойная и приличная дама. В золоченых клетках посвистывали канарейки.

Альдонса в своем туалете сочетала сельскую наивность и моду больших городов. Что же касается сеньоры Тересы, то она выглядит так благородно, что благородней ее едва ли отыщутся две или три сеньоры в Толедо.

— Дон Лопес от бешенства ходил по потолку! Изорвал твою мантилью и вопил на весь город! Чем он не угодил тебе, пустоголовая? Что туг стряслось? — спросила Тереса.

— Поначалу все шло хорошо. Он сказал, что моя красота так его пленила, что он более не может с собой бороться, — отвечала Альдонса.

— Прекрасное выражение.

— Он сказал, что его вздохи испепеляют воздух.

— Удачно.

— Его жалобы утомляют внимающие небеса.

— Вот запомнила бы, при случае ты сама могла бы так выразиться! Как же ты ответила на это?

— Я ответила, что от его слов моя душа подступила к горлу и торчит там, как грецкий орех.

— Не слишком изящно, но простодушно. Этим всегда брала Кристина.

— Тогда он сказал про ланиты.

— Ланиты — это щеки.

— А я подумала, что это неприличное. Потом он сказал про Тантáл.

— Тántал, — поправила Тереса.

— Он сказал «жаждущий Тántал».

— Ну, это тебе не обязательно знать. Надо просто слушать, скромно потупясь.

— Дальше я не помню, потому что у меня болела голова, наверно от угара. Я сказала, что я, наверно, угорела и сейчас мне не до этих тонкостей.

— А к чему было об этом докладывать? Зачем ему знать, что ты угорела или маешься животом? Ты — Дульсиня, ты должна быть высшее существо, как бы бесплотное!

— А он мне возразил, что я бесчувственное животное.

— И он был прав, и нечего обижаться.

— Я и не обиделась. Но он еще возразил, что я неблагодарная тварь. Тогда я обиделась и возразила ему: чтоб тебе дюжину жаб сожрать.

С этим кабальеро покончено. Но, может быть, и к лучшему. Сегодня к тебе придет другой кабальеро. Единственный сын человека, которого из почтения я и назвать тебе не могу. Сейчас ожидает в наследство приличный майорат. Но и ты должна постараться. Кстати, когда тебя называют Дульсинея, ты не должна вздрагивать, как будто тебя ужалил в ягодицу овод. Да и есть поменьше надо. Дон Лопес был поражен: какая это Дульсинея, она здорова как яблоко! Пускай знатных сеньор уважают более, нежели нас, но в искусстве любви мы должны превосходить их, иначе нет никакого смысла. Да, мы предпочитаем любовников с деньгами, навьюч ослика золотом — он и в гору бегом побежит. Но кабальеро должен быть уверен, что он добился твоей любви не с помощью денег, а благодаря своим личным достоинствам. Правда, положение осложняется тем, что ты Дульсинея. Раз ты Дульсинея, то вынуждена быть непорочно девственной. Цветок твоей девственности есть дар. Стоит только сорвать розу с куста, как она увяла. Сегодня у тебя ничего не болит?

— Нет.

— Юный Маттео, который к тебе придет, видел тебя только издали, на балконе, и влюбился до смерти. Если, бог даст, ты его не разочаруешь, и он скажет тебе слова любви — что ты должна ему ответить?

— Я знаю, что любовная страсть в человеке есть неразумный порыв, который выводит человека из равновесия. И он, попирая...

— Препоны, препоны. Можно проще: препятствия.

— Попирая препоны, неразумно устремляется вслед желанию. Но едва человек достигнет своего, как это теряет для него всякую цену.

— Так и будешь тарашиться? У тебя должны быть очи, подобные сияющим звездам!

Альдонса сделала.

— Боже мой. Допустим...

— Если вы, сеньор, пришли сюда за моим сокровищем, то получите его только после того, как свяжете себя узами брака. Ибо девственность может склониться только перед этим священным игром...

— Хорошо Он готов, он согласен, ибо остаться без тебя или умереть — для него одно и то же. Но сначала он хочет убедиться в твоей любви. Это опасный момент. Тут придется решать на месте, ибо откладывать решение нельзя. Можно все проиграть, но можно все и выиграть. И ты решилась. Как ты дашь об этом понять?

— Каждое слово ваше — пушечный выстрел, разрушающий твердыню моей чести...

— Это в самом крайнем случае. Ясно? Держаться надо до конца. Но вот — свершилось.

— Вы сразили мою добродетель, так сразите же и самую жизнь! Убейте меня сию же минуту. Женщина, лишенная чести, не должна жить!

— Прелестно! Именно так одержала свою победу Инес.

— Но к восьми часам вечера кабальеро должен будет уйти.

— Что такое?

— Не могу вам сказать.

— Не завела ли ты себе какого-нибудь лоботряса, который всех нас оставит с носом? Я у нее девичества спрашиваю, а она, того и гляди, ребеночка донашивает?

— Я чиста и непорочна, донья Тереса, и никому не дам себя подковать.

— Надеюсь.

— Но к восьми часам я должна быть свободна.

— Если это достойный человек, то зачем ты его от меня скрываешь? А если недостойный, то к чему он тебе?

В дверь условно постучали.

— Пришел Маттео. Скажешь ему, что у тебя привычка перед сном читать Часослов. И только поэтому ты просишь его удалиться.

Она придала Альдонсе задумчивую позу, открыла дверь.

— Вас ждут, ваша милость... — и исчезла.

Еще не юноша даже, а мальчик вошел в комнату. Он был наряден и говорил солидно, но совершенно детским голосом:

— Я тот, кого пленила ваша красота.

Альдонсу смутила его невзрослость.

— Здравствуй, мальчик.

Его покорило такое обращение.

— Маттео мое имя. Я кабальеро, как это может подтвердить этот орденский знак. Отец мой — коррехидор, хлопочет мне о должности. Он уже имел аудиенцию и уверен в успехе своего дела. Но я не кичусь родовитостью. Я надеюсь прославить свое имя совсем другим — ученостью и знаниями.

— Ты умеешь читать? — уважительно спросила Альдонса.

— Я шпарю по Часослову, как по выполотому винограднику, — уязвленно ответил Маттео.

— Я тоже... Читаю Часослов перед сном.

— Но главное, чего я хочу — это служить вам. Для вас душа моя — воск, на котором вы можете запечатлеть все, что вам угодно.

— Хорошо..., — в замешательстве сказала Альдонса.

— Я сберегу этот оттиск в такой сохранности, будто он не из воска, а из мрамора.

— Но вам, наверно, известно, что цветок девственности есть дар, на каковой даже мысленно нельзя посягать, — вспомнила наставления Альдонса.

— На это существуют противоположные точки зрения. И мы их обсудим. С вашего позволения, я прочитаю стихи.

Что страшней, чем беспощадность?

Хладность.

Что горчайшая нам мука?

Разлука.

Что велит нам жизнь проклясть?

— Страсть.

— Удачно.

Кто невзгод моих причина?..

— Судьбина.

— Верно.

Кто судил, чтоб это было?

— Светила.

- Даже лучше, нежели было.
- Ты сам это сочинил?
- Сам я сочинил только две строчки:

Что поможет мне, о твердь?
Смерть.

- Самые лучшие строчки.
- Мне кажется, что у нас с вами много общего.
- Ты мне тоже нравишься.
- Благодарю вас, — покраснев, сказал Маттео.
- Но я боюсь, что тебе со мной будет скучно.
- В подобных отношениях я ишу не веселья.
- Но все-таки тебе было бы интересней с какой-нибудь девушкой помоложе.

— Мне, как правило, нравятся женщины более старшего возраста. Для меня, сознаться, даже не имеет значения непорочность. Я знаю девчонок, которые позволяют делать с собой все, кроме одного. Нет ничего хуже. Вы действительно девственница?

— Да..., — смущенно ответила Альдонса.

— Ничего, может быть, вы просто никого еще не любили. А без любви заниматься этим не стоит.

— За что ты полюбил меня, Маттео?

— Сначала я увидел вас на балконе. У вас был сонный вид, как будто вам все постыло. К этому времени как раз и мне все постыло. Потом я узнал, что вы — именно та самая Дульсинея, которой Дон-Кихот посвятил свою жизнь. Мне, правда, неизвестно, как вы к нему относились, многие, например, над ним иронизируют. Но для меня это нравственный идеал. Так же, впрочем, как и для всей современной молодежи. Об этом мы с вами еще поговорим. Но даже другое. Сейчас, когда мы встретились, я понял, что с вами я могу чувствовать себя абсолютно свободно, чего ни с одной девицей я не испытывал. Вы, скажем, поняли, что это не мои стихи, — а мне не стыдно. Но это же главное! Оставаться самим собой и не стыдиться себя. Об этом мы тоже еще потолкуем. Если хотите, можно начать разговор прямо сейчас. Вы не торопитесь?

— Скоро, наверное, уже восемь часов, а я как раз привыкла в это время...

— Зачем вы оправдываетесь? Я же не спрашиваю, кто к вам должен прийти. Поклонники, начинающие с того, что ревнуют, либо смешны, либо самоуверенны.

— До свидания, милый. Можно, я тебя поцелую?

— Это лишнее. Пока. Никогда не давайте поцелуя без любви. А ведь вы меня еще не могли полюбить.

В дверь постучали, тоже условно, но иначе.

Деликатно прикрыв глаза плащом, чтобы не видеть гостя, Маттео удалился. В комнату вошел Санчо Панса.

— Добрый вечер, Санчо. Присаживайся, — сказала Альдонса.

Они присели на оттоманку. Рядышком, как на деревенскую завалинку.

— Как тебе тут живется?

— Сижу в трактире, как приманка для дроздов. Посетителям разрешается смотреть, как я перекладываю пищу из горшков в желудок. А тебе как тут живется?

— Просеиваю знатных сеньоров для будущей совместной жизни.

— Большой выбор?

— Не жалуюсь.

— Тут надобно не прогадать.

— Дон Лопес был член муниципального управления. Подарил корзину белья и полусапожки. Но он обиделся на меня, что я угорела.

— Подарки не забрал?

— Вот и сразу видно, что ты деревенский. Кто же подарки забирает? Еще один — пожилой уже. Звать забыла как, неименитое лицо.

— Поношенный старикашка?

— Вместо старого горшка всегда можно новый купить. Был школьник — мальчонок. Беленький, хорошенький, как жемчужинка. Но это все не то, не то. Такой один явился... Франсиско де Умильос. Свежий, как подорожник. Хотя немножко дерзкий... Это даже пускай. Шагает по комнате — все звенит в нем. Но я его стыжусь. Давно хочу тебя спросить. Если по чистой совести, вот этот Дон-Кихот, он ведь был помешанный?

— Если положила руку на сердце, то, разумеется, у него были не все дома. Но иной раз ему случалось говорить такие правильные вещи, что и сатана лучше не скажет.

— А если он был такой головастый, что же он так обнищал?

— Это верно, землицы у него было — волю не развернуться.

— Да и одевался он, помнится, так, что разве конюху пристало.

— По правде говоря, у него был прикрыт только зад да перед.

— Говорят, что обувь он чистил сажей, а зеленые чулки штопал зеленым шелком.

Санчо разозлился: Да будет тебе известно, девица, что удобства, роскошь и покой созданы для сытых столичных жителей. А для странствующих рыцарей созданы только бедствия, тяготы и лишения. Да, они бедны. Но деньги и не нужны им! На постоялых дворах они никогда не платят за ночлег. Ибо все обязаны оказывать им радушный прием!

— Любопытно, за что же это такая привилегия?

— А за то! За неслыханные муки, которые они терпят, защищая слабых и обездоленных денно и нощно, в стужу и зной, пешие и конные, алчущие и страждущие и не защищенные ни от каких стихий!

— Подумать, что все доставалось на его долю, и он был вынужден терпеть... Тоший Алонсо Кихано!

— Хотя письмо, которое он сочинил для тебя, он подписал не так. Твой до гроба Рыцарь Печального Образа. Он знал, что ты все равно не умеешь читать.

— Зачем же он тогда писал?

— Это трудно понять.

— А письмо-то где?

— Письмо у меня. Только письмо и осталось на память о нем.

— Давай сюда.

— А тебе-то зачем? Все равно ведь ни слова не поймешь.

— Мне написано, мне и отдай.

— С условием вернуть.

— Там видно будет.

Санчо неохотно достал из своего дорожного узла старый, желтый листок бумаги, отдал ей. Альдонса смотрела в письмо.

— А подпись где?

— Где подпись, внизу.

— Вот это, наверно. «Твой до гроба Рыцарь Печального Образа».

— Как раз шесть слов.

— А надо пять. Твой до гроба Рыцарь Печального Образа.

— До гроба, — может быть, это два слова?

— Что ты!

— Должно быть, ошибся. Он отдал мне это письмо только перед тем, как испустил дух. Не умирайте, говорю ему. Послушайтесь моего совета. Это глупость со стороны человека — взять, да ни с того ни с сего помереть, когда никто тебя не убивал и никто не сживал со свету, кроме разве одной тоски. Вставайте-ка, одевайтесь пастухом — и пошли в поле, глядишь, где-нибудь за кустом отыщем расколдованную донну Дульсинею, а уж это на что бы лучше!

— А он что?

— Не захотел.

— Все-таки не захотел.

Альдонса разглядывает письмо.

— Надо кого-нибудь попросить, чтобы прочитали, — сказал Санчо.

— Зачем, он ведь не для того писал, чтоб я читала. Я и не прочитаю. А что я буду думать — это уж мое дело.

— Даже лучше. Что хочешь, то и думаешь.

— Что хочу, то и думаю. Кому какое дело.

— Кого бы он ни встретил на своем пути, он тут же требовал: «Все, сколько вас ни есть, — ни с места, пока не признаете, что, сколько бы ни было красавиц на свете, прекраснее всех Дульсинея Тобосская!» Если же кто-либо с ним не соглашался, тех он вызывал на смертный бой!

— Ну, подумай, Гоший Алонсо Кихано! — не переставала поражаться Альдонса.

С улицы послышались голоса. Там ругались. Какая-то девица пыталась войти в дом, но Тереса ее не пускала.

— Пустите меня, я только посмотрю и уйду! — кричала девица.

— Никто сюда не заходил, — сказала Тереса.

— А мне сказали, что сюда вошел Санчо Панса! Санчо Панса из Ламанчи вошел в этот дом! И тут он сидит!

Девица нарочно кричала, чтобы ее было слышно в доме.

— Я пропал. Это моя дочь Санчика, — сказал Санчо.

— Не знаю никакого Санчо, — кричала Тереса.

— Санчо, отзовись! Я знаю, что ты здесь! — кричала девица.

— Никого тут нет, здесь живет одинокая дама!

— Мне известно, кто тут живет! Одного окрутила, теперь взялась за другого!.. Санчо, у тебя семья!

— Всю улицу поднимет на ноги. Впусти ее, Тереса, — сказала Альдонса.

Войдя в комнату, Санчика сказала против ожидания тихо:

— Батюшка, домой.

— Здравствуй, Санчика, здравствуй, дочка, — подхалимствуя сказал Санчо.

Он направился к ней, чтобы успокоить и задобрить, но Санчика, не дав ему подойти, завизжала.

— Не надо, Санчика, успокойся, девочка, — ласково сказала Альдонса.

Она тоже попыталась приблизиться к ней, но Санчика завизжала еще громче. И каждый раз, как Санчо или Альдонса делали попытку что-либо сказать ей или ласкать — она снова принималась визжать, для громкости и свободы дыхания уперев руки в бока. Эти крики были, видимо, слышны и на улице. В дверь постучали, да так громко, что сама Санчика оробела и замолкла. Однако в двери уже лязгнул сорванный замок. «Замок сорвал, бандит! Кто мне его починит?!» — вопила Тереса.

Бандит вошел в комнату.

Было трудно представить, как ухитрился сорвать замок этот тощий человек. Но другое ошеломило присутствующих: он был поразительно похож на Дон-Кихота. Человек этот, правда, еще молод, но такой же узкий и вытянутый, с такой же бородкой и пепельным хохолком.

— Простите, ради бога, мне показалось, что тут плакал ребенок...

— Я не ребенок, — возразила Санчика.

— Виноват, я не хотел вас обидеть...

— Неужели колдовские силы, которые терзали моего господина, теперь обрушились на меня?.. А может быть, это Господь Бог за его подвиги вернул ему жизнь и молодость! — воскликнул Санчо.

— Алонсо Кихано, — проговорила Альдонса.

— Вы ошибаетесь, сеньора. Мое имя Луис де Караскиль, — сказал Луис де Караскиль.

— Я редко ошибаюсь, сеньор. Если увижу человека хоть раз — запомню навсегда.

— Очевидно, вы имеете в виду того Алонсо Кихано, который назывался Дон-Кихотом и воображал себя странствующим рыцарем. Мне говорили, что я похож на изображение этого человека в книге. Я, видимо, попал в общество его почитателей. Увы, не принадлежу ни к его поклонникам, ни к приверженцам его книги.

— С вашего позволения — Санчо Панса, сеньор. Если вам что-нибудь говорит это имя.

— Вы хотите сказать, что вы тот самый оруженосец Санчо Панса? Трудно поверить.

— Почему же трудно, сеньор?

— А почему вы не толстый?

— Я похудел. Но я тот же самый, тот же самый Санчо Панса, могу вас уверить. А вы?.. Если позволено будет спросить: кто вы, сеньор? Вы так похожи...

— Это я уже слышал.

— Тощий Алонсо Кихано! — повторяла Альдонса.

— Луис мое имя. Если хотите — тощий Луис. Мне хотелось бы все же выяснить, вас обижают здесь, дитя мое?

— Нет, сеньор, — сказала Санчика.

— Значит, все в порядке?

— Да, сеньор...

— Постойте, кого же тогда обижали?

— Никого, сеньор, не стоит беспокоиться.

— Но тогда выходит, что я должен просить прощенья за свое вторжение.

— Это лишнее, сеньор.

— Как же лишнее? Выходит, что я безо всякого повода ворвался в чужой дом. И вдобавок ко всему сломал замок. Какая неловкость, право. Я приношу свои извинения, а за поломанный замок готов уплатить.

— Побудьте с нами, сеньор, — попросила Альдонса.

— Этого еще не хватало, — сказала, появляясь в дверях, Тереса.

— Сеньор согласился немного посидеть с нами.

— Согласился все же! Нам повезло. Но учти, Дульсинея, тебе не пристало находиться в обществе стольких мужчин сразу.

Луис уставился на Альдонсу: Уж не та ли вы Дульсинея из Тобосо?

— Да, — сказала Альдонса.

— Надо сознаться, я вас представлял... Хотя, на самом деле вы же не... Вас зовут как-то иначе.

— Дульсинея она, Дульсинея, — раздраженно сказала Тереса.

— Как это вы именно сюда зашли? Ведь мог зайти какой-нибудь другой человек. А мог никто не зайти. Ведь до сих пор никто не заходил, — размышляла Альдонса.

— Я ухожу, сеньора, — сказал Луис.

— Но если вы сейчас уйдете, то это будет еще более странно, чем то, что вы сюда пришли.

— Но я тороплюсь, сеньора. Я зашел сюда просто по пути.

— Подождите немного. Меня что-то дрожь пробивает, вся трясусь.

— Стыдись — так навязываться мужчине, — укорила ее Тереса.

— Говорят, что я вам навязываюсь. Просто я опасаюсь, что вы уйдете и забудете оставить свой адрес, знаете, как бывает...

— К сожалению, в Толедо я живу временно и не знаю, куда отправлюсь далее.

— Тем более, что, к сожалению, временно... Если вы должны идти по делам, то я могла бы вас проводить!

— С ума сойти! — возмутилась Тереса.

— Но мне тут совсем рядом, не имеет смысла.

— Если вы пробудете там недолго, я могла бы вас подождать.

— Но зачем же!

Санчика прыснула.

— Девчонка смеется над тобой, — сказала Тереса.

— Я подождала бы вас на улице, а потом мы могли бы немного погулять.

— Право, не знаю, что вам на это сказать.

— Если будет не поздно, можно вернуться сюда и посидеть у меня.

— У тебя, бесстыдница! Не у тебя, а у меня! Но у меня в доме такого никогда еще не происходило и не произойдет. Уличная девка не позволит себе так приставать к незнакомому мужчине! — возмутилась Тереса.

— Я думаю, сеньор не примет меня за такую девицу, которой лишь бы с кем познакомиться. Чего-чего, а поклонников у меня полно. Многие добиваются моей руки.

— Если бы не я — и в глаза бы тебе не видеть таких людей! Вспомни, как ты ревела возле постоянного двора, потому что у тебя не хватало семи эскудо, чтобы заплатить за ночлег. Ты когда-нибудь жила так в своей Тобоесе? Кто тебя познакомил с доном Маттео, и доном Лопесом, и доном Бенито, я не говорю уж о доне Франсиско?.. Завтра весь город будет говорить, как ты вместо этого побежала за каким-то сусликом, которому ты даже не нужна. Он прямо об этом сказал!

— Он ничего не сказал!

— Уж так сказал, куда яснее, — усмехнулась Санчика.

— Он не мог мне ничего сказать, потому что я сама ничего ему не сказала. Я согласилась его только проводить. И настоящий сеньор был бы рад, что дама согласилась его проводить. Как будто ей такое счастье провожать его по делам и еще ждать на улице, когда он освободится. Этого не может понять только неотесанный невежа, ничего нет удивительного, что он сломал замок.

— Я не хотел вас затруднять, сеньора, но если вы настаиваете...

— Чем же это меня затрудняет! Ничуть не затрудняет...

— Тогда уж, если тебя не затрудняет, заодно забери отсюда свои пожитки, и поживей, эта комната мне нужна. Сюда любая пойдет, получше тебя, да и помоложе, знаешь, — сказала Тереса.

— И отлично. Но это я сама от вас ухожу.

— Нет, милая, это я тебя прошу убираться.

— Я просто не успела сказать, что я ухожу.

— А я успела, так что не мешкай.

Тереса ушла.

— Подарки я забираю с собой!

— Какая досада... И все это из-за меня. Куда же вы пойдете? К сожалению, я не могу предоставить вам пристанище, но позвольте мне хотя бы помочь? — растерянно сказал Луис.

— Какой вы странный человек. Кто вы?

— Я готовлюсь принять сан священника.

— Какая жалость...

— Почему, сеньора?

— Чтобы стать священником, ведь надо отказаться от земной любви?

— Я отказался от нее.

— Как вы решились на это?..

— Странствующий рыцарь отказывается от большего. Он живет и бедствует не под надежной кровлей, а под открытым небом. Бесприютный, полураздетый, подставляет грудь лучам палящего солнца! — вмешался Санчо.

— Не стану спорить, — сказал Луис.

— Однако вы изволили выразиться, что терпеть не можете таких, как Дон-Кихот.

— Я сказал только, что не являюсь его приверженцем.

Тут внезапно и с крайней горячностью вмешалась Санчика: Это одно и то же! Могли бы сказать попросту, лихой наскок лучше доброй молитвы!..

— Если вы настаиваете, я могу пояснить, что мне всегда не нравилось в странствующих рыцарях. Когда их ожидало приключение, сопряженное с опасностью для жизни, то, вместо того, чтобы поручить себя богу, они поручали себя своим дамам. Да еще с таким жаром, точно эти дамы их божества!

— Но так тому и быть надлежит! Иначе странствующий рыцарь покрыл бы себя позором! — озадаченно сказал Санчо.

— Почему же?

— Вот и видно, что вы на волос в этом не разбираетесь. Не может быть странствующего рыцаря без дамы! Если бы даже существовал такой рыцарь, он был бы незаконный! — настаивала Санчика.

— Ах, что вы все можете знать о Дон-Кихоте? — воскликнула Альдонса.

— А вы что можете знать? — спросила Санчика.

— Может быть, я такое знаю, что вам никому и не снилось!

— Ну, что?

— Такое, что у вас глаза на лоб полезут!

— Ну — что, что?..

— А вот не скажу.

— Не удивляйтесь, это она напоминает нам еще раз, что она его дама. Его королева и госпожа. Бесподобная в силу своей родовитости, — обратилась Санчика к Луису.

— Родовитость — это для него не имело никакого значения.

В упор глядя на Альдонсу, продолжала Санчика.

— Ее волосы, говорил он, золото. Очи ее — два солнца. Алебастр — ее шея, мрамор — перси, слоновая кость — ее руки!

Все это так не соответствует облику Альдонсы, что она оборвала Санчику.

— Заткнись, надоела.

— Те же части тела, которые целомудрие скрывает от взоров, таковы, что воображение вправе лишь восхищаться ими! — не унималась Санчика.

— Конечно, все это говорится в насмешку надо мною. Но получается так, что это насмешка над человеком, которого уже нет в живых. И все-таки он назвал Дульсинею меня, а не Санчику или кого-нибудь еще! — сказала Альдонса Луису.

— Ха-ха-ха! — не знала, что возразить Санчика.

— Ха-ха-ха! — отвечала ей Альдонса.

— А однажды он сказал: одному Богу известно, существует ли на свете Дульсинея или не существует.

— Не говорил он так, — сказала Альдонса Луису.

— Это написано черным по белому! И это всем известно! Альдонса немного растерялась.

— Куда же он тогда посылал тебя, Санчо? И просил, чтобы ты ему рассказал, как я тебя приму? Объясни своей остолопке!

— Он просил рассказать, как ты меня примешь, изменишься ли в лице, услышав его имя, не будешь ли переступать с ноги на ногу, не превратишься ли из ласковой в суровую или же, напротив того, из угрюмой в приветливую.

— А в таком случае вы должны каждый день его благодарить за то, что он вас так прославил! А вы вместо этого ловите женихов! Не успел войти человек в дверь — неизвестно кто и что, — уже приклеилась! Если вы тогда ничего не поняли, то хоть теперь хранили бы ему верность! Хоть для виду, для людей! Все равно ведь и возраст уже не тот! — вопила Санчика.

— Что же мне, не жить теперь? Раз он умер, так и мне помирать?

— Живите, как хотите, только не позорьте его память перед целым светом!

— И тебе я не угодила? Все недовольны, все. Каждому чего-нибудь от меня надобно. Нет, милые, нет, начитанные, не буду я ради вашего удовольствия кого-то из себя изображать. Надоело, умные вы мои, надоело, знатные вы мои!

Вошла Тереса с девушками.

— Ты еще здесь?

— Я собираю свой багаж.

— Багаж она собирает, — усмехнулась Тереса.

— Свой багаж она собирает! Собирает багаж! — поддержала ее одна из девушек.

— Сюда пришла — все пожитки умещались в одной руке. А теперь собирает багаж, никак не соберет, — ядовито сказала Тереса.

— Повытряхивала клиентов, попользовалась, — сказала вторая девушка.

— Ну, ушлая девка! — сказала третья девушка.

— Они сами мне дарили! — отбивалась Альдонса.

— Другим почему-то не дарили!

— Нашли чем хвалиться!

— Потому что мы честные девушки! Мы честные девушки! Мы честные девушки!

— Это как надо понимать, намек?

— Можешь понять, как намек, — сказала Тереса.

— Да вы что?.. Вы как?.. Вы с кем?.. — растерялся Санчо.

— Пока она здесь наряжалась и баклуши била, пока я ее берегла... чтобы выдать замуж по обоюдной любви, эти девушки тем временем трудились с утра до ночи, приносили людям пользу, и в альбоме жалоб одни только благодарности! — возмушалась Тереса.

— Мы честные девушки! Мы честные девушки! Мы честные девушки!

Альдонса посмотрела на Луиса.

— Неужели вы не заступитесь за меня? Неужели вы не прочтите их?

— Действительно, сеньоры, раз уж все произошло, собственно, из-за меня, то я попросил бы вас... — начал Луис.

— Пошел отсюда, пошел, бог подаст, — прикрикнула на него Тереса.

— Как вы разговариваете с ним! — возмутилась Альдонса.

— И ты пошла. У нас приличный дом, наших девушек все знают.

— Нас все знают! Нас все знают!..

— А ты — пока еще неизвестно, кто такая!

— Пока еще неизвестно! Пока еще неизвестно!

— Ну, видно, такой век, что самой надо защищать свою честь, — решила Альдонса.

Она скинула ботинок, схватила его за шнурок и, вертя им как пращей, бросилась на своих обидчиц.

Потасовка пошла всерьез. Досталось в ней всем, заодно и Санчо, и Луису.

— Тихо все! — закричала Тереса.

Все стихли.

— Двадцать четыре минуты тебе на сборы!

Александр Володин

— Ухожу я от вас, и отстаньте от меня. И всем передайте, дону Лопесу, и дону Умильосу, и тому старикашке, не помню, как звать, и мальчонке Маттео привет и пожелания. Ушла я. Нет меня. А куда — неизвестно.

— Дульсинея, идите в монастырь, — сказал Луис.

— Что?

— Вам заморочил голову Дон-Кихот, теперь вы морочите головы всем вокруг, — идите в монастырь, Дульсинея!

— Этот тоже станет меня учить? Посмотрите-ка на него хорошенько. Да ведь мне сначала показалось, что он смахивает на тошего Дон-Кихота! Когда он сломал замок и, блистая взглядом, спросил: «Кого обижают здесь?..» — как хорошо было, как красиво... Как зяблик на ястреба, так он похож на Дон-Кихота! Как хомяк на ягуара! Как я на Дульсинею! Да и выше тот был, на добрый локоть длиннее, этому еще расти и расти! Тот безумный был, а этот рассудительный, как лавочник. Тот был гордый, а этот жалкий, как погонщик мулов!..

— А почему я должен быть на него похожим? Объясните мне это, черт побери!

— Давайте-ка собираться, Санчо.

— Нет уж, ответьте мне, ради бога. С какой стати я обязан быть на него похожим!

Однако Альдонса уже не обращает на него внимания.

— С меня достаточно, что я похож на самого себя.

Альдонса и Санчо молча укладывают пожитки, словно в комнате, кроме них двоих, никого нет.

Луис, чтобы не мешать, то попятится, то повернется вокруг себя, не сводя глаз с Альдонсы. Та не замечает его. Да и Санчику тоже.

— Что я мамке-то скажу-у! — заплакала Санчика.

— Скажи, как я служил моему господину Дон-Кихоту, так я буду служить госпоже моей Дульсинее Тобосской, которая являет собой образец красоты, обиталище добродетели и воплощение всего непорочного и усладительного, что только есть на земле!..

Горы и доли

В 1616 году горы и доли являли собой странное зрелище. Отвергнутые поклонники Дульсиinei, наследники лучших домов Толедо, оглашали окрестности своими стенаниями. То тут, то там слышались тяжкие вздохи и скорбные песни: «О, Дульсине...», «О, несравнен...», «О, бессердеч...» Коленопреклоненные, а то и распростертые ниц, они восклицали:

— Едва кто-либо из нас выскажет ей свои чувства, как он уже летит от нее подобно камню, выпущенному из катапульты...

— И это более губельно, чем если наши края посетила чума... О, Дульсинея!.. О, прелестная дева! О, безнадежность!

— Она бежала от нас в горы и доли, оделась в пастушеское платье и пасет коз. Но мы отправились сюда, вслед за нею, как приговоренные...

— ... как обреченные...

— ... навеки!.. Иной всю ночь напролет у подошвы скалы или под дубом не смыкает заплаканных очей своих, иного нестерпимый зной летнего полдня застает распростертым на раскаленном песке...

— Но равнодушно проходит мимо тех и других свободная и беспечная Дульсинея. О, несравненная! О, жестокая!.. И мы все невольно спрашиваем себя: когда же придет конец ее высокомерию?

— О, мука! О, бездна отчаянья! Кому удастся сломить строптивый ее нрав и насладиться необычайной ее красотой?..

Небеса затянуты тучами. Альдонса и Санчо сидят на расстеленной овчине перед костром. Дует ветер. Стенают влюбленные.

— Мне страшно, Санчо. Когда они стенают днем — ничего. А к ночи — словно какие-то зловещие духи зывают из подземелья. Надо договориться, чтобы вечером они прекращали. Им ведь тоже надо спать. Или они сменяются? Эх, сеньоры! Нельзя ли потише?..

Стенания становятся потише.

— Послушала бы ты, как стонал Дон-Кихот. На этой лужайке, которую он избрал, он так безумствовал, что этим учиться и учиться.

— Сравнил. Как он безумствовал — и как эти. Расскажи, как он безумствовал, только погромче, чтобы заглушить этих бездельников.

Санчо изобразил стенания Дон Кихота.

— Эти места, о небо, я выбираю, чтобы оплакивать посланное мне тобою несчастье! О одинокие деревья, друзья моего одиночества! Преклоните слух к стенаниям несчастного любовника! Не мешайте мне роптать и жаловаться на жестокий нрав прелестной мучительницы! Восплачьте вместе со мною над горестным моим уделом.

Привлеченные громкостью и разнообразием этих стений, отвергнутые кабальеро подходили и слушали.

— О Дульсинея Тобосская, день моей ночи, блаженство муки моей, звезда моей судьбы! Да вознаградит тебя небо счастьем и пошлет оно тебе все, чего ты у него попросишь! (*Альдонса отерла слезу*). О чем ты думаешь в эту минуту? Может статься, ты думаешь о преданном тебе рыцаре? Каким блаженством ты воздашь за мои страдания? Каким покоем — за мою заботу? Какою жизнью — за мою смерть?..

Было тихо. Слабо шумели деревья, слабо рокотал ручей — но это тоже была тишина.

Альдонса сказала поклонникам:

— Видите, как хорошо мы провели время без ваших ненужных криков? Так мы могли бы собираться каждый вечер.

— Смешно спорить, Дон-Кихот Ламанчский, — достойный пример для всей нашей аристократической молодежи, — сказал поклонник.

— Но мы, как бы ничтожны ни были, — живы. А он, один из славнейших людей, которые когда-либо появлялись на земной поверхности, — скончался, — сказал другой поклонник.

— О, несравнен..., — начал еще один.

— Перестань.

— О, прекрас...

— Сказала, хватит.

— Нет его. Умер великий сын Ламанчи.

— Погребен. Почил.

— Лежит, вытянувшись во весь рост, и не может больше выехать с копьём на осиротевшую землю.

— Подойди-ка, Бенито. Опять порван плащ? Дай зашью, — сказала Альдонса.

— Не стоит, я заколю его булавкой.

— Он дальше поползет, потом и вовсе не зашить.

Поклонник, стесняясь, снимает плащ.

— Да ты штаны прожог! Ну вот, надо ставить заплату. Скажи Кристине, чтобы в следующий раз принесла кусок желтого сукна. (*Зашивая плащ*) Антонио, что ты смотришь в котел? Ты голоден?

— Нет.

Альдонса достала кусок мяса: Возьми.

— А мне? — сказал еще один поклонник.

— А тебе Бенито даст.

— Не дам.

— В прошлую субботу Антонио тебе давал пирог?

— А в воскресенье я ему дал бобов.

— Тогда я не буду зашивать тебе плащ.

Поклонник Бенито, ворча, поделился едой.

— А ты, Антонио, скажи, чтобы Беатриса приносила тебе не сладости, а мясо, тогда тебе не придется попрошайничать. Ну, идите, укладывайтесь спать. Фернандо, у тебя все еще нет одеяла?

— А я плащом укрываюсь.

— Да он не греет совсем, схватишь люмбаго и согнешься пополам. И потом, ты же его мнешь, гладить тут негде.

— Доброй ночи, Дульсинея.

— Доброй ночи, несравненная.

— Спокойной ночи, жестокая...

— В десять часов всем спать, я проверю. И стенать ночью не надо.

Поклонники для приличия выразили недовольство.

— Я все равно сплю и ничего не слышу.

Когда все разошлись, она сказала, обращаясь к Санчо:

— Иной раз думаешь: выбрать кого-нибудь из них — и дело с концом. Только знаешь, чего я боюсь? Женится

он, а ничего особенного во мне не найдет. И разозлится, что так по мне убивался. И станет потешаться надо мной и всем рассказывать...

— Да ведь мой господин еще больше по тебе убивался.

— Он надо мной не посмеялся бы. И потом, я ведь первая у него была бы? Если ты не наврал.

— Первая, первая. Да и последняя, пожалуй.

— Он ведь умер — так сладкого и не знал? — смущаясь и жалея сказала Альдонса.

— Так и почил.

Из темноты донеслись возгласы: «Что?..», «Кто?..», «Где?..».

К костру вышел Луис, медлительный, вялый.

— Там какие-то люди...

— Это ничего, это неважно...

— Здравствуйте, Санчо. Вы просили меня прийти сюда. То есть, это вы просили меня прийти?

— Простите меня за то, что я сказала, будто Дон-Кихот был выше вас, — попросила Альдонса.

— Я не обиделся.

— Я подумала, что вы могли бы здесь отдохнуть. В горах и долах можно без помех предаваться размышлениям...

— Но для этого нужна чистая совесть. А я сейчас терзаюсь угрызениями совести. Может быть, вы, Альдонса, и вы, Санчо, праведней меня и потому не терзаетесь угрызениями совести? Или вы тоже терзаетесь, как и я?..

— Я — как и вы.

— Что — как и я?

— Тоже терзаюсь.

— Но вы, наверное, не так терзаетесь.

— Наверно, не совсем так.

— Парень запутался в собственных подтяжках. Нет, Альдонса, эта блошка не для твоей постели, — сказал Санчо.

— Не берись, дурулом, рассуждать о том, чего не в силах понять своей нестриженной башкой! Иди лучше присмотри за козами, у этих разгильдяев они разбегутся. И не возвращайся сюда, безбожник, куда я сама тебя не позову!

Санчо, ворча, ушел.

— Говорите, Луис...

— Понимаете, что меня мучает... Не является ли мое стремление к праведности лишь гордыней?

— Нет! Не является! — убежденно сказала Альдонса.

— Но может быть, я просто считаю себя лучше своих ближних?

— Нет! Вы не считаете этого!

— Но кто поручится...

— Я поручусь.

— Вы же не знаете, что я хочу сказать!

— Я знаю о вас почти что все. Вы даже можете ничего больше не говорить. Бедный мой. Так мучается. Не надо, зачем это! Хотите, я буду вас успокаивать? Только ничего не надо стыдиться. Говорите мне все, и тогда все можно уладить. Мне почему-то кажется, что со мною вам было бы хорошо.

— Странно, вы как будто забыли. Я не принял еще духовный сан, но осуществление моей мечты уже близко.

— Я знаю, что моя симпатия к вам — это тяжкий грех.

— Вы ни в чем не виноваты. Но лучшее, что мы можем сделать — это проститься.

— Я знаю, вы потому уходите, что я не стою вас. Я все равно не смогла бы до вас возвыситься. Нет науки, которую бы вы не изучили. Нет тайны, которая была бы вам недоступна. Вы все равно покинули бы меня.

— Я не потому ухожу от вас, что вы недостаточно образованны. Я ухожу, чтобы выполнить свой обет.

— Тогда — конечно, вы должны уйти. И я должна только радоваться этому. Я уже почти радуюсь. Если же я умру из-за вас, то надеюсь, что милосердный Бог позволит мне увидеть вас на небесах...

Она замотала лицо платком, чтобы не было видно, как оно исказилось рыданиями. Если до сих пор дурной человек мог бы заподозрить, что все это игра и кокетство, то теперь всякий понял бы, что она страдает.

Луис, стоя над нею, растерянно, но с некоторым раздражением бормотал:

— Что такое. Что такое...

Санчо, которому не дозволено было возвращаться, поносил его издали:

— Натворил же ты дел, собираясь в попы. Наш ангелочек умирает! Сегодня несколько раз падала в обморок, и все по твоей вине. Она никому не давалась в руки. А ты пришел и заморочил ее своей святостью. Все твое богословие — только свист, которым охотник заманивает в силки глупых дроздов!

— Я же и виноват!? Вот это да. Я ее предупредил, вы сами слышали, — сказал Луис.

— Если ты так любишь Бога, то зачем причинять зло божьему созданию? И это, ты считаешь, милосердие? Это — злодейство!

— Возможно, вы отчасти и правы. Возможно, я нарушаю заповедь неба. Но — с другой стороны? Забыть творца ради его творения?..

— Лучше всего тебе отсюда убраться. Но сначала хотя бы успокой ее.

— Но как?..

— Бог подвесил тебе такой язык, что ты живо вобьешь ей в мозги все, что захочешь.

Он скрылся, потому что Альдонса стала разматывать платок, нарыдавшись вволю.

— Я обещала радоваться, что вы уйдете... Но сейчас, когда я замоталась платком, я вообразила, что вы уже ушли и я одна в темноте, — силы оставили меня и я поняла, что не могу!..

— Не пристало вам менять такого пылкого обожателя, как Дон-Кихот, на такую незначительную фигуру, как я.

— Не поминайте этого имени понапрасну.

— Если кто и поминает это имя надо не надо, так это не я, а вы.

— Я сейчас даже не заикнулась о нем! А вот зачем вы вспомнили о нем ни с того ни с сего — это мне непонятно.

— С какой стати я стал бы о нем вспоминать, если бы не вы? Если хотите знать, то я лично полагаю так: сидел бы он дома, растил бы детишек, занимался бы хозяйством и перестал мыкаться по свету и смешить добрых людей.

— Когда его поносят разные буквоеды, то я не придаю этому никакого значения, — надменно сказала Альдонса.

— Я и не рассчитывал на это.

— Он был рыцарь и ради этого презрел житейские блага, но не честь.

— Вы неплохо усвоили роскошный стиль вашего любимого романа. Но что стоит за этими словами?

— Он выпрямлял кривду, карал дерзость и понимал чудиш.

— Начинается.

— Он всем делал добро и никому не делал зла.

— Честь и хвала.

— И все чтят его память. Посмотри вокруг. Сейчас темно, не видно. Все в его честь в меня влюблены и степают. Эй!

В ответ слышались вздохи и восклицания сквозь сон: «О, несравненная!..», «О, жестокая!..»

— А хочешь знать мое мнение об этой коллекции оголтелых шоколадных тянучек? Для них тщеславие важнее их сластолюбия. Не тебе они поклоняются, а себе. Не перед тобой они лезут из кожи, а друг перед другом. Собой они любят, собой кичатся и сами поражаются тому, как они благородны.

— Почему же... Среди них есть неплохие юноши, — вступилась Альдонса.

— Нет!

— А вы, оказывается, злой.

— Прости меня, боже! Эти игроки в мяч и танцоры подвергли испытанию мою кротость!

— А знаете, почему вы такой злой? Вас, наверно, мало любили. Вас когда-нибудь любила женщина?

— Нет. И слава богу. Хоть в этом мне повезло.

— И вы отказались от этого навсегда?

— Как видите.

— Вы отказались от всех женщин? От тихих, стыдливых женщин, которые скромно опускают глаза? И от простушек, которые на самом деле совсем не простушки? И от образованных, воспитанных девушек? А заодно — от не ученых

ничему, а милых только своей простотой? От полных, от стройных, от белоснежных, золотистых, смуглых, от молоденьких и зрелых?

— Да, от всех. От городских и деревенских, от гулящих и старых дев, а заодно от негритянок, — раздраженно сказал Луис.

— А если вы когда-нибудь познакомитесь с великосветскими дамами? Говорят, они одеты в шелк и кружева, а не в ситец и муслин. Свои белоснежные плечи они не прячут под такими косынками. Они живут в будуарах, рассуждают о политике и поют, как канарейки. Сразу станете никуда не годным и легкомысленным священником и будете забывать свой долг на каждом шагу.

— Если мне и суждено встретить этих женщин — не опасайтесь, ничего не случится. Мое воображение рисовало женщин более изящных и умных, чем те, что встречаются в жизни. Я знал цену приносимой мною жертвы и, пожалуй, даже преувеличивал ее. Но Бог отвратил меня от земной любви, чтобы я любил только его.

— Как он вас отвратил, Луис? Скажите мне. И я больше не буду к вам приставать, — мягко спросила Альдонса.

Луиса прямо-таки поводило от нежелания говорить об этом. Он потянулся, хотел было уйти прочь, обернулся...

— Хорошо, я скажу вам. Но только для того, чтобы покончить с этим разговором.

— Да.

— Ну, жила на нашей улице жена угольщика. То есть жил угольщик, и у него была жена. Но это, разумеется, должно быть между нами. Она полюбила меня.

— Она вам об этом сама сказала?

— Она сказала, чтобы я пришел к ней в кладовую. И я пришел. Но Бог воспрепятствовал нашей любви.

— Как он это сделал, милый? Было какое-нибудь знамение?

— Нет, но... Он не позволил мне ответить на ее любовь, как должно. И жена угольщика посмеялась надо мной.

— Еще замужня женщина. Колодец греха.

— Кладезь греха, — поправил Луис.

— Она хоть красивая была? Кладезь распутства.

— Ничего. У нее только были чуть приподняты плечи, так что голова оказывалась обращенной немного вниз, как будто она что-то искала под ногами. Но это не имеет значения.

— Она не любила вас.

— Зачем же она позвала меня в кладовую?

— Может быть, она всех туда звала?

— Но над ними же она не посмеялась.

— Наверное, им не было нужно, чтобы их любили.

— Но и мне не было нужно! Мне и теперь не нужно! Как жаждущая лань ищет путь к источнику, так душа моя ищет Бога!..

— Она смотрела на вас, эта угольная яма?

— А как иначе, наверно, смотрела.

— Она смотрела на вас, например, как я на вас смотрю?

— Откуда я знаю, там было темно.

— Она не любила вас.

— Но это теперь уже не имеет значения, я говорил вам не раз! К небу обращается душа моя и молит дать ей покой!

— Сколько времени вы мучились, родной мой...

— Не мучился я, черт побери, не мучился! Когда я решил уйти от земной суеты...

— Зачем же, родной мой, вы решили?!

— А ради покоя и счастья, несравненная!

— А если вы напрасно решили?

— В моей душе сомнений нет.

— А если вы начнете сомневаться?

— Почему это я вдруг начну сомневаться?

— А если вы поймете, что вас любят?

— Довольно. Вам что-то померещилось, и вот вы морочите себя и меня.

— Так померещилось, что я четвертую ночь не сплю.

— Тогда давайте говорить начистоту. Ведь причина-то вся только в том, что я на кого-то там оказался похож!

— На Дон-Кихота вы похожи, родной мой.

— Но неужели вы не понимаете, что видимость обманчива! Смешно же! Пускай даже внешне и похож. Но по существу же все наоборот. Решительно все! И едва только вы

это сообразите, как тут же меня возненавидите и начнете хихикать за моей спиной точно так же, как жена угольщика.

— Нет уж.

— Но вы обо мне вообще никакого представления не имеете! В ваших глазах я ничтожный семинарист, с которым вы можете делать все, что вам заблагорассудится! Так нет же, о прелестная! Тут ты здорово ошиблась! Может быть, вот здесь (*он указал на свою грудь*) — я свободнее и мудрее вас всех! Вы жалуете меня, я несчастный человек? Что же! Я, как тайный дар, храню свое право быть несчастным! И это мое дело. И это никого не касается.

— Как вы хорошо говорите.

— Но что вы ответите мне на это?

— Может быть, я не все поняла — не сердитесь, но я... старалась бы, чтобы вам не было со мной скучно.

— Да не об этом же!..

— Простите меня за эту необразованность. И простите, что я не являю собой венец красоты, тем более что годы идут. Конечно, волосы мои не золото. Санчика права. Но все-таки... Видите, какой отлив? Рыжина. Это сейчас модно. Да и руки, что поделаешь, не слоновая кость, но во всяком случае посмотрите сами. А те части тела, которые целомудрие скрывает, — особенно восторгаться, может быть, и не стоит, но и стыдиться тоже нечего.

— Боже, не покидай меня! Приди ко мне на помощь! Обрати ко мне свои очи, и я буду спасен! Дай мне силы устоять!

— Лишь одному человеку я могу отдать все это и вдобавок свободу. Вы для меня умнее, красивей и возвышенней всех, кто домогается моей руки.

— Не хватало того, чтобы вы сравнили меня с этими скотами!

— Да вы что? Ревнуете?!

— К ним?.. Они мне безразличны, как бродящие по лугу коровы. Как козлы! Как ослы! Но они сыты и довольны, они — стадо, а я всегда буду один.

— Если бы вы захотели, вы были бы не один.

— Какой-то абсурдный разговор! Ночью! В поле! Мне холодно! Когда все это не имеет смысла! Предположим, я даже что-то испытывал бы к вам.

— Я знаю это! Вы и виду не подаете, но я чувствую.

— Я говорю — предположим! Ваша наивность, ваша сердечность и, что греха таить, ваше расположение ко мне — и все это в такой обстановке, — да, предположим, привлекает меня к вам.

— А меня как влечет к вам, родной мой...

— Я сказал — не влечет, а привлекает.

— И меня привлекает. И тянет.

— Господи, ты решил наказать меня! Я заблудился! Я погибаю! Но я должен с этим бороться!

— То есть...

Альдонса положила ему руки на плечи, приблизила к нему лицо.

— Но...

Когда же они оторвались друг от друга, то не сразу смогли заговорить. Запинаясь и дрожа, словно в ознобе, Альдонса сказала:

— Кто как умеет... тот так и верует. Я верующая в любовь и ласку. А кто никого не любит — тот грешник.

— Да, я мог бы полюбить вас так, как едва ли смог бы кто-либо другой! Никогда, ни в чем не обидел бы вас, как сейчас я молюсь небу!.. Но вот это как раз мне и страшно.

— Я не понимаю...

— Это трудно объяснить, но... я попытаюсь. Люди любят по-разному. Одни ищут наслаждения и счастья для себя или прежде всего для себя. А другие, и я такой, жаждут радости только для любимого человека. Если он счастлив моей любовью — то и я счастлив. Если ему плохо — то мне хуже стократ.

— Как это хорошо!

— Но в том-то и дело, что я не уверен, что смогу принести вам счастье. Я страшусь, что вам со мной не будет так хорошо, как с другим. Хотя бы с этими молодцами, которые кружат над вами. Я не могу об этом не думать.

— Как это хорошо!

— Чем же это хорошо?

— Потому что тогда все в порядке.

— Почему ж все в порядке?

— Потому что все это неважно.

— Да как же, черт побери, неважно!

— Потому что я точно такой человек, как вы говорили. Если только вам будет со мной хорошо, так и мне будет хорошо. Если только вы будете со мной счастливы, так и мне больше ничего не нужно.

— Если бы это была правда. Ах, если бы вы не обманывали меня и себя... Ведь ничего неизвестно. Ведь мало ли, может быть, это, не знаю, в каком-то смысле и судьба?.. — в сильном волнении сказал Луис.

Луна медленно опускала веко, гася свой свет.

— А жениться на мне не обязательно. Пускай это место и послужит могилой моей чести.

Стало совсем темно, чтобы ничего не было видно.

Но вот сквозь длинную щель в лучах горы и доли осветила заря. Послышались вздохи и зевки просыпающихся поклонников, бляение коз и первые, еще сонные, стенания.

— Санчо!

Это кричала Санчика. Она подошла к погасшему костру, делая вид, что не замечает спящих Луиса и Альдонсу.

Луис и Альдонса одновременно повернулись на другой бок, как супруги, привыкшие спать на узкой постели, или как любовники, для которых и широкое поле — тесное ложе любви.

— Санчо! — кричала Санчика

— Мы спали! — проснулся Луис.

— Солнце мое, — проснулась Альдонса.

Луис повернул ее к себе.

— Светло.

— Все спят.

— Здесь Санчика.

— Она не видит.

— Вижу, — возразила Санчика.

Из-за пригорка показался хмурый Санчо.

— Я за тобою, отец. Видишь, ты уже не нужен здесь.

Сходились озябшие поклонники. При виде Альдонсы и Луиса остолбенели.

— В чем дело?..

— Что такое? Кто такой?

— Да смотрите же, кабальеро!

— Эй, все сюда!..

— Надо им сказать, — решила Альдонса.

— Кабальеро, произошла неприятность, — сказал Луис.

Поклонники стояли плечом к плечу, как в строю.

Альдонса встала, закалывая волосы.

— Я была ему женою в эту ночь.

— Не надо так говорить, Дульсинея, — сказал поклонник.

— Всю ночь я была ему женою.

Поклонник обратился к Луису: Дульсинея шутит?

— Нет.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что опозорил ее?

— Если вам кажется, что это позор, то считайте так.

— Не хочешь ли ты сказать, что под покровом темноты лишил Дульсинею чести?

— Я сама просила его. Я сама выбрала его из всех. Кто запретит мне любить того, кого я хочу?

Поклонники молчали:

— Никто из вас не может распоряжаться мною. Никто не может меня судить. Никому не давала слова.

Поклонники стали говорить между собой — негромко, не рассчитывая на то, что она их поймет:

— Вот кто был для нас символ чистоты и верности.

— Вот на кого молилась молодежь.

— Опорочила достоинство испанских женщин.

— Втоптала в грязь.

— Грешно презирать народ, но я всегда говорил: крестьяночки — это прелестно, но — предпочтительнее в своем амплуа.

— Народ здесь ни при чем.

— Завтра мальчишки будут носиться по улицам Толедо и орать, что Дульсинея оказалась потаскухой.

— Гулящая девка.

— Распутная тварь.

Тогда тощий Луис ринулся на врагов. Поклонники, словно этого только и ждали, загоготали, заулюлюкали и принялись швырять его один к другому, другой к третьему, и он летел, кувыркался и бежал стремглав, как слепой, вытянув

перед собой длинные руки, чтобы получить злобную зуботычину и, крутясь, лететь обратно.

— Вероотступники! — вопила Альдонса. — Богомерзкие твари! Низкопробная чернь!..

Поклонники швырнули Луиса на землю и угрюмо стояли над ним.

Санчо наклонился, привычно ошупал его.

— Выше голову, государь мой... Все, кроме смерти, поправимо. Возблагодарите Бога за то, что Он послал вам такое же злосудное, какие то и дело посылал Дон-Кихоту.

Луис сказал голосом слабым и глухим, как бы доносившимся из подземелья...

— Дульсинья... Тобосская... самая прекрасная женщина в мире. А я... самый несчастный человек на свете. Но мое бессилие... не должно поколебать эту истину.

Альдонса упала ему на грудь.

— Как хорошо ты это сказал.

— Бог сражений допустил, чтобы меня постигла подобная неудача, — сказал Луис почти в бреду.

— Ты ринулся на них как молния!

— Я ринулся?

— Еще как! Но их было много, а ты один.

— Их было... много.

Альдонса стала приводить в порядок растерзанного Луиса.

— Мы уйдем отсюда. Мы далеко пойдем, Санчо. Тебе будет трудно с нами.

— Далеко мне не дойти, — согласился Санчо.

— Да и денег нет. Вдвоем как-нибудь переберемся, а втроем...

— Втроем трудно.

— К тому же и дочка у тебя.

— Кто же и последит за ней, как не я.

— Но где нам еще отыщется... такой рассудительный, дальновидный... добродушный и преданный человек... как Санчо Панса. Да и я... привык уже к нему. — сказал Луис.

Санчо сразу же принялся собирать пожитки.

— Благодарю вас, государь мой. Ты должна понимать, дочка, странствующий рыцарь без оруженосца... никто.

— Дороги обезлюдели, крестьяне пошли либо в нищие, либо в бандиты... Аристократы бродят по дорогам с ножами... Все, как могут, пробавляются за счет своих близких и никто не хочет заниматься делом... Обрати внимание, верный и преданный мне оруженосец, как мрачна эта ночь. Она может вселить ужас в любое сердце. Но все это лишь укрепляет мой дух, чтобы мстить за все обиды и утеснения, чинимые бессовестными людьми, — говорил Луис.

Понурясь и заложив руки за спину, поклонники бродили вокруг. Они вздыхали и вполголоса ругались. Как это было непохоже на прежние любовные стенания! То тут, то там слышалось: «О, гнусн!..», «О, дьявольщ!..».

Молодо, гневно на них напустилась Санчика.

— Стыдно смотреть на вас, кабальеро! И хотелось бы пожалеть, а не могу. Что привело вас сюда? Вы надеялись, что если станете поклоняться этой женщине, то и сами сделаетесь похожи на знаменитого и славного Дон-Кихота? Потому что и он так же поклонялся ей? Да ведь он не ее любил, а только свою мечту! А вы видели ее каждый день, вы знали, что поклоняться тут ровным счетом некому! Что же вы теперь удивляетесь и ужасаетесь?.. Дома вас ждут юные невесты! Но вам нужно не свое, а чужое. Пусть подпорченное, но только чужое. Что же вы так горюете? Оно и оказалось чужое, а не ваше. Ведь она и оценить вас не смогла, не по уму ей это. Она только преспокойно выслушивала ваши стоны и вздохи, как будто они достались ей по праву!

Однако кабальеро, все как один, смотрели не на нее, а на Альдонсу. Она отерла платком запыленное лицо Луиса, затем она подколола ему изорванную одежду. И подняла его на ноги. Она смотрела на него то как мать, то как дочь.

Опираясь на Альдонсу и Санчо, Луис побрел прочь. Поклонники хохотали и подсвистывали им вслед.

МАТЬ ИИСУСА

Тридцать третий год нашей эры. Дом Марии, матери Иисуса. В открытой двери стоит ее младшая сестра. Она вглядывается в сумрак дома.

— Мария! — тихо позвала она.

— Что там? Где мальчик? — отозвалась Мария.

— Отвела ребеночка, нашлись люди, приютили.

— Видишь — побоялись.

— Ну кто теперь не боится! Тоже дрожат. Самые верные друзья попрятались. Все куда-то исчезли, никого не найти. А первый друг, Петр, первый и отрекся.

— Вот ругаешься. Нехорошо.

— Почему плохо?

— А вот потому и плохо.

— Почему плохо? Ты можешь объяснить членораздельно?

— Что?

— Почему, спрашиваю, плохо?

Мария прислушивалась к тому, что происходит на улице. Гомон голосов нарастал.

— А... Он что говорил? Других не надо судить. Тогда и тебя судить не будут.

— Не знаю, не слышала, чтоб он это говорил.

— Спроси у людей, которые слышали.

— Все что-нибудь слышали. Каждый что-нибудь да слышал. Мы, говорят, ученики. Учились, учились, ничему не научились.

— Я все-таки пойду, — сказала Мария.

— Куда?

— Туда, где Он.

— Сейчас? Зачем?

— Не знаю, не знаю. Лягу на гробницу, полежу.

— Заберут.

— Ну и заберут.

— Тогда я тоже с тобой. Пускай видят. А то правда, живой был — за ним толпы ходили, а казнили — никого нет...

Дверь отворилась. Вошел мальчик лет шестнадцати.

— Почему ты ушел? — спросила Мария.

— Они сказали — иди домой.

— Кто сказал?

— Там хозяин пришел. Он сказал, чтоб я убирался домой, не хватает, чтобы меня у них нашли.

— Еще один смельчак, — сказала сестра.

— Я есть хочу, — жалобно сказал мальчик.

— Что ты сразу начинаешь ныть? Как будто ему не дают.

Не дадут — тогда будешь ныть.

— Смотри, мама, она опять придирается.

— Потому что не строй из себя ребеночка.

— Не ссорьтесь, — сказала Мария.

— Поцелуй его, — сказала сестра.

— Я и тебя могу поцеловать.

— Мы уйдем, а его куда денем?

— Я дома буду, я есть хочу, — сказал мальчик.

— Сейчас покормлю, — сказала Мария.

— А вы куда собрались?

— Мы в Ерусалим идем.

— Зачем?

— Пойдем к гробнице, где лежит Иисус.

— В гробнице Его уже нет.

— Как нет? — не поняла Мария.

— Так, нет.

— Где же Он? — спросила сестра.

— А Его унесли оттуда.

— Куда унесли? Кто унес? Где Он? Где! — всполошилась Мария.

— Неизвестно. Кто-то вытащил и унес.

— Что-то недослышал, что-то недопонял и болтает, — сказала сестра.

— Мама, она опять.

— Объясни, недоразвитый, — что ты там недопонял?

— Да это все уже знают. Женщины пошли к пещере, а камень отвален. Пещера открыта, и никого там нет.

— Какие женщины ходили? Припомни, кто это видел? — настаивала сестра.

— Магдалина ходила и еще кто-то.

— Магдалине верить нельзя, она истеричка.

— А если Петр видел то же самое? Только потому, что я это говорю, мне не верят!

— Постой, что они видели там? Просто пустая пещера?

— Просто пустая пещера. И только пелены лежат, в которые Он был обернут. Белые пелены в крови.

— Верно, Он был обернут, — сказала Мария.

— Если это правда — надо разобраться. Может быть, Его эти негодяи утащили, фарисеи. И зарыли где-нибудь в другом месте. Чтоб ничего не осталось. Чтоб никто не мог прийти к этой пещере. Чтобы не встретились пришедшие туда, не посмотрели бы друг другу в глаза, не подумали чего-нибудь...

— А говорят, наоборот, что его унесли друзья и спрятали в надежном месте, — сказал мальчик.

— Как они тебя спрятали, так они и Его спрятали.

— А может быть, Он все-таки остался жив? — сказала Мария.

— Что ты? — воскликнул мальчик.

— Мария, перестань, — сказала сестра.

— Думают, замучили Его до смерти, а Он жив...

— Пойдем, там все выясним. Нечего верить слухам, да еще из десятых уст.

— Теперь как раз нельзя отлучаться. В случае чего — куда Ему идти? Он же сюда пойдет. Пришел, а нас дома нет.

— Мария, бедная моя, ты послушай себя, что ты говоришь. Он три часа висел на кресте. Потом специально проверяли, что Он умер!

— Ты иди. Все узнай там и мне расскажешь. А я пойду. Привести хоть в порядок дом. Разгром такой... Сынок, ты помоги мне, чтобы побыстрее.

— Я есть хочу.

— Говорят тебе, помоги! Растормозись немножко, — сказала сестра.

Вошел старший сводный брат Иисуса.

— Здравствуй, Мария, — сказал он и почтительно поцеловал Марию.

— Ты слышал? Иисуса не нашли в гробнице.

— Путаница какая-то. Но вы пока молчите. Если что спросят, ничего не знаем.

— Что ты всех пугаешь? Все время пугает. Сам трясется, хочет, чтобы все тряслись! Зачем тогда пришел сюда? — возмутилась сестра.

— Я пришел только дать совет. А ваше дело — принять к сведению или наплевать. Как обычно вы и делаете. Но тогда смотрите сами.

— Он правильно говорит. Сейчас главное — молчать. Потом наговоримся, когда Он объявится, — сказала Мария.

— Кто объявится?

— Помолчи, Мария, — сказала сестра.

— Секреты, — сказал старший брат. — Но потом ко мне не бегите. Мария, сядь и послушай. И вы послушайте. Сейчас тут за дверью стоит один человек. Римлянин. Крупнейший меценат, путешественник, знаток восточных языков.

— Не слишком ли много достоинств, — съязвила сестра.

— Он просит привести его сюда. Просто познакомиться с семьей. Иисуса он почитает и сам возмущен этой бессмысленной казнью. Словом, это мой добрый знакомый и в каком-то смысле даже друг.

— Интересно, как ты с ним подружился. Поставлял женщин? Или продавал сувениры?

— Ты нехорошо говоришь, сестра. Она так не думает.

— Почему, так и думаю.

— Словом, человек ждет за дверью. Специально сюда ехал, что же, отправим его обратно? Или все-таки разрешим зайти? — настаивал старший брат.

— Позови его. Действительно, сколько времени держим человека за дверью, — сказала Мария.

— Но условие. Никаких споров, никаких намеков. Это может плохо кончиться для всех. Все-таки человек из Рима.

— Добрый друг донесет властям, — не удержалась сестра.

— Вот это я как раз имел в виду, такие разговорчики.

— Мам, а поесть когда, — жалобно сказал мальчик.

— Уйдет, тогда поешь.

Он отворил дверь, позвал:

— Прошу вас. Немного врасплох, но ничего, ничего...
Вошел римлянин. Это был человек средних лет, мужественного облика, в светлых одеждах.

— Это его брат, это — мать, это — ее сестра... Познакомьтесь: это наш гость из Рима.

— Благодарю вас за то, что вы согласились меня принять. Прошу прощения, что я явился к вам в такой момент.

— Виновата, вы случайно не слышали, что там? — спросила Мария римлянина.

— В общем, все это потом, Мария, потом, — сказал старший брат. И, обращаясь к римлянину, продолжал: — Вот это был, по существу, его уголок. Здесь полка, которую он собственноручно выпилил. Довольно интересный узор, несколько национальный, может быть... На чердаке сохранилась кровать, в которой он спал в детстве, можно подняться, посмотреть.

— Не суетись, — сказала Мария.

— В чем дело? Что опять не так?

— Ты забыла, наш гость — римлянин. Почему же не поуетиться перед ним? — сказала сестра.

— Я, кажется, просил.

— Ничего, это естественно. Но если бы вы меня узнали поближе, ваша неприязнь, надеюсь, уменьшилась бы, — сказал римлянин.

— Не люблю об этом рассуждать, но мне непонятно вот это оголтелое неприятие всего чужеземного.

— Особенно римского, — съязвила сестра.

— Рим — это Рим.

— А весь остальной мир создан для его удовольствия.

— Я просил...

— А половина римских императоров были негодяи!
И у каждого руки по локоть в крови!

— Если тебе жизнь не дорога — продолжай.

— Быть осужденной за учение Иисуса — для меня только радость. «Вас будут ненавидеть! За одно только имя мое!» Вот что Он сказал!

— А я тебе другие слова Его напому: «Всякая власть — от кого она? От бога!»

— Не говорил он этого! Ты сейчас придумал! Теперь начнут придумывать, потому что Он уже никому не может ответить!

— Ваша сестра, Мария, мне кажется ближе к истине, — сказал римлянин.

— Всякая власть в какой-то мере зло.

— Приятно слышать.

— Владычество Рима — тяжелое бремя, я понимаю вас. Римлянам смешно рассчитывать на любовь поработенной страны. Однако, всякая ненависть, в том числе и к властям, — тоже зло. И в свою очередь порождает ненависть. Разве не так?

— Интересная мысль! — сказал старший брат.

— Вы знаете, сейчас это кажется невероятным, но может случиться, что последователи вашего брата когда-нибудь обретут власть и так же будут преследовать и казнить тех, кто мыслит иначе.

Как вы можете это говорить! — возмутилась Мария.

— Тихо, Мария. — проговорил старший брат.

— Простите, это так, разврат ума. Счастлив, что познакомился с вами, — сказал римлянин. И обращаясь к сестре, продолжал: — Сохраню самое искреннее уважение. Но с другими не советую говорить так откровенно.

— Вы правы, сейчас надо молчать. Хотя Иисус ничего плохого не хотел. Он хорошего хотел, одного хорошего, — сказала Мария.

— Но ведь никто не спорит! Все, собственно, ясно, — миролюбиво сказал старший брат.

— Вы, наверное, много путешествовали, нагляделись всего. Тщеславие, гордыня, злословие. Вино пьют уже не для веселья, а из-за распущенности. А веселья все равно становится все меньше. Многие живут только завистью друг к другу. Ради своего превосходства некоторые жертвуют всем, даже жизнью. Хорошо ли это? Каждый хочет отделиться от других, впадает в уныние. А Он что говорил? У Него все слова были простые. Только простые слова, я их часто слышала. Сострадание. Милосердие. Братство. Любовь. Не просто любовь жены и мужа, а вообще любовь к ближнему, это значит к любому человеку. Вот и все почти слова. Ну еще —

терпение, это понятно. И главное, это не ради кого-то, но ради собственного же блага, для своей же радости и покоя. А у кого в душе есть радость, тот и с другими может поделиться. Я понятно говорю?

— Понятно, понятно, — сказал старший брат.

— Если бы я мог верить, как вы! — воскликнул римлянин.

— Это просто, — сказала Мария. — Это как раз очень просто.

— Что вы! Я боюсь забот, страданий, люблю наслаждения.

— Вы были в Риме! — вдруг воскликнул мальчик.

— Дошло, — сказал старший брат.

— Я был в Риме, я живу в Риме и там, видимо, умру.

— Я никогда не был в Риме.

— Это большое упущение. Я мог бы кое-что тебе рассказать. Впрочем, и ты можешь кое-что мне рассказать.

— А я ничего не знаю, — ухмыльнулся мальчик.

— Ты жил в Галилее.

— Я и сейчас тут живу.

— Тогда давай так. Я тебе буду рассказывать про Рим, а ты мне расскажешь про своего брата.

— Вот и прекрасно. Садитесь вот здесь, вам никто не будет мешать, — сказал старший брат.

Римлянин и мальчик сели в сторонке, тихо беседуют.

— Мария, давай подарим ему полочку. Зачем она здесь, просто для украшения. А он коллекционер, для него это ценность.

— Хочешь подарить полочку? — спросила сестра.

— А тебе какое дело?

— Мария, он продаст ее.

— Почему она все время подозревает меня в мошенничестве?

— Если даже ты совершаешь честный поступок, я невольно начинаю гадать, зачем тебе это понадобилось.

— Полочку — нехорошо, — сказала Мария. — Как будто специально дождались и вот распоряжаемся его вещами.

— Тогда подарим эту палку. Палку, надеюсь, жалеть не будем?

Мария отобрала у него палку.

— Это его дорожный посох, он с ним ходил, нельзя.

— Нельзя. Ну вот валяется ремешок от его сандалий! Ремешок можно?

Мария забрала ремешок.

— Его ремешок, нельзя.

— Значит, все, что его, — нельзя, — теряя терпение, сказал старший брат.

— Нельзя.

— Но ведь теперь интересно именно то, что принадлежало ему! Не мне, не тебе, а ему! Как же быть?

В дом вошла молодая женщина, усталая, с дальней, видимо, дороги. Обратилась к Марии.

— Ничего не слышала? А?

— Сама всех спрашиваю, никто ничего не говорит.

Женщина обратилась к сестре.

— А ваши ничего не слышали?

— Какие наши?

— Ладно тебе, конспираторы. Теперь уж никому не до вас. Как вы там, ничего не слышали?

— А что мы должны слышать?

— Все боятся слово сказать, — сказала женщина. Затем обратилась к старшему брату: А ты? Вертишься там с высокопоставленными. Уж, наверно, краем уха что-нибудь слышал!

— Да что она пристаёт ко мне? Ты что пришла? Никто ничего не слышал, пошла отсюда!

— А я слышала! — воскликнула женщина.

— Что!... Что слышала? — задыхнувшись, спросила Мария.

— Он жив!

— Кто жив?

— Твой сын! Он воскрес!

— В каком смысле? — не понял старший брат.

— Они Его убили, а Он жив! Они Его распяли, а Он воскрес! Вот в каком смысле!

— Как воскрес? Что-то неясно, — сказала сестра.

— Вот люди! Когда Он сам это предсказывал, верили, что так и будет. А когда это на самом деле случилось — не верят!

Римлянин оторвался от беседы с мальчиком.

— Нет, все-таки. Что случилось?

— Да случилось! Жив Он! Воскрес! Как сам и предсказывал! Что теперь Ему сделают? Как теперь Его накажут?

— Тихо, тихо, — сказал старший брат.

— Ты говоришь, Он предсказывал. Я что-то не помню. Может, прослушала, — сказала Мария.

— Он предсказывал, что пройдет через смерть и вернется для новой жизни! Тогда верили, а теперь вот говорят, а поверить боимся!...

— А мне не говорил, — вздохнула Мария. — Другим сказал, а матери ни слова...

— Кто видел? — спросил старший брат.

— Магдалина видела. Своими глазами, — ответила женщина.

Старший брат сказал римлянину:

— Магдалина — одержимая женщина. При ее отношении к Иисусу — весьма понятная галлюцинация.

— Значит, она больше всех Его любила, если первая увидела! Сначала ей тоже не верили. Но другие женщины, которые тоже ходили к гробнице, рассказывали, что видели там ангела в белом одеянии. А некоторые говорят, что им явилось два ангела! Они и отвалили камень от гроба, чтобы Иисус мог встать и уйти.

— Интересно, сколько ангелов будет к утру, — ехидно заметил старший брат.

— А я говорила, что он жив. Я говорила! — воскликнула Мария.

— Поверить, конечно, трудно. Но если Он даже, так сказать, воскрес в сердцах любящих людей, то все равно это чудо, — сказала сестра. — Само по себе, они хотели убить нашу веру в освобождение. А ее убить нельзя! И вот она воскресла!

— Тихо, тихо, — сказал старший брат.

— Трясешься? Трясись!

— А я требую, чтобы ты сидела тихо. Соображаешь, какая теперь начнется слезка за нами? И учтите, это всех касается! Что, если они там тоже поверили в эту историю? Там тоже, знаете, уметь. Начнут его искать. Где его будут

искать? Прежде всего здесь! За домом уже установлено наблюдение. Кто сюда зашел — уже на заметке!

— За себя не беспокойся. В случае чего, я заверю, что ты их верных раб!

— А я тебе сейчас как врежу!

Сестра подбежала, остановилась перед ним.

— Давай, давай! Твоему гостю будет интересно. Увезет домой яркое впечатление.

— Ругаетесь! В такой день! Лучше бы я сюда не заходила, — расстроилась женщина.

Прошу прощения за эту сцену, — сказал старший брат римлянину.

— Не обращайтесь на меня внимания. Меня нет.

— Видите ли, если эту фанатичку не остановить, она тут всех загубит!

— Верный раб! Послушный раб! — не унималась сестра.

— Давайте я вас покормлю, — сказала Мария. — Все хотят есть.

— Кто хочет есть? Никто не хочет есть, — сказал старший брат.

— Не говори за всех, — сказал мальчик.

— Ты-то хоть помолчи.

— Все будут молчать, ты один будешь говорить, — сказала Мария.

— Да и ты, Мария... Вела бы себя как-то покультурнее.

— А что ты всем делаешь замечания! Все молчите, один он будет говорить! Никто ничего не понимает, он один все понимает! Он не хочет есть — никто не хочет есть! Он главнее всех, — возмутился мальчик.

— Сгинь, недотепа. Надоело. Никто не хочет понять... Сами не можете понять — послушайте других. Может быть, установим какой-нибудь порядок?

— А кто будет устанавливать? Ты? — спросила сестра.

— Почему бы и нет? Я, во всяком случае, старший.

— Не ты старший, не ты. Старшего дома нет, — сказала Мария.

— Слушай, Мария. Не хочу тебя обидеть, но ты припомни. Много он бывал дома? Часто ты его видела? Ему до вас и дела не было. Он был, так сказать, выше всего этого.

— Неправда! Неправда!

— Что неправда?

— Неправда! Он любил нас! Он всегда нас любил! Он и уходил из дому, а все равно нас любил. Он отовсюду нам посылал... Где бы Он ни был, он все равно нам посылал... Всегда.

— Что, что он вам посылал?

Мария нашлась не сразу.

— Привет и ласку.

— Привет и ласку, — усмехнулся старший брат.

— Не смейся. Не надо смеяться.

— Что ты говоришь? — вмешалась женщина. — Ведь брат он тебе.

— Да, брат. Поэтому и говорю. Для вас это человек не от мира сего. Особенно теперь. Мертвых все умеют любить. А для нас он просто Иисус. И были у него обыкновенные человеческие недостатки. И достоинства. И были у него завихрения. А что касается меня, то я далеко не во всем с ним согласен. Случалось с ним и поспорить. Скажем, по вопросу...

— Любопытно, о чем же вы спорили? — спросил римлянин.

— Ну, это наши внутренние дела, — уклонился старший брат. — Во всяком случае, если бы он был жив, он и сам не захотел бы причинять неприятности своей семье.

Мария посмотрела на него с жалостью.

— Тяжко тебе будет жить. Ох, как тяжело...

— Ну, Мария, я вижу ты тоже научилась предсказывать. Почему же это мне будет тяжело жить?

— Считаешь, что вокруг тебя глупые люди. Трудно тебе будет с глупыми-то всю жизнь.

— Не понял.

Тем временем в дом вошел человек в пыльной дорожной одежде. У него ясное, сильное лицо. Это один из учеников Иисуса.

Мария бросилась к нему.

— Что? Что?

— На дорогах ни души. Иду по улицам Галилеи — никого, тишина, никто не работает, лавки заперты, все сидят

по домам. Выглядывают в окошки, чего-то ждут. А чего ждать? Все, что должно было произойти, уже произошло.

— А что произошло? Слухи ходят, а толком никто ничего не скажет...

— Для того я пришел сюда, чтобы сообщить, что произошло. Потому что тебе теперь предстоит совсем другая жизнь. Теперь, Мария, ты будешь жить иначе.

— Ты уж не пугай меня...

— Вечером все мы, Его ученики, собрались как прежде за трапезой, чтобы вместе вспомнить учителя. Двери были закрыты. Как вдруг Он появился среди нас — никто и не заметил как, когда — и сказал: «Мир Вам». Только два слова, больше ничего не сказал. На руках и ногах Его были раны от гвоздей. Но мы ничего не смогли сказать Ему в ответ. Мы растерялись. Хотя Он сам говорил нам при жизни: там, где соберутся во имя Его, Он будет между ними.

— Мне думается, он сказал это все же в переносном смысле, — заметил старший брат.

— И стол не накрыт, мало ли что, — заволновалась Мария, — вдруг заявится голодный. А то всегда так: забежит, нашлось что-нибудь — поест, а не сообразишь сразу — уже куда-то дальше пошагал.

Женщина бросилась к Марии, опустилась перед ней на колени. Мария испугалась.

— Ты что? Вставай сейчас же, что это тебе в голову взбрело!

— Мария, ты, Его мать, поймешь меня. Прости за просьбу такую... Мальчик мой, сын мой болеет. Все говорят, надежды нет. Устала я, устала. Укрепи меня в моей надежде! Благослови!

— Вот о чем я тебе говорил, — сказал ученик. — Теперь к тебе многие придут, Мать Божья. И те, кто не верил в Него, попозже, но придут.

— Да что мне делать с ней? Так и будем стоять?

— А ты возложи ей на голову руки и пожелай добра.

— Ну вот, возложила...

— Пожелала добра?

— А как же.

— Вот и все. А теперь, женщина, вставай и можешь идти. И рассказывай всем то, что я рассказал. И ссылайся прямо на меня.

Женщина поднялась с колен.

— Ну, Мария, думали ли мы... Вчера еще... Могли ли мы думать?!... — обращаясь к сестре, — Что, девочка, можно ли было подумать?

Поцеловала ее.

— А вы ссоритесь. Разве можно сейчас ругаться?

Подошла к старшему брату, поцеловала трижды.

— Сейчас все должны в мире жить.

Поцеловала мальчика, тот смутился.

— Отворачивается... Да что ты отворачиваешься, твой брат воскрес! В такой день все могут целоваться! Иисус воскрес!

Поцеловала и римлянина.

— Иисус воскрес!

— Ладно, иди, — сказал ученик. — Только будешь рассказывать — не путай ничего. А то сейчас начнут добавлять своего, кто во что горазд, что было, чего не было. Иди и говори громко, не бойся, теперь пускай они боятся!

Женщина пошла. Ученик в двери провозгласил:

— Люди, выходите! Распахните двери, теперь бояться нечего!

Слышится голос женщины:

— Люди, выходите! Теперь бояться нечего! Теперь пусть они боятся! Иисус воскрес! Теперь все переменится! Теперь всем воздается! Иисус воскрес!...

Ученик обратился к Марии:

— Людей не бойся, кому нужна помощь — помоги.

— Как я могу. Я не умею ничего...

— Сумеешь.

— Да уж поверь, что не сумею. Если он больной. Или она бесплодная. Что же я могу поделать? Только позориться. Я и сказать им ничего не могу.

— Но Он ведь твой сын.

— Ну, мой.

— Бог почему-то именно тебя избрал для этого?

— Ну, меня...

— Почему так случилось? Мы, сознаться, думали над этим. Пытались постичь. Некоторые, честно говоря, дивятся. Действительно, есть женщины и поумнее, и покрасивее. Этого ты не будешь отрицать?

— В том-то и дело. Я и сама, сознаться, думала да и бросила. Но теперь-то что делать? Ты говоришь, надо что-то делать.

— Но, с другой стороны. Посмотри на себя. И вы посмотрите. Тебе сколько лет? Уж под пятьдесят, наверно.

— Да, уж скоро.

— Ну. А ты все такая же, как прежде.

— Когда — прежде?

— Когда ты его родила.

— А правда. Я как-то не обращала внимания, — сказала сестра.

— Это не чудо?

— А я обращал внимание. Думаю, что такое? — сказал мальчик.

— Вам пятьдесят лет? — удивился римлянин. — Хотя, конечно... Ну да, меньше и быть не может... Да вас надо показывать римским дамам!...

— Вы скажете, — смутилась Мария.

— Не нам с вами найти ответ на эту загадку. Она еще будет привлекать к себе лучшие умы, — сказал ученик. — А пока — прощай, Мария.

— Остальные для тебя уже не существуют, — сказала сестра.

— Стараешься меня в чем-то уличить. Конечно, я попросился бы со всеми и с тобой.

— Значит, я не поняла. Думала, ты все забыл, дорогой.

— Нет, я не забыл.

— А ты хочешь, напомню, милый.

— Не стоит.

— Может быть, я тебя обидела, любимый?

— Нет.

— Или ты успел в кого-нибудь влюбиться, ненаглядный?

— У меня были другие заботы.

— А ведь грешил, грешил, друг мой!

— Если глаз твой соблазнит тебя, вырви его и брось от себя. Вот что Он говорил.

— Но любовь — она разве не от Бога? Бог и сам любил.

— Но не так, как ты думаешь.

— Что я думаю — это для тебя темная ночь, тебе этого не понять. Значит ты решил совсем покончить с этим, нежный друг?

— Да, решил.

— Ради чего же, свет мой?

— А ради того лишь, чему Он учил: оставьте дом, и братьев, и сестер, и жену ради меня и взамен получите во сто крат больше.

— Теперь поняла. Желаю тебе получить побольше, сладостный мой!

— Если бы я хотел получить побольше житейских благ, ты могла бы надо мной посмеяться. Но ты видишь, я нищ. И так проживу до конца своих дней. Не земных удовольствий мы ищем. Земную жизнь мы посвятим Ему. Хватило бы сил нести Его учение людям.

— И детей у вас не будет?

— Значит, не будет.

— Кто же примет Его учение из ваших рук, когда вы состаритесь?

— Человеческий род не вымрет.

— А вдруг за вами все пойдут? Все станут такие же праведные, как вы?

— Все, положим, не пойдут.

— На это, значит, рассчитываете... В общем, понятно.

— В таком тоне я отказываюсь продолжать разговор. Мария, скажи ей!

В двери он остановился перед людьми, которые не решались войти.

— Заходите, не бойтесь. Она здесь, она ждет вас!

— Начинается, не пора ли нам восвояси, — сказал римлянину старший брат.

— Нет, нет, не пора.

— Как угодно.

Тем временем люди входили в комнату. Здесь горькие судьбы, скудные жизни, годы болезней, унижения.

— Вы тоже слышали? — сказала Мария. — Пришли порадоваться с нами? Спасибо. Мы и сами только что узнали, никак не опомнимся!

Люди смотрели на нее молча.

— Благослови, Мария, — попросила женщина. — Коснись!

И тут же, поднимая на руки и протягивая к ней детей, стали просить другие:

— Коснись, Мария!

— Коснись своей рукой!

— Коснись, Мария, благослови! Что тебе стоит!

— Боюсь, что не будет толку от этого, — сказала Мария.

— Ты Его мать! Ты не должна отталкивать от себя! — сказал старик.

— Ну, хорошо, если вы просите, вот, коснулась.

— Пустите-ка, незрячий я, никак не подойти.

— Что тебе, вот я...

— Прозреть бы мне, милая.

— Как же я могу это сделать, сам подумай!

— А ты попробуй, вдруг получится.

— Да уж поверь, что не получится!

— Если ты действительно Его мать — быть этого не может.

Люди снова заволновались.

— Благослови, Мария.

— Коснись, Мария.

Они приближались к ней, теснили.

— Благослови, Мария!

— Коснись!

— Не прогоняй нас!

Мария вырвалась, отпрянула от них.

— Не умею я этого! Уходите!

— Тихо все! — вскричал старший брат.

Люди смолкли.

— Не на площади, в доме находитесь! Давайте-ка сначала все выйдем. Потом снова войдете, но уже по одному. Я прав, Мария? Нельзя же так.

— Нельзя так, нельзя, — согласилась Мария.

— Тогда скажи, чтобы все вышли. А потом будут входить по очереди. И ты с каждым поговоришь.

— Я с каждым поговорю.

— Слышите? Просят Вас.

Люди стали выходить из комнаты.

— И договоритесь сами, кто за кем будет входить. А кого уже благословили, те с Богом идите по домам.

Закрыл за последним дверь, придержал ее, обернулся.

— Мария, ты встала бы лучше здесь, посередине.

— Может ты встанешь вместо нее? — сказала сестра.

— Не можешь успокоиться. Не время, честное слово...

Теперь, Мария, слушай внимательно: говори только самое необходимое. Ничего лишнего. Сказала и тут же замолкни.

Они сами додумают, что нужно.

— Может быть, ты за нее и скажешь?

— Понадобится — скажу не хуже других. Мария, готова? Впускаю.

Он открыл дверь.

— Кто первый?

Снова прикрыл дверь.

— Опять слепец.

— Не хочу, не хочу! — взмолилась Мария.

— Ты не понимаешь, его нельзя прогнать ни с чем.

— Не пускай его сюда!

Старший брат приоткрыл дверь.

— Придется немного обождать. В сторону, пожалуйста.

Кто следующий?

В комнату протиснулся человек с нервным лицом.

— Простите, что я вторгаюсь к вам. Я околачиваюсь около вашего дома со вчерашнего дня.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила Мария.

— Благодарю вас. Мне надо с вами поговорить. Хотя говорить, возможно, и нет смысла. Я несчастлив, живу безрадостно. Почему? В том-то и дело, что причины, пожалуй, и нет. Кроме разве лишь моей собственной глупости. Правда, эта глупость особая, глупость образованного и даже мыслящего человека. Дело в том, что моя жизнь состоит из делания глупых поступков и разнообразных страданий по этому поводу. Просыпаюсь утром, вспоминаю, что было вчера, и сразу же начинаю вот так мотать головой и бормотать: «Нет, нет». То есть, не было этого, не было! Но это

было, ничего уже не исправить. Вы никогда не мотаете головой?

— Нет.

— Причем поступки мои не злобные и корыстные, наоборот! Я непрерывно думаю о ближних, как выражается ваш сын, жертвую ради них самым дорогим. Но потом и очень скоро именно из-за этого начинаю тяготиться, бежать именно от тех самых людей. Ваш сын учил: давайте и воздастся вам. Но если ты отдал самое дорогое свое человеку скверному, который надменно принял это и теперь смотрит на тебя сверху вниз? Правда, ваш сын говорил: любите врагов ваших. Но как этого добиться? Вероятно, надо сначала научиться любить хороших людей, а потом уже попытаться любить и других. Может быть, они до сих пор были обращены к тебе дурной стороной, как и ты к ним. А вдруг обернутся хорошей, как и ты?... Но я обижаю и самых близких — отца, мать! Потом мотаю головой, а уже поздно. Начинаешь думать: как же так — я одинок и печален, ведь это грешно и глупо! Тогда бросаюсь в соблазны веселой жизни — и опять стыд и похмелье. У вас бывает стыд и похмелье?

— Нет.

— Видите... Чего ради я терзаю себя в этой единственной жизни? Что возместит мне эти дурацкие терзания? Загробная жизнь? В загробную жизнь мне трудно поверить. Я преклоняюсь перед вашим сыном, его учение — это, в сущности, гениальные уроки практической морали. И служат они не только для того, чтобы делать людям добро, но для излечения своей собственной души, для покоя и гармонии здесь, внутри! Но — загробная жизнь? Вероятно, поверить в нее мне мешает образование, знание конкретных наук... Но предположим, что после этой жизни ничего не будет. Тогда значит, что все это — земля, солнце, птицы — все только временное, несущественное? Я имею в виду тех, кому трудно поверить!... Да, но ведь можно быть свободным от религиозной веры и все же оставаться нравственным человеком. Делать добро и не терзаться суетой. Разумеется, для этого надо много сердца и ума. Но поначалу хотя бы понять!...

Он вдруг рухнул, уткнулся головой в колени ей. Она с трудом его подняла. Он заговорил не сразу.

— Благодарю вас. Этой беседы я не забуду...

И вышел.

— Видишь, как просто? — сказал Марии старший брат.

— Умный человек.

— Невропат, — сказала сестра.

— А знаете, ваш Бог приносит больше пользы, чем римские конкуренты, — заметил римлянин.

За дверью все громче голоса. Старший брат отправился наводить порядок, но было уже поздно. В комнату опять входил слепой, с ним другие.

— Мы уже договорились — по одному человеку, — сказал старший брат. — А тебя я вообще просил обождать.

— Мы ждали. Мария, но ты не зовешь нас, — сказал слепой. — Очередь все растет, если ты будешь медлить, мы так и не дождемся! Там все здоровые, они могут подождать, а нам трудно.

Мария вскочила.

— Не сумею я этого! Не умею! Говорите — я мать! Ну и что! Своих матерей вы уже не просите, чтобы они вас исцелили!

— При мне к твоему сыну однажды подошел человек в проказе. Иисус очистил его. Все это видели! А мне, незрячему, не удалось приблизиться к нему! Помилуй меня, Мария! Мы верим тебе, почему ты сама себе не веришь! Сжался надо мной, попробуй!

— Попробуй, Мария! — сказал старший брат. — Почему не попробовать? Иисус тоже не знал своих возможностей, а потом узнал и видишь, что получилось?

— Уходите отсюда! Уходите! — кричала Мария.

Из двери на нее печально смотрел ученик.

— Дурные слухи догнали меня в пути. И я вернулся. Говорят, ты заставляешь ждать пришедших к тебе людей за дверью дома.

— Мы прибегли к этому только ради удобства, — оправдывался старший брат.

— Не с тобой говорят. Твой сын, Мария, никогда не заставлял людей ждать за дверью дома. Твой сын попросил бы их зайти.

— Нечего им заходить — у меня дела.

— У тебя сейчас нет более важных дел.

— Я три ночи не спала, у меня семья не кормлена, я три дня в доме не убиралась!

— Надо, чтобы было чисто в душе, а не в доме.

— В душе у нее чисто, — сказал старший брат. — Она Иисуса родила! Не забывайте все же, куда вы пришли!

— Ну что я могу сделать, если он от рождения слепой? — сказала Мария.

— А что в таких случаях делал твой сын? — спросил ученик.

— Не знаю...

— Все знают, одна ты не знаешь.

— Я не видела. Дома он этого не делал.

— Кто истинно верит, тому не надо видеть.

Мария молчит.

Ученик задумался, потом сказал печально и сурово.

— Ради твоего сына я хотел молчать. Но теперь скажу. Ради него же.

Пришедшие в дом люди слушали его тревожно.

— Однажды мать Иисуса и братья стояли у дома, где Он беседовал с людьми, и хотели поговорить с ним. Он же, узнав о том, проговорил: кто мать моя и братья мои? И указал рукой на учеников своих: вот мать моя и братья мои! Ибо кто будет исполнять волю Отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать! Было так, Мария?

— Не знаю, в дом нас не пустили... Но кто не пустил, не знаю.

— Кто же, ты думаешь, мог вас не пустить?

— Да вы же и не пустили!

— Зачем же это нам понадобилось вас не пускать?

— Вы ему даже не сказали, что я пришла! Боялись, что люди увидят его с нами и скажут: а не плотников ли это сын? Да вот же его мать и братья, мы же их всех знаем, чем же он от них отличается? И начнут сомневаться в нем. А Он Божий сын! Он Божий сын! Божий сын!

— В каком смысле? — спросил старший брат.

— Тебе этого не понять. Это только Он знает, и я знаю.

— А я утверждаю, что ученики были ему роднее, чем родственники. Не здесь Его дом, а Там, — сказал ученик.

— А все-таки, когда он узнал, что за ним придут стражники, он пожалел нас! Он совершал пасху не дома, а у чужих людей! Это чтобы я не видела, как его забирают и избивают кольями!

— Не потому Он совершал пасху у чужих людей, а потому что они были ему роднее, чем родные! Он как говорил? Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее! И враги человеку домашние его! Кто любит отца и мать более меня — тот не достоин меня!

— Это неправда! — воскликнула сестра. — Он любил мать. Ты бы умел так любить! Вы говорите, Иисус добрый. А кто Его этому научил? Вы говорите, Иисус смиренный. Откуда это у Него? Восхваляете за то, что Он был тверд и не отрекался от истины. А она? Зачем же ты требуешь, чтобы мать Его говорила не то, что думает!

— А хотите знать? — сказала Мария. — Если бы Он пришел сюда еще раз, вы бы снова предали Его и стояли бы в сторонке и смотрели, как Его распинают!

Тогда ученик сказал голосом сильным и ясным.

— Братья мои! Покиньте этот дом. Здесь нет и следа Того, Кто некогда жил. Здесь не найдем мы Его. Пускай же в этот день, когда всюду праздник, здесь будет пусто, как пусто везде, где Его нет.

— Не осуждай нас за то, что мы сюда пришли, — сказал старик.

— Как я могу осуждать вас, если я сам сюда пришел.

— Не осуждай нас и ты, Мария. Мы просили того, что тебе не по силам.

— Я не осуждаю вас. Хотя все, что он говорит, — клевета. Иисус никогда не стыдился нас. Если бы Он презирал своих близких, разве он мог бы любить других? — сказала Мария. И обращаясь к ученику, добавила: — И сестру свою Он любил сильнее, чем ты любил ее, хотя и не клялся, как ты. Не потому ли и советовал нам: не клянитесь!

— Что же нам делать теперь? Кого слушать? Вы бы решили между собой. Кого нам просить о помощи? — спрашивал старик.

— О помощи просить — это его. Он ученик Его. Он вместе с Ним ходил по дорогам, запоминал Его слова,

переспрашивал, что они значат. Для чего же и учил их Иисус? Для того, чтобы теперь они учили вас...

Люди оборотились к ученику. Теперь уже к нему стирали свои руки.

— Благослови! Ты был с Ним, ты Его ученик, благослови! — просили люди, окружали его.

— Благослови сына моего! Коснись моего мальчика!

— Коснись своей рукой!

— Коснись, что тебе стоит!

— Прозреть бы мне, коснись!...

Ученик не сразу решился, затем коснулся одного, другого.

— Блаженны страдающие, ибо утешатся. Блаженны милосердные, чистые сердцем, только они войдут в царство небесное. Бог избрал вас, бедных, униженных, смиренных, чтобы посрамить богатых, надменных, переполненных собой, мир вам... Благодарю вас за то, что вы верите в Его силу... Благодать тебе. Иди. Мир тебе. Отправляйся... И ты утешься в своей скорби!

Получив благословение, люди, один за другим, покидали дом.

— А ты что остался? — сказала сестра. — Иди, исцелитель, паси свое стадо!

— Он всегда исцелял больных, и не тебе, Мария, отнимать веру у тех, кто страдает. Но речь идет не только о верящих в Него, а также о врагах! Когда Он изгонял торговцев из храма, они Его спросили: как ты докажешь, что имеешь право так поступать? Он должен был доказать это своими чудесами!

— Простите, Мария, что я вмешиваюсь, но мне думается так, — сказал римлянин. — Скорее всего, вы правы, слухи о его чудесах — это фантазия толпы. Но поймите, ради своей великой задачи он вынужден был подтверждать эти слухи. И творить некоторые так называемые чудеса.

— И потом, Мария, в сущности, ведь Он творил чудеса, но, может быть, в другом смысле, — сказала сестра. — Он возвращал зрение тем, кто ослеплен духовно!

— Нет, зачем же так, не надо подменять, — сказал ученик.

— Без некоторых простительных компромиссов успеха достичь нельзя, — вмешался старший брат. — Ну, так уж сложилось.

— Речь идет не о компромиссах.

— Почему же, что было, то было, давайте смотреть правде в глаза. Вокруг Него всегда толпилось столько жаждущих исцеления, что кто-то действительно исцелился. А чудеса поражают больше, чем проповеди.

— Видишь, Мария, каждый мыслит по-своему, но говорят тебе одно. Неужели ты и теперь не поняла?

Мария молчит.

— Значит, так: мы будем говорить одно, а ты будешь говорить другое!

— Я не буду говорить.

— Но к тебе будут приходить! И будут спрашивать! Теперь все будут спрашивать о Нем! Придется отвечать и тебе и нам. Что же ты будешь отвечать о Его чудесах?

— Что видела — скажу. Чего не видела, того не знаю.

— Ну, хорошо же, будем знать.

Ученик пошел к выходу. Но, открыв дверь, обернулся.

— Фарисей!... Фарисей идет сюда. Может быть, один из тех, которые убили твоего сына. Фарисей — кровавый лоб. Фарисей — чего изволите? Вот кого здесь не хватало! Вот с кем вы найдете общий язык! Эти тоже не верят в то, что Он совершал чудеса. Вот кому здесь место, вот кого здесь, наверное, ждут! А я здесь не нужен, я пошел...

Уходит.

— Интересно, зачем этот фарисей сюда пожаловал, — сказал старший брат. — Будет о чем-нибудь допытываться — лучше всего молчите. Особенно ты, Мария. Ну, если уж очень пристанет, так что не будет другого выхода, — поговори. Тем более, что ты и правда не веришь в чудеса и знамения. Так что тебе не придется даже кривить душой.

В дом вошел фарисей. Он стар. Взгляд его внимателен и прям.

— Здравствуйте.

Ему не ответили.

— Не бойтесь меня, не бойтесь! Я по-хорошему пришел... Вот и славно, все здесь, все собрались. Это ваша сестра?

— Сестра.

— И ты оставайся. С тобой тоже хотелось бы побеседовать. Это старший, сводный. Это младшенький. Так...

— А это гость из Рима, — сказал старший брат.

— Путешественник, меценат? Решили посетить нашу страну? Тяжкое, темное время. Осенью у нас хорошо... Но мне хотелось бы поговорить с этой женщиной. Наши внутренние дела.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказал римлянин.

— Зачем ты пришел сюда? Зачем позоришь мой дом? — спросила Мария.

— Не я опозорил твой дом.

— Разве можно приходить в дом убитого тобой человека?

— Я не убивал твоего сына. В душе я был против этого. Но его должны были казнить. Это была единственная возможность доказать, что он не Мессия, каким из гордыни или по безумию себя считал.

— Уйти, прошу. У меня плохие мысли, я хотела бы тебя убить.

— Мария нездорова, — сказал старший брат. — Все эти события повлияли на нее.

— Я предпочел бы прийти сюда позже, — сказал фарисей. — Но необходимость возникла сейчас. До меня дошел слух... Я хотел его проверить. Скажи мне, небесные знамения и чудеса, которые он якобы творил, — знаешь ли ты их, или это плод воображения слепой толпы, желающей видеть в нем Бога? Так, говорят, ты сказала людям, пришедшим к тебе, и в этом была смела и чиста душой. Верно ли это?

— Быстро пронюхали, — сказала сестра.

— Что я говорила? Не говорила я ничего.

— Мария, ты же ничего плохого не сказала, — вмешался старший брат. — Повтори коротко в двух словах. Я думаю, больше ничего не потребуется.

— Только так. И я немедленно уйду, потому что вижу, что мое присутствие тягостно, — сказал фарисей.

— Не надо, Мария, — сказала сестра.

— Простите, но я тоже советую этот разговор отложить, — сказал римлянин, — вам надо все спокойно обдумать.

— Приверженцам своего сына ты не нужна, — сказал фарисей. — Они хотят как Бога, вознести его на небо. Они говорят, что Иисус отрекся от тебя, что дом его не здесь. И дети тебя покинут, потому что родство с Богом, даже отсутствующим, вынести трудно. Ты останешься одна в этом доме! Бойся этого! Не зову тебя, чтобы ты шла к нам. Но пока прошу тебя об одном: не беги от нас. Так ты бежишь от жизни, Мария.

— Он говорил: два человека вошли в храм помолиться, один — фарисей, другой — мытарь, который выколачивает подати у бедных людей, — сказала сестра. — Фарисей молился так: «Боже, благодарю тебя, что я не такой, как прочие люди — грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь!» Мытарь же, ударяя в грудь, говорил и говорил только одно: «Боже, грешен я! Будь милостлив ко мне, грешному!» И ушел оправданный! А фарисей так и не получил прощения!

— Я знаю эту басню. Иисус всегда злобно поносил нас.

— Он видеть вас не мог! — сказала Мария. — Как вы надменно ходите по улицам, ожидая приветствий. Как ищите первенства и почестей, как молясь, оборачиваете головы, чтобы узнать, видят ли это люди, как творите милостыню напоказ. Он смеялся над вашим благочестием, и его насмешки поражали вас в самое сердце. Вашу ненависть к нему могла утолить только его смерть! Только убийство!

Старший брат сказал фарисею, улыбаясь.

— Вот женщины, вот женщины! Сами завтра же не вспомнят, что наговорили.

— Не убийство, а казнь, — отвечал фарисей. — Это разные вещи. Допрос его совершался с участием свидетелей.

— Лжесвидетелей, — сказала сестра.

— Приговор был вынесен по закону.

— Почему же вы судили его тайно, а не на людях?

— Люди приветствовали решение суда. Когда его вели на место казни, они кричали: распни, распни!

— Несчастные! Несчастные! Несчастные! — простонала Мария.

— Мария должна успокоиться, — сказал старший брат. — Она устала, ее можно понять.

Фарисей обратился к римлянину.

— Но вы-то!... Этот Иисус причинил бы много зла не только нам, но и Риму!

— Я, знаете ли, частное лицо. Эта проблема меня мало интересует.

— А если бы возбужденный им народ перестал платить подать Римской империи? Это, извините, коснулось бы и вас!

— Будем объективны, он, напротив, советовал платить подать Риму.

— Только из-за презрения и нежелания с вами спорить, — сказала сестра.

— Спорить он, положим, безумно любил и спорил по поводам, гораздо менее важным, — сказал фарисей. — И не ради того, чтобы выяснить истину, а только для того, чтобы победить в споре! Любыми средствами! Особенно в присутствии зрителей! Политик был, политик!

— К политике, положим, он вообще относился иронически, — заметил римлянин.

— Как и вы, кажется! — сказала сестра.

— Да, как и я.

— Удобная позиция. В любом случае вы оказываетесь выше всех.

— Политик был! И дальновидный! — сказал фарисей. — Несмотря на то, что о гражданском управлении он имел самое неясное представление. Его рассуждения о царях и властях были потешны!

— Они кажутся потешными вам! — воскликнула сестра. — Потому что Он не давал себе труда разобраться в ваших муравьиных интригах! Но у него было точное отношение ко всем чиновникам: каждый из них враг людям!

Скучно, скучно слушать вас, — сказал римлянин. Злость всегда скучна. Особенно вы, девушка. Вам ли не знать, что он хотел создать убежище только для души! Среди господства злобы и грубой силы!

— Тогда объясните мне, за что Его преследовали и убили, если Он такой безобидный человек.

— Разрешите не объяснять. Вам будет трудно в этом разобраться. Вам обоим.

— Почему же это мне будет трудно в этом разобраться? — спросил фарисей.

— Не он политик, а вы политики, вы! А всякий, кто занят политическими страстями, не может простить другим, если они ставят что-то выше его партийных идеалов!

— Он ненавидел богатых и знатных! — сказала сестра.

— Но он никогда не собирался занять их место. Он хотел уничтожить богатство и власть, но не овладеть ими.

— Все-таки уничтожить!

— Но не оружием. А посредством душевной чистоты.

— А я утверждаю: он хотел основать новое государство, — сказал фарисей. — Хотел беспорядка и революции.

— Вот это ближе к истине, — сказала сестра.

— Но к кому он обращался за помощью? — сказал римлянин. — К самым невоинственным людям. К женщинам и детям, к униженным и смиренным. Революция? Возможно. Но какая? Когда все, что сейчас значительно, перестает быть важным!

— Вот, вот что самое гнусное! — сказал фарисей. — Он хотел поколебать закон, который существовал века и пребудет вечно. А теперь — где он, ваш Иисус? И в чем его учение? Нас трое здесь, и мы не можем прийти к согласию. Как же придут к согласию тысячи и тысячи?

— А ты походи по городам и увидишь, как приходят к согласию тысячи и тысячи, — сказала сестра. Он теперь недоступен вам, а последствия Его дел даже представить трудно. Вас же запомнят лишь потому, что вы один миг стояли на его пути!

— А вот за эти слова ты будешь проклята, — с тихой яростью проговорил фарисей. — И весь этот дом проклят. Пусть будет дом этот пуст!

— Зачем вы так? — в панике спросил старший брат.

— И все живущие здесь прокляты! Ты кто? Брат? Тоже проклят...

И покинул дом.

— Дождались, — сказал сестре старший брат.

— И вы тоже — зачем было вмешиваться? — сказал он римлянину. — Я вообще ни за что попал... Не знаю, как вы, а мне пора.

— Беги, беги, все равно ты уже проклят, — сказала сестра.

— Вот и все, — сказала Мария. — Это ты уходишь навсегда, больше сюда не вернешься.

— Зачем же так! Сейчас мне нужно будет уехать. Но не на век же.

— Конечно, поезжай, у тебя много дел. И еще с нами сколько времени потерял.

— Поверь, Мария. Я хотел тебе только добра. Если бы ты меня слушала, то могла бы неплохо жить, даже не представляешь как! И тебе, — обращаясь к сестре, — я хотел добра. Предпочитаешь пропасть ни за что — твое дело. Иисус учил делать добро, а среди вас добро делаю я один. И для вас, — обратился он к римлянину, — я немало постарался. А ради чего? Не знаю. Они думают, ради выгоды. Что же, пусть будет так. Зато вы набрались впечатлений, будет о чем рассказать в Риме. А я что получил? Проклятье!...

Неожиданно для себя опустился перед Марией на колени. Мария положила руку на его голову. Старший брат поднялся, ушел.

— Вот еще одного нет... Мальчик, да ведь ты есть хочешь.

— Вспомнила.

— Давайте все поедим.

Ставит на стол хлеб, кувшин с молоком.

— Вина нет. Вы, наверно, привыкли с вином.

— Все хорошо. Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал римлянин.

Мальчик поднял голову, беспокойно проговорил:

— Мам, кто-то ходит...

— Никто не ходит, тебе показалось...

Римлянин сказал, обращаясь к сестре:

— Я грубо с вами говорил, простите.

— Что там. Я в жизни не такого наслышалась.

— А Иисус говорил: где соберутся вместе несколько человек и вспомнят о Нем, там Он и будет среди них, — сказал мальчик.

— Наверно, Он имел в виду, что Его будут вспоминать, — сказала Мария. — И правда, вот вспоминаем.

— Мне хотелось бы как-нибудь помочь вам, — сказал римлянин. — Я даже знаю как, но не решаюсь сказать.

— Тогда не говорите.

— По-моему, кто-то ходит, тебе не показалось.

— А мне показалось.

— Вот я и говорю.

— Вам надо подумать о младшем сыне, — сказал римлянин Марии. — Мальчик непрактичный, лишен ярко выраженных склонностей. Мы тут с ним побеседовали. Ему бы надо учиться, иначе он пропадет.

Мария сказала мальчику:

— Ты хочешь уйти от нас?

— Почему уйти?

— Он боится вас огорчить, — сказал римлянин.

— Вы уже обо всем договорились? — спросила Мария.

— Мама, ты сама подумай. Что мне здесь делать? И наоборот, что меня ждет там. Разве можно сравнить?

Так вот в чем дело, — усмехнулась сестра. — Тут беспокоились, какой сувенир предложить гостю, а он, оказывается, сам себе приглядел. Живой сувенир, можно демонстрировать в Риме. Смотрите, настоящий брат Иисуса! Какой забавный! Какой милый недоразвитый мальчик! Говорят, что у его брата тоже не все в порядке!

— Несправедливо, — сказал римлянин.

— Может быть.

— Ты знаешь, с кем ты говоришь? — вступился за римлянина мальчик. — Его носят на носилках. У него в Риме свой дворец из мрамора!

— Зачем так? Это не имеет никакого значения, — сказал римлянин.

— Почему же, нам интересно, — сказала сестра. — Его носят на носилках. Это существенно.

— А знаешь, что такое Рим? — продолжал мальчик. — Кто не видел Рима, тот все равно, что не жил на свете! Там есть цирк! Чтобы его пройти в длину, нужно десять минут времени! Там всюду памятники и статуи! Люди со всего света приезжают, чтобы их посмотреть!

— А у нас зато какая речка, — сказала Мария. — Найдешь ли там такую речку?

- У нас купаются в бассейнах, — сказал римлянин.
— Разве можно сравнить бассейн с речкой!
— Вот именно, разве можно сравнить! — сказал мальчик.
— Здесь у тебя товарищи. Не жалко с ними расставаться? Ведь это уже навсегда!
— А там другие товарищи найдутся, не хуже.
— Таких уже не найдешь.
— Почему не найду?
— Они над тобой будут смеяться.
— С чего же они будут надо мной смеяться?
— Уж поверь, что будут.
— Тогда я сам буду над ними смеяться.
— Нет, мальчик, у тебя не получится.
— Все равно я не буду здесь жить. Мне все время мерещится, что тут кто-то ходит.
— Кто ходит, сынок?
— Кто! Иисус.
— Тебе это неприятно?
— А кому приятно...
— Иди, — решительно и горько сказала Мария.
— Мама, если ты не хочешь, я не поеду!
— Хочу я, малыш, хочу.
Слезы вдруг подступили к горлу мальчика.
— Как же ты будешь здесь?... Одна, без никого.
— Почему одна? Мы с сестрой будем, вдвоем.
— Решайте же что-нибудь. — сказал римлянин. — Если ты хочешь остаться...
— Нет!... Я не знаю!... Прости меня, мама! — закричал мальчик.
— Придет время, вы поймете, что это к лучшему, — доброжелательно сказал римлянин.
— Да, да. Тогда уж не тяните, — сказала Мария.
— Я поесть не успел, а она меня гонит, — захныкал мальчик.
— Возьми с собой хлеб и сыр, — не глядя, сказала Мария.
— Ничего, мы в городе поедим, — сказал римлянин. — Вставай, мальчик. Проститесь с ним все-таки.

Мария обняла мальчика, покачивает, словно баюкает.
— Прости, маленький, обидела тебя. Не вспоминай этого! Если там, среди увлечений и веселья, что-нибудь случайно напомнит тебе наш дом, то вспоминай лучше, как мы сидели за столом все вместе. А твой хозяин...

— Не называйте меня так, — сказал римлянин.

— Может быть, он полюбит тебя. А нет — и так проживешь. Нельзя в одном птичнике растить орленка и цыплят. Орленок взлетит и разобьется о крышу, а цыплята разбегутся кто куда.

Она отклонилась, посмотрела на мальчика внимательно, и правой рукой — сверху вниз, потом слева вправо — осенила его крестом.

— Ты что, — испугался мальчик.

— Это так, на прощанье... Брата вспоминай, Иисуса. Это — всегда, где бы ты ни был.

— Надеюсь, увидимся, — сказал римлянин.

— Где уж, теперь едва ли.

Римлянин за руку вывел мальчика в темень ночи. На холмах горели костры тех, кто не утратил веру в Марию.

— Пустеет дом, пустеет, — сказала Мария.

— Нашел время, негодяй, когда уходить.

— Я его плохо проводила. Никогда не получается, простишься как попало...

— Ничего, Мария. Я обещаю, что не уйду.

— Лучше, чем дома, тебе нигде не будет. Только и ты уйдешь.

— Куда?

— Уйдешь, чтобы сгореть огонечком. Быстро соришь. Мало кому посветишь.

— Нет, что же получается? Значит, они добились своего? Оказалось, достаточно расправиться только с одним человеком! Только Иисуса нет! И все рухнуло. Каждый тащит кусок Его идеи, кому какой по силам. Тошно, Мария, тошно. Он говорил — надо радоваться жизни. Ему хорошо было, тогда. А сейчас? Чему радоваться... Должна сказать, Мария, что люди молодые, наше поколение, не все понимают в его учении. Мы, например, не собираемся подставлять другую щеку! Мы не хотим ждать, когда все само собой образуется.

— Погибнешь, сестра моя, погибнешь. Все равно ничего не изменить.

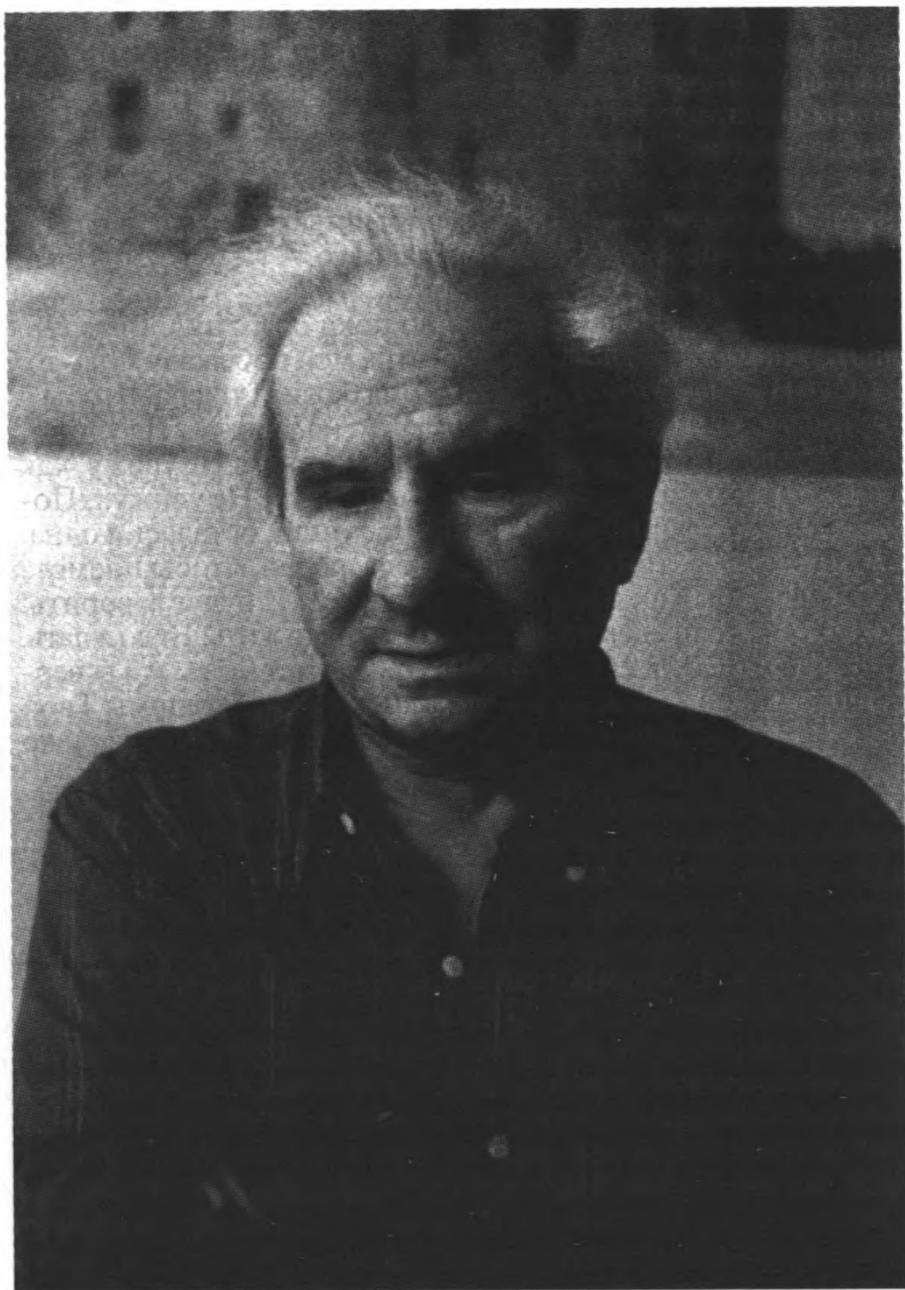
— Кто знает.

— Много крови прольется...

— Я тут должна сходить, в общем, меня там ждут. Если кто-нибудь зайдет, будет меня спрашивать, скажи, ушла по делу. Ничего, что я уйду? Я ненадолго. А ты отдохни пока.

Костры на холмах все горели.

— Иди, иди. Я действительно пока отдохну... Видишь, Сын мой, что творится. Вот и сестра моя побежала куда-то. В какое-то место. Знаю, почему она бежит отсюда. Чтобы я не увидела ее гибель. Хорошо, что не увижу... Не увижу, как Твой брат будет торговать Твоим именем. Не увижу, как другой Твой брат станет потешать римлян. Не увижу... Получается, что фарисей был прав. Все ушли, осталась я одна. В пустом доме, точно. Пошлет сюда людей, чтобы посмотрели на меня. Как я живу в пустом доме. И будут говорить: а фарисей это предсказал. Что делать, надо жить. Надо ждать. Может быть, они еще и вернуться... Может быть, и Ты вернешься? Вспомнишь дорогу в родной дом? Неведомы Твои дела. Все равно знай, я жду Тебя. Я долго могу ждать, сколько нужно. Явишься — а я дома, я здесь...



Александр Володин

**ЗАПИСКИ НЕТРЕЗВОГО
ЧЕЛОВЕКА**

Рассказы, записки

Все наши комплексы

Записки нетрезвого человека

Дерзкое величие жизни

ВСЁ НАШИ КОМПЛЕКСЫ

Она словно медлила перед тем, как постареть всерьез, и с приветливым видом все держалась. Теперь не редкость такие женщины: умные, с юмором, эрудированные, им нелегко найти мужа под пару.

А другая была из шахтерского поселка. Постарше ее и попроще. И все сложение более тяжелое, и волосы — мелкими кудряшками, провинциальная завивка.

Первую звали, скажем, Оля, а вторую звали, предположим, Таня. Они отдыхали зимой в доме отдыха. А когда пришло время уезжать, скажем, эрудированная Оля сказала провинциальной Тане:

— Давайте выпьем на прощание вина. Посидим вечерок вместе!

Таня присела к тумбочке и стала мучиться:

— Как нехорошо, даже не поломалась.

— Учтите, Таня, ломаться глупо.

Но Таня прикрыла стакан ладошкой.

— Мне не надо, я боюсь, опьянею.

— Это же сухое вино, как лимонад! От него разве можно опьянеть?

— Да я вообще не пью.

— Неужели никогда не пила? Я думала, ты водку хлещешь!

— Нет, дома у нас пьют, что ой-ой-ой! У меня муж классический алкоголик. Но я только накрываю и подаю. Потому что я терпеть этого не могу. Начинается хорошо, а кончается...

— Ну что, так и будем сидеть? Ты как хочешь, а я гуляю.

И вот, Оля стала пить вино, а Таня сидела так.

— В первый раз я в такой компании. В первый раз за всю жизнь!..

— Так хорошо же! Чего же плакать, глупая!

— Вы будете мне писать? — спросила Таня. — Я вам письмо напишу, вы мне ответите?

— Вообще-то я не пишу писем... — Но, взглянув на Таню, соврала. — А тебе я отвечу, это я обещаю.

— А детей у меня шестеро... Четыре своих да две дочки мужа. Раз пришла домой — ко мне дети с плачем. Отец на полу, лицо забинтовано. Что случилось? А он пил с друзьями и захотел перед ними похвалиться, как его шенок слушается. Орет на него, грозит ему пальцем, а пес и так его не любит, а тут еще алкогольный запах. Как тыпнет его за морду! Тогда он стал бить щенка сковородкой. Шваркнул его об угол и бросил через окно в уборную. Я туда. Шенок лежит внизу, одним глазом смотрит и не шевелится. Я ору: «Доставай мне щенка, или уходи к чертям из дома!» «Кто тебе дороже, муж или собака!» «Сегодня мне собака дороже!..» Нет любви, нет. Я долго верила. Я только недавно перестала верить.

Но раз уж зашел разговор о любви — Оля принялась рассказывать свою историю.

— Когда я еще училась в школе — двести лет назад! Еду в трамвае, и вдруг чувствую: на меня смотрит молодой человек. Синие глаза, бледное лицо, и смотрит как-то вскользь, но на меня. На остановке выхожу, но и он выходит вслед за мной. Я испугалась еще больше и скорей забралась обратно в вагон. А он чешет по тротуару вслед. Наконец, приехала и скорей домой. А дома ничего не могу делать: ни есть, ни пить, ни заниматься. Все думаю, как он там бежит. И вспомнила, что вижу его уже второй раз! А в первый просто не обратила внимания. Посидела, посидела и вышла на улицу. А он еще там, но уже уходит. И тогда, сама не понимаю, зачем — пошла за ним и догнала. «Вы, спрашиваю, за мной шли?». «Да». И смотрит так странно глазами. «Вы уже во второй раз шли?» «Третий, говорит, вы не заметили». «Не ходите больше, я не хочу!» С тех пор он больше не ходил за мной... И вдруг. Через несколько лет. Попадаю на концерт. Вижу — он. Выходит с виолончелью. Оказывается, это известный музыкант! Я сажу довольно близко, так что и он может меня видеть. Кончился концерт,

девицы вопят, в общем противно. Когда же я оделась и вышла, он тут как тут. И снова подходит. И хочет проводить. Но я уклонилась. Думаю, он теперь знаменитость, а я...

А потом пошли слухи, что его женила на себе какая-то стерва, изменяла ему у всех на виду. Он стал пить, по-черному пил, не хуже наших, и сгинул где-то под забором. От него даже некролога не осталось. А мне говорят: «Знаешь что? Ведь мимо тебя прошел представлешь кто?..»

Всё наши комплексы, всё наши комплексы... Таня! Зачем он меня послушал! Зачем перестал за мной ходить! Повел бы за собой, как собачонку. Я ведь пошла бы... Таня, у меня и детей нет. Сначала не хотела, а теперь поздно. Таня, он бы со мной не погиб! Он бы жил, я это чувствую!..

Тут Таня не удержалась, обняла ее.

— Красавица наша, глазки твои зеленые! А какие у тебя ножки пряменькие! Ну, где вы видели еще такие ножки!

— Вот в детстве у меня были ножки, это да... Один мальчишка в пятом классе даже сказал: «У тебя ноги красивые». Я пожаловалась учительнице, и она на собрании сказала, что этот мальчик циник... Таня, зачем он меня не послушал, почему не потащил меня за шиворот!..

Тут Таня выпила и сказала:

— А у меня ведь было жутко похоже! Только у нас этих комплексов не было... В общем, за мной тоже ухаживал молодой человек, один парень с какого-то курса какого-то института. Его звали Сережа, Сергей. Когда он уезжал в Киев, он сказал: «Таня, захочешь — напиши мне письмо и через неделю я буду у тебя навсегда». Но я думала только одно: он культурный, а я необразованная. Не по мне он, не по мне он, я ему только жизнь загублю! И не стала отвечать ему на письма. Потому что чувствую, я его не стою... А однажды, одна моя знакомая рассказала, что один мужик овдовел, уже не такой молодой, и у него две дочки на руках, маленькие девочки.

Я всю ночь не спала, не сомкнула глаз. Вот кому я нужна, вот это по мне!.. А муж мой — это страшный человек, я всего не расскажу, это подсудное. Я собственно недавно перестала верить в любовь. Всего только несколько лет. Нет любви, нет! Я долго верила! Я только недавно перестала верить...

— А я, Таня, знаешь? Старею. Внешне еще не так заметно. А вот тут, тут...

(Она имела в виду, наверно, сердце.)

ЗАПИСКИ НЕТРЕЗВОГО ЧЕЛОВЕКА

Все с ума посходивши. Все с ума посходивши. Все с ума посходивши. Все посходивши с ума. Проба пера.

Рыба теперь гниет не только с головы, но и с хвоста.

Все больше вампиров, все меньше доноров, нехватка крови.

Любящие люди сосут нас больше, чем остальные. За это и любят.

Прежде Россия славилась пушниной, лесом и бабами. Теперь бабы стали деловые, волевые. Прежде, когда становилось постыло, все могла заменить одна женщина. Теперь эту одну найти невозможно. Может быть, потому, что глаз пригляделся, чувства притупились, бдительность ослабла. Если мелькнет такая, ты ее и заметить не успеешь.

Да и мужики. Тех, кто не мог жениться (война), сменили те, кто не хочет жениться. Еще чего, взваливать на себя? Хватит и без того.

У интеллигенции вместо идей и страстей — сплетни. Называется информация.

В искусстве размножились дегустаторы. Этак, язычком: Ц... Ц... — устарело это, сейчас нужно вот что... Прежде *сверху* указывали, каким и только каким должно быть искусство. Теперь прогрессивные дегустаторы решают, каким и только каким оно должно быть. Одноместный трамвай.

Сейчас, например, надо, чтобы было *страшно*. В черных машинах, в бежевых дубленках приезжают посмотреть спектакль из жизни коммунальных квартир, из жизни насекомых.

Правда, война была все же страшней, чем даже такой театр.

Время — само время насколько стало умней! Так высветило нашу глупость. И в мыслях и в разговорах стало возможно все. Почти. Только *понимаем* мы теперь еще больше, чем...

Для нас, учеников тридцать третьей школы роно на Первой Мещанской, предвоенные годы были безоблачны. Было уже ясно, что мировая революция не за горами, хотя немного и удивляло, что это там рабочий класс медлит.

Как хорошо однажды понять, что ты — человек прошлого. Знакомые думают, что они знают тебя, а на самом деле они *помнят* тебя. Женщины прошлого красивы, деревья прошлого густы. Переулки прошлого, праздники прошлого, дожди прошлого, книжки прошлого... Стать человеком прошлого в старости — поздно, когда ничего нет в настоящем, то и прошлое не поможет. Но сейчас, когда можно еще жить настоящим, хорошо бы не зависеть от него. Да и от прошлого можно не зависеть. Каким я его вспомню, таким оно и вспомнится.

Когда мы влюблялись, не казалось ли нам, что это — на всю жизнь? Сколько раз мы ошибались в этом. Когда мы переходили на новую работу, не радовались ли мы обилию новых людей, новой жизни, непохожей на прежнюю? А когда мы привыкали к этим людям, как разочаровывались. Сначала в этом человеке, затем в том, как стали безразличны многие, а другие остались такими же незнакомыми, как прежде. И только несколько человек, а когда мы немолоды — один или двое, оставались нам друзьями. Так мало...

Сын спросил: «У тебя так бывает? Вот ты знаешь, впереди будет что-то хорошее. А что хорошее — никак не вспомнить. Но что-то хорошее будет». Было у меня так, было. Очень давно. Теперь же наоборот: знаю, что впереди что-то плохое. А что именно, точно не знаю.

Началось с того, что однажды утром, когда, как обычно, одолевали черные мысли, я, чтобы снять напряжение, принял рюмашку-другую. Что неожиданно толкнуло меня к пишущей машинке. И вот, стал выстукивать отдельные соображения и воспоминания. С тех пор и пишу это преимущественно в нетрезвом состоянии.

Дело в том, что в состоянии трезвом, я то и дело поступаю глупо и пишу так, что потом стыдно, но уже поздно. Правда, как могу, я маскирую эту присущую глупость, усвоив грамотную фразеологию с причастными и деепричастными оборотами и так далее.

Почемучки

Почему
наши войска оказались в Венгрии, а не венгерские у нас?

Почему
наши войска оказались в Чехословакии, а не чехословацкие у нас?

Почему
наши войска оказались в Афганистане, а не афганские у нас?

Почему
наши войска оказались в Эстонии, Латвии, Литве, а не их войска у нас?

Почему
они добровольно присоединились к нам, а не мы к ним?

Как могли уцелеть невидимые нити, привязавшие мое сердце к этой стране?

Когда я попал в госпиталь, на спинку койки был намотан провод с едва слышным радионаушником. Превозмогая свое плачевное состояние, я прижимал его к уху и слушал нечто, напоминавшее музыку. Я не слышал ее с начала войны, забыл, что она существует. Звуки музыкальных инструмен-

тов еле-еле складывались в мелодию. Но она была, где-то там, существовала!

Теперь музыка со всех сторон — по телевидению, по радио — не слышу, нет ее нигде.

Раньше падал духом с высоких мест. Взбирался на них долго, а падал легко и ненадолго. Теперь же особенно высоко не взбираюсь. К чему? Все равно падать. И сами-то по себе эти вершины, откуда я теперь падаю духом, прежде служили теми местами, куда я падал духом сверху.

Из-за чего только не мучился! Из-за того, что обидел — нечаянно, и не думал. Из-за того, что опоздал, из-за того, что поступил глупо. Из-за женщин, порядочных и непорядочных, из-за порядочных больше. Из-за друзей, близких и не очень. Из-за близких больше. Никогда не мучился только из-за одного: из-за того, что мучаюсь понапрасну. А жизнь между тем идет, проходит...

Еще один день рождения. В детстве поздравляли старшие, и твоя жизнь становилась для тебя значительной, праздничной... Старших нет. А поздравления младших не поднимают тебя, как прежде, в собственных глазах...

...Небезопасное тяготение к спиртному у меня, как и у многих ровесников, отчасти появилось еще на фронте, с так называемых фронтовых ста грамм, тем более что, как правило, их доставляли нам на то количество личного состава, которое было до потерь, так что могло получиться вплоть до пятисот на рядового. Но теперь мой знакомый, бывший алкоголик, сказал, что я уже не сопьюсь, потому что не позволят возраст и состояние организма, он будет сопротивляться.

Беда в том, что я, когда не выпью, — не человек. То есть вялый, скованный, малоинтересный. Если же немного

приму, то становлюсь раскованным, с чувством юмора и любовью к рядом сидящей женщине. Тогда мне и со случайными людьми хорошо и им со мной хорошо.

Мы дети стольких грехов, что надо научиться хоть что-то прощать самим себе.

Всему придумывается хорошее объяснение. Только ненадолго. Придумалось, успокоило и — исчезло.

Понял слово *испытание*. Это значит: послано испытание — совершу грех или нет.

Не могу объяснить, да не могу уже и почувствовать, как я еще в школе полюбил театр. Теперь уже мало кто любит. А это было еще тогда, когда: как снег был бел, как реки чисты, как небо в этих реках синее, валютные специалисты носили доллары в торгсины, а по небу аэропланы, а по земле автомобили, а пионеры в барабаны, а диверсантов посадили, а ввысь строительные краны, а вглубь большие котлованы, а мы, — чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор, нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор.

Из пионеров меня исключали красиво. Перед строем нескольких пионерских лагерей. Старший пионервожатый произнес искреннюю горячую речь. Еще большее впечатление произвело на всех окружающих выступление начальника базы, человека уже немолодого.

— Мы таких расстреливали в девятнадцатом году! — иступленно гремел он.

Я был виноват в том, что над своей койкой приколот открытку с фотографией любимого артиста Качалова (в роли Пер Баста из пьесы «У жизни в лапах»). Почему я приколот эту открытку, а не Ворошилова или Буденного? Против чего я? Что я хочу этим сказать?

В юности многие не случайно бросают институт, уезжают в дальние места — жизнь видится огромной, существовать до самого конца только *этим*, только *здесь* — страшно, дико. Лишь много лет спустя станет понятно, что *это и здесь* может наполнить жизнь целиком.

Будучи уверен, что театральные способности у меня нет, я все же подал заявление на театроведческий факультет. И — вот это да! — меня приняли! А через месяц пришла повестка в армию, в тридцать девятом году начали брать студентов.

Я должен был явиться на призывной пункт. Через пять дней. Я относился к этому равнодушно и даже с интересом. Что делать с собой, я в то время не знал, пускай делают со мной что захотят, хотя бы ТАМ. К тому же так вышло, что ничего дорогого здесь, на «гражданке», я не оставлял. Как вдруг по телефону позвонила незнакомая девушка, которая про меня от кого-то все знала. (Потом выяснилось — от бывшего одноклассника.) В общем, телефонный розыгрыш. Но говорила хорошо, умно. И голос. Долгий разговор был. И вдруг она предлагает встретиться. И тут я, не смейтесь, испугался. Мне представилась девушка прекрасная и вся в белом, а я как раз через пять дней ухожу в армию, и не судьба ли устроила так, чтобы уходить было тяжело, — так наказала меня судьба.

Сказал ей об этом. Но она?

— Что вы, я такое маленькое, серенькое...

Встретились — я сразу успокоился. Правда, маленькая, серенькая. Но пять дней по улицам погуляли.

И вот, сидим в грузовых машинах, еще не стриженные. Женщины кругом плачут, а она смотрит снизу и говорит:

— Видишь, какая я у тебя бесчувственная... — И запнулась. Моторы уже тарахтят, плохо слышно.

— Что ты сказала, не понял?

— Я сказала: видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена?

Вот это да. Машины тронулись, она побежала вслед. Потом мотор, что ли, заглох, остановились. И она поодаль остановилась, прислонилась к водосточной трубе. Опять поехали — она опять побежала. Потом отстала. В войну переписывались — все с кем-нибудь переписывались. Когда попал в госпиталь, она приехала. Нянечка нас пожалела, дала обед на двоих, на кухне.

А после войны и правда поженились. Долго жили трудно. Но теперь ничего. Я уже не молод. И она не молода. Я часто устаю. Она болеет. Посмотришь *отсюда* назад — как коротко было все, как просто...

Безвыходных положений нет. Если трудно вместе — можно разойтись. Если, напротив, конфликт на работе — можно найти другую, похуже. Если плохо в этом городе — можно уехать в другой, поменьше. Если больше не вмоготу жить — можно перестать. Это случалось, и не раз, и с более достойными. Умерли все: Эйнштейн и Эйзенштейн, Гомер и Флобер, Фарадей и Фет... Безвыходных положений нет.

Нашу часть повезли за Москву и разместили в гигантской кирпичной казарме. В первое же воскресенье получил от моей девушки письмо, что она приедет ко мне, и чтобы я пришел ее встречать.

Я пошел. Увольнительных нам еще не давали.

На дороге, довольно людной, я встретил капитана Линькова. Черный человек с металлическим голосом.

— Товарищ боец, ваша увольнительная, — остановил он меня.

— Увольнительной у меня нет, но я договорился с девушкой, что встречу ее.

— А ну — в часть!

— Я не могу, товарищ капитан. Я обещал, что приду ее встретить. Наложите на меня любое взыскание, но — потом.

— Товарищ боец, я вам приказываю вернуться в часть.

Поодаль стали останавливаться прохожие, мне было неловко, что он так кричит.

— Товарищ боец! Станьте по команде «смирно»!

— Простите, товарищ капитан, — попросил я, — все-таки я пойду. Не надо кричать, неудобно.

Он схватился за кобуру. Тогда как раз вышел приказ Тимошенко, что за невыполнение приказа командир имеет право стрелять.

— Я пошел, товарищ капитан, — сказал я, страдая от мелодраматичности этой сцены. — Простите меня, пожалуйста.

Я пошел. Стрелять он не стал.

Несколько дней меня не водили на чистку лошадей и хорошо кормили. Где-то, видимо, решался вопрос, что со мной делать. Но так ничего и не сделали, и я снова стал ходить на строевую подготовку и в конюшню.

Дедовщины тогда еще не было. Взамен было другое: как раз было узаконено правило, что командир за невыполнение приказа может рядового ударить по физиономии.

Была узаконена гауптвахта. Служили не два года, а три, а то и четыре, словом, до предстоящей войны. И так далее. Но тогда еще никто не кончал самоубийством, еще никто не подал примера, что ли...

Лицо нашего отделения определяли трое ребят с Горьковского автозавода. Зайцев — длинный, с приятным лицом, ловкий и мягкий в обращении, Пестин — очень смысленный красивый парень и Суродин — черный, цыганистый, он был страшно деликатен. Долгое время, когда я слышал слова «интеллигентный человек», я сразу представлял себе его.

В армии все друг о друге понятно, никому ничего не скрыть. Особенно на фронте, там — чуть поприветливей повел себя с командиром, незаметно уклонился за счет другого, — значит, ты уклонился, может быть, от смерти, переложил кровь на другого. Склонность к этому угадывалась сразу. Появилось слово «денщик».

Армия делает человека обыкновенным, рядовым, я не лучше никого, такой же, как все, и все такие же, как я.

Однажды штатский лектор обратился к нашему политруку с просьбой выделить человека, который знает стихи Маяковского. Выделили меня. Я должен был иллюстрировать стихами его лекцию. Так в будний день я попал в город.

После лекции я сидел с увольнительной в кармане на садовой скамейке. Немного наискосок, на другой скамье сидела компания девушек. Они о чем-то договаривались, хихикая, потом одна пересекла дорожку и села рядом со мной. Что я начну к ней приставать — это было им ясно. Но в будний день я был безопасен. Я решил не унижаться, сидел, не глядя на девушку, и думал о том, что я — личность ничем не хуже их, что я люблю Достоевского и Пастернака, что у нас в школе были такие же девочки, перед которыми я не стал бы унижаться, и т. д. Независимо посидев так достаточное время, я решил посмотреть на нее. Это была школьница. Такой я не встречал в своей жизни и едва ли когда-нибудь встречу. Она была красивая, серьезная, умная, все могла понять. Когда я потом рассказывал о ней в отделении, Сурудин так ее назвал: «Звезда».

Я не смог подняться и уйти достойно. Я заговорил с ней и сказал, что понимаю, в чем дело, что она просто поспорила с девочками... Мы разговорились, подруги прошли мимо, позвали ее, но она махнула им рукой. А я говорил и говорил, я торопился, потому что до этого, мне казалось, я молчал всю жизнь. Она обещала прийти к казарме в воскресенье, но не пришла.

Однажды летом в воскресенье нас строем повели в Дом Красной Армии смотреть кино. Я отбился, чтобы полтора часа неполноправно бродить по городу. К концу сеанса я подошел к ДКА, чтобы незаметно просочиться в строй и вернуться в казарму. Когда открыли двери кинозала, солдаты-мальчишки выскакивали с радостными воплями.

— Что такое?

— Война! — кричали они. — Сейчас объявили. Война с Германией.

Война! Это значит — конец казарме, заграничные страны, и после победы — домой!

Мы шли строем, но пели, хохотали, и командиры нас не останавливали. Было смешно, что женщины у дверей и у ворот, глядя нам вслед, плакали.

Мы сидели в бетонированных дотах старой линии обороны под Полоцком. Ходили слухи, что Буденный уже взял Варшаву, Ворошилов подступает к Берлину *. Война вот-вот могла кончиться без нас. Мы требовали политрука, мы спрашивали, когда же, наконец! Немецкие самолеты тихо летели над нашими головами куда-то в тыл и там сбрасывали бомбы.

Вскоре нас подняли по тревоге и повели назад к Полоцку. Белый город стал красно-черной развалиной. Женщины с тяжелыми мешками, спотыкаясь, шли по городу. Я представил себе, как, согнувшись под мешком, по кирпичам бредет та девушка, Звезда. А ей пристало ходить только прямо, пощелкивая каблучками.

Через некоторое время нас повели обратно в доты. Это было первое окружение.

Наши винтовочки образца 1891/1930 гг. — против автоматов, «мессершмиттов», радиосвязи.

Тяготы войны я переносил терпеливо, как интеллигентный человек. Стыдился быть хуже кого-нибудь другого. Моя бодрость злила друзей. Меня ругнули, и я притих.

И верно, в эти первые месяцы самое уместное было молчать. В действующей армии очень мало разговаривали, отступали молчаливые люди.

Мы придумывали, балдея и заходясь от этих разговоров, как обставить встречу после войны, если кто-нибудь из нас придет к другому домой. Ни слова не говоря! — к буфету,

* Видимо — от тогдашней песни: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин! Мы врезались в Крым!»

за бутылкой водки, которая специально стоит! — и молча! — у порога! — по стакану! — Граненому!

Встречались, но — не так, проще, уже шла жизнь.

Была одна жизнь, я уже не знал, что делать с ней, и хотел другой жизни. И она началась — в армии, и была огромна, казалась бесконечной. Но вот и она кончилась, я уже думал, что и сам кончился вместе с ней. Но настала третья — и снова так огромна, и конец только-только еще начал проглядываться. И то — не ошибка ли?

Не отсюда ли, от ощущения бесконечности этой жизни, — вера в бессмертие? Может быть, эта вера — просто привычка жить?

Одна сторона любви была для нас как бы незаконной, несуществующей. После выпускного школьного вечера мы шли по улице и поспорили: кто первый возьмет девчонку под руку. Я собрался с духом и взял под руку самую толстую, всегда отстававшую в учебе. Я был уверен, что она начнет отбиваться, и будет смешно. Но она отбиваться не стала, а наоборот, потянула меня в переулок, завела в парадное своего дома. Девушка была неумная, но предусмотрительная и хорошо знала, что можно, а чего нельзя. Тогда все девушки берегли свою девичью честь. Некоторые доберегли до конца.

Очевидно, чувство любви, которое может стать радостью существования, не отказывает себе в праве поиздеваться. Подурачит, поводит за нос, собьет с толку, заморочит, десять раз обманет, а потом уж перед кем искупит свои забавы, а перед кем и нет. Так и проживут — и думают, что все в порядке.

И снова морочит: вон идет девушка — золотоволосая, платье треплется на ветру, она трубит в трубу... А это она просто пьет из бутылки молоко, в обеденный перерыв идет из магазина. Ну и что, ведь могла бы идти прекрасная с трубой где-нибудь в другом месте, в другое время. А вот на вокзальной скамейке задумалась, печально склонила голову...

А приглядишься — лицо у нее одутловатое после портвейна: просто ей трудно поднять голову.

Через несколько лет после войны ко мне приехал друг по фронту. Сразу выпили из граненых стаканов, как раньше договаривались. Стали вспоминать о том о сем, как после ранения в легкое я не мог дышать и решил, что вот сыграл в ящик, и подумал: если бы мне дали прожить хоть один год, как много я успел бы за этот год сделать! Теперь-то я знал, чего стоит минута жизни!.. Это было смешно вспоминать, с тех пор прошло уже много лет. Но потом, когда приятель ушел, я начал подумывать на эту тему, и мне стало странно, что мысли, которые казались такими важными, теперь смешны. Да и смешны ли они? И что это со мной, и как я бестолково живу...

Нет, началось-то совсем не так. Были какие-то не до конца увядшие надежды. Едва меня демобилизовали, в обмотках еще, я пошел к желтенькому зданию Театрального института; по выданной некогда справке я имел официальное право вернуться на первый курс, с которого меня взяли в армию. Встречаю Евдокимова, его по зрению тогда не взяли. Уже кончает институт. Спрашиваю:

— Жень, я знаю, за войну потерял все, потерял память, никаких талантов. Воспользоваться мне этой формальной справкой или нет?

— Нет, Саша, — сказал он. — Не стоит.

Он был талантливый, я ему поверил.

Я решил пойти в Институт кинематографии.

Театр — это Шекспир, Островский, Гамсун, Чехов. А кино — это «Три танкиста», «Сердца четырех»... Попаду — хорошо. Не попаду — не страшно.

Перед экзаменом по специальности я досыта наелся хлеба (какой-то поддельный он был, сладкий). Задание было —

написать рассказ, однако с непривычки к такому количеству хлеба я почти сразу почувствовал, что меня тошнит.

Преподаватель, который вел экзамен, обратился к поступающим:

— Что вы делаете, сразу пишете? Вот посмотрите на него. Он думает!

Думал же я о том, что меня тошнит.

Я успел написать около страницы, не подступив даже к началу задуманной фабулы. Пришлось отдать эту страничку и уйти.

Через несколько дней я пришел за документами. Девушки со старших курсов, которые там околачивались и были в курсе дел, рассказывали, что какой-то парень, солдат, написал потрясающий рассказ, всего одна страница, все в подтексте...

Для обучения сценарному (как и всякому другому) искусству время было трудное. Мы учились сочинять такие истории, где будто что-то происходит, но на самом деле — не происходит ничего. Мы знали такие секретные пружины, которые замыкали всякое событие на себя, отключая его от реальной жизни. Мы решали конкретные технические проблемы: способ проведения трассы, угол заточки резца — чем больше страсти в решении конкретной проблемы, тем больше убежденности, что все остальное — в порядке. Готовились утверждать утвержденное и ограждать огражденное. Для этого у нас были творческие дни, просмотры иностранных фильмов и Чехов, у которого мы учились. Но у него герои пили чай и незаметно погибали, а у нас герои пили чай и незаметно процветали.

Кто мог тогда сказать, что жизнь, самые тайные пороки и болезни ее не могут остаться не отраженными в искусстве. Как двойные звезды, жизнь и искусство соединены невидимой тканью. Если эту ткань попытаться растянуть, рано или поздно она все равно сократится, и искусство нанесет свой запоздалый и потому особенно жестокий удар.

При распределении меня зачислили в сценарную мастерскую, где за солидную зарплату мы должны были писать сценарии. Я понял к этому времени, что писать их не могу и не буду никогда.

Моего старшего сына я начал уважать и даже стесняться, когда он еще учился в школе. В начальных классах он стал заниматься математикой, переходя постепенно к высшей. Университет он закончил рано, через год защитил кандидатскую. Обратился к области науки, которая тогда у нас считалась неперспективной. Он решил уехать в Штаты, где мог бы работать в этой области с наибольшей отдачей. Долго его не выпускали. Теперь же его несколько раз уже приглашали к нам в Союз на симпозиумы по искусственному интеллекту.

Когда в альманахе «Молодой Ленинград» первый мой рассказ приняли, воодушевленный этим, я пришел с шестилетним сыном в издательство. Редактор мне говорит:

— У вас такая фамилия, что вас будут путать. Один написал плохую статью о Шагинян, у другого какие-то нелады на радио.

Я-то понимал, в чем дело. Моя фамилия немислима в оглавлении среди хороших молодых русских писателей.

— Что же делать? — спрашиваю.

— Это кто — ваш сын?

— Да.

— Как его зовут?

— Володя.

— Вот и будьте Володиным.

И я стал.

Из письма сына, который в Америке: «Мне пришла в голову формула. Она красоты необычайной. К сожалению, вы ее не поймете. А впрочем, может быть, она вам все равно

понравится. Вот она...» Хотел изобразить ее здесь, но в типографии таких знаков и фигур нет.

Ачу* Литве!

Ачу тем, кто на улице приветливо отвечает, как пройти туда-то и где что находится.

Ачу за то, что никто не напомнил мне, как наши войска перешли их границу в сороковом году.

Ачу поэту Мартинайтису за строки стихотворения:

Как похожа Литва на Литву!..
И никто не сумел истребить
это литовское сходство.
Сколько войн прокатилось —
все равно уцелело небо,
похожее на Литву.

Ачу женщине, которая ответила мне по-русски:
«Всего доброго». А я не сообразил ответить ей: «Ачу».

Но —

Кровопролитие в Грузии. Резня в Сумгаите. Кровь в Узбекистане. Народные депутаты встают, почитая память погибших.

А Афганистан? А Венгрия 56-го года? А Польша 81-го года? А Катынь? А самосожжения в Чехословакии, в Литве? Так и стоять депутатам?

Три года довоенной казармы, непрерывное неодинокство. В Полоцк отпускали по увольнительным хорошо если раз в четыре месяца. Полагалось бы чаще, но в воскресенье обязательно обнаруживалось нарушение дисциплины где-нибудь в городском гарнизоне, и увольнительных лишались все. Вырвавшись наконец по увольнительной в город, мы ходили по улицам и садикам Полоцка в бесплодной жажде

* А ч у (лит.) — спасибо.

знакомства. По воскресеньям женщины и девушки старались не выходить на улицу. Те, что выходили, знакомились только с офицерами. С рядовыми совсем уж какие-нибудь убогие. Разговоры были однообразны, никто не пытался нарушить этот ритуал: «Ну, расскажите что-нибудь». — «А что мы расскажем, мы дома сидим, а вы всего повидали, вы и расскажите». — «А что нам рассказывать, мы в казарме сидим, мы вас послушаем...»

Переформировка. И — пятидневный отпуск с фронта! Домой! В тыл! Со справкой, выданной на руки комиссаром! И я получил это! В сорок третьем году! И все смотрели на меня, и все говорили обо мне, и каждый примеривался, что бы он делал эти пять дней дома! И подмигивали мне, и говорили про тех баб, которых в тылу полным-полно, которые только и ждут! Чтобы отдаться! Пять дней!

Пропускаю дорогу, потому что не в ней дело.

И вот Москва. И останавливает патруль. Рядовой — в генеральско-спекулянтской Москве? В районной комендатуре мне дали метлу, и первый день отпуска я провел, подметая двор.

Потом отпустили. Пошел на Сухаревскую площадь, там до войны жили родственники, у которых я неполноправно жил.

По улицам, как ни странно, ходили военные с портфелями. На фронте я знал, что в тылу остались только самые одаренные, необходимые Родине люди. Страшно было подумать, чем я смогу заниматься там, если останусь в живых. И вот я на углу Колхозной (наоборот, Сухаревской, теперь Колхозной) площади и Первой Мещанской (проспект Мира). Поднялся на второй этаж по грязной лестнице — дверь забита, родственники уехали неизвестно куда. Тогда я пошел на Гоголевский бульвар, где жила моя мачеха, вернее даже не мачеха, потому что она поставила условие отцу, что выйдет за него, но без ребенка. Поэтому я и жил у родственников.

По дороге я, конечно, смотрел только на женщин — их тоже было много на улицах, но они были все озабочены

и, судя по всему, кому-то уже принадлежали. И никто из них даже не подал намека, что хочет со мной познакомиться.

Мачеха оказалась дома. У нее было слегка пухловатое лицо, интеллигентное. Нос тоже был интеллигентный. Ходила она утиной походкой, поклевывая головкой. Она впустила меня и заплакала. И у меня ком в горле. Стал доставать из вещмешка сухой паек. Там была свиная тушенка, и сухари, и шпиг, и много чего еще на пять дней. Она так смотрела на это, что я выложил все на стол и, чтобы она могла поесть без меня, не стыдилась, вышел на Гоголевский бульвар. Когда вернулся, она уже все аккуратно сложила и опять заплакала. Мне стало стыдно, что я плохо о ней думал. На ночь она мне постелила на кушетке и стала рассказывать, как она не хотела идти за папу, потому что он был намного старше. Но она думала, что он обеспеченный человек, а оказалось, что он даже не обеспеченный человек. А она работала машинисткой, и ее один генерал называл «статуэтка».

На другой день в этой коммунальной квартире обнаружилась девушка. Но мачеха предупредила, что она проститутка. Она была некрасива, но не так, как бывают некрасивы студентки или домохозяйки. Я понял, что могу полюбить ее, уже люблю. Но мачеха заметила это и сказала, что она больна дурной болезнью и к ней ходит лейтенант. «А как же лейтенант?» — спросил я. «А лейтенант тоже болен. Сначала хотел ее убить, а сейчас они оба лечатся».

Вот так жил у мачехи, на улицу старался не выходить, а то заберет патруль. На третий день мне захотелось обратно. Но приехать на день раньше — ну это просто стыд будет перед всеми. Что скажу? Прожил еще один день и вернулся в часть, которая была на переформировке. И стал врать. Ведь это за них я побывал дома! За них за всех! Любой из них получил бы столько радости за эти пять дней! Это я должен был!.. И рассказывал, с кем я, и еще с кем, и что она, и что та...

Когда начались сомнения? Когда началась отдельная от государства жизнь? Точнее сказать, не мы от него отде-

лились, а оно от нас отделилось, дало понять, что не нуждается в наших мнениях. А нам — то и дело стыдно за него. За другие государства не стыдно, они не наши, а за это стыдно, потому что оно наше, и все, что оно делает, — это как бы мы делаем. Нет, понять можно, ну — люди там, в правительстве, не очень умелые, никак не могут сообразить, не получается. К тому же, например, в бараке на пятьдесят человек труднее навести порядок, чем в квартире на троих. Словом, много объяснений можно найти.

Вопрос: почему отшельники удалялись от людей? Раньше я думал, потому что все люди греховные, значит подальше от них. На самом деле вовсе не так. А потому что он, отшельник, среди людей то и дело допускает плохие, грешные, как говорится, поступки.

Соблазны, конечно, внутри нас, но возможность этот соблазн осуществить — она только среди людей.

Составляю списки, перед кем виноват. Прошу прощения. Некоторые даже не понимают, забыли за что. Но есть такие, у которых уже просил прощения, и обижал снова. Грех не случается, а совершается. В результате всего предыдущего, всей жизни твоей. Позвонил по этому поводу Яше, святому человеку. А он говорит — да это у каждого есть! Думаешь, говорит, у меня нет? У него?.. Это меня сразило. Раз у всех такие мысли, значит, еще ничего. Значит, пришло время искупать, каяться. Но перед кем? Материалистическое воспитание... Вот в чем сложность.

Все многочисленнее клан людей, которым необходимо властвовать. Нельзя над многими — пусть хоть над кем-нибудь. Спрос рождает предложение. Выросла порода людей, которые и сами уже подготовлены к зависимости.

Рабство последних у предпоследних (по положению), рабство нижележащих у среднесидящих, рабство средне-

сидящих перед вышестоящими, рабство вышестоящих перед еще более высокостоящими.

Гена Шпаликов — поэт шестидесятых годов. Короткая жизнь его целиком уместилась в том времени, которое с войны дышало еще тяжело, но уже сулило неисчислимые радости жизни. Он писал так, как будто заранее думал о нас, чтобы мы вспоминали об этих временах наивных надежд, когда они станут прошлым. В жизни он успел быть только молодым. Его любили. Его любили все.

Я его встретил в коридоре киностудии, когда он работал над своим последним сценарием. Вид его ошеломил меня. В течение двух-трех лет он постарел непонятно, страшно. Он кричал, кричал!

— Не хочу быть рабом! Не могу, не могу быть рабом!..

Он спивался и вскоре повесился.

Как зависит дар художника от того, на какой максимум счастья он способен! У Шпаликова этот максимум счастья был высок. Соответственно, так же глубока и пропасть возможного отчаяния.

Лишь гении неподведомственны рабству. Вся мощь государственной машины во главе с Хрущевым обрушилась на Поэта и оказалась бессильной перед ним. Признавшим себя побежденным, попросившим не выдворять его за пределы Родины. Это Пастернак, если непонятно. Это знаменитое «лягушка на болоте», как выразился кто-то из простых рабочих словами какого-то из простых журналистов.

Другой поэт, женщина, прибившаяся к Родине. Уничтожила себя сама. Пятно этой гибели осталось. До сих пор отмываем, никак не отмоем до конца. Цветаева.

Неполноправная долгая моя жизнь у родственников. Потом долгая неполноправная жизнь в армии в мирное еще время.

И война первых месяцев — с марсианами, в расчете на то, что гусеницы их танков пробуксуют на нашей крови. И госпиталь с палатой на пятьсот человек — кто мог, добирался, писал в ведро, которое стояло посередине.

Это просто воспоминание, первые месяцы войны. Как прорывались, но не на запад, а на восток. В Полоцке многие набрали в вещмешки денег из брошенных магазинных касс. А на берегу какой-то речки вывалили все. В деревнях молоко давали просто так, наши деньги были уже не нужны, теперь другие будут.

Какая-то полевая кухня вылила прямо в поле гороховый суп с молоденькой картошкой. Мы тянули его прямо с травы, пока не доставал автоматный огонь. Подхватили винтовочки, побежали дальше. Бегу рядом с танком. Выхлопные газы — не продохнешь. Хотя бы с одной стороны я защищен. Но глянул на этот танк — на броне белый крест. Фашистский. Они и не цокнули из пулемета, наверное, потешались там, внутри, надо мной, в обмоточках.

Появилось слово «окружение».

ЧОН — части особого назначения, предназначенные для того, чтобы бить с тыла пулеметным огнем по нам отступающим.

Вдруг обнаружил записку. Чьи это слова? Кто посоветовал людям? Не знаю.

1. Не вспоминать прошлое.
2. Помнить о смерти.
3. Не думать о мнении людей.
4. Не принимать решений под влиянием настроения.

Не могу напиться с неприятными людьми. Сколько ни пью — не напиваюсь. Они уже напились — а я никак. И чем больше пью, тем больше их понимаю. И чем больше

понимаю, тем противней. Никогда не пейте с неприятными людьми.

Эйдельман — человек Возрождения. Как он забрел сюда, к нам? Зная все кровавые преступления человеческой истории, он был *оптимистом*. Хотя и объяснял это своеобразно: «Мы верим в удачу, — не одноразовый подарок судьбы, а трудное движение с приливами и отливами... Верим в удачу, ничего другого не остается». Он верил, когда почти никто не верил. Но в те мгновения, когда он это говорил, мы тоже верили! И всем на время становилось легче. На время, на время.

Суды застойных лет. Михаил Хейфец, — не кинорежиссер, а учитель истории, который одновременно писал книжки об исторических героях, — сидел на скамье подсудимых и улыбался, бодро и комично. А грудь — как бы колесом. Ему было неловко перед знакомыми в зале суда, что он оказался в роли судимого народовольца, как бы героя...

Среди свидетелей был очень хороший писатель, молодой. Судья пытался в чем-то уличить и его, припугнуть, припереть к стенке, выставить на посмешище перед простыми хлопцами, которых привели сюда для атмосферы — погоготать в нужных местах над этими, диссидентами.

Дело в том, что подсудимый попытался сочинить предисловие к стихам Бродского, который к тому времени свое уже получил и, как тунеядец, отрабатывал положенный ему срок на лесоповале. И вот Хейфец показал как-то черновик своей статьи другу, любимому всеми писателю, который теперь и дает показания на суде. Я понятно объясняю?

— Почему после прочтения статьи вы сказали подсудимому, что его посадят? — спрашивает судья.

— Я выразился фигурально. Если, например, у меня кто-нибудь берет любимую книжку, я могу сказать: «Не вернешь — убью!» Но это же не значит, что я действительно возьму нож и...

Утомленный жизнью мозг судьи буксовал.

— Да о чем разговор-то, — продолжал свидетель, — о статье. Так ее ведь нет, есть черновик, который человек показал узнать мнение, я высказал ему свои замечания. Закончил бы он свою работу или нет, и как закончил бы — неизвестно. Что же говорить о черновике?..

И далее пошел разговор, вопрос — ответ, вопрос — ответ. Человек по интеллекту примерно уровня средневековья (я имею в виду судью) и человек нового времени (я имею в виду свидетеля). И хлопцы, приведенные для гогота над диссидентами, тут, в зале суда, гоготали над судьей! Жаль, не увековечена эта беседа.

Суд неожиданно удалился на совещание.

Михаил Хейфец получил несоразмерный вине срок — четыре года строгого режима и два года ссылки. Думаю, на приговоре сказалась и обида суда на свидетеля.

Нынче что-то напало. Бежать, бежать... Отсюда — туда. От давних знакомых — к другим, незнакомым. А от других, незнакомых, — куда?

Никогда не толпился в толпе. Там толпа — тут я сам по себе. В одиночестве посев, по отдельной иду тропе. Боковая моя тропа! Индивидуализма топь! Где ж толпа моя? А толпа заблудилась средь прочих толп.

Позвонили из ленинградского Союза писателей:

— С вами хочет встретиться американский писатель Олби — (о нем я тогда еще не слышал), — но с ним — один подонок из США. Он говорит по-русски и хочет, чтобы нашего переводчика не было. В общем, вам не следует встречаться.

Не надо, думаю, так не надо. Хватало и отечественных подонков, а низкопоклонством я не страдал.

Несколько раз звонил по телефону человек с акцентом. Жена сразу поняла, что это *тот* подонок, и отвечала, что меня нет.

А месяца через два я в Москве зашел в подвальчик «Современника», где студийцы собирались после спектакля. И вдруг Олег Ефремов говорит:

— Да вот же он!

И вот красивый черноволосый молодой человек поднимается мне навстречу и что-то говорит по-английски. Наш переводчик мне объяснил, что это американский драматург Олби, а говорит он о том, что в Ленинграде они долго охотились за мной, но меня все время держали на даче. Так что они видели перед собой лишь толстый затылок секретаря ленинградского СП.

Сможем ли мы встретиться, когда они снова приедут в Ленинград? — Конечно!

Про Олби мне уже рассказали, это был всемирно известный драматург-абсурдист, и приехал он в Россию с еще более знаменитым писателем Стейнбеком.

И правда, через некоторое время они — то есть Олби с подонком, говорящим по-русски, снова приехали в Ленинград. Наш переводчик позвонил мне рано утром:

— Эти подонки опять хотят встретиться с вами без меня. Давайте сделаем так: вы как будто случайно узнали, что они остановились в гостинице «Астория». И приходите туда к трем часам, как раз к обеду. А я — тут как тут. Иначе у меня будут большие неприятности, да и вам, честно говоря, зачем это?..

Черт с ним, думаю, так и сделаю, мне и переводчик не помешает, а уловки уже надоели.

Подонок оказался атташе США по культуре — высокий, белокурый, похожий на Вана Клиберна. Он был близким другом президента Кеннеди, которого недавно убили. Едва зашел разговор об этом, подонок вдруг залился слезами и ненадолго покинул нас. В «Астории» мы сидели за столом с американским флажком.

И вот мы разговорились. Обо всем, что они любили, что я любил, — о Пастернаке, о Шварце, об Окуджаве; американский подонок-атташе уточнял перевод нашего переводчика то на английский, то на русский. О политике мы

говорить избегали. А когда я подошел к официантке, попросить еще чего-то, наш переводчик побежал за мной:

— Вы так и говорите! С ними никто так свободно не говорил! Они охренели. Они даже меня стали считать за человека!

Олби спросил:

— Когда вы пишете, о ком вы думаете — чтоб кому было понятно?

Я — не задумываясь:

— Всем! — (Я представил солдата, который по увольнительной гулял с девушкой, и вдруг дождь, и он купил входные в театр...)

Они расхохотались.

Что такое?

— Я трачу много времени и сил, чтобы написать пьесу, — сказал Олби. — Пускай зрители потрудятся и попытаются ее понять.

Потом мы пошли в театр Товстоногова, уже поздно. Вахтерша нас не пускала, мы перелезли через заборчик и с галерки посмотрели финал пьесы «Океан»...

Много позже я узнал, зачем был нужен Олби. Дело в том, что они со Стейнбеком прилетели к нам для того, чтобы в личном общении проверить правильность предварительного выбора писателей, которых по поручению Пен-клуба решили пригласить в Америку на полгода (тогда еще никто никуда не ездил). Кандидатуры были такие: Евтушенко, Вознесенский, Аксенов, Некрасов и я. Олби, как драматургу, следовало познакомиться со мной. Знакомство, как кажется, полностью удовлетворило нас обоих. Потом, из Америки, Олби писал своему другу-атташе, что это был лучший день, проведенный им за несколько месяцев в России.

Через некоторое время названные писатели получили официальное приглашение. Нас вызвали в иностранную комиссию Союза писателей, объяснили, что Пен-клуб — это враждебная международная организация писателей и каждый из нас должен отказаться от приглашения: «У меня книга выходит», «У меня пьеса репетируется...» А потом мы сами всех вас пошлем.

Вежливые письма с отказом кто-то за всех нас написал. Последовало еще одно приглашение — и на него такие же приветливые ответы.

Так я никуда и не поехал...

Сталин был человеком номер 1. Не потому ли он любил определять людей номер один в различных областях жизни. Сто пятьдесят миллионов знали, что тракторист номер один — Паша Ангелина, диктор номер один — Левитан. Шахтер номер один — Стаханов. Сборщица хлопка номер один — Мамлакат. Образец коммунистической морали — Павлик Морозов. Машинист — Кривонос, композитор — Дунаевский, летчик — Чкалов, режиссер — Станиславский. «Лучший, талантливый» — Маяковский.

За семьдесят с лишним лет страна прогнулась больше возможного. Теперь судорожно пытаемся выпрямиться.

У нее были глаза большой величины, она немного стеснялась этого. У нее был большой лоб, она немного стеснялась этого. Стоило ей немного притомиться, как она утрачивала свою привлекательность. Она стеснялась этого.

Комната блистала в зимнем солнце. Она и без солнца блистала... Мыла, циклевала, оклеивала, белила — заставляла эту комнату блистать. За окном бело, свежо. Это был ее цвет. Не цвет, а свет. Она еще бежала, а я уже набегался. Печальный марафон. А ушла — она. Была на двадцать лет моложе — сразу стала на тысячу лет старше.

Вчера, вчера она ждала меня из Москвы. А я задержался из-за какой-то киношной ерунды, бессмысленно!..

Лицо у нее было спокойное, лежала наискосок, поперек кухни, повернув лицо к двери, словно для того, чтобы было видно: оно спокойное. У нее был некомпенсированный порок сердца, с детства. Когда я был здесь — ночью вызывал

скорую помощь. Надорвалась! Но — в минуту покоя. Старый Новый год договорились встречать вместе, втроем, с Алешей. Все было хорошо впереди.

Алешу взял к себе. Спрашивает: «Можно я возьму хлеба?» Говорю, что ты спрашиваешь! Ты же дома! «Я не дома, это твой дом». — «Нет, это *наш* дом. Может быть, тебе здесь не очень нравится?» — «Что ты, наоборот!» Очень взволнованно, искренне. Не решается поверить, что это навсегда.

Не любит выигрывать у меня. Играем в ножичек — жилит, но в мою пользу, чтобы я выиграл в том, что мне дается хуже.

«Я старался представить этот двор. И представлял точно такой. И квартиру пытался представить. Но не совсем такую представлял».

Влюбляется в женщин. «Ира, я вас люблю». — «Алешенька, я тебя тоже люблю!» Он — грустно: «Нет, я вас больше люблю, я это знаю...» Потом спрашивает у меня ее (артистки Алферовой) телефон.

Через несколько лет увидел на улице девушку, похожую на нее. «Это Ира Алферова?» — «Нет». — «А кто она?» — «Не знаю». — «А ты не можешь спросить, кто она?»

После слез, говорит, становится легче, я лучше сплю. Значит, знает уже, и хорошо, — как «после слез». Значит, пролил их уже немало, успел.

Заезжая француженка сказала: «Нигде так много не думают о своем правительстве, как в вашей стране».

А как иначе? Мало где люди так зависят от правительства, от его непостижимых ошибок и от решительного исправления этих ошибок на другие. Мало где так гадают, что

следует ждать от правительства в будущем, что стоит за его словами и т. д. Хорошо, когда интересы членов правительства совпадают с нуждами страны. Это, к сожалению, случается как правило тогда, когда вся страна попадает в бедственное положение. И стоит с протянутой рукой. Вместе с правительством.

Заметил, что очень подвержен гипнозу. Например. Когда начальственное лицо в своем кабинете начинает сдержанно-начальственный разговор, вот тут-то, от его голоса и продуманных жестов, у меня закатываются глаза и гипнотически клонит в сон.

Общение с Екатериной Алексеевной Фурцевой.

Заочное: меня пригласили в Чехословакию, звонок Фурцевой. «Ехать не рекомендую. Вам будут задавать провокационные вопросы, вам будет трудно на них отвечать, а если ответите, вам будет трудно возвращаться». (А на Запад, даже капиталистический, тогда уже ездили многие, а я оказался «невыездной».)

...Екатерина Алексеевна собрала в ЦК несколько драматургов. Приветливо спросила, что кому нужно, чем кому помочь. Одному, оказалось, нужно помочь съездить в Англию. «Конечно, почему же и нет, возможно, вы хотите написать что-то о капиталистической системе...» Словом, у присутствующих (человек шесть) были разрешены все проблемы. Я же стал говорить о положении искусства вообще — о том, что тогда и на кухнях обсуждали, понижая голос.

Неслышащие глаза. Я замолк. «Но вас, я знаю, ставят хорошие театры, тут жаловаться не на что». Я рад, что меня снова слышат: «Но я не о себе! О том, что...» И снова про то же, так несколько заходов. А Фурцева — вдруг: «Вы ходите в бассейн?» Я не сразу понял, о чем она, замолк. «Вот видите, Володин не ходит в бассейн, не следит за своим здоровьем. Как же вы будете писать пьесы?..»

Там же, в ЦК. Круг созванных уже человек сорок. Один из драматургов спрашивает робко: «Екатерина Алексеевна, разъясните нам, что такое конфликт?» Она — не задумываясь: «Вам известно, какая себестоимость гидроэнергии

по сравнению с тепловой?» Драматургу было не известно. «Ноль целых, одна десятая копейки на киловатт-час. (За точность цифры не ручаюсь, давно было.) Вот вам и конфликт!..»

Приехала в Ленинград запрещать у Товстоногова «Пять вечеров». Перед началом второго действия ведет меня по круглому коридору. Свет уже гасят, боюсь, не начнется ли (будто без нее могли начать!). Она спрашивает: «Какой ваш любимый драматург?» Не понял, к чему бы это. «Наш или заграничный?» — «Зарубежный». Никак не могу вспомнить — кто там? Вспомнил: «Миллер». — «А еще?» Кто же там еще?.. «Теннесси Уильямс...» — «А еще?» Вспомнил: «Эдуардо де Филиппо...» Она остановилась, обернулась: «Вот ваша ошибка! Итальянский неореализм — не наша дорога!»

Помню еще один ее совет: «Вы обобщаете. В искусстве никогда не надо обобщать».

Калифорния. Я в гостях у детей. Взглянешь на встречного — он улыбнется вам и даже скажет «Хай!» или «Монин!» А если идешь со своим привычным выражением лица, могут спросить: «Что с вами? Что-нибудь случилось?»

На бамперах почти всех машин — наклейки с надписями, чаще всего шутливыми. Это произвело на меня такое впечатление, что я просил переводить мне каждую.

«Три дня в неделю при мне заряженный пистолет. Догадайся, в какие дни».

Машину ведет молодая красивая женщина. На бампере: «Как много мужчин, как мало времени».

На маленькой дешевой машине: «Когда вырасту, я буду Кадиллак».

«Я люблю свою жену».

«Я люблю своего мужа».

«Я люблю свою собаку».

«Поцеловали ли вы на прощание своего ребенка?»

«Осторожно, машину ведет дедушка».

Вдруг — по-русски: «Я задолжал, я задолжал, я на работу побежал!» На двери дома надпись: «Стучите, если вам одиноко».

На двери мастерской: «Открыто. Хотя с большим удовольствием мы покатались бы на лодке».

В торговом центре Сан-Франциско держит речь против расизма яростный негр. Над ним плакат: «Живите улыбаясь».

В школах, колледжах, университетах не оглашают вслух оценки в присутствии учащихся. Так же и на родительских собраниях. Это может унижить. Только наедине.

— Вы хотите сделать всех людей хорошими, — сказал мне американец. — А наша демократия хочет создать такие условия существования для людей, в которых даже дурные их качества шли бы на благо нации.

Любой предприниматель из шкурнических интересов, ради прибыли, будет стараться сделать свой бизнес более выгодным для потребителя, нежели другие.

Как ни странно, когда после оттепели вернулись холода, время еще продолжало умнеть. Причем несмотря на то, что государство, напротив, судорожно погибало. Главы правительства щедро дарили народу темы для анекдотов. В столах писателей копилось то, что понадобится времени в другие десятилетия.

Некогда была Сухаревская башня, центр рынка, бескрайнего, как вселенная. У Сухаревской башни, где Сухаревский рынок, торгуют спекулянтши шнурками для ботинок. В рабфаках наши братья, сияют горизонты. Лишенки в модных платьях от солнца носят зонты. В ячейках сестры наши, багровые косынки. Оранжевая башня, кровавый палец рынка... Сестренки наши седые, состарили победы. И братьев треть от силы, победы подкосили. И пионеров больше не дразнят хулиганы. Туристы едут в Польшу, артисты едут

в Канны. А Сухаревской башни уже в помине нет. Остался гром вчерашних и нынешних побед.

А в домах вокруг множество чердаков, каждый со своими удобствами и недостатками. Там ночевали торгаши и беспризорники. Я жил там у родственников. Правда, об этом, наверно, уже было. Но — и детство, и отрочество, и юность!..

Там был еще старший двоюродный брат, мой кумир. Он как-то между прочим спросил меня: «Пастернака читал?» Я тогда учился в пятом классе и не знал, что такое Пастернак. «Почитай». Почитал, не понял. Долго читал, ничего не понимая. Помогли мне упомянутые отлучения из дому. Тогда над подъездами были железные навесы. Там начал понимать. («...Так носят капли вести об езде, и всю-то ночь то цокают, то едут, стуча подковой об одном гвозде то тут, то там, то в тот подъезд, то в этот...») Начал понимать стихи о дожде.

А зимой начал понимать про снег. («Только белых мокрых комьев быстрый промельк маховой. Только крыши, снег и, кроме крыш и снега, — никого...») Потом начал понимать про женщин. («Ты появишься у двери в чем-то белом, без причуд. В чем-то впрямь из тех материй, из которых хлопья шьют...») Мне представлялось, что про Пастернака знаем только мы двое, я и брат. Потом прочитал повесть Эренбурга «День второй». В ней было о юноше Володе Сафонове, который любил математику и Пастернака... Значит, этот Сафонов — третий, который знал о нем! Мне не приходило в голову: о Пастернаке, видимо, знает и сам Эренбург, раз он об этом написал...

— Вперед, до пояса, назад до отказа! Р-раз! Р-раз!.. Носочек, носочек!.. Кто так койку, мать вашу, застелил! Зайцев? Два наряда вне очереди.

По уставу положено было служить два года, как и сейчас. Но нас не отпускали и три, и четыре. В общем, не было слышно, чтобы кого-нибудь отпустили. Готовились к предстоящей войне. Готовились, готовились, а она оказалась неожиданной.

Казарма, красноармейская служба. Мальчишки, виновные без вины. Уставы, учения, чистка оружия. Почетные лагерники страны. Служили, служили, служили, служили, служи... Бессрочное рабство, шинели-ливреи. Несметная армия в мирное время. Эпоха нежизни. Годы — миражи.

Как было сохранить в себе душу на все эти три, четыре, неведомо сколько лет? Как сохранить вот здесь, внутри, Пастернака, Первую Мещанскую? Она убежала от рынка в свою особенность. На ней особняк, в котором, говорили, жил когда-то Брюсов. А на углу Грохольского — Ботанический сад, где оранжерея и Самая Высокая Пальма. И аллея, где на скамейках сидят с книжками Умные Девушки. А на Второй и Третьей и Четвертой Мещанских — дома с балконами, на которые иногда выходили просто так, попить чаю или посмотреть вниз. Теперь на балконы никто не выходит. А Рижский вокзал назывался Виндавским, теперь он последний по величине и значению, а тогда был самый заграничный.

Теперь трехэтажный желтый дом на углу Колхозной площади и проспекта Мира — лишь декорация с белой фанерной башней, которая открывает путь к ВДНХ. Этот дом, где я некогда жил, давно уже необитаем. Если будете проезжать мимо него вечером — взгляните, — все окна черны.

Описываю случай. Я был в Ленинградском доме ВТО, и там не очень знакомая женщина сказала, что она хочет есть, а денег нет. А у меня в кармане пиджака были. И я сказал: «Пойдем напротив в ресторан, там поедим». Конец цитаты. А это как раз было, когда наши танки вошли в Чехословакию. А я Чехословакию люблю за фильмы, которые все время в Америке получали «Оскар». И вот я сильно напился, и встал, и обернулся к залу, и во всю глотку: «Стукачи, выньте карандаши и блокноты! Я за свободу, демократию и Чехословакию!» И все стали смотреть на меня, и никто не вынимал карандаши. Тогда я еще раз и еще раз: «Стукачи!

Выньте карандаши и блокноты...» Конец цитаты и т. д. Тогда за наш стол, большой, перед самым оркестром, сели несколько молодых людей, они меня полюбили, и я их полюбил, и мы стали пить друг за друга. А женщина куда-то исчезла, я и не заметил. Потом она подошла ко мне со своим партнером, оказывается, она пока танцевала. И они схватили меня за руки и быстро повели к выходу и по лестнице вниз, и в машину, и отвезли домой. Даже не расплатились. А назавтра я рассказал кому-то об этом случае, и мне сказали: «Да она же стукачка и есть!» Конец цитаты. Но я не поверил. А если и да — то тем более благородная женщина. А через несколько лет я неожиданно встретился с ней, она занимала какую-то должность. И она говорит мне: «Помните?...» и т. д. И все напонила. И оказывается, она-то как раз не стукачка, а оказывается, наоборот, те, которых я полюбил за столом, они и были стукачи! Поэтому они и разговаривали с оркестрантами, как знакомые.

Достоевский писал, что длительная дискриминация усугубляет качества человеческой природы, как хорошие, так и плохие. Евреи, мне кажется, разделились на две категории, не похожие одна на другую, как негры и эскимосы. Одни — бескорыстные, непрактичные, духовные, и другие — наоборот.

Давным-давно, до войны, только еще школу кончил или кончал, я каждый год в праздник Первого мая уезжал из Москвы в небольшой город, чаще — Серпухов. Тянуло. Провести там день, когда небольшая демонстрация, и все поют, и всем весело. И почти все друг друга знают — и почувствовать себя в совершенном и — поверьте, пожалуйста, — щемяще-прекрасном одиночестве в этих праздничных толпах людей, где почти все друг друга знают, и только ты — никого...

Теперь одиночество совсем другое, добровольное, но об этом и писать неохота, зачем дожил?

Нет, были радости, были...

«Осенний марафон» Георгия Данелия с его жизнелюбивым прекрасным грузинским юмором. Фильм, где сплетены быт и внезапное озорство...

Правда, дирекция и тут настаивала на изменениях. «Мы же его (героя) должны наказать. А что получается? Придет в кино трудяга, посмотрит — а у него две таких бабы, Гундарева и Неелова!» ...И любимые актеры. Олег Басилашвили, Наталия Гундарева, Марина Неелова, Евгений Леонов, Станислав Любшин, Алиса Фрейндлих, Людмила Гурченко, Зиновий Гердт...

Фильм «Фокусник» Годоровского. Двое, он и она, сидят на скамейке городского садика. А вокруг совершенно нетронутый снег. Как они подошли к этой скамейке, неизвестно.

И фильм «Звонят, откройте дверь!» Саши Митты. Грустная и сердитая Лена Проклова, которая положила на алтарь своей детской любви к пионервожатому «первого пионера», который и пионером-то не был. И непостижимый Ролан Быков в этой роли.

Челябинский студенческий коллектив «Манекен» поставил трагикомический спектакль по пьесе «Две стрелы». И речь в нем шла не только о прошлом, но и о будущем (для тех лет, когда это было написано). Так, например, перед героем стоял вопрос: не убежать ли из своего рода в другой, потому что здесь ему грозила гибель. А тогда никто еще никуда не уезжал, да и мысли о том не могло возникнуть...

Николай Шейко поставил в Минском ТЮЗе «С любимыми не расставайтесь». Из веселых игр и всяческого легкомыслия так незаметно отделялись двое, между которыми происходило жалкое, жестокое, судебное... В конце все действующие лица, в том числе и прелестная золотоволосая судья, бродили в больничных халатах по коридору сумасшедшего дома.

Написал киносценарий о человеке, который жил плохо. Как я жил тогда.

Этот сценарий понравился очень хорошему режиссеру, который тогда как раз жил плохо и потому именно об этом и хотел снять фильм.

Но оказалось, что для Госкино такой фильм — о человеке, который жил плохо, — не нужен. А нужен фильм о человеке, который жил хорошо.

Чтобы переделать фильм таким образом, режиссер, который тогда снимал картину в Ялте, попросил как можно скорей вылететь к нему.

И я вылетел.

У этого человека была необыкновенно яркая фантазия. И он рассказал мне, что надо переделать в сценарии, чтобы он был о том же самом и стал даже лучше, чем прежде. Я тоже заволновался возможностью переделать сценарий так, чтобы он устроил Госкино и все-таки оставался о том же самом.

Прежде чем сесть за работу, я решил зайти в парк. Все-таки Ялта. Спустился по шоссе, пошел до Дома творчества «Актер», где я отдыхал много лет назад. До сетчатой изгороди, за которой внизу были корпуса для отдыхающих, и еще ниже — море. Некогда я провел здесь двадцать четыре дня весной, в мае. Некогда я прошел с чемоданом в эти ворота, спустился по витой дорожке и остановился. Белое, сладкое, душное кружилось над моей головой. Это были глицинии. Внизу что-то слабо гремело. Это было море. Я был посередине всего этого. Счастье еще не началось. Было предчувствие счастья, предвосхищение, предупреждение о том, что с этого мгновения начинается совсем иная жизнь. Та жизнь, для которой мы и рождены.

Двадцать четыре дня я взлетал и сбегал вниз по этим витым дорожкам, лежал на горячей гальке, переговариваясь с людьми, которых, казалось, не забыть до конца жизни. Двадцать четыре дня обедал за столиком у окна с людьми, которых никогда не забыть.

Пытаюсь вспомнить, кто были эти люди, — не могу. Кажется, стоит войти в эти ворота, и они вспомнятся.

Вошел — как все изменилось. Главный, царственный корпус пооблез. А за ним — что это? Сколоченный кое-как забор. Прямо под окнами первого этажа. Как же люди

спускаются к морю? Я свернул по дорожке вниз, к беседке, — беседки нет. Забор серый, трухлявый — фанера, дранка, просто ржавые сетки от кроватей с грязной ватой в ячейках. Колючая проволока. Заглянул в щель забора — все до самого моря разрыто. Земляные всхолмья, груды битого кирпича, и на всем — что-то тряпичное, мусорное, истлевшее. Вот калитка к округлому, затененному зеленой зарослью спуску к морю. Однажды я остановился там и сказал себе: запомни это. Камни, из которых сложена стена, эту заросль, эту минуту. Надо запомнить навсегда. И забыл.

Навстречу мне брел человек с серым мятым лицом и во всем мятом, осеннем. Я спросил его:

— Здесь сейчас живут? Кто-нибудь?

— А как же. Человек двести.

— А это, — показал я, — давно уже?

— Лет десять. Стройка века.

Шутка тоже многолетней давности.

Здесь я жил, когда молодость уже прошла! И война была давно позади! Так, значит, с тех пор и еще одна жизнь прошла? Когда я уже мог быть счастливым?.. И не стал.

Я пошел в город и в кассе аэрофлота купил билет обратно домой.

Из небытия выходят в свет пьесы, фильмы, повести «новой волны» — об одиноких, смятых жизнью людях.

Интеллигенция постепенно перестает быть прослойкой. Неприязненное отношение к ней верхов сменяется опасливым. Без нее, оказывается, не обойтись.

Эфрос болел терзаниями этой прослойки издавна. Розовские мальчики первых его спектаклей стали большой совестью времени. Их глазами многие увидели уродливым то, к чему за долгие годы притерпелись. Эти мальчики были и цельней и сложней многих упорядоченных послушанием взрослых. Они были интеллигентны.

У Эфроса Отелло в спектакле — в очках.

— Ну и что, что черный, — говорил он, — Поль Робсон тоже негр. Ну и что же, что военный, Вершинин в «Трех сестрах» тоже военный. Но ведь интеллигент! А Отелло и военачальник к тому же. Значит, не машет шашкой, а сидит за военными картами.

Интеллигентность была для него едва ли не главным достоинством человека. В телефильме «Несколько слов в честь господина де Мольера» интеллигент — Мольер. И еще один интеллигент — тушильщик свечей, преданный слуга его — Бутон. Обе роли играл необузданный интеллигент Любимов.

И Мольеру, и Бутону невыносимо, когда *бьют*. Пусть не его, пусть другого. Ненавистны обоим нагло-величественные хозяева жизни.

Эфрос, человек редкого дара, был заражен свойствами души интеллигента — жадой работы и чужеродностью людям, управляющим театральными делами. Однако они сумели вовлечь его в поспешное осуществление своих планов и подвергли тяжким испытаниям. Это, думается, в конце концов и стоило ему жизни. Впрочем, тайна дара укрыта от нас тайной человеческой природы.

В сложностях и тупиках своего труда люди театра не раз будут возвращаться памятью к его имени.

До войны, в армии, нас водили из казармы в баню, кажется, раз в две-три недели. Там, в банном непроглядном пару, надо было торопиться, потому что очереди ожидало следующее подразделение. А в войну нас водили в баню только на переформировке, раза три-четыре в год. Все остальное время мы были одетые, точнее сказать — в форме.

И вот. Уже после демобилизации мы с женой оказались на пляжном берегу речки, где загорали знакомые люди.

И надо было раздеться. Но чувствую — это невозможно, это стыдно. Потому что долгие, долгие годы я не представлял, каким окажусь перед знакомыми людьми — *неодетым*, как бы без солдатской формы. Чем-то странноватым, нечеловеческим. И вот сижу на жаре одетый. Наконец — что делать — скинул с себя все и скорей по берегу прочь, пока никто

не разглядел. Когда же пришлось вернуться к загорелым, аккуратно оформленным, упитанным людям, жена мне тихонько сказала: «Вот этот — (показала) — увидел тебя издали и говорит: «Какой мальчик идет, а?»» А этот тридцатилетний, иссушенный армией и войной «мальчик» и был я. Просто тогда уже входила в моду такая вот иссушенность.

Бог мой, зачем обрек меня жить так долго? Не такой уже иссушенный, лежу на тахте — «лежанке», называю ее. И подняться с нее неохота. И плевать мне на то, какой я стал. Только вот по-прежнему по разнообразным поводам то и дело стесняюсь, все равно как будто в солдатской форме хожу.

Еще в школе мне стала представляться такая картина: покрытая снегом деревня, изба, за окном валит снег. Я учитель...

Окончив школу, я купил билет на имевшиеся в наличии семнадцать рублей, хватило до станции Уваровка. Оттуда меня направили учителем в деревню Вешки.

В школе, к сожалению, я сразу попал в конфликтную обстановку. Завуч за бутылкой водки открыл мне глаза на директора школы. Однако потом директор за чашкой чая открыл мне глаза на завуча. Как заразительна суетность, изошренная зависть, обезумевшая мелочность — это как болезнь, заразиться может любой. Ощущение единственности жизни незаразительно, как здоровье.

Я сумел остаться вне конфликта, но в одиночестве. Теперь в моем распоряжении было сельпо, где я мог купить четвертинку и соевые батончики для закуски. Странно пить одному: выпил, закусил, подумал в тишине о том о сем, и совершенно неизвестно, пора ли выпить еще, или пока рано. В компании это получается само собой. К тому же изнурительная усталость после шести уроков.

Зато по воскресеньям в тесной избе «метелица» — под ручку в одну сторону — притоп — и в другую сторону. И стихи Пастернака.

В войну довелось брести через деревни, вмиг постаревшие, не догоревшие до конца, убитые. А сколько их теперь, с тех еще времен, кажется, такими же и остались.

Пришлось ехать в Дом кино, в Москву, на премьеру фильма, поставленного по моему сценарию, так принято. Мне не хотелось ехать на торжество по этому поводу, который того никак не стоил. Беда в том, что я всегда тороплюсь кончить работу, и тогда уже смотрю, что получилось. Но после того как кончишь, уже неохота смотреть, что получилось. И получилось ли вообще что-нибудь. Поэтому может получиться так, что получилось совсем не то, что ты думал. Так вышло и на этот раз. Но если бы я не поехал, то обидел бы киногруппу, которая не виновата же, что у меня не получилось. Но я-то все равно понимаю, что написал плохой сценарий. И причины этого я сам уже знаю. Он получился плохой помимо моей воли. Когда я писал, я думал, что он будет хороший.

И вот теперь надо выйти на сцену перед экраном вместе со всей группой и стоять там, демонстрируя свое мучительное лицо. Вышел, отстоял. И только одно все время думал: все забудется, все уйдет в прошлое.

А после картины, после стыда этого, группа поднялась в ресторан, он там наверху, на застолье по поводу картины. А я рестораны эти терпеть не могу. Гордые официантки, тосты и все такое. Надо было сказать тост и поблагодарить всех. Но я сижу, молчу, пусть первый тост скажет кто-нибудь другой. А после того как я охмелею, вообще все станет проще. А потом пройдет какое-то время и вообще все это забудется, уйдет в прошлое. Но режиссер постучал ножом и объявил, что я хочу сказать тост. А что говорить? Говорить-то что? Но так принято. И вот встаю и говорю нечаянно то, о чем думал все время:

— Все забудется, все уйдет в прошлое...

Но было шумно, кто-то еще праздновал что-то еще, и мне закричали:

— Громче, не слышно!

Но раз я так уже начал, то и повторяю, как попугай, уже громче:

— Все забудется, все уйдет в прошлое!

Тогда кто-то распорядился:

— Дайте микрофон, микрофон попросите!

С эстрады мне дали микрофон на шнуре. Но я не знал, что он так усиливает звук.

— Все забудется, все уйдет в прошлое!..

И больше ничего не могу добавить, такой рев получился. Да и мыслей других больше нет.

Наверное, подумали, что я пьян. А я тогда — совсем немного, просто чтобы отключиться.

Об этом трудно, об этом надо. Давно это было. Травили Зошенко.

В «Огоньке» прочитал статью о том, как его заставили каяться (в ленинградском Доме писателей). Английским студентам, которые спрашивали, согласен ли он со ждановским постановлением о нем и Ахматовой, он сказал: «Нет». Вот за это. После его выступления двое в зале решились зааплодировать ему, один был Меттер, другим был я. Меттер был редактором моей первой книжки, мы стояли где-то сзади у дверей. Аплодировать, в общем, было неуместно, сейчас поймете, почему.

Все же это означало бы, что зал принял и одобрил покаяние.

На сцене сидели приехавшие из Москвы на это мероприятие Кожевников и Симонов, сидели в президиуме. Симонов — вальяжно облокотясь на белую щеку. (Как любили мы его стихи на фронте, как ждали их!) Зошенко не каялся, а пытался объяснить. Долго. В войну его попросили написать что-нибудь смешное, для детей. Пусть голодные, холодные хоть повеселятся. Он написал про обезьянку, которая убежала из зоопарка. Уже после войны напечатали в журнале «Звезда». И вот Жданов написал статью, которая стала постановлением партии и правительства, где представил это произведение как злобный пасквиль на советских людей. (Как продуманно, по-иезуитски соединил «пошляка» Зошенко и утонченную «врагиню» народа Ахматову. Получалось, что между этими полюсами уже всякое писание подозрительно.)

Закончил Зошенко страшно. Крикнул в зал: «Не надо мне вашего Друзина, не надо мне вашего сочувствия, дайте мне

спокойно умереть!» (Друзин был редактором журнала «Звезда»). Этого крика, этих слов не забыть. У сидевших в зале были гримасы страдания на лицах. У всех. Вот тогда Метгер и я захопали. В тишине. На что вальяжный Симонов, краснуя, проговорил: «Ну вот, два товарища в задних рядах присоединили свои аплодисменты к аплодисментам английских буржуазных сынков».

В «Сентиментальных повестях» герои Зошенко жалки, ничтожны, бесталанны. Не способны оценить любовь к себе, не способны одарить своей бестолковой, беспомощной любовью других. Жизнь постепенно лишает их всего: веры в себя, крова, денег, к концу каждого рассказа они голы, нищи перед собой и перед другими любившими и любимыми некогда. Зошенко как бы приравнивался, примерял себя к ним, лишенным права голоса в свою защиту. Вот тогда, в том зале его собственная мучительная жизнь прокричала о себе сама.

Только ранним солнечным утром и может это присниться. Дождь по крышам подъездов (тогда еще были навесы над подъездами). И дождь по крышам домов. По сиротливым (всю ночь под этим дождем) деревьям. И черное небо, потому что снится ночь. Но окна почему-то освещены. Там за ними живут люди, которым ты необходим. Но сейчас мы друг другу еще неизвестны. Но *потом*, в будущем, ты отдашь им свою жизнь и будешь умирать под этот белый шум дождя, а они выйдут из-за окон и будут тихо стоять вокруг.

Младший сын не любит, когда я выпиваю. Я стал прятать бутылку, причем в разные места. Сегодня стою посреди комнаты и вспоминаю, куда же я ее спрятал. А сын говорит: «Папа, она там». Значит, он *знает!* Но все равно стыдно, и прячу по-прежнему в разные места, но уже стараюсь не забыть, куда.

Если сказать встречному человеку: «Доброе утро», — то он подумает, что мы знакомы, просто он забыл, и ответит:

«Доброе утро», — и улыбнется, так уж принято. А потом наступит время, когда можно уже сказать: «Добрый день». Можно тем же самым людям. И они ответят: «Добрый день», и, возможно, еще раз улыбнутся. А чуть начнет темнеть — я им: «Добрый вечер». Были такие, которые улыбались по три раза в день. А сегодня один спросил: «Батя, где тут винный магазин?» Как хорошо спросил! Как будто мы с ним давно уже свои. «Да вот, — говорю, — рядом!» Он обрадовался, что близко, улыбнулся и сказал: «Спасибо, батя».

Когда я начал становиться таким? В армии? Нет, совсем нет! Были тогдашние солдатские, родные, единственные друзья. А вот после войны... Нет, друзья появлялись и тогда еще, вспыхивали вдруг ярко, восхищали, ошеломляли, казалось, вот этот — навсегда, такого еще и не было! Живите у меня! Зачем в гостинице! Приезжайте с женой! А я приеду к вам!.. Обманы, пустые надежды.

Некогда были слова: «звезды», «небо», «счастье», «самоубийство». Теперь вместо них слова все простые, а тех — нет и в помине. Первая Мещанская (теперь проспект Мира) зимой была белая внизу и черная со звездами в вышине. Мерцали звезды наверху, мерцал снег на мостовой. Когда-то. До войны спектакли в театрах шли с занавесом. За ним была тайна, гнездились неведомое. Вот сейчас оно оживет, но не сразу станет понятным, а постепенно, когда занавес начнет утомленно сдвигаться... Когда-то.

Видимо, я был запрограммирован на тот возраст. Как жить в теперешнем — не знаю.

А скромность? Пресловутая эта скромность. Не зря говорят: унижение паче гордости. Я, мол, вот какой скромный. А вы, мол, вот какие гордые. Не говоря уже о том, сколько ненужных обид и неудобств она доставляет самому «скромному». Сколько очередей он выстоял понапрасну, не спросившись, необходимо ли выстоять. А иные очереди по скромности выстоял дважды. А скольким людям,

неприятным и чуждым, он подчинялся просто из боязни задеть их самолюбие, оказаться в их глазах гордым. Сколько раз сопровождал их Бог знает куда и зачем, занимался их неинтересными занятиями, играл в их тоскливые игры, проводил с ними их пустынное время, поил их, веселил, развлекал их, а то и хуже, отдавал им то, что самому было важнее важного. Как торопился отдавать! Чтобы не подумали, что жалею! Но потом, потом — вот что главное — как бежал, как скрывался от них! Завидя вдаль, переходил на другую сторону улицы и обращался в бегство у них на глазах, и они не понимали, в чем дело.

И все же. Все же. Все-таки. Возможно ли не быть скромным перед человеком, которого мы почему-либо вознесли в своей душе? Перед деревенской девушкой на речке мы скромны. И перед собором, костелом, мечетью, церковью мы скромны...

Давно это было, а забавно. Бригада в составе баяниста, лектора на политические темы и начинающего писателя (меня) обслуживала предприятия Мгинского района. В школе рабочей молодежи мне стали задавать вопросы о Дудинцеве и Пастернаке. (Это как раз тогда все было.) Я отвечал, как думал. На другой день меня вызвали в райком и прочитали вслух письмо учительницы, которая присутствовала на этой беседе. Она точно записала мои ответы, и все они были действительно по тогдашним временам никак не допустимы. А в конце письма, чтобы разоблачить меня до конца, она добавила:

«К тому же он был нетрезв».

— Что пил-то? — спросил секретарь райкома.

— стакан красного вина и пиво.

Тут работники райкома оживились.

— Кто же это вино с пивом мешает!

— Водку нельзя с пивом мешать, а вино еще хуже.

— Вот даже коньяк можно с шампанским. А вино с пивом никогда.

И поняв, в чем заключалась моя оплошность, письмо порвали, а меня отпустили.

В отрочестве мне снилось — вот я лечу, а внизу лежат светящиеся женщины, слегка приподняв одно колено каждая. А одна среди них — Прекрасная, с большой буквы. Наши девочки в десятом классе (в десятом, подумайте! но — в тридцать шестом году) говорили нам, дуракам: «Вы думаете, у женщины главное грудь? Какая ерунда. Главное — ноги!»

Пользуясь тем, что я по временам выпиваю (не становясь, подчеркиваю, алкоголиком), жена и ее свояченица, верней, моя свояченица, то есть ее сестра, разговаривают со мной развязно, иногда тоном приказа, как, например: «Садись. Не туда — сюда. Сейчас я тебе борща налью». В ответ на что, я написал плакат и вывесил его на стенке: «Я свободный человек». Однако даже это не изменило к лучшему ситуацию. Тогда я вывесил другой плакат, в завуалированной форме, как бы цитата из Пушкина: «Он в семье своей родной казался девочкой чужой». Однако и это должным образом не повлияло. Поэтому вынужден обратиться к мнению общественности.

Стыды. Не ходил на Красную площадь с теми, семерыми, против наших танков в Чехословакии. Это например. А сколько лихорадочных, глупейших поступков, они же, как правило, и плохие?.. Ладно, у Соловьева: «Я стыжусь, следовательно, существую». Или: «Спокойная совесть — изобретение дьявола». Для утешения на полторы минуты. А как с этим жить, по утрам? Ведь стыды-то не выдуманные, настоящие!

Всю жизнь бегал по двум лестницам. По одной не разрешали бегать, а по другой не было хода. Но все же бегал — то по одной, то по другой, пока меня не остановили знакомые. Они спросили: «Что с вами? Почему у вас такие грустные глаза?» А я и не знал, что у меня такие глаза. Если бы знал, сразу бы сменил. Для бегания по двум лестницам нужны совсем другие глаза.

Николай Павлович Акимов после моей первой пьесы «Фабричная девчонка» говорил: «И друзья и враги одинаково жаждут, чтобы Володин шел на Голгофу». Ту пьесу обвиняли в очернительстве всей нашей жизни. Во второй пьесе «Пять вечеров» этого очернительства не было. И я понимал, что друзей разочарую. Правда, там не было и партийного начальства, из рук которого люди принимали и наказания и поощрения. Вот это обстоятельство оказалось более неприемлемым. Что и сослужило впоследствии «плохую службу для пользы дела».

Товстоногов хотел умереть, как артист Бабочкин, в машине. Говорил так. И это было ему даровано. Успел подруть к тротуару и притормозить. С такую же подробною точностью, какую он владел на сцене. Высшие силы позаботились о нем до конца.

В Москве тем временем возросла студия «Современник». Еще на площади Маяковского.

Помнится случай, в студии тех лет. Я написал пьесу, которая почитаемому мною режиссеру не показалась интересной. Ну, не получилось. Из Москвы звонит Олег Ефремов.

— Я слышал, ты пьесу написал?

— Олег, написал, но не получилось.

— Приезжай, я почитаю.

— Зачем это, Олег! Стыда не оберусь!

— Я один почитаю, никто не узнает.

Приехал — сидит вся художественная коллегия, кажется, так называлось. Волчек, Табаков, Козаков, Евстигнеев...

— Ты же обещал, Олег, что почитаешь один!

— Ничего, они никому не скажут, тут все свои.

Он прочитал пьесу вслух. В тот же вечер состоялась первая репетиция пьесы «Назначение».

Молодые студийцы сходились на прогоны, толпились за кулисами, смотрели.

Начальственные просмотры, один за другим, плотный огонь по квадрату. Главное обвинение — «вбивается клин между народом и правительством».

Очередное многолюдное совместно с критиками судилище. Министр культуры РСФСР Попов:

— Словом, работать и работать. Теперь уж на тот сезон перенесем.

Тут я не сдержался, невольно как-то получилось, да при женщинах еще:

— А ну вас к е...й матери.

И ушел. По пути еще стало стыдно, тяжело. Больше года люди работали, а я все загубил. Звоню Олегу.

— Прости, — говорю, — ради Бога!

А он:

— Что ты, Саня! Все было прекрасно!

— А что было-то? Потом?

— Ну, сначала долго молчали. А потом Родионов (начальник Московского управления культуры) говорит: «Но, с другой стороны, вот мы посмотрели — нам это не понравилось, а другой догматик посмотрит — ему другое не понравится. Приходите ко мне — без автора, без автора, только коллегия, пойдем по страничке, по страничке...»

— Да почему же он вдруг так? — спрашиваю.

— Да потому, что иначе по городу слух бы пошел, что ты их обложил, и вот они обложенные ходят.

Это была последняя разрешенная пьеса, и то одному лишь «Современнику». Потом несколько пьес, как говорится, «в стол», подальше от современности, из давних веков, несколько сценариев для кино — сейчас кое-что выползло на свет, но уже — осточертела сцена, осточертел экран, а делать-то что-то надо? Доживать?

Как скудно, какими урывками отмерено нам жизни!

Некогда Олег сказал мне:

— Если тебя посадят, я буду носить тебе передачи. Если меня посадят, ты будешь носить мне передачи.

Он — друг. Многим. Своим друзьям. Своим актерам. Если идти дальше — людям.

Он — свой сумятице человеческой жизни со всеми ее и уродствами, и взлетами. В небольшом телефильме он играл

графомана, который по мере сил сочиняет стихи. Ефремов так читал их, что шахтер из Донецка попросил в письме, чтобы Олег Николаевич прислал ему свои стихи, а то жена его тоже не понимает.

Юрий Любимов взорвался, ошеломил всех, вместе с четвертым курсом Щукинского училища. Это родился будущий Театр на Таганке. Необузданный, он ставил такие спектакли, что через один начальству приходилось их запрещать. К каждой новой работе театра оно собиралось с силами к изощренной борьбе.

Любимов ненавидел начальство и не скрывал этого. А начальство-то — государственное. Значит, он против государства? Но он одевал свою ярость в такие праздничные фантастически-изобретательные театральные одежды, что иной раз и начальству хотелось думать — мол, это не про них, про их начальство. Но запрещать-то надо! Запрещали.

Спектакль по стихам Вознесенского «Берегите ваши лица» был задуман так, что Любимов сидел в зале за режиссерским столиком с лампой и микрофоном и как бы вел репетицию, мог остановить, заставить повторить, сделать замечание. А во время прогона чуть позади справа от него сидел корпус министерского руководства, слева — несколько друзей.

Вот молодые актеры в черных трениках — свет сзади, лиц не видно, декламируют (или поют — забыл) стих, где слова: «Запрещаем запрещать!» Любимов останавливает эту как бы репетицию, кричит:

— Надо, чтобы было понятно, что запрещаем! Кому запрещаем! Еще раз! — И теперь уже и сам кричит со всеми, в микрофон, оборачиваясь то к начальству, то к нам:

— Запрещаем запрещать! Запрещаем запрещать!..

Потом меняется свет, и оказывается, что на актерах и актрисах дощечки с надписями, например: «Я люблю Кеннеди» — и так далее, обозначающие, что это, мол, там мы запрещаем запрещать. Но начальство уже привыкло к этим шуткам и накидало замечаний и указаний.

Потом (это мне говорили) Вознесенский сказал:

«У меня в ЦК комсомола есть кореш, он посмотрит, все замечания к чертям отменит».

Пришел ЦК комсомола и запретил спектакль вообще.

Репетиция «Бориса Годунова», кирпичная стена, два стула и доска.

Золотухин на репетиции был жалок перед надменной полячкой, Любимов спрашивает:

— А что бы ты сделал, если бы над тобой издевалась русская баба?

— Я бы ей съездил.

— Ну вот и давай.

И Золотухин «съездил» Демидовой. И сразу поставил ее на место. «Царевич ты!»

А не принятые критикой «Три сестры»?

Где сначала духовой маршик звучит с небес. И открывается стена зрительного зала, а за ней — Таганка, за деревьями купол церквушки, и ветерок дует в зал...

Может быть, оттого что напонило, как на фронте, думалось: «Поставили бы на Первую Мещанскую, дали посмотреть в одну сторону, потом в другую — а там пусть и прихлопнут...» Слезы к горлу. Проговорил: «Вот и весь спектакль...» Какая-то женщина, сидевшая рядом, встревожилась: «Уже все?»

А сестры, говоря о прекрасной будущей жизни, смотрят со сцены на нас, какие мы теперь, будущие? И Федотик фотографирует нас, будущих. И все под маршик маршируют в будущее. За красными флажками, в загоне. А предваряя дуэль, Соленый направляет на Тузенбаха палец:

— Бац!

И Тузенбах корчится в предсмертной конвульсии.

В журнале «Театр» критик проиронизировал: «Репетируют смерть».

А на фронте случалось подумать: «Если случится, — то как — сразу или с мучением?»

Да, забыл. Происходит это все как бы в казарме — койки под байковыми одеялами, умывальники-гвоздики... Полк на постое в городке.

Казарма вспомнилась — довоенная, нескончаемая, бес-срочная.

Вдруг постарел. Это случилось позавчера. Но я даже сразу и не заметил. А сегодня вижу — да.

Неловко в таком виде быть среди людей. Если можно, не приходите без предупреждения. Чтобы я успел сделать вид человека, который еще. И хорошо бы больше не работать. Пришлось бы работать, делая вид. Давно, по правде сказать, это началось уже. В войну еще.

Умер Яша, святой человек. Легко умер, ночью. Моложе меня.

Умер Камил Икрамов. Но — сделав главное в своей жизни, опубликовав повесть об отце, секретаре ЦК Узбекистана, погибшем в лагерях. (Да он и сам, Камил, сначала сидел на коленях у Сталина, потом — тоже в лагерях.)

Умер любимый народом, блистательный, закомплексованный Андрюша Миронов.

Умер Даль.

Умер Высоцкий!

Сколько их уже, прекрасных, моложе меня...

«Что это у тебя пьесы какие-то сиротские?» Смотрю — правда, эти — из детдома, та — тоже, у тех неладно с родителями *. Отсюда у многих потянулась на всю жизнь не уверенность в себе и какая-то прорывающаяся неврастения.

Непонимание ничего *про это*, почти у всех тогда мальчишек. В госпитале медсестра спрашивала: «Так сладкого и не знал?» Многих могли так спросить. А после войны жизнь, как теперь говорят, «за чертой бедности», без прописки в получердаках и полуподвалах и борьба с космополитизмом... Вот откуда и стыды за все, что сделано наспех, от усталости, каждый поступок — в ту секунду, когда еще и не подумалось: не надо, зачем! И каждое утро теперь — воспоминания об этих стыдах, кругами, от одного к другому.

* А у меня, так случилось — и родителей не было.

Александр Володин

- Алеша, ты видел, какой я вчера был?
- Младший мой, с запинкой:
- Да...
- Ты никогда не будешь такой?
- Не знаю.
- Почему?
- Позовут в компанию, неудобно отказаться...

Бросаю. С завтрашнего дня. С сегодняшнего. На всем сказывается. Торможение какое-то.

Маленькие мысли, оставьте меня!.. Да что это такое, сгиньте, брысь! Я и не думаю о вас! Я думаю о той женщине, что переходит дорогу. Как хорошо, что такие переходят дорогу!.. Что, опять? Да я с ума сошел! Да я и не думаю об этом! Я думаю о море весной, о грохочущем, светло-зеленом... Сгиньте, брысь!

Каждый человек соответствует городу, населению определенного размера. Во время войны, когда мы занимали небольшой городок — Тирасполь, Андреаполь (какое греческое название!), Великие Луки, — перед нами открывалась мощенная белым булыжником мостовая и заборы, над которыми нависала сирень, и окна белых одноэтажных и двухэтажных домиков, за которыми скрывались девушки в белом, которые, наверно, умеют играть на пианино и читают Хемингуэя...

Она все время искала просто хорошего человека, с которым можно поделиться мыслями или провести время. Но все так привыкли казаться хорошими людьми и принимать за это плату, что она платила и платила...

Англия, Америка, Франция, Канада, ФРГ, Япония, помогите нам!

Провожанья, прощанья, прощенья,
сборы, споры в квартирах пустых.
Кому в путь, кому — снова под дых,
а кому ожидание виз,
не имеют еще разрешенья...
— Вы когда?
— Мы в четверг.
— Нам отказ.
Срок истек. Подадим еще раз. —
Чей-то родственник шелкал и шелкал
объектива внимательной шелкой.
Фото тем, кто уже собрались,
у кого ожидание виз...
Кто друзья? Кто сестра? Кто стукач?
Эта плачет. Плачь, милая, плачь.
А оттуда неясные вести.
Эти едут, те ждут, те на месте...
Сын мой был в долгосрочном отказе, я знал.
Но тогда кто кого — я его провожал.

Как вдруг.

Я увидел молодую женщину. Она не плакала. Она была красива, красива, красива!

Я спросил ее:

— Вы уезжаете?

Эта женщина не уезжала. Я не знаю кого провожала.

И я крикнул человеку с фотоаппаратом:

— Сфотографируйте эту женщину! И увеличьте ее портрет! И повесьте на стену дома! С надписью! «Эта женщина не уезжает!»

А недавно я узнал, что она живет в Париже.

1999

Комик Макс Линдер покончил жизнь самоубийством из-за того, что Чаплин его превзошел. Достоевский карикатурно изображал собратьев по перу Тургенева и Гоголя. Булгаков в «Театральном романе» вывел в образе завистливого писателя популярного в те времена Бориса Пильняка.

Каждый выбирает себе предмет для соперничества и терзаний.

Когда Марлен Дитрих, звезду мирового экрана, спросили:

— Как вам удается не стареть?

Она ответила:

— Я хорошо сплю и никому не завидую.

Бог, или что-то высшее, сначала дает тебе понять, в чем твой главный грех. А следствие его все остальное. Потом дает мучение за эти грехи. А потом — некоторым! — как бы очищение, покой. А так-то грехи есть у всех, с первого грехопадения человека.

Наш преподаватель С. был тощ, удлинен, лицо-профиль, лицо-ножик. Непонятно, где размещался его непостижимый для нас ум, его загадочная эрудиция. Он вел в Институте кинематографии сценарное мастерство. Мы по очереди садились к его столу и излагали свои сумбурные, расплывчатые замыслы. Он слушал, обратив к нам серьезное узкое лицо. Светлые глаза с навесами напоминали изображения французских просветителей. И тут же предлагал парадоксальный сюжет, безусловно прояснявший наше невнятное. Это напоминало американскую картину «Анна Каренина», где в автомат бросали монетку, внутри что-то шелкало, и выскакивала свечка.

Однажды, увидев его на улице, я бросился от него бежать. Как в стихах Пастернака: «Голоса приближаются. Скрябин. О, куда мне бежать от шагов моего божества!»

Мы знали, что у него множество патентов на технические изобретения. Мы знали, что у него гигантская картотека анекдотов. Мы знали, что он гомерически остроумен. Мы не знали, что раньше он был референтом Жданова и заведующим отделом кино у Сталина. Однажды, дожидаясь в его приемной, он достал из кармана зажигалку, чтобы

прикурить. И сразу же боковым зрением увидел летящую на него фигуру с гирькой на ремешке. Он успел отклониться, и телохранитель вождя сказал ему: «Счастлив твой Бог». Узнали об этом потом, когда он начал пить. Запрется от семьи и пьет.

Годы прошли. И вдруг во мне слабо проклюнулось это его умение, это его щелканье. И когда ко мне кто-либо обращается за советом, иной раз вдруг возникает нечто похожее, — щелчок. И выскакивает свечка... Себе не могу помочь. Другим — иногда получается.

А немцы так близко, что мины только взвизгнут — сразу же разрываются. Бежали в атаку. А за мной бежали два нацмена. Как вдруг один изо всей силы стукнул меня сапогом в бок. Я свалился в черную минную воронку. А они оба — на меня. А я под ними не могу пошевелиться, да что там, дышать не могу. Наверно, здорово ударил сапогом. Я — матом на них, — думаю, они решили отлежаться в воронке, пока атака кончится. А потом, когда меня вытащили из-под них, оказалось, сапогом меня никто не стукнул, просто это осколок попал в бок и увяз в легком. А они оба убиты.

Некогда Дождь — как в стихах Пастернака — это было Прекрасное. Теперь дождь — это надо шапку надеть. Впрочем, все, что у Пастернака, было Прекрасным.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетие на дворе?

Я тогда считал, что кашне — это не шарфик, а какая-то странная кашня, в смысле — каша, в которой сидит Пастернак, одинокий, как зверек в норе, в перловой каше, из которой и выглядывает в форточку.

Что-то изменилось. Были внутри круга и критиковали окружающую окружность. И злились на ее неровности,

и старались их выровнять... Что-то изменилось. Стоим снаружи, каждый — поодаль, друг друга почти не видно, и круг этот вовсе и не круг, а черт знает что.

Ода кофейному ликеру

Кофейный ликер я однажды попробовал на дне рождения товарища. В десятом классе. Он поразил меня соединением душистого, поэтического, женского, прекрасного.

Потом началась такая сложная жизнь, что и не распутать. Время от времени я заходил в магазин за углом и брал домой бутылку водки или вина и всегда почему-то замечал: сверху на полке стояли пирамидкой бутылки кофейного ликера, темно-коричневые, с золотым названием наискосок. Но мне и в голову не приходило взять его. Все мои друзья и вообще все знали, что ликер — это пошлое, глицерин, отравка.

Но недавно я зашел в магазин, чтобы взять с собой чего-нибудь достойного моих знакомых, к которым я был приглашен в гости. Но оказалось, что ничего достойного моих знакомых в магазине не было. Были только бутылки кофейного ликера. Тогда я подумал: зачем я пойду к этим знакомым, где надо улыбаться в ответ на улыбки, а улыбаюсь я с трудом. И я решил не идти в гости, а взять бутылку кофейного ликера и вернуться домой. Стал пить мой кофейный ликер, и все запутанное начало распутываться, и стало вспоминаться хорошее. И жить становилось легче, несмотря на все плохое, что было в прошлом, и все тяжкое, что было в войну, и все запутанное, что сейчас.

Через несколько дней я снова зашел в магазин. И сразу увидел — на верхней полке не было коричневых бутылок с золотой надписью наискосок. Я пошел в другой магазин. Но там продавщица сказала, что она не помнит, когда кофейный ликер и был. Ни в одном магазине не было кофейного ликера. И никто не знал, будет ли он когда-нибудь.

А впрочем, пить осталось так недолго...

В школе, когда я учился, было принято время от времени собирать деньги на неимущих. И вот вдруг узнаю, что собирают деньги на ботинки неимущему мне. Тогда как семья, в которой я жил на правах родственника, была вполне обеспеченная. И было стыдно. Как будто собирают по недоразумению. Правда, ботинки были нужны.

Из-за унижительного положения в доме, я разнудывался в школе. Директор однажды пригласил отца моего товарища, спросил — как ему кажется, нормален ли я психически. Позже, в армии уже, до войны, приехавшую ко мне в воскресенье девушку (в Подольске еще, под Москвой) политрук спросил то же самое: как ей кажется, нормален ли я психически.

Но уже тогда жизнь изготовилась — занесла надо мной лапу. Об этом не надо. Только строчку Арсения Тарковского:

Жизнь моя, что я сделал с тобой!

Национальность, пятый пункт?

Когда наши танки вошли в Прагу, я был чех. Когда пролилась кровь в Вильнюсе, я был литовец. А кто я по любви к Достоевскому, Толстому, Чехову, Пастернаку, к городам, белым, с булыжными мостовыми...

В казарменной столовой, до войны еще, работала девушка неземной красоты. Я думал: за кого такая может выйти замуж? За генерала? После войны попал в Подольск, где была тогда наша казарма. Решил сходить, посмотреть на нее, постылую. Вижу: из проходной с тяжелой кошелкой выходит — кажется, она! Но опухлая, совсем пожилая, уставшая уже навсегда. Решился, спросил — глупое, а что умное придумаешь. Что-то вроде: «Как жизнь?» А она ответила деловито, грустно: «Жить надо...»

Когда начнутся мысли о том, что пора бы уже, — вспоминается это: жить надо...

В школе я знал, что Фрейд — это что-то неприличное. Потом оказалось, что Фрейд — это человек и даже как бы философ. Не вполне нормальный, что ли? Такая философия, по слухам, что несуразность просто бросается в глаза. Это я знал, когда его у нас даже не печатали. А теперь вышла его книга «Психология бессознательного». Раньше бы почитать ее лет на сорок!..

Рюккерт: «До чего нельзя долететь, до того надо дойти, хромая».

Еще в школьные годы я увидел два спектакля Мейерхольда. Оба очень мне не понравились. «Лес» Островского был нарочитым и претенциозным в сравнении со спектаклями Малого театра по тому же Островскому. Там спектакли исторгали слезы, а здесь — зачем-то качели, зеленые парики... А «Дама с камелиями» — холодный, пустынный, вообще непонятно ради чего. Читал некоторые выступления Мейерхольда в печати. Это были речи азартного, нетерпимого к инакомыслящим коммуниста. А молодые революционные массы и в то же время изошренные театралы были одержимо преданы ему.

Понял я это неинтересное и чуждое много лет спустя в работах другого режиссера — Юрия Любимова. Спектакль «Борис Годунов» по пьесе завершается словами: народ безмолвствует. В Театре на Таганке фольклорный ансамбль Покровского *поет безмолвие*. Это — сегодняшнее мейерхольдовское поднимает нас над тяжким, искаженным, проникающим в наши дома, в наши души.

Осташков, Великие Луки, Кострома, Минск, Прибалтика — родные места. Вот Франция (Эйфелева башня), Италия (неореализм), Норвегия (Кнут Гамсун), Испания (Дон-Кихот), Япония («Я вовсе не болен и спать мне не хочется тоже»), Зурбаган (А. Грин) — в вас побывать не довелось.

Ответственность перед народом. Ответственность перед прогрессивной интеллигенцией. Скольких погубила эта чрезмерная ответственность. Театр Шекспира «Глобус» работал, по нашим понятиям, безответственно. Срепетировал спектакль за две недели, актеров забросали гнилыми яблоками. Они расстроились, выпили. Стали репетировать другой спектакль, опять же за две недели. «Гамлет».

Году, примерно, в пятьдесят шестом мы получили наконец комнату, полуподвальную, семиметровую на троих. Окно выходило в темную подворотню.

Как-то мне позвонили из Союза писателей.

— Из Москвы приехал Назым Хикмет, хочет вас посетить. К вам высоко подниматься? У него большое сердце.

— Ко мне, — говорю, — спускаться.

Это был легендарный турецкий поэт-коммунист, бежавший из тюрьмы на лодке в Советский Союз.

Высокий, рыжий, красивый, войдя в комнату, он сказал:

— У меня в Турции камера была больше.

Когда мне удастся выпить, то вернувшись домой, я разговариваю с женой грустно, серьезно, обратясь в сторону. Но жена откуда-то *знает*. Тогда я стал разговаривать, не дыша. Но она откуда-то все равно знает. Что делать?

Когда, в начальные годы, я слушал в Парке культуры и отдыха армейский духовой оркестр, исполнявший увертюру к «Тангейзеру» или «Итальянское каприччио», мне представлялось, что я взбираюсь на что-то неприступное, бьюсь с чем-то неясным. Теперь, слушая по радио необыкновенный симфонический оркестр под управлением необыкновенного дирижера, — я представляю руки на клавишах, или смычки скрипок, или блеск труб — никуда не взбираюсь, ничто мне не противостоит. Только всего лишь...

Да ведь глупо мучиться уже! Как будто сто лет жить осталось!

Как будто сто лет жить осталось!

Это теперь заклинание такое. Иногда помогает.

Старший мой сын Володя перед отъездом в Америку так и не видел своего младшего сводного брата Алешу. Тот жил у своей мамы, которая умерла молодой. И вот, недавно, приезжает из Стэнфордского университета Володя (на какой-то научный симпозиум) и с ним жена Лена. И вот, эта жена Лена проводит с Алешей целые дни на кухне, я уж советую ей хотя бы походить по родному городу — она ни за что, — говорит, что ей с Алешей интересно. Володя же в свободное время начал заниматься с ним чем-то научным. Теперь Алеша с утра стоит у окна, ожидая его возвращения с симпозиума. Я сказал об этом Володе, он говорит: «Ого, это ответственно, надо подучиться». А потом я понял: они полюбили Алешу, им представлялся он как бы довольно взрослым сыном. И Алеша полюбил их. И они стали уговаривать нас, чтобы мы отпустили Алешу жить в Калифорнию, там он будет учиться и так далее. И мы решили, как многие сейчас решают, — главное, детей куда-то отправить. И вот он скоро должен поехать.

Когда Алешина мама умерла, ему было пять лет. Только через полгода я решился сказать ему об этом.

— Алеша, тебя не удивляет, что мы давно не видим маму?

Не помню, что он ответил, но оказалось, что давно уже догадался. Спросил:

— Мама была красивая?

— Да, — говорю.

— А ты не можешь жениться на молодой и красивой, чтобы она мне тоже понравилась?

Я обещал.

Почему думают, что смерть — это страшно? Потому что больше не будет радостей жизни, ее удовольствий? Нет, смерть страшна не этим, а наступающим безразличием

к радостям жизни и наступающим интересом к ее болям, ее лишениям и разочарованиям. Разумным, правильным разочарованиям во всем... Так смерть отнимает дни у жизни. Как будто ей мало — долгая жадная смерть отнимает у маленькой щедрой жизни.

Может ли разучившийся работать народ заново полюбить свой труд? Не знаю.

Чего потребуют от жизни разуверившиеся во всем молодые? Не знаю.

Олигархи, на которых вся надежда, — да ведь и они изуродованы временем, сколько среди них «чистых»? Не знаю.

Может ли возродиться сила, способная снова взять власть в свои стальные руки? Не знаю.

А не знаешь — и молчи.

Воспоминание. Год точно не помню, было это при Хрущеве, когда сажали за связь с иностранцами. Арестовали писателя Кирилла Косцинского. Меня вызвали в Большой дом свидетелем. Следователи в военном разговаривали со мной дружелюбно, давая понять, что они теперь не такие, как были раньше. Расспрашивали про разговор, который произошел в небольшой компании у Косцинского за столом, однако при американце. Я говорю, что ничего не помню. Тогда мне дают прочитать показания одного человека, который там присутствовал. И — слово в слово! Вот, думаю, память! Но я твержу, что выпил здорово и ничего не помню. В показаниях значилось, что моя жена, *выйдя на балкон*, обратилась к Косцинскому: «Кирюша, посмотри в окошечко, не кончилась ли советская власть?» Это цитата из пьесы Эрдмана «Мандат». Но дело в том, что у Кирилла балкона не было. Это кто-то приписал ремарку для большей достоверности, как делают плохие драматурги.

Потом выяснилось, что подслушивающее устройство было в люстре над обеденным столом.

На суде я отвечал: «Не было. Не помню. Не помню. Не было». Судья не сдержался: «Как же вы работаете, если

ничего не помните!» А я говорю, причем грустную чистую правду: «Мне очень трудно работать». На что тот рывкнул: «Пить меньше надо!»

Прежде получалось, что все живут, как и я. Послевоенное снятие углов.

И я не пил! Совсем! Даже в главные революционные праздники. Нет денег на это!.. И вдруг. На Новый год. Жена принесла мне *четвертинку*! Это ошеломило меня. Чуть не до слез.

Жалко телефон. С самого утра звонит и звонит в соседней квартире. Подолгу звонит. Только кончит — сразу начинает. А в квартире никого нет. И не будет, это уже ясно. А телефон не может понять. То ли не может, то ли не хочет, то ли ему так необходимо, что он все звонит и звонит. Только перестанет — сразу начинает снова. Как будто у него жизнь от этого зависит. И чем ему помочь — неизвестно. Когда хозяева вернутся, передать? А кто звонил-то? Да им и не объяснить, *как* звонил! И я-то, собственно, тоже уезжаю, так им не скажет никто. Да, а если мне будут звонить? А, ничего, позвонят — перестанут. *Так* мне звонить никто не будет. Некому.

Пастернак: «Для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок единственная родная стихия... Построения миров, переходные периоды — это их самоцель. Ничему другому они не учились, ничего не умеют. А знаете, откуда эта суета вечных приготовлений? От отсутствия определенных способностей, от неодаренности. Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нештучны!..»

Еще Пастернак: «Я с детства питал робкое благоговение перед женщиной, я на всю жизнь остался надломленным и ошеломленным ее красотой, ее местом в жизни, жалостью к ней и страхом перед ней. Я реалист, до тонкости

знающий землю, не потому что я по-донжуански и много развлекался с женщиною на земле, но потому что с детства убирал с земли камушки из-под ног на ее дороге».

Нынешняя молодежь умнее ли нас, когда мы были молодыми?

Да.

Будет ли она счастливей нас?

Не думаю.

Захожу на почту. И вдруг. За окошком сидит немолодая, подчеркиваю, женщина редкостной красоты и обаяния. Я бы описал, если бы на это не понадобилось много слов и эпитетов. И, кажется, с чувством юмора. Почему такое впечатление — тоже трудно объяснить и надо много слов. Я решил написать ей справку. И напечатал на машинке:

С п р а в к а

дана _____

(проставить фамилию, инициалы)

в том, что она очень красивая и обаятельная женщина, и, кажется, с чувством юмора.

*Союз Кинематографистов
Союз Писателей
Союз Театральных Деятелей*

Вручил ей справку, она засмеялась и сказала, что пошлет в Управление почт.

Наверное, после долгой армии и войны до сих пор многие, многие женщины кажутся красивыми.

Думаю, что Бог навсегда оставил Марию такой, какою она была, когда родила Иисуса. Не потому ли художники и изображали ее как идеал красоты своего века.

Летят с накатанной снежной горки — маленькие, еще меньше, совсем крохотные — разноцветные, на санках, на

попках, на животе... Ничего не понимают про нас, взрослых, про перестройку и так далее. А мы мало что понимаем про них — маленьких, еще меньше, совсем крохотных, они для нас инопланетяне.

Все глупое, что было некогда сделано, — пустяки, казалось, потом идут с тобой за руку всю жизнь, убивают, не убивая до конца.

Как часто наши пороки проистекают просто от недостатка ума.

И знаешь, что — плохие мысли, а все равно думаешь их.

В армии скучается по любимым. В тюрьме скучается по любимым. Как смертно скучается, тоскуется в унижении, в стыде, в беде по любимым.

Чтобы я не ходил в разливочную, жена стала выдавать мне норму дома. Но наливает она всегда в нижнюю часть рюмки, которая узкая, а не в верхнюю, где рюмка как раз расширяется.

Время от времени, вспомнив что-либо, я говорю себе горько, случается, на улице: «Не было этого! Не было этого!»

А это было.

Или: «Забыто!»

А это не забывается.

В начале тридцатых годов в институты не принимали детей интеллигентов. Мой старший двоюродный брат пять раз сдавал экзамены в какой-то химический институт, но его проваливали. Благодаря росту и общему облику его взял в свою студию замечательный режиссер Алексей Дикий.

В войну он стал руководителем театра Черноморского флота. В книге Константина Симонова «Разные дни войны»

есть упоминание о нем. «Вместе с ребятами из флотского театра мы пошли купаться. Художественный руководитель театра Лифшиц — большой, красивый, еще молодой парень, сидя на берегу, развивал мне свои идеи о синтетическом театре, с которыми он носился уже много лет. А идея заключалась в том, что публика должна активно участвовать в зрелище, действовать вместе с актерами и что вообще все это должно быть своего рода тонкой, умно подготовленной народной игрой...» Далее Симонов пишет, что, наткнувшись в дневнике на эту запись, он попробовал разыскать в морском архиве какие-либо сведения о нем. Оказалось, что в сорок третьем году брат погиб на десантном катере.

После войны один из актеров его театра вспоминал, что брат говорил: «Настоящий художник должен испытать страх смерти».

Смерть он испытал. Страх смерти? Не знаю. Стал бы он настоящим художником? Не знаю.

Мне надо было идти по делу. А на улице был ливень. Свояченица сказала: «Пусть возьмет зонт». А жена сказала: «Не надо, он его потеряет».

Приснился сон. Он (это я) был безалаберный, опустившийся. Его лицо было покрыто волосами. Они стояли в толпе рядом. Она накрепко привязала его волосы к своим. Он почувствовал это лишь тогда, когда они тронулись. Они катились на чем-то с горы, было весело. К вечеру она подарила ему ботинки, потому что он был бос. Она не знала, что когда-то у него было много друзей и много ботинок. Он и сам не заметил, как оказался бос. Но объяснить ей это уже не было времени. Ей пора было уходить (навсегда). Он вел ее среди многоэтажных кирпичных корпусов, заводских и жилых. Остатки грязного снега были освещены заревами заводских печей и очагов. Они так и назывались во сне — очаги. На мостовой валялся железный лом. Визжали женщины, горели огнями окна домов — это было одно общее пламя, которое сквозило отовсюду. Она была рада, что он

теперь в ботинках. Но она торопилась домой и не понимала, зачем он здесь ее водит. А он прижимал ее руку к груди и знал, что ее здесь уже нет...

Хотел сказать о еще неявной тогда перегородке между «народом» и интеллигенцией. Написал сценарий о девушке, воспитанной в детском доме. Поставить фильм по этому сценарию решил один из первых мастеров тогдашнего кино — Сергей Аполлинарьевич Герасимов. Он создал свою кинематографическую школу, воспитал многих известных актеров и режиссеров. Но непоколебимо приверженный тогдашним официальным установкам, он шел даже еще дальше. В одной из статей писал о том, что детей следует воспитывать не родителям, а государству. В то же время часами мог читать на память Гоголя, Тютчева, поэтов Серебряного века. Помнится, выступая с официальным докладом на съезде кинематографистов, он перешел вдруг на поэму Пастернака:

Придается все, лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят, и годы проходят, и тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн, прячьась в белую пряность акаций,
может, ты-то их, море, и сводишь и сводишь на нет.

Молодые деятели кино посмеивались: слегка сбрендил старик.

Первыми своими картинами Герасимов сдвинул наш кинематограф с тогдашней полосы замерзания. Его наивная одержимость в области политики была кстати начальству, и, пользуясь своим авторитетом, Герасимов публично вступался за гонимых — Киру Муратову, Эфроса, Любимова.

Твердость его убеждений вызывала у одних иронию, у других активную неприязнь. Но в том-то и дело, что он был искренен. Думаю, что и сейчас не отрекся бы от Сталина.

К сценарию претензий у него не было. Лишь два пожелания: первое — чтобы один из героев картины был не

рядовым интеллигентом, а серьезным ученым. Он объяснял это невинным желанием снять в фильме свою квартиру.

А второе пожелание — чтобы девушка ехала к своей, как она предполагала, матери не из Ленинграда в Томск, а из Свердловска в Москву. Потому что Сергей Аполлинарьевич в детстве жил в Свердловске и любит его. А сейчас живет в Москве. Ну и что, думаю, я-то пишу общечеловеческое, какая разница, откуда и куда она едет.

И вот картина снимается, и я вижу на экране один из эпизодов. Пораженный, спрашиваю Смоктуновского:

— Что это вы хихикаете как-то по-нэпмановски, и вообще играете человека неприятного?

— А мне Сергей Аполлинарьевич так сказал.

Я — с тем же вопросом к Герасимову.

— Сашечка, — отвечает, — давайте сверим концепции. Из таких вот и вырастают Сахаровы и Солженицины!

— Не из таких, — подумал я.

И тут понял смысл двух его пожеланий. Железная девочка, воспитанная государством, приезжает из рабочего Свердловска в загнивающую Москву. И этого крупного ученого с его смешными интеллигентскими терзаниями учит жить. Комсомолка-максималистка, она разметала многое, все, что, по ее мнению, не отвечает нормам жизни советских людей.

Когда картина была закончена, на художественном совете Сергей Аполлинарьевич в своем выступлении сказал:

— Вот, считается, что у нас нет классов. Классы есть. Рабочий класс и интеллигенция. Люди, которые всем недовольны. И если бы нас с Александром Моисеевичем спросили, за кого вы, за рабочий класс или за интеллигенцию, — тут он взглянул на меня и миролюбиво закончил, — мы бы сказали: «и за тех и за других».

Парадоксы...

Кинорежиссеры любили приглашать Евстигнеева на эпизодические роли ученых. Это было странно и, честно говоря, даже смешновато. За знаменитую лысину, что ли? По жизненному, так сказать, амплуа он был простонароден.

И в речи на актерском собрании «Современника», и в застолье застенчив и немногословен. Так, бормотнет что-либо своим знаменитым металлическим баском и замолкнет.

Благодаря этой его непритязательной простоте с ним было легко и просто каждому, в общении он был не умнее *никого*, особенно интеллигентных людей, которые говорили с причастными оборотами.

С ним было хорошо и естественно выпить. Приходил после съемок в Ленинграде, и мы садились за свои рюмашки, не вдаваясь в подробности искусства и политики. И все, между делом, становилось ясным, и про политику, и про искусство, и про жизнь вообще. Потом он ложился на тахту и мгновенно засыпал. Но просыпался вовремя, так, чтобы можно было поспеть к поезду. (Так же на съемках: явившись, он ложился на какую-нибудь скамью, задремывал и мгновенно просыпался для своего эпизода.)

Пожалуй, ничуть не менее, чем актерская работа, ему были необходимы друзья. В Москве была компания... Сколько в ней было проведено прекрасных ночей!

Перед ним, таким простым, который не умней никого, таксисты останавливали машины, швейцары распахивали двери. Его, такого простого, любили приглашать в гости. Попали мы как-то к случайным знакомым, поклонникам его труднообъяснимого дара. Едва вошли — увенчанный своей причудливой славой, артист немного увял. Он понял, что люди ждут от него чего-то необыкновенного, пусть и наивного, чтобы было потом о чем рассказывать. После короткой паузы с разных концов стола его стали обстреливать вопросами и, как в телепередаче «Что? Где? Когда?», ждать стремительного ответа. Но он, избегая разговора, склонил свою любимую народом голову над салатом. Тут же интеллигентные люди простили ему эту неразговорчивость за простоту гениального самородка. И повели огонь телевопросов на меня (о нем, конечно). Но и я не мастер в жанре блицинтервью. Выручил меня он. Не поднимая головы от маленького плацдарма в центре стола, начал подкладывать мне на тарелку салат, подливать в рюмку и, побрякивая баском, посоветовал:

— Прикроемся мужественной простотой.

От неловкости я не различал лиц за столом.

Он же:

— Погляди, на том углу стола в синей кофточке сидит. Ну, головастая, — все сечет!

А это — он все сек.

Дело в том, что, не стараясь быть остроумцем, он был наблюдателен и умен поразительно, но иначе, чем другие. Рассказывал мне как-то о спекулянтах, которых повидал в Одессе. Так точно, блистательно запечатлел типы тамошней мафиозной иерархии! Кто из них как относился к вышестоящим и к нижестоящим, и повадки каждого, и хитроумие каждого, у одного обаятельное, у другого наглос...

Нет, Евстигнееву по праву давали в фильмах роли ученых. Проницательных, ироничных интеллектуалов.

Олег Ефремов однажды показывал (он любил показывать) актерам, что надо сыграть в сцене. Репетировали «Чайку». И актеры, примеряя его показ к себе, постепенно выполняли все, вернее то, что требовалось.

Ефремов дал такой совет и Евстигнееву.

Но тот спросил:

— А может быть, так?

И показал вариант.

— Или так?

И — иначе.

— А если так?..

Не помнится, сколько было предложений, каждое из них казалось самым убедительным. Кажется, пять или шесть.

В спектакле «Голый король» он, слегка обвитый парадной королевской лентой по голому телу, стоял лицом к зрительному залу, долго, молча, минуту за минутой и нерешительно, стараясь сделать это как бы незаметно для зрителей, пробовал пальчиками почувствовать хотя бы складочку несуществующей одежды.

Он был актер с головы до пят.

Он был человек пронзительного ума.

Он умел любить друзей.

Он со снисходительным презрением относился к уродствам нашей жизни.

Он — был.

Понял слово *смирение*. Давно уже понял. Но то и дело забывается.

Как живут, как вспоминают свое прошлое хоккеисты, которые перестали играть, певцы, которые перестали петь, писатели, которые перестали писать? Не может быть, чтобы все они пребывали в психологической яме. Некоторые, наверное, до конца дней своих благодарны жизни, единственной.

Митинг на Дворцовой площади 8 апреля 1990 года. Тема — отказ от применения военной силы для решения гражданских и политических конфликтов к годовщине трагедии в Тбилиси и современному положению в Литве.

Плакаты на митинге:

«Руки прочь от Литвы!» (таких много).

«Отпустим Литву без контрибуций!»

«Воры в Кремле, танки в Литве?»

«Петербургцы! Не дадим захлопнуть литовскую форточку в Европу!»

«Прощай, империя!»

«Главное — выдержать испытание демократией!»

«Горбачев! Снова — тотальная ложь?»

«Отменить Ленинские субботники, как использование бесплатного труда!»

«Свободу братской Литве!»

3. Гердту

Правда почему-то потом торжествует.

Почему-то торжествует.

Почему-то потом.

Почему-то торжествует правда.

Правда, потом.

Людам она почему-то нужна.

Хотя бы потом.

Почему-то потом.

Но почему-то обязательно.

Евреи считали себя Богоизбранным народом. Судьба рассеяла их по странам мира.

Японцы были воинственны. Для самурая честь — выше жизни. Судьба обрушила на них атомную бомбу — Япония стала миролюбивым народом.

Россия долго была империей. Покоряла себе, правила другими народами. Теперь зовем опытных американцев: «Помогите нам...»

«Превращать минусы в плюсы». (*Из телефонного разговора.*)

О Хармсе долго молчали. Вспомнили уже Булгакова, Платонова, Бабеля, Олешу. Но вот маленький театр «Эрмитаж» прокричал и о нем. И это услышали. Это была одна из запоздалых побед справедливости.

...Три персонажа: Влюбленный, Девушка и Бестолковый дядя. Было бы довольно для смешного водевиля. А у Хармса они все трое еще и проглотили каким-то образом каждый по молотку. И в продолжение действия пытаются освободиться от них. Это как бы освобождение от наших собственных внутренних терзаний и комплексов.

...Актриса Полишук, так не подходящая своим ростом ко всем своим миниатюрным возлюбленным... А кто в жизни подходит другому полностью? Никто никому. А она и не замечает мелкости своих «предметов». Это такое трогательное, сегодняшнее. Никто никого по мерке для нас не создает. А как с тем, с тою, кто, казалось бы, не подходит нам?..

Поступки, совершенные в течение жизни:

Глупые и плохие.

Глупые, но не по моей воле — по моему безволию.

Глупые и нелепые, на беду только себе, и — на всю жизнь.

Я снова в гостях у детей. Пишу это в городе Остине. Это столица Техаса, но по американским масштабам — провин-

ция. Правда, со столичными зданиями в центре и гигантским университетом, где работают мои дети.

По ночам луна здесь повернута в другую сторону, нежели у нас. На автомобильные трассы осторожно выходят олени. Город на холмах и в окружении холмов. Дороги то покатые, то крутые, — округло вниз, спирально вверх. Двухэтажные особняки расположены ярусами, и каждый не похож на другой, и каждым можно любоваться подолгу.

В этой столице Техаса чувствуется провинциальное величие.

А дети — это:

Старшему сыну Володе уже сорок пять лет! Хотя обликом он забавно молод. Я никогда не видел персов. Но когда он, веселый иронист, становится серьезен, на память почему-то приходит что-то некогда читанное — поэтическое, персидское.

Младший сын — Алеша. Володе он сводный брат.

Вот он сидит, спиной ко мне, за компьютером. Золотистая в солнечном свете голова. Первый курс университета. Математика, программирование. (Это — от Володи.) Я его не видел уже два года, с тех пор, как Лена и Володя уговорили отпустить его к ним, в Америку. Здесь я узнал его заново. В ленинградской школе он был неустойчивосредним. Здесь входит в почетный список декана.

На свои расходы зарабатывает сам официантом одновременно с занятиями в университете.

Хорошо ли за два года Алеша овладел английским языком — не знаю. Кажется, хорошо, потому что говорит очень быстро. Правда, я тоже говорю быстро, но лишь одну фразу: «Ай донт спик инглиш» («Я не говорю по-английски»).

Третий член семьи — Лена. В доме она главная, так исторически сложилось. С тех пор еще, в годы отказа на выезд, когда они с Володей были безработными в Ленинграде. В это тяжкое время она много взяла на себя.

По первому впечатлению — хохотушка. Но оказывается, проникательно разбирается в людях, любого, как говорится,

счет. Притом натура волевая. И воля ее устремлена на хорошее. Едва узнав о трудностях в жизни знакомых или прибывших в город эмигрантов из России, находит способ помочь. Она преподает в университете русский язык. Как я понял, очень изобретательно.

Из всех супружеских союзов, какие мне известны, этот — Володи и Лены — лучший. Жена моя, вот бы нам вовремя научиться у них.

Ну как писать о них, скажите: Володя любит Лену, Лена любит Володю, оба любят свою работу. Алеша любит Володю и Лену, они полюбили его, этого могло бы и не случиться! Опускаю то, как они любят своих друзей, — тех, что остались в Ленинграде, тех, кто за ними следом поехал в Америку, и тех, кто — во Франции, Англии, Португалии, Испании, Италии — но об этом уже было... Изымаю страницу за страницей, где о взрослых детях моих уже сентиментально. О тех, кого мы любим, мы можем рассказать меньше всего.

Я — у детей, а жена в бедствующем Петербурге. И еще советует мне пожить в Техасе подольше, там, мол, погода солнечная...

Она говорит, что с тяжелыми мыслями надо бороться не выпивкой, а хорошими мыслями... Но если они появляются именно после того, как выпьешь? Как, например: «Все забудется, все уйдет в прошлое».

И вины мои.

Не забываются, не уходят.

Утро. Бегущий постук ботинок (Володя), бегущий шелк туфель (Лена), бегущее пошлепывание кроссовок (Алеша). Я — к ним, хоть проводить, — доброе утро — доброе утро — доброе утро. Володя — с шуточкой, Лена — с указанием, что мне достать из холодильника на ланч, Алеша — «привет, папочка» — и нет их. Работают они, по существу, с самого утра допоздна, сначала в университете, потом за полночь дома. Я остался один. Вынул из холодильника водки, выпил. Что делать, черные утренние мысли...

Взрослый внук Саша (он живет отдельно от родителей) как-то спросил у них: «Шурик (это я) в какой войне участвовал: в первой или во второй?»

Война была уже позади, а эйфория победы еще не угасла... Душа моя была безоблачно аполитична. А должно, должно было бы понять, что уже совершалось в стране. И многие понимали. И кто-то платил за это страшной ценой.

Когда мне было семнадцать лет, я, помнится, решил: проживу свою жизнь коротко, но — прекрасно. Как именно прекрасно — не задумывался. И покончить с жизнью, пока она не превратится в тусклую, взрослую...

Как радостно, трудно, праведно живут мои дети.

Скоро предстоит с ними проститься.

Володя будет так же сидеть здесь, за компьютером. Молча, долго, за полночь, совершать неведомое мне. Лена — за сочинениями своих студентов. Алеша будет жить отдельно. Где? Как?... Деревья будут так же шевелиться за окнами. Без меня, для них.

Еще одно слово понял — *искупление*. Все время пытаюсь что-то искупить — трудно.

Но другим-то хуже! Посмотри на эту женщину, едва ходит. А ведь была когда-то, это видно! Держится. Мол, пока еще ничего еще!

Посмотри на этого алкоголика. Его никто не любит, выгнала жена. Его сторонятся прохожие. А ему хоть бы с кем-нибудь поговорить по-человечески!

Посмотри на эту, согбенную, ей прожить бы хоть как-нибудь. Мать больна, лежит уже годы. Мужа нет, дочка недоразвитая. Нехватки, нехватки, на счету копейка. А ты!..

Помогает?
Не получается.

Обратно из Америки в Петербург летел с пересадкой в Нью-Йорке. Здесь, по договоренности с Володей, меня встретил сравнительно молодой человек по имени Ваня. Он подрабатывает тем, что встречает русских, которые не знают английского языка. В России он как политзаключенный отсидел пять лет в лагере с годом ссылки. И жена его сидела пять лет и была сослана в то же место, что и он.

— Вот там и познакомились?

— Мы поженились еще до лагеря, потому и ссылка у нас была общая.

А отец его отсидел десять лет. Сейчас он депутат Верховного Совета России, занимается правами человека.

Вот перед такими — стыдно.

Слабый холмик Матвеевского садика на Петроградской стороне. Если сесть на скамейку в этом садике, а еще не весна и снег сер и небо серо, возникает мысль:

«Жизнь проиграна».

Какое ясное апрельское солнце!.. Стою в очереди, изви- вающейся сначала в поперечный переулок, потом обратно на людную улицу. Очередь эта змеиная ухитряется во всех своих изгибах стоять затылками к яркому, весеннему уже, солнцу! А повернуться к нему — нельзя, я же часть этой оче- реди.

Счастливые мгновения жизни — как они мимолетны!

Сегодня женщина шла навстречу в просвете арки. И смотре- ла прямо на меня. Солнце светило с улицы, женщина была осенена округлым нимбом этой арки и отстранена от город- ской суеты. Беглого взгляда было достаточно, чтобы почувствовать, что она хороша собой. Она смотрела так,

словно мы знакомы. Она улыбалась. Но, улыбаясь, так и прошла мимо. Оказывается, она улыбалась не мне, а своим мыслям.

Усталые женщины, усталые девочки, глохнувшие на прядильных фабриках. Усталые девочки, усталые женщины в удушливых цехах «Красного Треугольника»... Я постарел. А вы в памяти моей все не стареете.

Единственная была у матери — стеснительная, скромная. По выходным дням ходила на лыжах, Новый год встречала с мамой и телевизором. А годы то шли, то попрыгивали, она уже преподавала в институте, уже и студентки ее повыходили замуж... Когда уезжала в дом отдыха, мать провожала ее до места, а когда пора было возвращаться, мать приезжала туда за ней. Она была единственная у матери — незрелая, незамужняя.

Полные собою, переполненные собою до краев! Деловые, предприимчивые, валютные, полезные стране люди. Они выхватили глазом то тебя, то меня и косвенно сравнивают с собой, и каждый по-своему наполняется, переполняется еще более. Совками называют они нас. Новыми русскими называем мы их. И вот, ходим между ними, подавленные их ценностью, необходимостью стране, переполненностью собою. И смешим их своими неудачами и своей несообразностью ни с чем.

Читатели о «Литературной газете» (ЛГ, июнь 1991).

«Авторов своих публикаций вы выбираете несерьезных. Старовойтову, Попова, Володина, Окуджаву, Собчака, Травкина, Афанасьева, — всех, кто сеет смуту по белу свету и призывает к развалу Союза и гражданской войне. Я на месте Горбачева их давно бы пересадила.

Покровская, Волгоград».

Оранжевой краской, крупно, на стене дома:

Я не люблю деньги.

Наверное, какой-нибудь мальчишка вывел кистью. Придет время — поймет, что был неправ. Но — какой хороший мальчишка!

Так вышло, что жизнь моя целиком уместилась в годы «печального приключения русской истории» (Шульгин). Впрочем, что я на это киваю. И сам-то я, сам, воспаленная дурость моя...

И вот, только это написал и задумался, что дальше — глянул в окошко — какое утро! И неслышно, плавно, чтобы не разбудить жену и свояченицу, пошел на кухню, к холодильнику. Там почти полная бутылка. Пока это есть — такое утро и такая бутылка — ведь можно жить! Ну кто возразит?

Один человек бился, старался долгие годы и создал, скажем, синюю кошку. Но тут все возмутились: как синяя кошка, зачем синяя кошка, кому это нужно! Но у этого человека был приятель, любящий последователь. Он подумал и сделал синюю собаку. Но так как к этой идее люди уже были немного подготовлены, то теперь это всем понравилось. Как это смело! Как это ново! Именно то, что давно всем необходимо! И синие собаки стали бегать по всем улицам.

Тем временем упомянутый человек снова вернулся к своим метаниям — сумел сделать фиолетовую лошадь. Ну, что тут началось! Его совсем затолкали, еще хуже, чем прежде. Добро бы еще синяя, это можно понять, но фиолетовая!.. Тогда его любящий последователь подумал и сделал фиолетовую корову. И все пришли в восторг, и превознесли его еще выше. За то, что он не остановился на достигнутом, но идет все дальше, открывает никому не ведомое. И фиолетовые коровы стали пастись на всех лугах.

Человек был уже совсем стар. И кто знает, суждено ли ему сделать в своей жизни что-нибудь еще? Ну, целого зеленого жирафа — не успеть. Так хоть зеленую ногу, бирюзовое копытце»...

Бог мой! Приведи меня к чему-нибудь. К успокоению? К новой жизни? К единению с людьми? К преодолению пороков, слабостей моих? К смерти?

Прошло совсем немного времени, не знаю, сколько в минутах, и Он дал мне успокоение — от стыда моего за себя. Без доводов, оправдывающих меня, без новых мыслей по этому поводу. И желание общаться с людьми...

В проповеди, которую услышал первой, стал ощутим масштаб Божественной Вселенной в сравнении с моими мучениями. Малозначительны они стали.

Разрушение Земли? А вместе, неотрывно — разрушение себя, того Я, которое глубоко внутри, которое задумано было, сотворено Богом. И забыто, замусорено нами. Имеем дело только с этим замусоренным собой.

Как огромен стал подарок судьбы — не думать хотя бы недолго о стыдном, скверном, грехах жизни моей. И не заметил этот подарок, просто вдруг снова вернулся к мыслям этим черным. Оказывается, был перерыв в них — подарок судьбы.

В древности поэтов называли певцами: они сами сочиняли стихи и мелодии, сами пели их и сами себе аккомпанировали. Но постепенно отпала необходимость личного исполнения, затем отпала мелодия, стали необязательны рифма и размер, а иной раз даже мысль — сама поэзия стала служить недостойным целям... Тогда она спохватилась и потребовала: воссоединяйте меня!

В нашей стране первым это сделал Окуджава.

Первый раз в жизни я увидел его среди нескольких московских поэтов, которые приехали в Ленинград на поэтический вечер. Это было, кажется, в конце 50-х годов. После вечера мы поехали в гостиницу «Октябрьская», выпили. Невысокий, смуглый молодой поэт с усиками взял гитару, поставил ногу на стул и запел.

По мере того, как он пел, у меня росло ощущение, что он был ниспослан нам откуда-то свыше. Слезы покатались по щекам... Катились и катились...

А на другой день — поэт еще был здесь, в Ленинграде — я снова пошел в «Октябрьскую», нашел того, кто пел. Оказалось, что его зовут Булат, а фамилия Окуджава. Я взмолился, чтобы он пришел в Дом кино, а я соберу хоть немного людей, киношников, чтобы послушали это необыкновенное. А Окуджава говорит: «Да у меня и песен-то всего семь-восемь». Но, смущаясь, согласился.

Дом кино тогда был еще маленький, на Невском. И собралось человек пятнадцать. И он спел свои восемь песен. Но его уговаривали еще раз спеть эти восемь песен. И он, все больше смущаясь, спел их во второй раз.

Вскоре директор более парадного Дворца искусств позвонил: «А кто такой этот Окуджава? Что-нибудь антисоветское?» Я говорю, что это не очень советское, но и не антисоветское, это выше того и другого. Его решили все же пригласить. Я позвонил ему в Москву, он был взволнован приглашением.

Зал был набит до предела. Многих я уговорил по телефону.

— А что, хороший голос? — спрашивали.

— Не в этом дело! — отвечал я.

— А что, хорошие стихи?

— Не в этом дело! — отвечал.

— Хорошо играет на гитаре?

— Не в этом дело!

И вот перед Дворцом искусств — толпа. Спрашивают: «Кто приехал?» — «Аджубей приехал!»

Когда я, как мог, его представлял, он робко стоял за занавесом. Тревожился, не скажу ли я, что он композитор.

(«Я знаю всего три аккорда на гитаре, я просто начинающий поэт».)

А через день начались оголтелые поношения в газетах. Первое поношение у нас, в Ленинграде. «За такими, как Окуджава, девушки не пойдут. Они пойдут за Софроновым и Грибачевым...»

В этих песнях звучала невероятная его душа. И тем самым он пронзал души многих и многих, — и нонконформистов, и коммунистов, мещан и поэтов, даже номенклатурных миллионеров. Да и теперь души некоторых «новых русских».

Чем пронзал? Болью своей души и в то же время — ощущением счастья единственной жизни, подаренной нам. Почти каждого в самой глубине души эти чувства нет-нет, а посещают. Своим существованием он объединил, сроднил друг с другом самых разных людей, то есть сделал то, чего никак не могут нынешние президенты.

До войны девушкам внушали девиз: «Берегите девичью честь». И они берегли. Во фронтовом госпитале, когда я дышал на ладан, медсестра спросила: «Сладкого, небось, так и не знал?» Не знал. Как многие городские мальчики.

У Булата в песнях женщины были прекрасны, совершенны, идеальны. Мне они представлялись в белом одеянии. «Ты появишься у двери, в чем-то белом, без причуд. В чем-то впрямь из тех материй, из которых хлопья шьют...» Это Пастернак. А у Булата — «Ваше величество женщина...»

Были у него тяжелые состояния, были. Звонил по телефону: «Шура (так меня звали в детстве, откуда он мог знать?), я к тебе приду? Только гитары у тебя нет?» Разлюбил петь!..

Но и тогда, на одном из его концертов, после песен его, я сказал тем, кто сидел в зале: «Какие у вас стали глаза. Носите их подольше!»

Годы, годы... Встречи в Москве, встречи в Ленинграде, но мне казалось, что это вся жизнь наша прошла рядом. Писать обо всем, что роднило нас, и трудно, и нескромно.

И вот половины моей души без него не стало. Как буду жить с оставшейся?

В последнее время он болел. Но совсем недавно позвонил: «Когда сможешь — приезжай. Я выздоравливаю. Снова

начинаю писать, хоть несколько строчек в день, о себе. Да и все мы, в конце концов, пишем о себе...»

Я приехал.

Он дал почитать небольшую новеллу о том, как он в какой-то маленькой стране стоял на улице, и вдруг мимо проезжает машина, в которой — королева этой страны. Он узнает ее по фотографиям. Королева оглянулась на него. Потом еще раз оглянулась. Булат написал ей письмо с вопросом, почему она на него оглядывалась. Она сразу же ответила: «Потому что вы не сняли шляпу».

Мы знаем, что есть две сверхдержавы: Россия и Америка. А не вернее было бы считать, что есть, скажем, одна сверхдержава, например, Швейцария. Люди там живут хорошо и ни с кем не воюют. Простите, это к слову.

А про шляпу — это юмор снова пробуждался у выздоравливающего Булата.

Светлым он ушел от нас, оставив многим частицу своего света.

19 июня 1997

Пять вечеров

После моей первой пьесы «Фабричная девчонка», обруганной и захваленной, пьеса «Пять вечеров» казалась мне незначительной и несоциальной. Но Товстоногов попросил показать ее. Сам Товстоногов! Мне было совестно, но на вторичную его просьбу — осмелился показать.

Однако Георгий Александрович принял ее и сказал, что будет ставить спектакль «с волшебством». А волшебство состояло вот в чем: о людях с «неустроенными судьбами» — такой появился обвинительный термин, о женском одиночестве — «одинокая женщина», и такое появилось начальственное обвинение, о многом, о чем тогда не принято было говорить со сцены, — Товстоногов решил рассказывать так подробно, чего вовсе не стоили эти жалкие персонажи, с такой интонацией, сочувствием... В наш адрес обрушилось и такое: «злобный лай из подворотни», «взгляд через замочную скважину», что «он (я) вбиваю клин между народом

и правительством...» (Фурцева). О таком в те времена не принято было говорить со сцены.

На застольных репетициях с Георгием Александровичем было мне, как и актерам — легко. Если ему что-нибудь нравилось, он гоготал. Сначала я думал, что в театре потому его и звали Гога.

Когда он вывел актеров на сцену, было еще лучше. Мне говорили, что обычно он сверялся с пьесами, — кто куда пошел, кто на что сел. И просил автора внести в пьесу поправки. А тут — он давал актерам указания, советы, предложения — опережая текст пьесы, да так точно! Потом лишь заглядывал в страницу и оказывалось — да, так и следовало по пьесе! Он даже взял на себя роль автора, сопровождающего действие. «Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов...»

И все же, когда на прогоне спектакля мне дали рулончик билетов для знакомых, перед входом в театр я, смущаясь, предупреждал: «Не стоит смотреть, это случайная, маленькая пьеса, не получилась...» Но кто мог уйти со спектакля Товстоногова!

Вот уже и близится время прощаться с моим театром двадцатого века.

Я полюбил его неистово еще в школьные предвоенные годы. Низкорослый желтенький домик на Таганской площади (филиал Малого театра — теперь театр на Таганке). Спектакль «Без вины виноватые». И горло стиснулось в ниточку, и слезы, слезы... Я еще раз прорвался на этот спектакль, и снова — слезы, и в третий раз — опять... Потом выяснилось, что есть МХАТ! «У врат царства» Ибсена, где заглавную роль играл Качалов! «Дни Турбиных»... Уже и Хмелева мы не увидим.

Тошно было видеть спектакли о войне. К примеру это: стук каблуков, кирзовых сапог по деревянным доскам сцены. А где — глина, снег, болота?..

Когда кончилась бесконечная война, я получеловеком вернулся «в гражданку». Двадцатый век перевалил на вторую свою половину. А театр? Впервые после войны

я ринулся в театр. Блестающие ярусы, очень хорошие артисты... а театра на сцене нет! Он был убит войной. Долгие годы он пытался ожить. Это сразу же пресекалось начальством. Олег Ефремов говорил мне:

«Если меня посадят, ты будешь носить мне передачи, если тебя посадят, я буду носить тебе передачи».

Но далее начались отдельные взрывы: театр Товстоногова, театр Любимова на Таганке, театр Эфроса. А теперь — это всем знакомо — Марк Захаров, Олег Янковский, Александр Абдулов — любимые мои. А в зале — «новые русские» с сотовыми телефонами.

Появились театрики и в подвалах — ростки двадцать первого века. Печальные или нет? Не известно.

Утренние эти рюмашки, возможно, все же сказываются отрицательно. Надо сосредоточиться, иначе вообще может получиться непонятное. Проверка. Записываю мысли в порядке поступления.

Народ привык к страху больше, нежели к другим чувствам. Скажем, во время съезда депутатов Верховного Совета (1989 г.), впервые совсем демократического, обнаружилось: что глава правительства побаивается Политбюро и вообще мощного партаппарата. Но кроме того оказалось, что что-то грозит и со стороны депутатов. Которые боятся мнения о себе своих избирателей. Которые боятся возобновления бесконтрольной власти упомянутого аппарата. Который боится порвать свою связь с... (коррупция). И все боятся разоблачений, которые могут зайти слишком далеко. Россия начала побаиваться присоединенных республик, то есть, как говорится, добровольно присоединившихся, которые, наоборот, боятся России, которая первая из равных. Тем более, что есть опасение, что сопротивление этих добровольных республик все усиливается и приводит уже вот к чему, я имею в виду Грузию, и Карабах, и Прибалтику и т. д. А теперь даже правительство поняло, что надо считаться даже со своим собственным народом, а то мало ли что, распоясался. Который в свою очередь боится никак непреодолимой бюрократии и бесконтрольной власти аппарата,

которому приходится опасаться возбужденных депутатов, которые боятся мнения о себе своих избирателей, которые боятся...

В воскресенье, катаясь на лыжах, я познакомился с молодой женщиной, лет около тридцати. Там же, на лыжне, выяснилось, что она простая, но в то же время самобытная; скромная, но в то же время начитанная; не эффектная, но в то же время привлекательная. Я спросил, хорошие ли у нее друзья. Она сказала, что очень, потому что она тщательно их отбирает. Тогда я пригласил ее заходить к нам вместе с друзьями. Она согласилась.

Как мало иной раз нужно человеку для хорошего настроения! Одна только возможность! Чего? Новых знакомых — неизвестных, может быть, странных, может быть, не похожих ни на кого из тех, кто был мне знаком до сих пор. А вдруг среди них затеряны и новые друзья? Цвет возможности, цвет надежды бел, как снег. В городе снега и в помине не было, я даже сомневался, можно ли кататься на лыжах, — а тут только снег и есть. Ели словно для того и стоят, чтобы держать на своих пагодных лапах голубой снег. Открылось озеро — словно для того, чтобы показать нам снег совсем иной, солнечный. Вот, солнечный снег — это, собственно, и есть основной цвет надежды.

В произведениях искусства, богатых смыслом, каждый находит свое. В спектаклях Някрошюса меня потрясает постоянная, то явная и мощная, то подспудная тема насилия и рабства. И насилие, и рабство у него разнообразны, как в жизни.

Рабство дяди Вани, Сони, Елены Андреевны, да и всех — перед вампироподобным Серебряковым в чеховском «Дяде Ване». Мучительно-горькая мелодия этого спектакля — хор рабов из оперы Верди.

В театральной повести «Квадрат» — рабство человека, сосланного в лагерь. Перед тем, кто подозрительно просвечивает его душу алым лучом таинственного рентгена,

и перед лагерным надзирателем, и перед сторожевыми столбами, которые пронзительно сигналият, едва их коснется заключенный.

Манкурты в спектакле по книге Чингиза Айтматова — рабы своих властителей. Беспамятные, они прежде всего забыли свою свободу.

Не это ли главная боль всех времен? Рабство человека перед человеком.

Произведения Някрошюса разворачиваются перед нами с колдовской постепенностью, словно «Болеро» Равеля. Затачивают нас в свою воронку поначалу замедленно, затем все стремительней, все испуганней. И вот, оказывается, это уже трагедия — то, что в театре всегда объединяло людей общим состраданием.

Однако это трагическое время от времени пересекается потешным гротеском, непредсказуемой игрой искусства. Но вот — уже иное: грусть, утешающая грусть вступает в свои права.

Мы разучились преклоняться перед сегодняшними художниками. Някрошюс воскресил в нас это чувство. И у актеров знаменитых российских театров, и у простых женщин Литвы, которые говорят: «Мы в этот театр ходим, как в храм. Только не мы перед ними исповедуемся, а они перед нами».

Слова. К которым всегда был небрежен. Не в словах, мол, дело... Деревья, пленумы, колхозники, вороны существовали отдельно, а слова, которыми все это можно было обрисовать, — отдельно.

Слово, теперь нужда в тебе. Защити меня от моей собственной глупости, от неопишуемых ошибок моих, от больной, каждое утро просыпающейся совести, от вин моих — настоящих, а не воображаемых — чтобы слово к слову, чтобы одно слово осеняло другое, стоящее рядом. Чтобы они вступились за меня — не перед другими, передо мною самим. Не получается. Небрежен был к словам. Вины мои, ошибки мои, глупости мои — отдельно, а слова, которые могли бы защитить меня от меня самого, — отдельно.

Очень воспитанный, очень интеллигентный. Очень прогрессивный. Но тоже очень глупый. Среди очень левых оказалось немало глупых. Только это теперь не сразу заметно.

Говорят: «Что у вас такое грустное лицо?» — и показывают рукой в окно: «Смотрите мол, как жизнь хороша!» Причем она действительно хороша! Для многих, почти для всех.

Бутылка стоит в холодильнике. А жена и свояченица следят, чтобы я не выпил рюмашку. Максималистки. Приходится ловить момент. Жена в соседней комнате, мимо открытой двери надо пройти, правда у нее на ушах стереонаушники. А свояченица пошла в ванную, правда еще неизвестно — умыться или принять душ. Если душ, то вода шумит, и я могу беспрепятственно. Но фиаско может произойти неожиданным образом. Например, жена снимет наушники, или свояченица выйдет из ванной. Вопрос: что делать? Когда же я изловчился, добрался до холодильника и достал бутылку, то в ней оказалась вода! Ровно столько, сколько прежде было водки.

Некогда, в самом начале перестройки, в редакции «Московских новостей» мне предложили написать «о чем хотите сами».

Говорю:

— Об империях и колониях.

Подразумевая, естественно, последнюю империю мира, то есть нашу. Члены редакции посмеялись, да я и сам понимал, что это было вроде шутки. И написал что-то другое. А через пару месяцев в этой же самой газете появилось словечко «имперское», а затем и «колонии». Уже и империи нет! А есть что-то не вполне понятное.

Если продавщица или приемщица чего-нибудь, или заведующая чем-нибудь, словом, человек, к которому я обра-

шаюсь по делу или с какой-нибудь просьбой, оказывается приветливым и добрым — каждый раз испытываю удивление. Зачем ему это! Ведь — не обязательно! Ведь кроме меня этого человека сейчас никто не видит!

Хитрая проза жизни может соблазнить лишь тем, что крадет у поэзии. Но, заблуждаясь и погибая (в который раз!), простодушная слепая поэзия то и дело одерживает победу и смотрит сверху на трезвую суетность жизни.

Человек начинает жить своей единственной жизнью, совершенно, как ему кажется, не похожей на жизнь его родственников и на жизнь всех людей прежних времен. А потом оказывается, что он живет в периферийном городке, работает инкассатором в городском банке, и жена его — не лучшая из лучших, как мечталось. Трудно примириться со своим нецентральным местом в этой огромной жизни.

В тридцатые годы герой романа Эренбурга Володя Сафонов, любивший математику и Пастернака, был странным, неполноценным, почти враждебным жизнерадостной комсомольской массе. «Изгой» — со стыдом и горечью называл он себя. Теперь таких, как Сафонов, уже немало.

С годами меняется многое. Обиды превращаются в вины. Говорят, это естественно, известно даже медицине. Но вины-то настоящие!

Перестал понимать: как жить? Что делать? Ради чего? Едва слышу, что кто-то все это знает и у него все в порядке, — скорей бегу спросить: почему у вас все в порядке? Как вы этого добились?.. Но у каждого свои причины, а мне ничего не помогает. А может быть уже пора опускаться? Но долго опускаться скучно. А может быть пора уже стать

мудрым? Так я — с удовольствием! Но в каком смысле? Что мне надо мудро понять? Как жить, что делать, ради чего? Но ведь именно этого я и не могу понять!

У каждого есть право на собственное несчастье.

Любому плохому движению души надо бы воспротивиться чем-либо противоположным. Скажем, нечаянно гордыне — смирение. Суевливости — покой.

Важно разъединить свой индивидуальный букет недостатков на главные и второстепенные.

«Судьба, равнодушная к преступлениям может карать за малейший промах», Борхес.

Видимо, Бог задумал человека таким, как все остальное, — вселенную с планетами и т. д. Которым должно существовать по Его законам. Но человека он создал **свободным**. Наделил его правом выносить решения, правом выбора. Пошел на сознательный риск.

Но — в войну, видел же Он эти раны, сквозные и проникающие, внутренности, раскиданные по снегу. Слышал же эти предсмертные стоны! Мы же, не боги, слышали! Ради чего же Он это допускал и терпел?

Христос эту муку на кресте испытал. Хотя, может быть предчувствовал, что даже Его казнь не сможет искупить неслетные изуверские пытки, сужденные людям.

Нет, что-то Высшее есть. Тут — кто во что верит. Я верю в Иисуса Христа.

Страх божий — понятен. Страх перед Христом нет. Он — родной!

Что-то я охмелел! Не надо об этом, не надо!

А скромность? Пресловутая эта скромность. Не зря говорят: унижение паче гордости. Сколько неудобств она

доставляет самому и скромному. Сколько очередей он выстоял понапрасну. А иные по скромности выстоял дважды! А скольким чуждым людям подчинялся просто из боязни их обидеть. Занимался их неинтересными занятиями, играл в их тоскливые игры, проводил с ними их пустынное время. Но — потом, потом — вот что главное, как скрывался от них, а они не понимали в чем дело, они уже успели полюбить его скромность и готовность на все.

А дома! Тут уж совсем. На улице ливень. А мне надо по делу. Свояченица говорит: «Шурик, возьми зонтик». А жена: «Не надо, он все равно его потеряет». Или: «Садись сюда. Не сюда, туда».

Написал крупно «дацзыбао» (китайск.). Повесил на кухне на стенку. Слегка переформулирую Пушкина: «Он в семье своей родной казался девочкой чужой».

И все же. Все-таки. Можно ли не быть скромным перед человеком, которого мы вознесли в своей душе? И перед Морем мы скромны. Перед деревенской девушкой на речке мы скромны. И перед собором, костелом, мечетью, церковью мы скромны.

Да что я, опять заговорился, —?.....!

Душа, однако, дожила до мира. Правда, захирела, стала почти невидимой глазу. Правда, мир получился не ослепительный, как ожидалось, а почему-то тусклый и опасный. Словно бы изнанка войны... Душу, словно бы по привычке, все топтали и поносили, и приустила она. Вот с этой, усталой, и живу.

Сначала она пылала. Потом попала в прокрустову армию, и там ее прочили. Она сделалась в точности похожей на все другие солдатские души — компактной, готовой в любой момент. И вот — первый момент.

В сороковом году наш полк, стоявший в Полоцке, был поднят по ночной тревоге. Куда-то ехали в грузовиках. Заняли боевой порядок перед границей какой-то страны. Указаны цели: дом со шпилем на башне, лесок с отдельной сосной. Но за час до назначенного срока объявили приказ огня не открывать, а перейти границу мирно. Так мы и сделали...

В конце шестидесятых примерно годов я написал пьесу о стране, где живут шестьдесят семь человек, она вымирает. Это чтобы были понятнее некоторые процессы, которые мне виделись в далеком, возможно, будущем, а может быть, ничего этого не произойдет. Олег Ефремов понес эту пьесу в Министерство культуры, но там, прочитав, сказали ему: «Вы нам этого не давали, мы этого не видели». Это по тем временам было еще благородно. В пьесе было про то, что у нас произошло сейчас и называется «перестройка». Однако там была и такая сцена, где все возвращается к прежнему. Я ее вычеркнул, и года два назад эту пьесу легко напечатали. Но теперь я бы эту сцену вернул.

Как хорошо начались, как хорошо взорвались эти новые годы! Но вот мощно поднялся гигантский партийно-административный Аппарат. Пустил свою гнилую кровь одновременно по всем каналам. Прилив сил ощутили сплетенные с ним Мафии. Рабочий Класс — работяги, которые давным-давно разучились, расхотели работать. А «котел народного гнева на грани взрыва». Проснулось молодое Поколение, ненавидящее это *все*. Вот и у нас пошли в ход резиновые дубинки, и не только они. А следующее Поколение? Но ведь его будет воспитывать нынешнее. Да, но *потом* придут новые. А не сметут ли они все? И в какую сторону? Неизвестно.

Свобода.

Это слово буду писать на отдельной строчке, потому что это важно.

Свобода

уехать туда, где тебя никто не знает.

От мстительных зловещих, которые таят.

Но и от любящих, которые проникают в душу, где неладно.

Свобода

от энергетических вампиров — полная несовместимость, — которые отнимают годы и годы жизни, которые толкают тебя

на необдуманные лихорадочные поступки, за которые потом расплата.

Свобода

от всех мнений, и оценок, и переоценок, и скидывания со счета.

Свобода

от правых, которым вчера было можно все, и от левых, которым можно почти все сегодня.

Свобода

от общества, в котором нельзя жить и быть свободным от него.

Не знал еще, что останусь несвободен от самого себя, глядящего себе в душу.

Мы, разумеется, уже не увидим, как наша страна станет не воровской, не бандитской, достойной. Генералы еще не отдадут свои особняки под казармы. Олигархи еще не отдадут свои особняки — бездомным. При нас власти еще не станут честны перед своим народом. Не увидим этого. Надо просить наших взрослых детей, чтоб рождали нам внуков, может быть, им суждено...

В семнадцать лет думалось: «Что же так годы и годы жить взрослой тоскливой жизнью?» Прочитал как-то в журнале «Звезда» как человек любит женщину. А он — сорокалетний! Наверное, опечатка. Смотрю в конце журнала список опечаток — этой нет. А он еще любит! А после сорока, когда шестьдесят? Чем они живут? О чем разговаривают? «Нет!» — думалось — «Прожить два месяца, но — всюю! (как «всю» — не уточнял) И — стоп! (из чего «хлоп» — тоже не задумывался)». А вот уже — восемьдесят! Ничего себе?

Нечто — высшее

Бог мой! Приведи меня к чему-нибудь. К успокоению? К новой жизни? К единению с людьми? К преодолению пороков, слабостей моих? К смерти?

Прошло совсем немного времени, сколько в минутах — и мне дано было успокоение. От стыда моего за себя. «Без доводов», оправдывающих меня, без новых мыслей по этому поводу. Так дано, непонятно за что.

В проповеди, которую когда-то услышал, первой стал ошутим масштаб Мироздания в сравнении с моими мучениями. Малозначительны они стали.

Раньше было принято спрашивать: из какой он семьи? Это сказывается на характере человека. Я из плохой семьи. Из бесправия, без любви к родителям, их и не было. Самоутверждаться надо было. Да и глупо к тому же, получают стыды одни из этих самоутверждений.

Приснилось: я пришел в театр на Таганке. Почему-то в солдатской шинели. (Это — после войны уже.) Началось уже нечто вроде спектакля. Здравуюсь с людьми (актерами?) сидящими на наклонном фанерном щите (спектакль такой условный). Первый не ответил на приветствие. И второй не ответил. И уже ясно мне, что никто не ответит. Я чем-то опозорен. Но здороваюсь и здороваюсь, зная, что я, — никто. Но вдруг один понял мое состояние. Он поднял меня с земли (фанеры) и обнял. А я ткнул головой в его грудь и зарыдал. Так, рыдая, и проснулся. И не понимаю, перед кем это я каялся? Перед чем-то высшим?..

Было в жизни разное. Вспоминается больше плохое.

Надорвался давным-давно. Полжизни уже дергаюсь, как лягушка под током. Уже и дергаться перестал.

Каждый раз, едва вспоминается дурацкий поступок — случайный казалось бы, просто не задумался, к чему он

ведет, — тут же говорю себе: «Это был я. То есть мне **свойственно** было так поступить, ничего не поделаешь...»

Но, если я и совершал что-нибудь нелепое, так только по глупости, **никогда — по злему умыслу.**

Всему придумывается хорошее толкование. Ненадолго. Придумалось, успокоило и исчезло.

Опуститься до конца, а потом выплыть? Получится ли?

Когда мы вступаем в отрицательные отношения с кем-либо, происходит обмен разрушительными энергиями. И мы выходим из этого более опустошенными, чем если бы досадовали в одиночку.

Мария

...В пьесе события происходят на третий день после казни Иисуса, когда свершилось его воскрешение. В Евангелии не упоминается о том, что было с Девой Марией в те дни. Но народы сами создали для себя образ Богоматери.

Ее неуверенность в себе. И отчаяние оттого, что Ей не по силам помочь людям, которые к Ней пришли. И робкая вера...

Какие страдания, наверное, испытывала Она, видя, как божественную мудрость сына люди растаскивают каждый в свой закуток.

А кто эти?

Неполноценные писатели, временно известные публицисты — вдруг ненадолго вспыхнувшие недостоверной

талантливостью? Неэрудированные, не по возрасту возбудимые, быстро устающие, а то и пьющие. Они просто не до конца убиты войной, они просто не до конца смяты временем и успели осветить вокруг себя лишь небольшое пространство.

Достоевский сказал...

Все говорят, что Достоевский сказал: «Красота спасет мир». Я думал, это он — в исступлении, в горячке. Но однажды я понял, что — нет.

В полевом госпитале подо Ржевом молодая женщина — хирург удаляла мне осколок из левого глаза. Но для общей анестезии чего-то почему-то не было. И молодая женщина, почти что смущаясь, сказала: «Вы кричите, стоните, это ничего, но вам будет легче».

И однако, я ни разу не застонал. Когда мука кончилась, она сказала: «Ну, вы феномен, даже не стонали!» Я кое-как пролепетал: «А я смотрел на ваши руки». У нее рукава халатика были закатаны до локтей. Ну, а дальше резиновые перчатки. Но — руки ее! Прекрасные, белые руки ее!..

Правда, она была наверно начинающая, и осколок все же остался. Я теперь вижу его в экране рентгена. Мы с ним подружились. Напоминает... И понимаю Достоевского. «Красота спасет мир!» Но — потом, потом, нескоро, нескоро... Может быть, никогда.

Рассказ

Отец моего школьного приятеля позвонил моему дяде, у которого я жил на хлебником, и спросил: «Он нормальный психически?»

Прошло много лет.

В казарму, которая находилась неподалеку от Москвы, приехала ко мне девушка (еще не жена), и старший

лейтенант у нее спросил: «Вот этот боец, ваш молодой человек, он нормальный психически?»

Почему он так спросил — долго объяснять.

Поэтому рассказ получился короткий.

Алтарь любви

Пьесы у меня к тому времени уже запрещали намертво. Олег Ефремов от театра «Современник» носил их в Московское управление культуры, но в ответ — «вы нам этого не показывали, мы этого не читали». Куда податься? В кино? А там — «Малюкартина»! Распоряжение Сталина: «Картин должно быть мало, но только хорошие». И картин стало мало, но только плохие.

Я думаю, может быть, детское что-либо? Я же учителем в деревне был. Так все же ходить по школам. Ну — учителя учат, ученики учатся... * Как вдруг — в одной школе на стенке объявление: «Красные следопыты! Ищем пионера, который был в первой пионерской организации нашего города!» И вдруг что-то зашевелилось внутри...

Девочка, в классе, может быть, пятом, влюблена в старшего пионервожатого. (Не точно — Любит!) И вот в сердечке ее (неверно — в Сердце!) воспламенилось желание возложить на алтарь своей любви первого пионера. И она отправилась по квартирам, по улицам, по городу — искать.

Но вот что главное! Не нашла!

Так я и написал. Грустно, но что делать? Жизнь грустна.

Однако, режиссер Александр Митта и Ролан Быков стали уговаривать меня, чтобы я все же дал Ролану финальный монолог. Вот тут я отказался наотрез. Дело в том, что некогда меня с позором исключили из пионеров. Под барабанный бой и сильные крики горна выдворили из лагеря. И что же: теперь — «Кто шагает дружно в ряд! Пионерский наш отряд!» «Будь готов! Всегда готов! Как Гагарин и Титов!»

* Учителя тогда еще получали зарплату, ученики еще не знали голодных обмороков.

Но Митта и Быков заперли меня в комнатке редактора Наташи Лозинской и сказали: «Пока не напишешь — не выпустим». И вот сижу и тошно мне. Стучу в дверь. «Я пить хочу!» Дали стакан газированной воды. И опять сижу и тошно мне. И опять стучу в дверь. «Я есть хочу!» Дали два бутерброда. Что делать, надо попытаться. И ведь допытался!

На торжественный пионерский сбор явились немолодые, но подлинные первые пионеры. А у любящей девочки ничего такого нет. Лишь отец ее дружка, по профессии трубач, но который по правде и пионером-то никогда не был. Хотя в детстве на него произвел впечатление какой-то эффектный горнист... И вот Ролан вдруг взбирается на сцену и произносит возбужденную сбивчивую речь. И подносит к губам школьный горн. И зазвучала мелодия (знаменитого саксафониста), не имеющая никакого отношения к пионерскому сбору. Мелодия о том, что творилось в сердечке (в Сердце!) девочки с ее невзрослой мечтой о несбыточном. Мелодия о незамечаемых нами мимолетностях жизни. Она слышна была и на школьном дворе, и на улице, и дальше, дальше...

Секунда!..

Запрещали сценарий. А Михаилу Ильичу Ромму он очень нравился. И вот он привел в Министерство кинематографии весь художественный совет отделения. Писателей, режиссеров, операторов, композитора, художника — человек 10. Естественно Элема Климова (не забываю тебя, дорогой мой), помню «Короля русской новеллы» тех времен Сергея Антонова, композитором предполагаемой картины был Шнитке.

Совещание вел Дымшиц (не помню как звать). Но в ходе разговора худсовет размазал его по стенке.

Тогда Дымшиц (не помню как звать) сказал: «Меня тут на пять минут вызывают (телефон действительно звякнул). Я тут же вернусь и подпишу разрешение».

Но — Ромм: «Так оно готово, мы его привезли. Вы только подпишите — секунда! — и идите — и мы свободны».

Но — Дымшиц: «Да я же на пять минут, вот вернусь и подпишу».

Но — Ромм: «Да это же — секунда — подписать! И вы тоже свободны. Все свободны».

Но — Дымшиц: «Вы что, мне не верите?»

Но — Ромм, укоризненное: «О чем вы, NN...» (забыл, как звать).

И — Дымшиц! Подписал! И мы с победой разошлись по домам.

А сценарий все же запретили. До следующего обсуждения.

Прощание с театром

Помню, вернулся в «гражданку» — скорей в театр! В какой угодно! И — ярусы, ярусы, ярусы, сколько их! И в первых рядах спекулянты с супругами, спекулянты с супругами, генералы с пепеже, генералы с пепеже — вот это я грешу, полевые жены были и прекрасные! И вот они — тянулись, тянулись к сцене! А генералы и спекулянты вальяжно откинувшись в креслах, оценивают: вот эта ничего. (И — соседу, шепотком: «А эту стал бы?..») А хорошие актеры — к партеру, к партеру! «Как вам?..»

1945

Но вот пришло время и прощаться с театром двадцатого века. Кажется, вчера еще прокатывались эти взрывы духовной жизни. Театр Товстоногова. «Современник». Эфрос. «Таганка» Любимова.

1999

Заклинание 1

«Всё уйдёт в прошлое» Твои глупые поступки, и твое чрезмерное возмущение по пустым поводам, и то, в чём ты не

был виноват, но другие подумали, что виноват. Всё уходит в прошлое. Сначала оно будет уменьшаться в размерах — всё меньше, все незначительней, а в конце концов исчезнет совсем, как будто и не было этого. И никто не будет помнить, как ты глупо себя вёл, как неуместно шумел, и то в чём ты не был виноват, а другие думали, что виноват — тоже забудется ими.

Для спора с морем бед и тягот
мой способ прост, как дважды два.
Когда как всё под землю лягу
и сверху вырастет трава,
когда, простившись с белым светом,
мой дух покинет шарик сей —
не то что это, вообще-то
как не бывало жизни всей!..
На людях — мордой об стол! То есть
покрыт позором и стыдом!..
Когда навеки успокоюсь,
я вспомню что-нибудь о том?
Вот этой мудрости учусь:
я буду помнить эту чушь?
Когда отсюда я уйду,
я вспомню эту ерунду?

Заклинание 2

А войну вспомни! Заелся!

Заклинание 3

Если ни один из лугов,
Ни один из лесов,
Ни один из прудов,
Если ни один из концертов
Для скрипки с оркестром
Или для рояля с оркестром,
Если ни одна женщина —

ЗАПИСКИ НЕТРЕЗВОГО ЧЕЛОВЕКА

Ее печальный взгляд
Ее весёлый взгляд
Ее случайный взгляд —
Не могут поднять меня
Над моей скудной жизнью, —
Значит, я другой и не стою!

ДЕРЗКОЕ ВЕЛИЧИЕ ЖИЗНИ

Рассказ о том, как мы с женой и сыном приехали жить в Ленинград и поселились в поселке Дибуны и знать не знали, что через две станции — море. А моря мы с женой и сыном не видели никогда в жизни. И никто не сказал нам, что море близко. Всем это было так известно, что и говорить-то было незачем. А мы хлопотливо жили трудной, скудной жизнью, продлевая временную прописку, потому что постоянной были недостойны. А через две станции — десять минут езды на электричке! — было Море! Там не видно другого берега? А на этом берегу — Лес! Сквозь который видится это Море! Как в книгах Майн Рида, когда путники выходят из джунглей и кричат: «Море!» Ни я не знал об этом, ни жена, ни сын. Если бы мы тогда и услышали случайный разговор об этом море, то не обратили бы и внимания...

Деревня стоит непосредственно на земле.

Воды земли омывают ее реками и речками.

Травы и деревья земли растут в ней непрерывно в самые страшные времена.

Небо смотрит так же пристально, как никогда не смотрит на города. Оно словно тщится искупить свою вину за неполадки в погоде.

Осень, зима, весна и лето значат здесь больше, чем в городе.

К переменам погод в деревне прислушиваются и приглядываются деловито, но вместе с тем незаметно принимают в душу вкрадчивую их прелесть.

Не считая военного времени, когда деревни — это просто часть войны из снега и гари.

Очевидно, чувство любви, которое может стать радостью существования, поначалу не отказывает себе в праве поиздеваться. Подурачит, поводит за нос, собьет с толку, заморочит, десять раз обманет, а потом уж — перед кем искупит свои забавы, а перед кем и нет. Так и проживут. И думают, что все в порядке.

Но вон идет девушка — золотоволосая, платье треплется по ветру, она трубит в трубу... А она просто пьет из бутылки молоко, идет из магазина. Ну и что, ведь могла же идти и прекрасная девушка с трубой. Это же случайность, что не прекрасная и не с трубой.

А вот на вокзальной скамейке — задумалась, печально склонила голову... Ну и что, ведь могла сидеть и тихая, печальная, склонив голову, и лицо было бы у нее не одутловатое после портвейна.

Дело в том, что жизнь поразительна. Например: земля — шар. Почему не куб? Буквально со всех сторон над нами устроено небо. Поразительно, что мы живем один раз. Почему не семь? Или — ни одного? Это было бы гораздо естественней.

От давних, античных времен до нас дошли только легенды, мифы. Возможно, тогда существовали и критические и даже соцреалистические течения в искусстве. Но только те произведения, в которых ощущалась поразительность жизни, дошли до нас.

Искусство по сути своей — вызов человека небытию, необжитой пустоте мироздания. В простейшей форме такой вызов — отчаянные, счастливые, хриплые песни-крики Эдит Пиаф, немолодой, неизлечимо больной женщины. Вахтангов незадолго перед смертью сидел на репетиции «Принцессы Турандот» и согнувшись от боли, кричал актерам: «Это — смешней! Это — смешней!..»

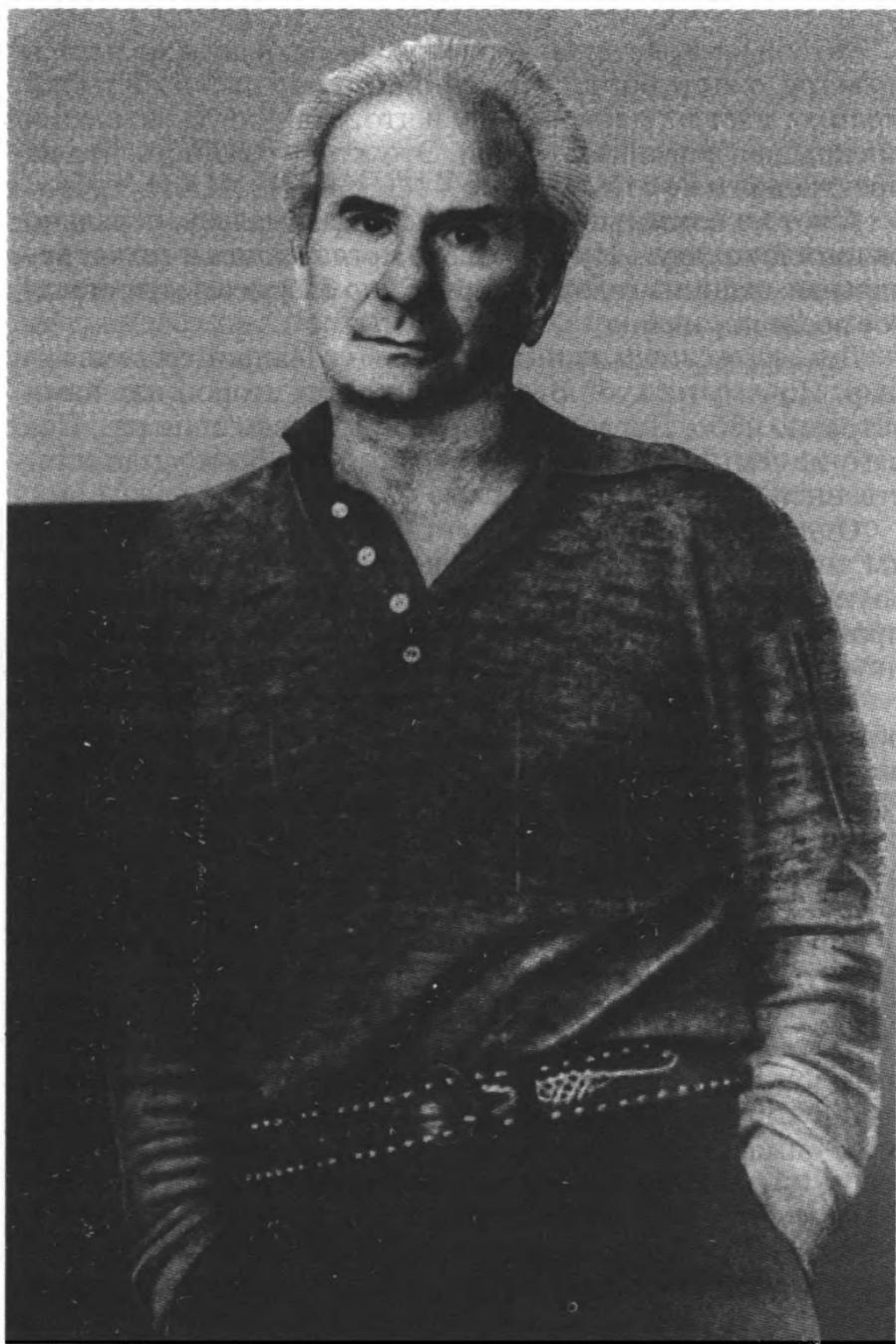
Другой жизни вместо этой не будет.

Другой жизни вместо этой не будет.

Другой жизни вместо этой не будет!

...Замечать, ловить все, что уже перестал замечать. Вспомнить дождь, каким он был в детстве, когда мир вокруг обрел другой облик! Музыку, кто какую любил в молодости. Кто — джаз, кто — рок, кто — Шопена. А молодые женщины... Думаете, что мы на них уже не смотрим? Смотрим! Пусть с печальным восхищением.

Выиграть хоть этот светлый день у оставшихся дней жизни! Выиграть эту бессонную ночь у оставшихся ночей жизни! Хотя бы хорошим воспоминанием, хотя бы покоем души.



Александр Володин

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

Стихи

* * *

Сначала тряся на подножке
от контролеров поездных,
потом проник в вагон, к окошку,
потом на мягкой полке дрых,

потом утратил осторожность,
не помню сам и как — отстал.
Один стою в пыли дорожной,
уходит медленный состав.

Вагонный разговор уехал
и маленький портфель идей,
а я стою как бы для смеха,
для развлечения людей,

которые глядят из окон.
Все едут мимо поезда...
Стою в сомнении жестоком,
что они едут не туда.

* * *

Неверие с надеждой то едины,
то трезвое неверье верх берет
и блик надежды угасает, стынет,
но так уже бывало. В прошлый год,
и в прежний век, и в те тысячелетья
надежды всё обманывали нас.
И вновь неверью нечем нам ответить,
и свет надежды все слабее светит,
слабее светит, как бы не погас...

* * *

Отпустите меня, отпустите,
рвы, овраги, глухая вода,
ссоры, склоки, суды, мордобитья, —
отпустите меня навсегда.

Акробатки на слабом канате,
речки, заводи, их берега,
на декорационном закате
нитевидные облака,
мини-шубки, и юбки, и платья,
не пускайте меня, не пускайте,
на земле подержите пока!

* * *

Необозримый залив полыхает снегами.
Он по-соседски в бескрайнее небо глядится.
Два выходных начались, чтобы длиться и длиться.
Лыжницы окольцевали себя рукавами
жарких своих свитеров и наги, как наяды.
Лишь раздевают безумные эти наряды.
Блещет лыжня, уводящая вдаль и навеки.
Встречная тоже уходит в безвестные дали.
Веки смежив, позабывши обиды, наветы,
лыжницы здесь отрясают земные печали...

Но говорят, будто это лишь два выходных и не боле.
Два выходных перед новой неделей, не боле.
Да и залив — это Финский залив и не боле.
Просто уставился в местное небо, не боле.
Что же до лыжниц — туда по лыжне и обратно.
Просто обратно по встречной лыжне и не боле.
Так говорят. И возможно, не боле. Вполне.
Я и поверил бы на слово. Если бы не —
небо! Так запросто смотрит на снежное поле!
Словно бы в зеркало так по-соседски глядится
будто и жизнь началась,
чтоб навеки продлиться...

* * *

А что природа делает без нас?
Кому тогда блистает снежный наст?
Кого пугает оголтелый гром?
Кого кромешно угнетает туча?
Зачем воде качать пустой паром
и падать для чего звезде падучей?
Ни для кого? На всякий случай?..
Вода бесплодно по березам льется,
глухой овраг слепой водой залит...
В надежде роща только обернется —
он тут как тут. Остолбенев стоит.
Ну, пусть сидит. Пьет водку и смеется.
И роща сразу примет должный вид.
Осмысленно замельтешились сосны,
и лопухи как никогда серьезны...
Вокруг него расположился космос,
над ним звезда падучая летит.

ПЛЕС

Здесь некогда я жил в гостинице,
еще счастливым был тогда.
Приехал с городом проститься,
другие минув города.

Здесь некогда, ведомый счастьем,
я на холмах набрел на ч а ш у,
иначе как назвать, не знаю, —
земная впадина средь чаши
простерлась, сдержанно блистая.

Травнистый кратер всей земли.
Господня, думалось, криница.
Березы наискось росли,
счастливые над ней склониться.

И мнится: рощу перейти —
и чаша тихо заблестит,
А вот ищу — и не найти.
И местные о ней не знают.

И каждый мудрой головой
покачивает: мол, едва ли.
Тут все известно, а такой,
как вы искали, не видали.

Нет чаши. Нет березок. Свет
не светится на дне криницы.
Душа могла и ошибиться,
и счастья не было. И нет.

* * *

Сначала были встречи.
Что ни день — то встреча.
С одним человеком,
с другим человеком...
Потом начались расставания.
С одним человеком —
ее обмотали шарфиком
и куда-то увели.
С другим человеком —
его, говорят, куда-то увезли.
Но вот уже ты сам себе хозяин.
Можешь ни с кем не расставаться.
А надо не надо — расстаешься.
Добро бы со знакомыми —
с друзьями!..
С любимыми!
Зачем расставаться с любимыми?
Ради других любимых?
С которыми тоже расставаться?
А с ними ради чего?
Ради того, чтобы наконец
расстаться со всеми вместе?

* * *

Таинственную, как ее узнать?..

Неведомую из соседней школы,
загадочную из другой квартиры,
и новогодних елок, и кружков,
и отставаний по другим предметам?

Теперь-то знаем мы, что бытие
по существу определяет все.
Мы знаем сослуживиц, их подруг,
соседа, родственниц, официанток.

Таинственную, как ее узнать?..

В какой-то степени всегда возможно
предположить, кто чем живет. Соседки,
как правило, похожи на соседа,
официантки — на официанток.

Загадочную, как ее узнать?..

Неведомую, из других забот,
других обид, привычек, удовольствий
и отставаний по другим предметам?..

* * *

У Сухаревой башни,
где Сухаревский рынок,
торгуют мамы наши
шнурками для ботинок.
В рабфаках наши братья.
Сияют горизонты.
Лишенки в длинных платьях
от солнца носят зонты.
В ячейках сестры наши,
багровые косынки.
Оранжевая башня,
надменный палец рынка...

Сестренки наши седы.
Состарили победы.
И братьев — треть от силы.
Победы покосили.
И пионеров больше
не дразнят хулиганы.
Туристы едут в Польшу,
артисты едут в Канны.
И Сухаревой башни
уже в помине нет.
Остался гром вчерашних
и нынешних побед.

* * *

Я — в Москве. Угнетен и рассеян,
по давнишней Мещанской бежал.
Вдруг — пахнуло... Листою осенней
погребенный, как жалок, как мал
Ботанический сад наш! В Грохольском
переулке размером в пятак.
Не припомню, за вход сюда — сколько?
Ну, а через забор — и за так.
Были девочки в темной аллее,
с книжкой каждая. Запах пруда.
Были лилии. Стоя, белели.
Было... После уроков — сюда.

У забора стою. Только запах
облетелой листвы. Где они,
эти девочки в светлых панاماх
на скамейках в подвижной тени?

* * *

Алисе Фрейндлих

Ты, музыка, так беспредметна —
нет бань, собак, древесных крон,
а лепет флейт и громы медных —
лишь звуки. Боль, удар и стон.

В тебе я не ищу порядка.
Восторг с печалью попадаю.
В тебе безмерно то, что кратко
и смутно жизнь шепнула нам.

* * *

Слушая Шопена

Тихо в доме, ах как тихо в доме,
за окошком снег, и он не слышен.
Медленный рояль роняет громы.
То пониже громы, то повыше.
То взбираюсь в черные высоты,
то внезапно рушусь в немоту...
И забыты все обиды, все заботы
в тихом доме, в тихом снеге на лету.

* * *

Слушая Скрябина

А капли сверк, сверк,
травинки мокнут...
Травинки вверх, вверх,
хотя б немного.

И горы вверх, вверх
еще немного,
там нет дорог, вех,
им одиноко.

И трубы вверх, вверх,
уже охрипли,
сзывают всех, всех,
вопят, как выпи!

А сердце вниз, вниз,
вот-вот устанешь,
вот-вот падешь ниц,
уже не встанешь...

* * *

Музыка — беседа с Богом.
Поначалу как могла —
визги дудки, рыки рога,
где не свет еще, а мгла.
Научилась понемногу
светлым громам, струнным звонам...
Разговаривает с Богом,
слушающим изумленно.

СОНАТА

— Попрошу вас, мне того салата
и, пожалуй, этого вина.

— Тишина! Товарищи, соната!
Митя исполняет нам сонату! —
Пианиста слушает жена.

Музыка между столами бродит,
неуместно так обнажена.
Вина, воды, фрукты, бутерброды...
Пианиста слушает жена.

Нет, кому нужна сейчас соната!
Ладно, ее дело сторона.
— Кстати, он сильнее играл когда-то. —
Пианиста слушает жена.

Листопад аплодисментов пылких.
Лишь одна не хлопает она.
Тосты, клики, вилки и бутылки...
Пианиста слушает жена.

ВОСПОМИНАНИЕ О СОРОКОВОМ ГОДЕ

Наш полк был поднят по тревоге.
Мы совершили марш-бросок.
Куда ночные шли дороги —
никто из нас и знать не мог.

На место прибыли к рассвету.
Рубеж заняли огневой.
Как в праздничные дни, котлеты
Раздали с кухни полевой.
Указаны орудьям цели.
Там враг неведомый засел.
Тут мы в готовности засели.
День поднимался, тих и бел.

Приказ начать артподготовку
полкам в одиннадцать ноль-ноль.
Отдельный дом с резным флагштоком,
лесок с отдельною сосной.

И ворошиловская лава,
царица славная полей,
покатит грозно, величаво
за шквалом наших батарей.

Но что такое? В десять тридцать
приказ: огня не открывать,
а мирно перейти границу
и без стрельбы, едрена мать!

И перешли ее без боя.
С оркестрами. Парадный строй.
Туда, где дом стоял с резьбою
и лес с отдельною сосной...

*Из газет мы узнали, что Эстония, Латвия и Литва
добровольно влились в единую семью советских республик.*

В ТАЛЛИНЕ

50-й год

Порабощенная страна.
Я не сановный, не чиновный,
но перед ней уже виновный,
хоть это не моя вина.

Наносят мелкие обиды.
Что делать, им стократ больней.
Терплю, не подавая вида,
за грех империи моей.

В ВИЛЬНЮСЕ

50-й год

Этот верующий город,
верующая страна.
Под пятой России гордой
распята. Не ты одна.
Так покайся перед ликом
Бога — он тебе родной —
и за грех страны великой,
у которой ты рабой.

ЕЩЕ О ВИЛЬНЮСЕ

Годовщина

Он сжег себя на площади центральной.
Всех оторвал от неотложных дел.
Мир онемел. Одною больше раной.
— Как сжег?!
— Да говорят, сгорел.
— С чего же он?
— Да говорят, что ради
свободы родины. Вообще, протест.
Милиции вокруг как на параде.
— Но говорят, что он был ненормальный?
— Он был нормальной всех нормальных нас!
Один нашелся. Времена туманны.
То факел правды на земле погас.

Сегодня годовщина. На кладбище
его могила. В этот день пусты
дорожки меж крестов. Кого-то ищут.
Милиции указаны посты.

Из-за оград летят, летят цветы.

* * *

Слегка воздевши пальцы пушек,
освободительные танки
по городам ее прошли.
Чехословакия послушна.
Чехословакии останки
лежат в пыли.

Взялись за новую работу.
Теперь в пыли Афганистан.
Тебе войска несут свободу.
Несут, несут — поныне там.

Как много в этом мире пыли!
Орудья танков бьют, как били.
По неизведанным дорогам,
приподнимая пальцы строго,
они еще гремя пройдут.
Свободы ждут и там и тут.

1982

ИЗ ДНЕВНИКА

Нас времена всё били, били,
и способы различны были.
Тридцатые. Парадный срам.
Тех посадили, тех забрили,
загнали в камеры казарм.

Потом война. Сороковые.
Убитые остались там,
а мы, пока еще живые,
все допиваем фронтовые
навек законные сто грамм.

Потом надежд наивных эра,
шестидесятые года.
Опять глупцы, как пионеры,
нельзя и вспомнить без стыда...

Все заново! На пепелище!
Все, что доселе было, — прах:
вожди, один другого чище,
хапуга тот, другой, что взыщешь,
едва держался на ногах...

1939-й, 40-й, 41-й...

*Тогда служили по три, четыре, пять лет,
не отпускали никого.*

*До предстоящей войны,
которая оказалась неожиданной.*

Казарма, красноармейская служба.

Мальчишки, виновные без вины.

Уставы, учения, чистка оружия.

Почетные лагерники страны.

Служили, служили, служили, служили...

Бессрочное рабство. Шинели — ливреи.

Несметная армия в мирное время.

Эпоха нежизни, года-миражи.

* * *

Нас матери на руки сдали
короткой победной войне.
Нам скорбно доверился Сталин.
Кому это нам? Это мне.

Как мины постыло скрежешут,
как женщины мучат во сне.
Нам век не хватать будет женщин.
Кому это нам? Это мне.

* * *

Всё еще, хотя и реже
снятся сны, где минный скрежет
и разрывов гарь и пыль.
Это — было, я там был.

Но откуда — про глухие
стены, где допросы, страх,
сапогом по морде, в пах?..
Я там не был! Но — другие...

* * *

Аккуратно, перед наступленьем
все по кружкам разливают водку.
Порошенный снегом суп глотают,
хлеб дожевывая на ходу.

Мы с Суroidиным сидим в сторонке.
Может быть, последний ломоть хлеба,
может быть, последний раз из фляги
водку разливаем пополам.

Выпили. Чтоб тот, кто уцелеет,
помнил этот день оглохший, белый
и домой вернулся и за друга
две хороших жизни пережил!

У него в спине была воронка.
Мелкая воронка, но насквозь.

1942

* * *

Снега незрячие. Слепые
дожди сшивают с небом землю.
Ее заносят тихой пылью
ветра, от года к году злее.

Несут тяжелые уроны
войска от танковых атак.
Убитых вороны хоронят
на безымянных высотах.

И кажется, быть пусту миру.
Народы мечутся в падучей.
На снос назначена квартира.
Другая где? Найдется лучше?

* * *

Станиславу Любшину

В траншейных профилях земли
мы пели. А над нами пели
снаряды. Плакали, скрипели
и подпевали, как могли.
Почти не помню песню ту.
Но были там слова такие:
«Не для меня сады цветут.
Не для меня придет весна
и песней жаворонок зальется,
и кто-то в роще отзовется
с восторгом чувств не для меня!»

И вот весна пришла. Не для
меня. И жаворонок залился.
А я напился и свалился
в канавы, травы и поля.

Никто, никто не помнит слов.
Кто помнил — тех уж нет на свете.

* * *

Виктору Мережко

На фронте была далеко идущая мечта:
если бы мне разрешили —
потом, потом,
когда кончится война,
когда совсем кончится
и все уже будет позади, —
тогда чтобы мне разрешили
хоть немного еще пожить
и просто оказаться Там
и просто увидеть...
И мне разрешили.

Не просто смотреть но
подниматься и опускаться
обижаться и не обижаться
забываться и не забываться
соглашаться и не соглашаться
напиваться и не напиваться
и еще тысячу всего
только на эту рифму
и еще сто тысяч на другие.

Стыдно быть несчастливым.

1946

* * *

А женщины,
самые, казалось бы, несовершеннолетние,
иногда говорят такие слова...
И так смешно шутят,
и так проникательно думают о нас —
чтобы нам было лучше,
чтобы нам было сладко —
с последней из всех — как с первой из всех.
И то и дело это им удается,
то тут, то там,
то так, то сяк,
а если не удастся —
они страдают молча.
А если говорят —
иногда говорят такие слова...

* * *

Девушки высокими ногами
возражают против моногамии.
Но, полуодетые по-летнему,
линиями семнадцатилетними,
вырезом, открытою спиной
мне напоминают об одной.
Гордые, недобрые и добрые,
вдумчиво колеблясь и маня,
лишь твои опасные подобию.
Все тобою мучают меня.

* * *

Ты осветила все, что было прежде,
задолго до тебя,
таким весенним,
таким широким светом!
И при свете,
как в позабытом школьном сочиненье,
рассеянно исправила ошибки:
уступчивость мою — на Доброту,
неправоту мою — на Правоту...
Погасишь свет — и станет так темно!
И все ошибки — на своих местах.

* * *

Женщины, нас под руку берущие,
если надо — понемногу врущие,
если надо — правду говорящие,
если надо — над землей парящие,
как бы неземные существа,
вниз, на нас, глядящие едва.
Как вы нас разумно утешаете,
как вы необходимо нас прощаете.
Полной средней школой недоученные,
вы во все вникаете так вдумчиво!
Собственной судьбою
озабоченные,
собственной бедою
замороженные,
нас как будто и не утешаете,
просто между делом потешаете —
беспечными словами,
усталыми руками,
дурашливым лицом,
соленым огурцом...

* * *

А некогда — одна из вас,
сама своей не зная силы,
неясным светом заслонясь,
нас обожанию учила.

Чтобы потом за нею следом
и вы, встречаясь на пути,
светили нам таким же светом,
как некогда она. Почти.

* * *

— Вы не скажете, как пройти к кинотеатру «Великан»? —
Она могла бы это спросить у любого другого встречного.
Она могла бы так улыбнуться любому другому встречному.
Она могла бы швырнуть все свои веснушки, ни одной не оставив про запас, в любого другого встречного.
Но она спросила у меня, и улыбнулась мне, и все свои веснушки, не жалея, швырнула мне.
Вы скажете: «Ну и что? Спросила, как пройти в кино». Но к а к спросила! И как улыбнулась! И как засыпала меня веснушками!
Она прекрасно знала, что делает. А я ответил, и смотрел ей вслед, и не посмел сказать «спасибо». Спасибо за то, что она спросила, спасибо за то, что она улыбнулась, вообще-то говоря, как первому встречному
Но встречным-то оказался я!
И она не взяла обратно свои слова.
Не взяла обратно свою улыбку.
Не взяла обратно ни одной веснушки!

МАССОВКА В КИНО

Какая вдруг осанка у статистики
и как умеет голову нести,
когда пылают огненные диски,
держа ее в серебряной горсти.

Домохозяйки, продавщицы — просто
усталая массовка у стены.
Как вспомнилась им эта плавность, поступь,
неспешность и державие спины?

— Эй, фрейлины! Быстрее! Сроки, сроки!
По лестнице! Под музыку! Наверх!..

Как просто это вспомнилось массовке,
как жалко, что забудется навек.

* * *

Наташе Гундаревой

Откуда снова этот свет
небес и шумный блеск дождей?
Откуда ветер? То есть — ветер?
И женщина, и тайна с ней?

Как долго прожил в темноте,
уединился ото всех!
Где были те дожди, и те
снега, и свет, и женский смех?

И вновь гроза! И снова я
овеян ею с головой!
Как ярки тучи надо мной!
Как ты безмерна, жизнь моя!

* * *

Я хочу работать!
Только когда я работаю,
мне хорошо.
Когда — с интересом,
когда — с обалдением,
когда после работы необходимо выпить,
поорать, поохотать,
поспать, проснуться
и опять работать!
Если я отдыхаю, мне не так хорошо,
как тогда, когда я работаю.
Хорошо отдыхать тогда,
когда повезло в работе.
А когда не везет в работе —
от чего, собственно, отдыхать?
Когда я люблю —
мне хочется между делом рассказать ей,
как мне повезло в работе.
А если мне не везет в работе —
я не спешу к ней,
я не бегу к ней.
Я волочусь к ней за утешеньем
в том, что мне не везет...

* * *

Недвижно пылают закаты.
Рассветы восходят сурово.
Готовы к убийствам солдаты,
и беженцы к бегству готовы.

Готовы супруги к разлуке,
готовы к беде властелины.
Тем временем полдень над лугом
склоняется, жаркий и длинный.

Готовы к обманам святоши
и к недоеданию дети.
Готовы могилы.

И все же
рассветы восходят и светят...

* * *

Она была давно замужняя,
давно кухонная, давно
усталая, давно ненужная,
с утра глядящая в окно —
как там с погодою, тепло ли,
что ей на улицу надеть...
Все в прошлом молодые роли,
пора скучать, пора сесть,
пора подлаживаться к мужу,
винить себя, прощать ему
и думать, что могло быть хуже,
и значит — что: быть по сему.
Зачем надеяться на тайны ей
там, где уныло и темно?
Зачем ловить слова случайные,
зачем с утра глядеть в окно?
Там улица, там рынок видится,
ларьки спиртного, туалет...
Нет тайн, нет рыцарей, нет витязей,
не время им, вот их и нет.
Зачем тогда искать ей большее,
чем видится на первый взгляд?
Зачем кухонное все горше ей?
Зачем мечтания парят?
Зачем предчувствия палят?..

* * *

По статистике, многие женщины
от усталости сходят с ума.
Не позором — базаром развенчаны
в сумасшедшие едут дома.

И живут на окраине города
в корпусах за глухими оградами,
некрасивые и негордые,
непричесанные, ненарядные.

Им мужья передачи приносят.
Детям врут, что они отдыхают.
Они больше не требуют — просят.
Они больше не плачут — вздыхают.

И мужчинам дают указания,
чтоб питались! И чтоб не терзались!
Осторожно по улице шли!
И чтоб нервы свои берегли!..

* * *

А девушки меж тем бегут,
пересекая свет и тьму.
Зачем бегут? Куда? К кому?
Им плохо тут? Неплохо тут.
На них бредущие в обиде.
Завидуют уставшие.
«Бегите, девушки, бегите!» —
кричат им сестры старшие...
Бегите же, пока бежится.
А не снесете головы —
хотя бы память сохранится,
как весело бежали вы...

* * *

В моей комнате людно,
в моей комнате тесно:
по одной программе — лютня,
по другой программе — песня,
а на радиоволне —
«Гаянэ»,
исполняет ансамбль
«Танец с саблями»...
Мне б хватило вполне
в этом доме одной.
Не позвать ее мне —
так обижена мной.
Не ответит на вызов,
она дома сидит,
и ее телевизор,
как меня, веселит.

* * *

Солдатской переписки строки.
Письмо в расчете на ответ
той незнакомой, той далекой
в подшивке полковых газет,
которая светло и странно
глядит с газетного листа.
Черты ее лица туманны —
всегда туманна красота.
Простые сведенья сначала:
работа. Братик. Мама. Дом.
Знакомство. Жалоба на жалость.
А чувства? Нет, они потом.
О том, чтобы соединиться,
пока и речи в письмах нет.
Там лучшая души частица,
и лучшая придет в ответ.
Живут и писем ожидают
двух почт счастливые рабы.
Уже меж строчек полыхают
тоска, предчувствие судьбы...

Сто лет прошло. Я получаю
смешное в сутолоке дня
письмо от женщины случайной,
совсем не знающей меня.

И вот сажусь за стол, как прежде.
Очки надел. Включаю свет.
В полукомической надежде
я, как солдат, пишу ответ...

* * *

День мокроватый, тихий, зимний.
Неспешно по делам шагаю.
Дела простые: магазины,
библиотека, мастерская,
бутылки сдать, зайти на рынок,
не позабыть томатный сок,
купить шнурки, подбить ботинок,
что там еще?.. Пожалуй, все.
По воскресеньям учрежденья
закрыты, справок не дают.
Выходит, побывал везде я,
а время два без трех минут.
А я как раз стою у дома,
где некогда, как говорится,
я был любим... А что, ввалиться
с авоськой прямо, по-простому?
Проверить, глазки так же сини?
Что с ней сейчас? Какая?..
Но...
— Вы что, не знаете? — спросили.
А я не знал.
— Давно?
— Давно.
А как вились вперед дороги,
щемящей верою маня,
что впереди такого много,
не угадать, что ждет меня,
что это все — пока, предвестье,
что буду я не раз любим...
Как хорошо нам было вместе,
обоим было, нам двоим!..

* * *

Во Франции неважные дела.
Продукты дорожают и вообще...
Но Франция вполголоса поет
под контрабас, ударник и рояль.

В Италии, глядишь, то наводнение,
то террористы, то землетрясение —
она поет, поет под мандолину
или гитару или просто так.

Америка в преступности увязла
и с неграми никак не разберется —
и те поют. И белые, и негры.
Приплясывая перед микрофоном,
блистая приглушенным саксофоном...

А нам и Бог велел. Поем народные.
Попсовые. Старинные. Походные.
Блатные. Философские. Победные.
Полезные. Безвредные. И вредные.

На щаре тесненьком
столпились мы,
друг другу песенки
поем из тьмы.

* * *

Над грустной землею Грузии,
над молчаливыми вершинами
столетья сумрачные, грузные
Союз довлеет нерушимый.

Молчат твои селенья горные
и города твои долинные,
таят сопротивление гордое,
хмельное, непреодолимое.

Мужчины — воины в загуле
и по сопротивленью братья.
Их не сломили, не согнули
России дружеской объятья.

И смуглые твои красавицы
из поколенья в поколение —
политика их не касается —
участвуют в сопротивлении.

На каждом доме с галереями
распяты на веревках платица.
От игр воинственных дуря, и дети
здесь сопротивляются.

Полотна Пиросмани. Чинные
крестьяне, кони и олени,
застолья длинные, кувшины винные
участвуют в сопротивлении.

Храм из туманного песчаника,
немеркнувшее семисвечие.
Сопротивление печальное,
сопротивление извечное.

И ты же вырастила гения
безверья, палача, раба.
Руси властительной отмщение.
Но кровью странное крещение,
твой сын, он начинал с тебя.

19 апреля 1982

* * *

Меня ошибочно любили
златые женщины твои.
Меня случайно не убили
враги твои — враги мои.

Долдонили, меня позоря,
твои начальственные лбы,
что выносить не надо сора,
пойми, мол, из чужой избы.

Друзей безмолвно провожаю
и осуждать их не берусь.
Страна моя, изба чужая,
а я с тобою остаюсь.

Твоих успехов череда —
не для меня, не для меня.
А для меня твоя война,
а для меня твоя беда.

1976

* * *

А легко ль переносить,
сдерживать себя, крепиться,
постепенно научиться
в непроглядном рабстве жить?
И навеки кротким стать,
чтоб не выйти из терпенья,
угасая постепенно,
и смиряться и прощать?
Мол, дотерпим до зимы...
Проползли ее метели.
Так до лета неужели
как-то не дотерпим мы?
А потом до той зимы...
А случится, и до лета,
ну, случится, до тюрьмы
(где-то в смысле шутки это).
И не то перетерпели!
Ведь не мы одни. Теперь
терпят все — и те и эти,
но доколе так терпеть и
сколько можно так терпеть!
Мол, дотерпим до зимы...
Проползли ее метели.
Так до лета неужели
как-то не дотерпим мы?..

1973

* * *

Время, ты незапятнано.
Поглощенные Летою,
оживают распятые,
исчезают воспетые.

Колокольные звоны
память пропили вечную —
вспоминаем казненных,
забываем увенчанных.

* * *

Солнечным сиянием пронизан,
ветром революции несом,
над землей парит социализм
с получеловеческим лицом.

*

Медленные приближались даты,
чтоб настать и промелькнуть тотчас.
Как мы ждали праздников когда-то!
Как они обманывали нас...

*

Ушел кровавый день вчерашний,
и этот сходит день на нет.
Жива еще планета наша.
Одна средь неживых планет.

* * *

Ушла поэзия. Укрылась
в тени гористой.
Совсем ушла. Сложила крылья,
как говорится.

Казалось, с ней не будет слада!
С ней — в путь тернистый.
Мечты, мечты, где ваша сладость?
как говорится.

Так запросто входила в дом,
садилась рядом!..
Живем неплохо, хлеб жуем,
как говорится.

* * *

Нашел никем не знятое место.
Стоять на нем назначила судьба.
О нашей жизни долетают вести,
забавные, летят ко мне сюда.

Телеанкеты и телевопросы.
Такие есть, что не найдешь ответ!
Вот: «Что такое счастье?»
Все непросто.
«Ты счастлив?»
«Да».
«А если честно?»
«Нет».

* * *

Открыться жизни! Распахнуть наружу
окно мое. Я сон души нарушу!
Как долго заперта была в глуши.
Распахнута душа моя, дыши!

Смотри во все глаза, что происходит
в открытом мире! Появился СПИД!
Кто едет, кто дорогу переходит.
Кто в семь проснулся, кто до часу спит!

Какие толпы населяют землю!
Какие дети на траве растут!
Как наш народ теледебатам внемлет!
Какие компроматы реют тут!

Какие перемены происходят!
То к лучшему, то к худшему они.
Какие громы в поднебесье бродят...
Проснулась ты, душа моя?
Усни.

1998

* * *

Одних обидел — знаю, виноват.
Тогда подумалось — и это минет.
Но те грехи нас догоняют ныне.
Забудешь — вспомнишь — снова тяготят.
Других задел без умысла, невольно.
Нечаянно, поверьте, не хотел.
Я просто шел, погодою довольный,
а вот — задел. Напрасно. Между дел.
Без этих мыслей не проходит дня.
Грехи мои, догнали вы меня.

* * *

Казалось, жалкой жизни не стерпеть:
тогда уж лучше кувыркнуться с кручи.
Казалось, если несвобода — лучше
совсем не жить. Тогда уж лучше смерть.

Но — самого себя смешной осколок —
живу, бреду, скудея по пути.
Я знать не знал тогда вначале, сколько
смогу, приноровясь, перенести.

* * *

Он был веселый человек
и любил все веселое:
веселую музыку —
и сам что-то свиристел на чем-то,
веселые пляски,
когда веселые девушки
что-то одинаковое ножками,
и одинаковое ручками,
и забавное золотыми головками.
Он любил хорошую погоду,
когда все светится, даже то,
чему, казалось, никак не положено.
Его специально звали в гости,
чтобы он там всех веселил.
Но время шло...
Собирались по-прежнему компании,
но уже не такие молодые,
и многим уже не до веселья,
а он все веселится!
Наконец, это веселье
стало просто подозрительным
(серьезное время, никому не до веселья),
и его — трах! —

в психиатрическую больницу.

Вот тут он оказался на месте:
врачи его любили,
и сиделки любили,
и больные любили,
и все, как один, жалели,
когда он — бац! — об стенку головой.

* * *

Беззвучно пролетают мимо
немые дни. Недели-мимы.

— Задумайся! — мне намекают
и молча мимо пролетают.

Нищаю, чувствую — нищаю.
Но по привычке обещаю:

задумаюсь, придет пора...
А та пора прошла вчера.

* * *

Надо следить за своим лицом,
чтоб никто не застал врасплох,
чтоб не понял никто, как плох,
чтоб никто не узнал о том.
Стыдно с таким лицом весной.
Грешно, когда небеса сини,
белые ночи стоят стеной —
белые ночи, черные дни.
Скошенное — виноват!
Мрачное — не уследил!
Я бы другое взял напрокат,
я не снимая его б носил,
я никогда не смотрел бы вниз,
скинул бы переживаний груз.
Вы оптимисты? И я оптимист.
Вы веселитесь? И я веселюсь.

* * *

Олегу Ефремову

Как безупречна гибель в блеске сцены!
Порок кляня. И шпагою звеня.
Но в жизни
смерть постигли перемены.
Сначала речь покинула меня.

Порок бушует, как, едрена мать,
и прежде бесновался в мире этом.
А я замолк. Не пользуюсь моментом,
хотя по роли требуется мат.

Стою без слов. Не досказав. Немой.
Не уползти, не скрыться за кулисы.
Текст расхватили подставные лица,
хотя, признаться, не ахти какой.

А правда ныне смело вопиет
и требует снести и переставить
и срочно непонятное исправить.
Разверст ее кровотокающий рот.

И вот — вперед. Ликуя и трубя.
Такое время. Полоса такая.
Забыл слова. Смолкаю. Отвыкаю.
Сначала отвыкаю от себя.

80-е годы

* * *

А есть собаки.
Они не умеют читать,
ничего не читали, ни одной строчки!
Ни разу по этому поводу
у них не колотилось сердце,
не подступал комок к горлу,
они ни разу не хохотали,
не перечитывали вслух своим знакомым.

А есть коровы,
только и знают, что жуют свою жвачку,
ничего не делают своими руками.
Не смогли бы, даже если бы захотели!
Пустяковый подарочек теленку —
и то не в силах.
Не говоря уже о работе ума:
что-нибудь сочинить,
сделать мало-мальски серьезное открытие
на пользу таким же коровам, как они,
и взволноваться этим, и вскричать:
«Черт побери!»
Ничего для них не существует.

Да что там, есть улитки!
Им за всю свою жизнь
суждено увидеть метр земли максимум...
Просто видеть!
Просто смотреть, что происходит,
когда совсем, совсем кончилась война.
Нет, если бы мне разрешили одно только это —
я бы и тогда сказал: стыдно быть несчастливым.
И каждый раз, когда я несчастлив,
я твержу себе это:
стыдно быть несчастливым!

1946

* * *

Маленькие мысли,
оставьте меня!
Да что это такое,
сгиньте, брысь!
Да я и не думаю об этом!
Я думаю вон о той женщине,
которая пошла через дорогу.
Какое счастье, что такие
существуют на свете...
Что, опять?
Да я с ума сошел!
Да я и не думаю об этом!
Я думаю о море весной,
о грохочущем, светло-зеленом...

Сгиньте, брысь!

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

В прошлое уходят города.
Переулками струятся годы,
словно зеленеющие воды
тихо пропускают невода.

Белые дворянские дома,
желтые торговые лабазы,
местные и царские указы,
Шеллера-Михайлова тома.

Тридцать гимназисток-выпускниц
процветают на музейном фото.
Браки, роды, длинные заботы,
списки богаделен и больниц.

В прошлое ушли ночные споры
древней дооктябрьской поры.
Одиноки серые заборы,
хмуры крыши, и грустны дворы.

В САН-ХОСЕ

У девушки на майке «хай».
То есть «привет». А на спине —
«бай», что по-нашему «прощай».
Прошла, на миг став другом мне.

А в супермаркете раскрыты
«зонты для пенья под дождем».
Забыты вдруг заботы быта,
и не страшит небесный гром.

Самоучитель по улыбкам
нам надобен, страна моя.
Пособие, как в мире зыбком
сразиться с грустью бытия.

СЛУЧАЙ

Держал в руках себя, терпел,
ни слова, что ты!
Покамест не осатанел,
учтивость к черту.
Поверь, пока хватало сил,
был деликатным.
Но вот сорвался и покрыл
начальство матом.
И вмиг — начальства нет на свете!
Не существует!
Свободы эфемерный ветер,
ликуя, дует.

* * *

Погода, плохая погода,
неуравновешенный век.
Мы вниз опускались полгода,
а где же полгода, чтоб вверх?

Запросы покорно понизив,
согласны на осень, на снег...
На разные беды — полжизни.
А где же полжизни на смех?

* * *

После бума, и грома,
и ночных неприличий
с отдаленного дома
слышу песенку птичью.

Свищет скромно и звонко,
нет ни стажа, ни сана.
Голос птицы-ребенка,
отдохнувшего за ночь.

Она свищет, как дышит,
словно вот родилась.
Между небом и крышей
телеграфная связь.

* * *

Я побежден самим собой.
Устал. И небо угасает.
Пора уже, пора...

Постой

Вгляделся вдаль — а там светает.

Свой крест все тяжелей нести.
А память свод грехов листает.
Жизнь прожита, почти...

Почти

Вперед вгляжусь — а там светает.

Прошли и высохли дожди,
снег падает и снова тает.
Казалось, темень впереди.
Но вот вгляжусь — а там светает!

* * *

Укорочен лозунг французской революции.
Равенство без свободы и братства.
За одно равенство стоило ли драться?
Равенство напившихся в том, что напьются?
Равенство хитрых и ушлых — ушлым?
Равенство глупых с дураками?
Равенство продавшихся — продавшим души?
Равенство рабов в душе — с рабами?
Равенства не надо. Это лишнее.
Умные, дорожите неравенством с глупцами.
Честные, гордитесь неравенством с подлецами.
Сливы, цените неравенство с вишнями!
Города должны быть непохожи, как люди.
Люди непохожи, как города.
Свобода и братство. Равенства не будет.
Никто. Никому. Не равен. Никогда.

* * *

К черту подробности жизни! Детали!
Когда выпивали, вы не взлетали?
Над скрупулезьем недели, над бытом,
которым, сознаться, почти что добыты,
в котором тонули, сосредоточась
на униженьях и почестях, то есть
на тех же подробностях и деталях?..
Когда выпивали, вы не взлетали?
Жизнь не теряла вялость и прелость?
Вам не легчало? Вам не летелось?
И нет уже больше рангов и кланов,
и жизнь обретает другие мерки.
В размытом виде светится главное,
а второстепенное меркнет...

ХОББИ

Сереее Юрсому

Давно уже известно,
что у каждого должно быть хобби,
какое-нибудь увлечение помимо профессии.
На Западе — там у всех моих знакомых
было по своему хобби.
И я стал скорей искать,
какое бы хобби завести мне.
В первую очередь пришла в голову,
разумеется, фотография.
Можно снимать
направо и налево,
прямо на улице,
детей и женщин,
которых больше никогда не увидишь.
А так они у тебя останутся.
Но это хобби у меня не получилось.
А почему не получилось — непонятно.
Тогда я придумал другое хобби:
путешествовать автостопом.
Поднял руку, остановил машину
и поехал куда глаза глядят.
Но и это хобби не получилось,
никуда не поехал.
Пожалуй, потому, что это неудобно —
ни с того ни с сего останавливать машину.
Мало ли, а может, ему неохота.
Так я придумывал хобби
одно другого интересней,
но ни одного не получилось.
А потом я понял — почему.
Потому что у меня уже было хобби!
Вот так, тихо и незаметно было.
Не лучше, чем у других, и не хуже.

Александр Володин

Оно появилось само по себе
и довольно уже давно, это хобби.
Тогда и названья такого еще не было,
и ни у кого, кроме меня, еще не было хобби,
а у меня уже было!
Это хобби — с кем-нибудь выпить.
Лучше всего с незнакомыми людьми:
не родственники, не начальники,
не подчиненные —
просто повстречались несколько человек
на одном и том же земном шаре.

* * *

А новое так отрицает старое!
Так беспощадно отрицает старое,
как будто даже не подозревает,
что, не успев заметить, станет старым.
Оно стареет на глазах! Уже
короче юбки. Вот уже длиннее!
Вожди моложе. Вот уже старее!
Добрее нравы. Вот уже подлее!
А новое так отрицает старое,
так беспощадно отрицает старое,
как будто даже не подозревает...

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

Как грустно посторонним быть,
чужим на празднике жестоком.
Пить с ними, их уже любить,
им улыбаться ненароком...

Но вот — и я в кругу любимых,
и спущены все тормоза.

Вдруг
оживленные глаза,
глядящие как будто мимо.

Тут одного обносят чашей
или рюмашкой небольшой.
Тут — посторонний, тут чужой
на празднике жестоком нашем.

* * *

А что с той девушкой, которая
на вечере так пела, вторя,
но, тихо скрывшись в коридоре,
ушла с веселья раньше срока,
так одинока?

А что с тем стариком, который
сидит в пустой уже конторе,
а перед ним зеленый термос
рассеянной рукой открыт, —
так на душе, наверно, скверно...
Чем растревожен? Чем убит?

А что с тем мальчиком, что плакал
и злобно тыкал в землю палкой?
Он был так жалко одинок
среди шагавших ног...

* * *

Когда они расставались,
он любил пошутить.
Так, что-нибудь,
что придет в голову.
Просто от удовольствия,
что все было хорошо
и вовремя кончилось,
и пора разъезжаться.
А она — то ли глупая была,
то ли обидчивая не в меру —
ехала в метро домой
и плакала пять станций подряд.
Она боялась, что он подумает,
будто она без чувства юмора.
А он как раз больше всего
ценил в человеке чувство юмора.

* * *

Девушка не спит, не спит, не спит,
полюбила злого чудака.
Неудачник, люмпен, эрудит
и, возможно, тронутый слегка.
Он читает старые стихи,
о самоубийстве говорит,
у него глаза тихи, тихи,
он немолод и небрит, небрит.
Некогда любовь его сожгла,
у него в груди зола, зола,
под глазами у него круги,
за спиною у него враги.
Девушка в тоске, в беде, в бреду,
полюбила на свою беду
не за то, что тенор или бас,
а за то, что непохож на нас...

СУДЬБА

Рассеянно меня топтала,
без злости, просто между делом.
Рукой махнула, перестала,
а растоптать и не успела.

Потом слегка посовестилась
и вяло оказала милость:
подкинула с небесной кручи
удачи и благополучья.

А под конец, зевнув устало,
вдруг закруглилась, как сумела, —
несчастьями не доконала,
счастливым сделать не успела.

* * *

Простите, простите, простите меня!
И я вас прощаю, и я вас прощаю.
Я зла не держу, это вам обещаю.
Но только вы тоже простите меня!

Забудьте, забудьте, забудьте меня!
И я вас забуду, и я вас забуду.
Я вам обещаю, вас помнить не буду,
но только вы тоже забудьте меня!

Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю,
но я на другой проживаю. Привет!

* * *

Говорят, Бога нет.
А есть законы физики
и законы химии
и закон Исторического материализма.
Раньше, когда я был здоров,
Бог мне и не нужен был.
А законы физики
и законы химии
и закон Исторического материализма
объясняли мне все
и насыщали верой
в порядок мироздания
и в самого себя.
(Когда я был здоров.)
Но теперь, когда душа моя больна,
ей не помогают законы физики,
ей не помогают законы химии
и закон Исторического материализма.
Пускай не Бог,
а хотя бы что-то Высшее,
я бы сказал Ему: — Я болен. —
И Оно бы ответило мне:
— Это верно.
Ты болен... —
Вот беда какая.

* * *

Эту книгу как-то, помню,
я читал уже, листалось.
Что-то там снега, погоня,
а к концу скучнее, старость.

Перечитываю заново,
никуда не тороплюсь:
снег идет, дорога санная,
снегопад, волненье, грусть,

перелески, косогоры
открываются, маня...
Ну, а старость — это скоро,
это, кажется, моя.

1983

* * *

Музыка жизни смолкающая.
Трубы и флейты тихи.
Я существую пока еще
и сочиняю стихи.

Женщины, грустно щебечущие
об одинокой судьбе...
Кажется, будто — тебе еще,
оглянешься — не тебе.

Знакомые разъезжаются,
беззвучные письма шлют.
Не на кого обижаться,
им там доживать, мне тут.

* * *

Хуже сплю,
больше пью,
женщин реже домой провожаю.
Перестал от друзей возвращаться под утро домой.
Что такое со мной?
Что такое со мной?
Я не знаю.
Я такой же, как был!
Я такой же, как был!
Я такой!..

* * *

Для спора с морем бед и тягот
мой способ прост, как дважды два.
Когда, как все, под землю лягу
и сверху вырастет трава,

когда, простившись с белым светом,
мой дух покинет шарик сей,
не то что этой, вообще-то
как не бывало жизни всей!

На людях — мордой об стол, то есть
покрыт позором и стыдом!
Когда навеки успокоюсь,
я вспомню что-нибудь о том?

Вот этой мудрости учусь:
я буду помнить эту чушь?
Когда отсюда я уйду,
я вспомню эту ерунду?

* * *

Давно уже я не справляюсь
с отяжелевшим бытием.
Оно в войну еще сломалось.
Со сломанным вот так живем.

Пить и молиться. На замок
замкнувшись. А по телефону
жена ответит: «Занемог,
кремирован и похоронен...»
Но дети! Чисты ваши лица.
Как счастливо я с вами жил!
Я по утрам за вас молился,
а вечерами с вами пил.

Боюсь, что жизнь меня накажет
продленьем долгим. Все теперь
живут подолгу. «Рано, — скажет. —
Придется доживать тебе».

И детям буду странен я,
беспомощен, нескладен, болен...
Другим запомните меня.
Не в нынешней, а в прежней роли.

* * *

Вот и прожил я, знаешь Ты, как трудно.
Мне пред концом Ты велел побывать в доме
белом. Пред ним с пятачок — садик.
Люди в том доме — знаешь Ты их, Боже.
Видно, мне и прожить было так трудно,
чтобы привел Ты меня в этот дом белый,
к людям, которые, знаешь Ты, мне — дети.
В них лишь одно, пожалуй, мое оправданье.

* * *

Так беспокойно на душе.
Умнее быть, твержу, умнее!
Добрее быть, твержу, добрее!
Но мало времени уже.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ТЕАТРА И КИНО

Пьесы

Фабричная девчонка	8
Пять вечеров	51
Назначение	106
Осенний марафон	159
С любимыми не расставайтесь	197
Дочки-матери	223
Беженцы	255

Сценарии

Две стрелы	279
Дульсинья Тобосская	321
Мать Иисуса	366

ЗАПИСКИ НЕТРЕЗВОГО ЧЕЛОВЕКА. *Рассказы, записки*

Всё наши комплексы	398
Записки нетрезвого человека	404
Дерзкое величие жизни	500

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ. *Стихи*

«Сначала трясса на подножке...»	504
«Неверие с надеждой то едины...»	505
«Отпустите меня, отпустите...»	506
«Необозримый залив полыхает снегами...»	507
«А что природа делает без нас...»	508
Плес	509
«Сначала были встречи...»	510
«Таинственную, как ее узнать...»	511
«У Сухаревой башни...»	512
«Я — в Москве. Угнетен и рассеян...»	513
«Ты, музыка, так беспредметна...»	514
«Тихо в доме, ах как тихо в доме...»	514

«А капли сверк, сверк...»	515
«Музыка — беседа с Богом...»	516
Соната	517
Воспоминание о сороковом годе	518
В Таллине	519
В Вильнюсе	519
Еще о Вильнюсе	520
«Слегка воздевши пальцы пушек...»	521
Из дневника	522
1939-й, 40-й, 41-й...	523
«Нас матери на руки сдали...»	524
«Всё еще, хотя и реже...»	524
«Аккуратно, перед наступлением...»	525
«Снега незрячие. Слепые...»	526
«В траншейных профилях земли...»	527
«На фронте была далеко идущая мечта...»	528
«А женщины...»	529
«Девушки высокими ногами...»	530
«Ты осветила все, что было прежде...»	531
«Женщины, нас под руку берушие...»	532
«А некогда — одна из вас...»	533
«— Вы не скажете, как пройти...»	534
Массовка в кино	535
«Откуда снова этот свет...»	536
«Я хочу работать!...»	537
«Недвижно пылают закаты...»	538
«Она была давно замужняя...»	539
«По статистике многие женщины...»	540
«А девушки меж тем бегут...»	541
«В моей комнате людно...»	542
«Солдатской переписки строки...»	543
«День мокроватый, тихий, зимний...»	544
«Во Франции неважные дела...»	545
«Над грустною землю Грузии...»	546
«Меня ошибочно любили...»	548
«А легко ль переносить...»	549
«Время, ты незапятнано...»	550
«Солнечным сиянием пронизан...»	551
«Ушла поэзия. Укрылась...»	552

«Нашел никем незанятое место...»	553
«Открыться жизни! Распахнуть наружу...»	554
«Одних обидел — знаю, виноват...»	555
«Казалось, жалкой жизни не стерпеть...»	556
«Он был веселый человек...»	557
«Беззвучно пролетают мимо...»	558
«Надо следить за своим лицом...»	559
«Как безупречна гибель в блеске сцены...»	560
«А есть собаки...»	561
«Маленькие мысли...»	562
Старые фотографии	563
В Сан-Хосе	564
Случай	565
«Погода, плохая погода...»	566
«После бума и грома...»	567
«Я побежден самим собой...»	568
«Укорочен лозунг французской революции...»	569
«К черту подробности жизни! Детали!...»	570
Хобби	571
«А новое так отрицает старое!...»	573
Случайный гость	574
«А что с той девушкой, которая...»	575
«Когда они расставались...»	576
«Девушка не спит, не спит, не спит...»	577
Судьба	578
«Простите, простите, простите меня...»	579
«Говорят, Бога нет...»	580
«Эту книгу как-то, помню...»	581
«Музыка жизни смолкающая...»	582
«Хуже сплю...»	583
«Для спора с морем бед и тягот...»	584
«Давно уже я не справляюсь...»	585
«Вот и прожил я, знаешь ты, как трудно...»	586
«Так беспокойно на душе...»	586

**Александр Моисеевич
ВОЛОДИН**

**Пьесы
Сценарии
Рассказы
Записки
Стихи**

**Ведущий редактор С. Семухина
Технический редактор Т. Шабурова
Художественный редактор В. Фалько
Корректор Н. Киричек
Компьютерная верстка Л. Горошко**

ISBN 5-89178-123-9



Лицензия ЛР № 064283 от 08.11.95.

**Подписано в печать 20.09.99.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура NewtonCTT.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 417.**

**ООО «У-Фактория»
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.**

представляет серию

ЗЕРКАЛО

XX ВЕК

В серию входят авторские сборники:
**Леонида Филатова, Александра Галича,
Булата Окуджавы, Геннадия Шпаликова,
Владимира Высоцкого, Василия Аксенова,
Игоря Губермана, Фазиля Искандера,
Александра Солженицына,
Георгия Владимова, Василия Шукшина,
Александра Володина, Григория Горина,
Александра Вампилова,
Андрея Вознесенского**
и других поэтов и прозаиков,
артистов и художников,
ученых, которые своей личностной
позицией и творчеством оказали
заметное влияние на духовное развитие
России в XX веке.

Телефоны: 8(3432) 22-96-26
22-85-89
Факс: 8(3432) 22-85-35



ДЛЯ ТЕАТРА И КИНО
пьесы, сценарии

ЗАПИСКИ НЕТРЕЗВОГО ЧЕЛОВЕКА
рассказы, монологи, записки

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ
стихи